

Николай Буянов

Бал для убийцы

От автора: выражаю сердечную благодарность моему другу и консультанту, археологу, доктору исторических наук Геннадию Белорыбкину за неоценимую помощь в создании этой книги.

— Почему ты не хочешь туда идти? — спросил он. — Ведь это самое обычное место, мы бывали там много раз.

— Но не сегодня, — возразила она. — Ты сам знаешь, сегодня особенное число. В такой день даже самые обычные места могут преподнести какие угодно сюрпризы.

— Разве ты не любишь сюрпризы?

— Люблю, — призналась она. — Если только за них не приходится платить слишком много.

Дж. Крюс, «Тим Талер, или Проданный смех»

Предмесье Тулон, пансионат «Лазурный», Франция, 1939 г.

Комната выходила окнами на солнечную сторону — отсюда открывался прекрасный вид на пляж, покрытый ярко-желтым песком (восточная оконечность Лионского залива в нежном бархатном мае, на исходе южной весны). На песке лежали синие и оранжевые топчаны для загара (прислуга уберет ближе к вечеру), тут и там стояли свернутые навесы на металлических штангах, напоминавшие цапель посреди болота, валялись куски оберточной бумаги и газеты в масляных пятнах — такое впечатление, будто постояльцы все, как один, ходили на пляж не загорать и купаться, а наполнить желудки, чтобы потом, в кафе, брезгливо ковырять вилками в тарелках: «Мон амур, я на жуткой диете — ни соли, ни холестерина, ни, упаси бог, мучного. Этот доктор берет фантастические гонорары и мучает хуже гильотины, но каков результат!» (Никакого результата: была тумбой с тройным подбородком и отечными ногами, ею же и осталась.) На гребне, намытом когда-то, миллион лет назад, отступившим морем, в лунке лежал забытый кем-то красный мяч с белой полоской вдоль экватора.

— Это наш? — спросил мальчик девочку, указывая сквозь окно.

— Нет, наш забрала бабушка. А этот, наверное, оставила Мими: она вечно забывает свои вещи где попало.

Мальчику было лет восемь. Он был одет в модный матросский костюмчик (зюйдвестка, переделанная из обычной белой рубашки, и полотняная шапочка без козырька, зато с настоящим помпоном — как у моряков на сейнере, стоящем в порту в трех милях отсюда), синие гольфы, запачканные песком, и сандалеты с оторванным ремешком. Девочка была младше. Бабушка утверждала, что она растет красавицей — в мать (впрочем, свою маму девочка никогда не видела: та скончалась при родах в маленькой и жутко грязной больнице для неимущих недалеко от Ле-Крезе, в городе, который девочка совершенно не помнила, хотя и появилась там на свет. Зачем маму занесло туда — ни родных, ни знакомых у них там не было, — она тоже не знала, а бабушка не рассказывала).

Она деловито обошла вокруг кровати, такой огромной и высокой, под марлевым балдахином от насекомых, посмотрела на лежащего мужчину и неуверенно сказала брату:

— По-моему, у нас получилось.

— По-моему, тоже. Только ни до чего не дотрагивайся. И надо подмести пол, от нас

остались следы.

— От вас, сударь! Это вы целый день скакали по песку, хотя бабушка запретила...

Мужчина, лежащий на роскошной кровати под балдахином, был мертв — белая рубашка (не слишком свежая, не слишком дорогая, но приличная) была залита кровью, сочившейся из раны на груди: все симптомы красноречиво указывали на насильственную смерть, причиненную огнестрельным оружием. «Пол подметать я категорически не буду, — сердито подумал мальчик. — Что с того, что песок действительно от моих сандалет, веник — дело женское».

Он презрительно отвернулся, внимательно оглядывая комнату: не забыли ли чего. Нет, самое главное они забрали: пистолет, спрятанный в примитивном тайничке — в книге с вырезанным в страницах углублением. И дневник — старая, обтрепанная по краям тетрадь в коричневом клеенчатом переплете.

— Ты не забыл, что дал мне слово? — требовательно спросила девочка.

— Какое?

— Ты обещал выбросить эту гадость в воду, чтобы никто не нашел (под «этой гадостью» подразумевался пистолет).

— Вот еще! — фыркнул он. — Пистолет еще может пригодиться. Пока мы не уберемся отсюда...

— Все равно ты не умеешь им пользоваться. А если его найдут, то бабушка...

— Ладно, ладно. Выброшу при тебе. Тетрадку они решили сохранить. Мертвому мужчине она все равно не нужна, а они, когда подрастут и научатся читать, прочтут обязательно — мальчик свято верил, что они найдут описание места, где зарыт пиратский клад (бабушка частенько рассказывала им разные истории про пиратов, затонувшие корабли и бескрайние океаны, хотя сама до этого ни разу не была даже на море). Девочка соглашалась: если бы и вправду разбогатеть, можно было бы уехать подальше отсюда, купить дом с садиком и балконом, себе — новое платье с бантом и куклу, выставленную в витрине магазина, что напротив церкви Святой Троицы, на улице Фиалок, брату — книжку с картинками, бабушке — новые очки, которые не будут сползать с носа...

Мальчика, однако, ждало горькое разочарование: дневник понятия не имел о пиратских кладах. Все страницы были заполнены неровным старческим почерком (у первого автора рано начали слепнуть глаза: сильная катаракта, заработанная в темном каземате Орловского централа). Чернила местами выцвели, местами растеклись — видимо, тетрадь немало пережила на своем веку. Лишь последняя запись, сделанная позже, почти через четверть века, выглядела лучше предыдущих. И почерк был поровнее, и перо не такое дрянное (серебряный «Данглар» в сафьяновом футляре, на столе — дети его не тронули). Видимо, мужчина писал незадолго перед смертью:

«Я нашел ее. Наконец-то я ее нашел — здесь, в этом Богом забытом месте. Она нисколько не изменилась, несмотря на годы и потрясения. Кажется, я все еще люблю ее. Или ненавижу? Говорят, будто эти два чувства очень похожи. Не знаю. Если бы не этот дневник, не записи, сделанные рукой Аристарха Гольдберга, я бы, наверное, бросил все к чертовой матери много лет назад и жил нормальной человеческой жизнью, не пряча лицо под дурацкой маской... Впрочем, пустая болтовня. Клонит в сон... Завтра все будет кончено. Завтра я убью ее...»

Глава 1

Санкт-Петербург, ранняя весна, 1909 г.

*«Директору 4-го отделения
Департамента полиции
г. Санкт-Петербурга,*

*е. Высокоблагородию полковнику
Ниловскому Ю. Д.*

Милостивый государь!

Довожу до Вашего сведения факты, касающиеся Вашего недавнего вопроса.

Убийство адмирала флота е. Высокопревосходительства Дубасова А.А. (15 декабря п. г.) и генерала Павлова А.С. (1 января с. г.) было санкционировано ЦК партии с. ров, разработка планов операций была осуществлена при участии гг. Криковича („Кравчук“), Зеленовского („Барин“) и инженера Лебединцева (псевдоним неизвестен). Ответственность за теракты взял на себя т. н. „Летучий северный отряд“, действующий под рук. „Карла“ (настоящее имя и фамилия неизвестны). В настоящее время подойти к „Карлу“ не представляется возможным — мое положение в Боевой организации весьма шаткое. Прошу ввести в действие агента Шахову для моего прикрытия. Опасаюсь подозрения со стороны подпольщиков, хотя пока их внимание сосредоточено скорее на „Барине“ — на этом настаивает, в частности, „Филипповский“...»

Его всегда восхищала способность этого агента строить фразы в донесении — он поражал воображение, и Юрий Дмитриевич иногда ловил себя на том, что побаивается его, как бомбы с часовым механизмом, неизвестно на какой час заведенным.

В кабинета было прохладно (Ниловский любил холод и терпеть не мог жару, оттого прислуга в его доме никогда не заклеивала форточки на зиму) и темно: напольные часы фирмы Бренеля пробили семь, высокий потолок утонул во мраке, а вместе с ним — и полки с редкими книгами, доставшимися еще от отца, героя Балканской кампании, и портьеры темного бархата на окнах, и даже углы стола — все, кроме того, где стояла лампа под китайским абажуром. Стол был покрыт зеленым сукном и вызывал мысли о бильярде. А также о крепком кофе и хорошем вине (графин с бордовым каберне и серебряные стаканчики на подносе, на белоснежной салфетке) — все заранее приготовлено и отрепетировано, как на премьере спектакля: знающий полицейский своих агентов обязан беречь и обхаживать, словно режиссер — капризную примадонну.

До назначенного срока оставалось полчаса. Он потянулся, взял со стеллажа «Цветы зла» Бодлера, лениво перелистал и поставил назад, смахнув с корешка пыль. Пересек комнату, сел за рояль, принялся одной рукой наигрывать Скрябина — в темноте, не зажигая свечей и не глядя на клавиши.

Она появилась вместе с глухим боем часов. Юрий Дмитриевич открыл дверь, принял мокрую шубку, отметив, что женщина подавлена: она прошла через коридор молча, опустив голову и даже не взглянув в зеркало (совсем плохой признак). Ну да ничего, утрясется, уговаривал себя Ниловский. Главное — такт и верный тон в разговоре.

Читал ваши отчеты, — сказал он, усаживаясь подле нее на диван с высокой спинкой. — Весьма недурно, вы молодец. Что будете пить, Софья Павловна? Чай, кофе, шоколад?

— Кофе, если можно, — еле слышно ответила она, глядя прямо перед собой.

— Вы озябли? — Он взял ее тонкие пальцы (они и впрямь были ледяные) в свои, с успокаивающей улыбкой заглянул в глаза, в который раз подивившись их красоте — большие, широко расставленные, вспыхивающие зелеными бликами во мраке гостиной (прелестная женщина, жаль только, досталась не тому). — Может, чего покрепче? Коньячку не желаете?

— Нет. Я и так много пью в последнее время. Постепенно превращаюсь в алкоголичку.

— Что-то случилось? Вас подозревают?

— Не знаю, — проговорила она, высвобождая руку. — Ничего не знаю... Страшно.

Она с мольбой подняла глаза. Каштановые волосы, уложенные в тяжелый узел на затылке, чуть растрепались, и шелковые пряди скользнули вниз, к белой шее.

— Отпустили бы вы меня, Юрий Дмитриевич. Не могу больше, право... Сорвусь, скажу лишнее, и — конец. Погубите вы меня.

Ниловский тайком вздохнул и поднялся, чтобы приготовить кофе на спиртовке. Поставил перед гостьей инкрустированную серебром вазочку с пирожными, на которые та даже не взглянула.

— Зря вы так, голубушка. Мы все делаем дело, полезное для России. Покушение на генерала Трепова благополучно предотвращено — благодаря вам, моя дорогая, вы прекрасно сработали.

— Вы... схватили их?

— Только исполнителя. Студент, девятнадцать лет. Сумасшедший или играет такового. Однако — я уверен — на серьезных людей в Боевой организации, а тем более на тех, кто связан с ними в Думе, он вывести не способен. Это плохо.

Его тон стал жестким.

— Мне необходим Карл. Человек, стоящий во главе «боевки». Тот, кого ваш супруг снабжает деньгами.

— Но вы же знаете, — в отчаянии проговорила женщина, — Вадим никогда не состоял ни в одной партии. Его элементарно запугали. Он не спит по ночам...

— Это частности. Вам известно, чем занимается ваш муж. Он много лет собирал компромат на состоятельных клиентов своего казино, выкупал долговые расписки, не пренебрегал вульгарным шантажом и незаконными финансовыми операциями. А когда нашлись предприимчивые люди, прихватившие его на этом, он предпочел выполнить их требования, лишь бы не попадать в поле зрения властей. Что ж, он сделал свой выбор.

— Он просто испугался...

— Он испугался тюрьмы. А вы испугались того, что останетесь одна, без средств, с вечным клеймом... Вам, Софья Павловна, страх заменил любовь.

Юрий Дмитриевич прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Не обижайтесь на мой тон — право слово, я уж с вами и так и этак, а вы все свое: отпустите да отпустите. Это же не извозчик: сказал лошади «Тпру!» — и готово. — Он снова вздохнул. — Вы давеча не ответили на мой вопрос: вы чувствуете подозрение к себе?

— С первого момента, — отрешенно ответила гостья. — С самого первого дня. Там ведь умнейшие люди, очень образованные и ученые конспираторы — пожалуй, даже лучше ваших... Чему вы улыбнулись?

— Когда?

— Сейчас. Вы будто обрадовались тому, что мне не верят.

Он мысленно поежился: дамочка, сама того не ведая, ударила в точку.

— Вы просто неверно оцениваете обстановку, милейшая Софья Павловна. Подпольщики ощущают, что кто-то в их окружении работает на Департамент, однако их подозрения не имеют в виду никого конкретного. За последнее время провалились два крупных теракта, арестованы четыре боевика, разгромлена лаборатория, где готовили взрывчатку... Конечно, они не могли не насторожиться. Но вам беспокоиться нечего.

— А арестованные? Что они, отказываются говорить?

Ниловский будто не услышал вопроса. Не станешь же объяснять, что из четверки, взятой при подготовке взрыва на конспиративной квартире генерала Курлова, в живых остался только один человек, который сейчас пребывал в психушке под усиленным надзором. Остальные трое были мертвы: двое скончались в застенках, не выдержав пыток, третья, девушка из известной дворянской семьи, покончила с собой в кабинете следователя.

— Мы не стали вербовать вашего мужа, Софья Павловна, потому что — вы правы — товарищи раскусили бы его в два счета. Они используют его как денежный мешок — не более того. Революция, дорогая моя, требует очень больших денег. Поэтому Вадима Никаноровича хоть и подозревают, но не трогают. А вас...

Он сделал паузу. Она подняла бледное лицо, губы приоткрылись, в зеленых глазах плескалось обреченное ожидание.

— Вы слишком женщина, Софья Павловна. Вы вся — вслед за мужем, куда он, туда и вы. Вы не способны жить одна, не способны на собственное мнение. Поэтому — по

определению — не способны быть агентом охраны. Так они думают.

— Но я веду себя нервно. Я оглядываюсь по сторонам, когда иду по улице. — И вдруг, без всякого перехода, она произнесла: — Можно вас спросить?

— Да, — рассеянно отозвался он.

— «Челнок» — кто это?

Она увидела, как собеседник дернулся, будто от удара током.

— Почему вы спросили?

— У вас на столе я случайно увидела донесение — оно было подписано этим псевдонимом. Он тоже ваш агент? Как и я?

Ниловский встал, давая понять, что аудиенция окончена.

— Есть хорошее правило, милейшая Софья Павловна: знать следует ровно столько, сколько необходимо. Лишняя информация порою сильно сокращает жизнь.

— Жизнь, — горько повторила она. — Лгать, изворачиваться, бесконечно оглядываться, проверяя, нет ли слежки, составлять донесения по ночам... Господи, как ужасно!

Уже подавая женщине шубку в прихожей, он спросил:

— Мне известно, что в этом месяце, к годовщине расстрела демонстрантов на Литейном, Боевая организация запланировала три террористических акта. Два из них благодаря вам были взяты под контроль. А кто намечен третьим?

— Не знаю, — удивилась она. — В моем отчете говорится о двух актах. Кто вам сказал, что их намечено три?

— А разве нет?

Она пожала плечами:

— Вы мне не доверяете?

— Просто уточняю. — Он открыл дверь.

Женщина спустилась по лестнице — он, стоя в дверях, слышал стук ее каблучков. И безмолвно ругал себя за беспечность. Чужое донесение на столе, на зеленом сукне («Милостивый государь! Довожу до Вашего сведения...»). Лист бумаги, исписанный мелким, словно бисер, наклонным почерком — таким пишут обычно эмансипированные дамы или истеричные юные поэты, сочиняющие свободолюбивые оды и доносы на собратьев по перу... Внизу стояла подпись «Челнок». Надо думать, недавняя посетительница, бросив случайный взгляд на стол, обратила внимание сначала на чужой почерк, потом — на чужую подпись. Это был промах. Второй промах Юрий Дмитриевич допустил, когда вышел на лестницу: могли бы и выстрелить сразу, с темной площадки. Или бросить бомбу — в освещенном дверном проеме он представлял отличную мишень... Эх, Софья Павловна, Софья Павловна!

Она знала о готовящемся покушении — третьем по счету. Знала, кто должен был пасть его жертвой. И даже то, что акция была намечена на ближайшие сутки (возможно, на сегодняшний вечер).

Она с трудом вышла из подъезда и встала без сил, прислонившись спиной к стене, глядя на ряд мрачных серых домов, слушая, как большие круглые снежинки опускаются на мостовую и тают в черной воде у каменного причала... Следовало бы поднять повыше воротник и спрятать озябшие ладони в муфточку... Но нет, она дышала полной грудью, подняв бледное лицо к небу и шепча молитву одними губами.

— Вам плохо, барышня?

Какой-то прилично одетый господин в темном клетчатом пальто и английском котелке, с тяжелой тростью осторожно, чтобы не напугать, тронул ее за локоть.

— Простите, что обращаюсь к вам. Мне кажется, вы больны. Вам не нужна помощь?

— Нет, нет, — поспешно ответила она. — Все в порядке.

— Вы уверены? Может быть, кликнуть извозчика?

— Я лучше пройду. Извините.

И пошла по набережной, не оглядываясь. Разбитной малый с русым чубом, выбивающимся из-под шапки, в распахнутой душегрейке, проходя мимо (видно, хорошо «посидел» в ближайшем кабачке), подмигнул господину с тростью:

— Хороша, а, ваше сиятельство?

— Кто такая, знаешь?

— Как не знать-с. Супруга Вадима Никаноровича Донцова — у него заведение на Васильевском и две гостиницы на Литейном. Уважаемый человек.

— А жена-то «уважаемого человека» одна по вечерам гуляет... Кажется, она из этого дома вышла?

Парень озадаченно почесал в затылке.

— А ведь верно. Что делать-то, Илья Иванович? Проследить?

— Времени нет. Все на местах?

— Все, — лицо парня сделалось серьезным и сосредоточенным. — Начинаем?

Господин с тростью оглянулся вокруг, профессионально отмечая детали: темное окно дома напротив, свет из полуоткрытой двери трактира, пьяный (по виду мастеровой), мирно посапывающий у порога. Праздная парочка — проходит мимо и брезгливо отворачивается, женщина зажимает хорошенький носик и что-то вполголоса говорит спутнику...

— Ждем, — сказал Илья Иванович. — Если дамочка — агент охранки, то Ниловский должен скоро выйти. Не будет же он до завтра сидеть в квартире.

Юрий Дмитриевич тем временем осторожно прикрыл дверь и повернулся к человеку, напряженно дышавшему у него за спиной. Тот судорожным движением просовывал руки в рукава полковничьей шинели. Ниловский рассмеялся и похлопал собеседника по плечу:

— Не умирайте раньше времени, Губанов. Подумайте: вы могли бы сейчас гнить на каторге, кровью бы харкали на болотах. А так — двадцать шагов, и свобода. Ваш формуляр я сжег на ваших глазах...

— Так-то так, господин полковник, — глаза человека косили от страха. — Только... Вы уверены, что нынче они стрелять не станут?

— Они приурочили теракт к расстрелу демонстрантов на Литейном. Ближайшие дни боевики установят за мной наблюдение — вот тут-то вы и будете необходимы, чтобы их обмануть. — Ниловский внезапно рассердился. — Да что вы мнетесь, уважаемый? Захотели в Сибирь — могу устроить. Не выходя из кабинета. Ну?

Он шагнул к телефонному аппарату в глубине комнаты. Собеседник испуганно схватил его за рукав:

— Нет, нет! Я... Я готов.

Ниловский довольно хмыкнул.

— Давно бы так. Значит, договорились. Выходите из подъезда, под фонарем замедляете шаг, позволяете рассмотреть себя со спины. Напротив трактира будет стоять пролетка, кучер в ней — наш человек, ему даны инструкции отвезти вас на конспиративную квартиру. Там вы будете в безопасности. Переодеваетесь, билет до Вены и деньги у вас в кармане. И — все, голубчик. Можете забыть меня, как страшный сон.

— Не обманете? — спросил тот перекошенным ртом.

— Внимание, он вышел.

Зацокали подковы по мостовой. Пролетка медленно двигалась вдоль набережной, равнодушно минуя каменных львов с занесенными мокрым снегом мордами. Человек в шинели полковника, укутанный шарфом по самый нос — так, что лица не распознать, как нарочно, остановился под фонарем, оглянулся на стук копыт — и получил пулю.

Он по-заячьи завизжал, скособочился и, зажимая рану, прыгнул куда-то в сторону... Парень с русым чубом, выругавшись про себя, снова поднял револьвер, посылая в дергающуюся фигуру пулю за пулей, пока та не затихла посреди мостовой. Двое тут же подскочили к труп. Илья Иванович нетерпеливо перевернул тело на спину, сорвал фуражку и шарф, глянул в мертвые зрачки, в которых навсегда поселился суеверный ужас. И

проговорил:

— Это не он.

Двое боевиков смотрели друг на друга, еще не желая верить в провал операции, еще надеясь на чудо...

Улица, до того момента сонная и тихая, вдруг ожила. Раздались полицейские свистки, праздная пара — мужчина и женщина — с пугающей быстротой выхватили револьверы, внезапно оживший «пьяница» бросился к стрелявшему.

— Засада! — крикнул парень с русым чубом, выпуская оставшиеся патроны веером по улице.

Посыпалось разбитое стекло, кто-то завизжал, заржала лошадь, унося прочь мертвого кучера. На террориста навалились сразу несколько человек. Он еще отбивался, кричал что-то отчаянное, потом внезапно рванулся, взмахнул рукой... На мостовой рвануло, раскаленная вспышка опалила всех, разбросала иссеченные человеческие тела.

Прощай, горько подумал Илья Иванович. Он выстрелил в подбежавшего к нему полицейского, опрокинул ударом кулака второго и кинулся в подъезд, в спасительную темноту.

Пуля разнесла ему коленную чашечку, когда он взбегал по лестнице. Он упал, выронив трость и в горячке даже не ощутив боли — лишь досаду на нелепую случайность. Неудача. Третья за истекший период. Илья Иванович поднял глаза и увидел в дверях квартиры того, чью жизнь пришел взять. Шеф охраны, одетый в поношенное пальто, словно какой-нибудь мастеровой или пролетарий с завода, держал в руке именной наган. Ствол еще дымился. Илья Иванович попытался было прицелиться, но глаза отказали — фигура во мраке потеряла четкие очертания, стала растворяться, поплыла... Снизу послышался топот сапог, кто-то крикнул: «Осторожно, ротмистр, он вооружен!»

Модный английский котелок упал с головы и покатился по ступеням. Илья Иванович с трудом сел, прислонившись спиной к стенке, и за секунду до того, как потерять сознание, ткнул стволом револьвера себе под челюсть и нажал на спусковой крючок.

Юрий Дмитриевич мельком взглянул на тело террориста, на жандармов, сгрудившихся вокруг (неровный свет фонаря падал с улицы, из загаженного прошлогодними мухами окна — грязь, запустение, гниль и гибель, гибель...), щелчком выбросил окурочек.

— Сколько их было?

— По меньшей мере двое, господин полковник, — отозвался пожилой ротмистр. Он был без фуражки, и волосы на виске были испачканы свежей кровью.

— Вас, кажется, ранило?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, задело рикошетом.

— Скольких человек потеряли?

— Троих. Тот, на улице, успел рвануть бомбу из кармана.

— Значит, живым никого не взяли, — констатировал Юрий Дмитриевич, кутаясь в драное пальтецо и ощущая озноб по всему телу. — Плохо, ротмистр. Считайте, что операцию провалили.

Гнев закипал в нем, прорываясь сквозь стиснутые зубы. Он резко развернулся и сказал грубее, чем хотелось:

— Рапорт мне на стол. Нынче же ночью. А сейчас — экипаж и новую шинель. Трупы убрать, и распорядитесь, чтобы вымыли окно и лестницу. — Ниловский поморщился. — Смотреть тошно.

— Вадим Никанорович дома? — спросила Софья, отдавая шубу горничной.

— Еще не прибыли, — ответила горничная серебряным голосочком. — Велели сказать, что задержатся в клубе. Прикажете подавать ужин?

— Не хочу. Зажги везде свет, а то будто в склепе.

— Слушаюсь.

Пусть будет побольше света — она не могла сейчас вынести полумрак, царивший в

длинном коридоре и в гостиной с высоким потолком, где добротные кресла в бархатных чехлах, лепнина возле хрустальной люстры, несколько милых безделушек на полке и пара подлинников Дюрера на стене (Вадим непонятно обожал именно Дюрера, особенно его «Искушение святого Фомы», хотя Софья смотреть на это полотно не могла без содрогания) — все казалось зловещим и мрачным... Там, на конспиративной квартире Департамента, тоже было темно, словно у ее хозяина болели глаза.

Софья Павловна присела в кресло, посидела несколько секунд, но тут же вскочила, в каком-то диком исступлении закружила по комнате, по начищенному паркету, сжала ладонями виски... «Я свободна. Свободна, свободна, свободна».

Она вспомнила стрельбу за спиной (она ни разу не оглянулась, лишь ускорила шаг), взрыв бомбы и крики... Мимо пронесся автомобиль с жандармами, кто-то пробежал, дернул ее за рукав и истерично спросил:

— Вы не знаете, что там такое?

— Не знаю. — Она вырвалась, побежала прочь и остановилась только возле своего дома... И счастливо подумала: «Вот и все. Ниловский мертв. Я свободна».

Сероватый лист дешевой бумаги на столе, на зеленом сукне, в желтом пятне света от китайского абажура. «Холодок под лопаткой, едва я прочла псевдоним — подпись под агентурным донесением. „ЧЕЛНОК“. Мне знаком этот псевдоним и этот почерк. И мне страшно...»

— Барышня, Вадим Никанорович прибыли.

— Один?

— Нет, с ним господин Устюжанов и господин Гольдберг.

Софья Павловна выдавила улыбку.

— Лиза, поди скажи, что я уже легла. Мне нехорошо... В общем, придумай что-нибудь.

— Слушаюсь, барышня.

Устюжанов был тучен, краснолиц и чернобород. Одевался всегда в черное, будто агент похоронного бюро, а на самом деле держал контрольный пакет акций пароходной компании в Самаре. Аристарх Францевич, несмотря на фамилию, имел совершенно славянскую внешность. И кроме того, очень приятно улыбался при встрече, целуя Софье ручку, и приятным голосом справлялся о здоровье, словно земский доктор.

Обрывки разговора и позвякивание бокалов долетали из-за закрытой двери в спальню. Она на цыпочках подошла, прислушалась и усмехнулась: однако как прилипчивы вредные профессиональные привычки. Ниловский мертв, не для кого составлять донесения, никого более не интересует ни она, ни загадочный Карл...

А тревога не проходила. Не зная, чем себя успокоить, Софья Павловна присела за столик, подвинула к себе лампу и обмакнула перо в чернильницу.

«Милая Любушка, — писала она. — Ты моя единственная сестра, единственный близкий человек, кому я могу открыться. Мне страшно. Не сочти меня психопаткой (или сочти — не все ли равно), но чувство страха не покидает меня уже полгода, с тех пор как я попала под влияние одного человека. Тебе он тоже знаком — виделись в театре, на „Маскараде“. И еще — ощущение близкой смерти. Она буквально витает вокруг. Если сможешь — приезжай, пожалуйста, очень надо поговорить по душам. Только ты в силах рассеять мою тревогу и сомнения. Прошу тебя, милая, не откажи мне в этой просьбе...»

*«Директору Департамента полиции
е. Высокопревосходительству
генерал-майору Зурову А. В.*

Милостивый государь!

В связи с делом о т. н. „Летучем северном отряде“ под руководством „Карла“ (др. псевдонимы: Кожин, Книгочей, Ежи, Довлатов) считаю целесообразным активизировать агента „Челнок“, который находится на моем попечении. Чтобы отвлечь возможные

подозрения членов Боевой организации эсеров от моего осведомителя, предлагаю использовать агента „Шахову“, которая в силу душевной неуравновешенности последнее время кажется не вполне благонадежной и в интересах дела может быть списана со счетов.

*Искренне Ваш слуга,
шеф IV отделения Департамента
полковник Ниловский Ю. Д.».*

Все мы грешны. Во всех гнездится нечто первобытное, языческое, что вопреки христианским заповедям велит оком расплачиваться за око, и никак иначе. «Я ведь убил ее, подумал Юрий Дмитриевич, ставя точку в конце предложения. Я убил ее так же, как если бы сам нажал на спусковой крючок...»

Глава 2

Наши дни

Когда-то в незапамятные времена жили-были в одном дворе (улица Ленинградская, напротив кинотеатра «Советский воин» и наискосок от «блошиного рынка») две девочки и два мальчика. Одну из девочек звали Майей Коневской, и она была красавицей: светлые кудряшки, будто слегка припорошенные пеплом, и огромные, в пол-лица, серые глаза, в которых плескалось (тогда уже!) ветреное осеннее небо. Двое мальчишек — Сева Бродников и Рома Ахтаров — были дружно влюблены в нее и, как и положено юным рыцарям, стремглав бросались выполнять все, что пожелает их королева. Зимой отчаянно сражались в снежки, летом — наперегонки, пихая друг друга локтями, бегали покупать ей мороженое и газировку с сиропом у толстой, как афишная тумба, крикливой продавщицы. Или, насмотревшись трофейного Тарзана, лазали по деревьям, смертельно пугая родителей. Майя обычно играла красавицу Джейн, на роль обезьянки Читы брали Риту Костюченко из двадцатой квартиры — она была некрасивая, с длинными худющими ногами, на которых вечным огнем горели пятна зеленки, с тонкой шеей и редкими волосиками неопределенного цвета, заплетенными в две жидкие косички. Ритка была преданнейшим существом: никогда не ябедничала, чаще, наоборот, брала на себя вину за совместные проделки. На Севку с Ромой она смотрела влюбленно (и безответно), на Майю — восторженно. Майе это льстило: она, с шести лет не терпевшая вокруг себя женского присутствия, относилась к подруге снисходительно — пусть вертится. Соперница из нее никакая, а при случае на что-нибудь сгодится.

Так они и оставались подругами все десять школьных лет, постепенно проходя обычные для большинства детей «дьявольские» круги: белые фартуки, пионерия-комсомолия (они еще застали те времена), драмкружок у одной, музыкалка и английский — у другой (инглиш у Коневских был делом семейным: мама всю жизнь трудилась на ниве среднего образования).

Закончив школу с медалью, гастритом и близорукостью, Майя без экзаменов поступила на ненавистный инъяз. Сева Бродников, превратившийся в плотного розовощекого активиста, с первого курса был выдвинут комсоргом и упруго зашагал вверх по общественной лестнице. Они иногда встречались на вечеринках, чужих днях рождения в общаге или на дискотеках: Севка появлялся там в строгом джемпере поверх кремовой рубашки с галстуком и с отрепетированной улыбкой американского сенатора на фейсе. Майя — в узком платье а-ля Жаклин Кеннеди и светло-серых замшевых «лодочках» — ее прекрасно развитые икроножные мышцы и узкие лодыжки вкупе с глазами и шевелюрой одинакового цвета переливающейся ртути производили на мужчин термоядерный эффект.

Курсе, кажется, на четвертом, во время осеннего бала, их даже выбрали «Парой сезона». С тех пор никто и не сомневался, что они действительно «пара»: все ждали близкой свадьбы и усиленно готовились...

Свадьбу сыграли ровно через год после того памятного осеннего бала, когда сухим блеском горел сентябрь — воздух пел о чем-то сладострастном, нагретый асфальт шуршал под колесами трех черных «Волг», украшенных разноцветными ленточками. Сева, само собой, был женихом, роль же невесты взяла на себя Рита Костюченко. К замужеству она успела слегка округлиться формами, утратив детскую нескладность, однако восторженность в широко распахнутых глазах осталась в неприкосновенности (скорее всего, это и проняло Севушку). Майя, в воздушно-голубом платье и со свидетельской ленточкой через плечо, поцеловала подругу в маленькое ушко, вручила букет роз и сережки из бирюзы.

— Поздравляю, Чита.

Та открыла коробочку, изобразив восторг.

— Ой, Джейн, красотища какая! Это мне?

— Ну не Севе же.

На несколько минут подарок живо завладел их умами: обе старательно принялись расхваливать простенький березово-ситцевый мотив, навеянный непритязательными голубыми камешками и крошечными листочками из серебра, потом ошавевшая от счастья Рита, вспомнив о подруге, вмиг посерьезнела.

— Слушай, ты на меня... В общем, я в курсе, что вы с ним...

— Что поделать, — хмыкнула Майя. — Девственника ты не получишь. Кто же знал.

— Но ты не в обиде? — обеспокоенно спросила Рита.

— Перестань. Если по-честному, у нас никогда ничего и не было. Так, баловство.

— Правда? — Она вздохнула с облегчением. — Кстати, знаешь, кого я недавно встретила? Ромушку Ахтарова. Он вроде бы еще ухаживал за тобой, помнишь?

Еще бы не помнить.

Память услужливо сохранила все — каждый день, каждое слово и прикосновение, мучительную негу ласкового вечера — теплого, медового, на исходе лета, горячие, будто обожженные губы и упоение в черных глазах под сросшимися бровями (брови Ромка унаследовал от папаши — тот был родом из Таджикистана). Сохранила и нелепую ссору из-за пустяка. Из-за какого именно — единственная деталь, которую стерло время. Она бросила ему нечто обидное, злорадно увидев, как его лицо потемнело, и ушла, гордо развернувшись и задрав башку. Дура.

Какой клинической дурой она была, Майя поняла недели через две — она все поглядывала на безмолвный телефон, с тайным трепетом ожидая звонка (позвонит как миленький, никуда не денется). Телефон молчал. Она фыркнула: ну и ради бога. Очень нужно.

Очень нужно, сказала она себе. Господи, как нужно-то! И помчалась к Ахтаровым.

— А Ромушки нет, — сообщила мама, худая изможденная женщина с цыпками на руках (работала уборщицей сразу в трех местах). — Забрали в армию с осенним призывом.

— Вот как, — рассеянно произнесла Майя. — Я и не знала... В какие войска? Куда?

— Вроде в десантные, — мама смахнула слезу. — А куда... Сама догадываешься, что это значит.

Афганистан, поняла она.

— А номер почты он сообщил?

— Обещал, как только устроится. Проходи, не стой на пороге. Сейчас чайник поставлю...

Она узнала номер почты и даже написала два письма, но ответа не получила. Потом, уже зимой, пришло известие, что Роман был ранен под Биджентом осколком гранаты в правое бедро и валяется в госпитале в Ташкенте. Слава Богу, сказала мама. Значит, скоро комиссуют.

Девичье сердце заметалось, как птица в клетке: в Ташкент, немедленно! Настоячивое видение застыло перед глазами: то же солнце за окном, но нездешнее, раскаленное, запах айвы и еще чего-то южного, незнакомого, больничный покой — и она сама в халате сестры милосердия (облик светлый, почти святой) у постели любимого...

Засобиравшись, но — сессия на носу, поездку пришлось отложить. Потом родители дружно легли у порога: с ума сошла! В такую даль! А на что жить? А приготовить что-нибудь кроме яиц всмятку ты способна? И главное, бросать институт... Подумай о своем будущем, в конце концов!

Институт бросать не хотелось. Незнакомый южный город уже не притягивал, а пугал, а Севка Бродников, комсомольский лидер новой формации, ухаживал с завидным упорством: цветы, дефицитные конфеты, снова цветы... А Ромка (она с некоторой печалью бросила взгляд на фотографию на тумбочке)... Он ведь даже на письмо не ответил.

— ...Восстановился, представляешь!

— Куда? — Майя с трудом возвратилась из прошлого.

— Да в пединститут же! На наш любимый истфак. Мы с тобой на четвертом курсе, значит, он, дай подумать... на втором!

— Ну, и как он?

— Ходит с палочкой, бедненький. Последствия ранения. Зато — герой-афганец, седина в волосах и этакая загадка во взоре. Девки млеют.

— Женился, поди? — спросила она деланно лениво. Риткины глаза озорно блеснули.

— Один-одинешенек, словно Рыцарь печального образа... Ой, нас зовут!

Их звали — раздался чей-то разухабистый клич «По коням!», и они втроем — Майя, Ритка и ее подруга с тяжелой мужской фигурой — втиснулись на заднее сиденье «Волги» и понеслись куда-то, в бесконечное кружение по городу, с обязательным фотографированием у памятников и на крылечке «Тройки», псевдорусского кабака, где происходило собственно гуляние.

За столом после горячего, но еще до «Лучинушки» и частушек к Майе начал «клеиться» один из партийных соратников Бродникова-старшего — лет на пятнадцать младше, но в таком же черном костюме, словно брат-близнец, более тучный и с нездоровыми красными прожилками на щеках. Она пожала плечами: не сидеть же одной за столом. Справа, по соседству, сидела Риткина мама Вера Алексеевна — нарядная и строгая в осознании важности момента — и вытирала платочком навернувшиеся слезы.

Партийный босс потянулся к ополовиненной бутылке и подмигнул Майе, указывая на пустой бокал:

— Нехорошо, Майечка, отстае. Между прочим, настоящий «Золотистый ликер», мне один знакомый дипломат привез из Греции. Видите, как песчинки поднимаются со дна?

Она улыбнулась:

— Как же вы такую редкость — да на общественный стол?

— Жизнь заставит, — туманно отозвался тот и тут же конкретизировал: — Бродников-то на будущий год собирается на покой...

— А вы — на его место?

— Ну, коли Бог даст. А я вижу, вам здесь скучно? Не желаете потанцевать?

Ей было все равно. Сатанински размалеванный ВИА гремел на крохотной эстраде, точно целый листопркатный цех завода-гиганта, по залу катилась волна какого-то совершенно убойного ритма. Майя потихоньку радовалась: такой ритм не позволял партийному боссу лапать партнершу ниже талии. Рядом, с боков, прыгала временно растреноженная номенклатура.

Наконец ВИА смолк, потный клубок танцующих тел рассыпался, и все потянулись к столу. Партийный босс галантно подвинул Майе стул и уселся рядом, обмахивая салфеткой разгоряченное лицо.

— ...Все это деревенские предрассудки: жених не должен видеть невесту до свадьбы, ну и так далее. А моя бабка рассказывала, что ее отдали замуж в тринадцать лет. То есть

пообещали родителям моего деда — такого же сопливого пацана в ту пору. Двум семьям нужно было объединиться — и все дела.

— Вы о чем? — наконец «включилась» Майя.

— О Вере Алексеевне. Очень уж переживает, бедненькая: видите ли, доченька забеременела до свадьбы.

— Ритка? — удивилась Майя. — Откуда вы знаете?

— От Севушки, откуда ж еще. По-моему, в этом есть определенный смысл: нужно же узнать, какова твоя будущая супруга в койке. Потом поздно будет... Кстати, о койке: ты очень здорово двигаешься. Бальные танцы или что-то в этом роде?

— Айкидо.

— Что?

— Айкидо, — пояснила она. — Вид японского боевого искусства.

Он скользнул заинтересованным взглядом по ее фигуре.

— Надо же. С тобой опасно иметь дело.

Она улыбнулась. Голова слегка кружилась от шампанского и «Золотистого ликера», ВИА заиграл наконец что-то приличное (Джеймс Ласт, «Хижина у водопада Виктория», а то все «Каскадеры» да «Земля в иллюминаторе»...), фигуры на пяточке между столиками перестали прыгать и застыли-закачались, точно глубоководные губки-бокалы.

— Мы уже перешли на «ты»?

— А ты не заметила?

Не надо было столько пить. Она не заметила не только этого (разговоры за потрепанным столом, Риткины притворные слезы у нее на плече, музыка и тосты за невесту и жениха — все перепуталось в голове), но и того, как оказалась на заднем сиденье «Волги», и хозяйской руки у себя на талии, и вальяжного баритона, обращенного к шоферу Эдику, прыщавому юнцу с водянистыми глазами под белесой челкой:

— Домой, голубчик.

Эдик стрельнул недобрый взглядом в зеркальце заднего вида и дернул с места на второй передаче.

Она не помнила, как очутилась в квартире. Босс жил на широкую ногу: одна тахта-сексодром в стиле кого-то из Людовиков чего стоила! А «стенка» из настоящей карельской березы, а стереосистема и дефицитный японский видак, чтобы крутить по вечерам крутое порно! Босс дышал тяжело, выпучив глаза, точно рыба-астматик, и его толстые пальцы никак не могли справиться с застежкой на ее платье. Она почти сдалась (а не все ли равно?), опустившись на атласное покрывало, прикрыла глаза... Грехопадение? Или как это называется?

Она гибко выскользнула из-под навалившихся на нее телес. Босс почувствовал что-то не то и недовольно спросил:

— Мать твою, в чем дело?

— Извини.

— Не понял. Ты что, поиздеваться решила? Или набиваешь цену?

А чего тут не понять, подумала она, поднимая измятое платье с ковра. Никогда не мешай ликер с шампанским. Никогда не садись в машину к незнакомому (скажем, малознакомому) мужчине, если не хочешь оказаться с ним в постели...

Ее вдруг схватили сзади за плечо и зло швырнули обратно на кровать. Босс, расвирепев, надавил коленом ей на живот, лихорадочно освобождаясь от остатков одежды. Она испуганно дернулась, но напрасно: держали ее крепко.

— Вырывайся, вырывайся, — прохрипел астматический голос. — Можешь даже покричать, меня это возбуждает...

Майя поймала волосатую кисть с короткими пальцами-сосисками, развернула под нужным углом и нажала сверху: любимое айкидо, техника «дай-никке». Конец любовного приключения. Пока экс-любовник валялся на ковре и нянчил вывихнутую руку, она успела кое-как натянуть платье и пулей выскочила из квартиры, оставив дверь открытой.

Положение было глупейшим. Босиком, без спасительных очков, посреди незнакомой ночной улицы в новом районе (сплошь «каланчи» улучшенной планировки — престижные и безликие), ни одной машины, ни единой души на пустой остановке: законопослушные граждане тискают в постелях своих жен в бигуди или — кто побогаче — молоденьких любовниц. Она поежилась: днем стояла приятная жара в буйстве огненных красок, последний подарок бабьего лета, ночь же ненавязчиво напоминала об осени.

Майя прошла, пожалуй, с полквартала, как вдруг перед ней невесть откуда выросло препятствие. Это было так неожиданно, что она налетела на него, вскрикнула и попятилась, глупо прижав ладонь к губам.

— Ты что?

Эдик, личный шофер босса, усмехнулся, глядя ей в глаза.

— Шеф просил кое-что передать, — и сильно, наотмашь, отвесил ей пощечину.

Левую половину лица будто опустили в кипяток. Майя отшатнулась, потеряла равновесие и полетела на асфальт, больно ободрав коленку.

Почему-то она и не думала о сопротивлении: нечто ледяное и липкое сковало мышцы, совершенно подавив волю. А холуй Эдик продолжал наносить удары — беспощадно, с непонятной ненавистью. Ему-то она чем не угодила? Мамочка, молилась она, прикрывая руками голову. Ну хоть кто-нибудь!

Где-то в самом конце улицы проехала машина — «запорожец», судя по звуку мотора. Припозднившийся пенсионер, подумала Майя. Возвращается с «фазенды», тупо глядя на дорогу полуслепыми глазами (застарелая катаракта и астигматизм в последней степени), на крыше — ржавая бочка с краном и вязанка садового инструмента. Сейчас заметит безобразие на тротуаре и даст стрекача...

Однако «запорожец» неожиданно затормозил. Хлопнула дверца, крик, короткий удар — Эдика словно взрывной волной отшвырнуло в сторону... «Пенсионер» схватил Майю за локоть и повлек к машине. Ободранная коленка болела, кровь из разбитой губы текла по подбородку, и она все пыталась вытереть ее ладонью, но только еще больше размазывала. Владелец «запорожца» почти силой закинул ее на переднее сиденье, сам прыгнул за руль и надавил на газ.

Только бы не разреветься, подумала она, ощупывая себя в поисках носового платка. Интересно, за кого он меня принял? Ясно, за путаночку, которую сутенер решил «воспитать»... В принципе, не так уж далеко от истины. Майя осторожно скосила глаза: ага, седина на висках, дешевая тросточка сбоку от сиденья (сю он, что ли, ухайдакал бедного Эдика?)... И — голос, от которого она вздрогнула, который, может быть, и хотела бы забыть, да не забыла:

— Ну ты даешь, Джейн. На минуту нельзя одну оставить. Что не поделили-то? Куклу или совочек?

— Ведерко, — всхлипнула она. — Ромушка, милый! Где ж ты раньше был, паршивец эдакий?

И разревелась в полный голос, совсем уж по-простецки вытирая слезы подолом безнадежно испорченного платья.

Море воды утекло с тех пор. Или река, или водопад — родной дворик несколько не изменился, лишь деревья будто раздались вширь и погубели корой, а вместо любимого тополя, ради которого, кажется, и была придумана игра в Тарзана, торчал теперь черный от времени пенёк, отполированный штанами и юбками. Кинотеатр «Советский воин» обветшал (денег на ремонт нет и не будет), и теперь здание на углу выглядело одиноким и несчастным, точно покинутый командой крейсер.

Сходство (слегка избитое) было настолько полным, что Майя мысленно отсалютовала ему, выйдя из автобуса на знакомой остановке и погрузившись по щиколотки в снежное месиво. Канун Нового года раскрасил месиво оранжевыми, голубыми и зелеными пятнами света, падающего из витрин коммерческих киосков. Та самая продавщица мороженого, из

далекого детства, по-прежнему стояла под старым навесом, могучая, точно борец-классик, с толстой шеей, в тулупе и валенках. Майя, проходя мимо, поздоровалась. Продавщица окатила ее волной презрения и отвернулась — крохотный, но могучий островок соцреализма среди засилия иноземного капитала, словно Куба по соседству со штатовским монстром.

У подъезда стоял серый БМВ с открытым багажником: заботливый Сева затарился продуктами к празднику на две семьи. Неумолимое время перемен перебросило друга детства с одного идеологического фронта на другой: теперь он подвизался советником губернатора по связям с общественностью. Судя по роскошной «тачке» и объемистым сумкам рядом с ней, связи с общественностью развивались в нужном направлении. Возле задней дверцы сустились Ритка, слегка располневшая за годы счастливого супружества, в итальянских сапожках и пальто из ламы (предмет глухой Майиной зависти), и Бродникова-младшая, четырнадцатилетняя длинноногая девица со вполне зрелыми формами. Ее звали Анжелика (сама она предпочитала иностранную кличку Келли), она была одета в демократичную бежевую дубленку и белую вязаную шапочку. В отличие от мамы, которая так и не привыкла за годы удачного замужества к материальному благополучию, дочка при виде сумок со снедью держалась более спокойно и даже снисходительно: видали, мол, виды и покруче.

— Лика, ну что ты застыла? — послышался голос Риты из-под вороха коробок и пакетов. — Помогай! Джейн, привет!

— Привет, Чита. — Майя улыбнулась, подходя ближе, и поправила влажные очки на носу. Ритка всегда встречала ее с трогательной радостью, будто после долгой разлуки. — Давай помогу.

— Помогай. Захвати вон ту коробку. И еще вон ту. Лика, ты хоть бы поздоровалась.

— Терпеть не могу, когда меня называют этой деревенской кличкой, — пропела Келли. — Здравствуйте, тетя Джейн. С наступающим вас. Кстати, мы до Нового года будем заниматься или как?

— Или как. От английского можешь пока отдохнуть. Как дела в школе?

— Как раз по инглишу — четыре с минусом. Никак не могу произнести «The table» в соответствии с инструкцией горono.

— Ничего, — пробормотал Сева. — Вот поговорю с твоей учительницей... Как оно на вольных хлебах, Майечка?

Она тут же вспомнила: а ведь сегодня ровно год, как она ушла из института. «Вольный хлеб» оказался горек, но не сравним по горечи с тем, которым приходилось питаться в дурдоме, именуемом «кафедра иностранных языков». Среди десятка учеников, жаждущих приобщиться к «свободному, деловому и разговорному английскому» (так значилось в объявлении, которое она написала от руки и повесила на столбе у остановки), была и Келли, мечтавшая выскочить замуж за иностранца, какой подвернется, и уехать с ним в Штаты.

Неожиданно эта мечта (не насчет замужества, а насчет Штатов) обрела вполне реальную основу: паршивец Севка выдвинул себя кандидатом в Думу от какой-то микроскопической партии, проскочившей, однако, пятипроцентный барьер. При положительном исходе дела Лике была обещана учеба в престижном колледже «Брайдз-холл» (восточное побережье Мэриленда, в десяти милях от Кейп-Генри и военно-морской базы в Норфолке). «Ну и, соответственно, милая, если научишься прилично калякать, иначе какой же тебе колледж?»

Нагруженные снедью, втащились наконец на третий этаж, где у открытой двери их встречала Вера Алексеевна, Риткина мама, в цветастой старомодной кофте и пуховом платке, накинутом на остренькие плечики (Сева привез с Алтая в прошлом году), и с неизменной тросточкой, покрытой черным лаком (тоже подарок, но незнамо чей и с каких времен — Майя как-то поинтересовалась, но бабулька только томно прикрыла глаза). Бродников-старший купил квартиру по соседству, дверь в дверь, так что Ритка, можно сказать, переехала к мужу, не переезжая. Образцово-показательная семья, в которой основным правилом является трогательная забота друг о друге и трогательное единение

взглядов... Только Майе здесь нет места. Вернее, конечно, есть: «подруга дома» и живет в том же подъезде, двумя этажами выше, однако...

Однако всегда как бы в стороне. Одиночество — это ее путь, с которым она вроде бы свыклась, но не смирилась, продолжая жить внутренними иллюзиями: например, смотрелась в старое помутневшее зеркало на комод и видела себя прекрасной дамой в серебристой кружевной шали...

Чертовы коробки!

Она втащила их через порог и с наслаждением бухнула об пол. Сева заботливо сунулся к ней.

— Джейн, жива?

— Жива, не радуйся, — простонала она. — Куркули проклятые, надрываешь тут спину за бесплатно...

— Почему за бесплатно? Здесь и для тебя кое-что... Между прочим, ты на Новый год еще не ангажирована?

— Хочешь что-нибудь предложить?

— Да так... — Сева несколько воровато оглянулся по сторонам. — Губернатор устраивает фуршетик у себя на даче: шашлыки, камин, финская баня, катание на «тройках»...

— ...Девочки для сексуального массажа, — поддакнула Майя, внутренне раздумывая, не согласиться ли: перспектива встречи Нового года в обществе телевизора отдавала пошлостью.

— Да, Джейн, совсем забыла, — бдительно встряла Рита, ревниво стрельнув глазками. — Тобой очень интересовался Ромушка Ахтаров. Он заходил к нам два дня назад...

— Вот как?

— Ага. У него сумасшедшая идея: создать школьный музей. Сейчас это модно. Просил старые фотографии, письма, в общем, ненужный хлам, — она проницательно улыбнулась. — Однако мне показалось, что это был только предлог. Главный его интерес заключался в тебе. Но ты же вечно шляешься где-то.

Майя усмехнулась:

— Волка ноги кормят.

— Он оставил телефон, — со значением произнесла Рита. — Позвони, не расстраивай мальчика... Лика, куда ты на ночь глядя?

— К Вальке Савичевой, — буркнула та, накидывая дубленку. — Костюм надо создавать, а я в шитье — ни бум-бум.

— Что за костюм?

— Я же тебе говорила: у нас в школе намечается новогодний маскарад... То бишь дискотека, но костюмированная. Я буду Домино.

Майя лукаво улыбнулась:

— И кого ты собралась очаровывать в таком наряде?

— Почему обязательно кого-то? — мудро возразила Келли. — Главное — очаровать саму себя, остальные и так в штабеля попадают.

С Валеи Савичевой Майя была знакома: тихая неприметная девочка, не дурнушка и со вполне сносной фигуркой, однако какая-то безлика, чью внешность не так-то просто запомнить. Лика в их дуэте, ясное дело, верховодила, Валя подчинялась с радостной безропотностью. С иглой и ниткой, кстати, она управлялась и вправду вполне профессионально — это у нее было от мамы-швеи, работавшей в «Пушинке».

Ритка поглядела вслед дочери и произнесла с затаенной грустью:

— Как они быстро растут, черт возьми...

— Так, может, вы с Севкой подарите ей кого-нибудь? — спросила Майя. — Братика или сестренку...

— Ой, что ты, — отмахнулась та. — Только и рожать с моими болячками.

Рита болела диабетом, делала себе инъекции инсулина и страшно комплексовала по

этому поводу. Майя усмехнулась и потрепала подругу за плечо:

— Ну и зря. Ты, Чита, еще не наигралась в куклы. А Келли... — Она покрутила головой. — Домино, надо же!

Глава 3

И снова она подумала: ничего не изменилось. Словно время случайно застыло в капельке янтаря, и Майя вдруг волшебным образом перенеслась в прошлое. Двигатель древнего «запорожца» уютно урчал на холостых оборотах, Роман поджидал ее рядом — в неизменной кожаной куртке и без шапки.

— Смотри, простудишься, — сказала она, выходя из подъезда.

— Вот еще, — хмыкнул он в ответ. — Прошу, леди, ландо подано.

Она царственным жестом подергала замок (дверца открылась с пятой или шестой попытки), царственно опустилась на жесткое сиденье и подумала: хорошо! Грела печка, и пушистая коричневая обезьянка, висевшая на зеркальце заднего вида, строила забавные рожицы.

— Между прочим, меня звали отмечать Новый год на губернаторскую виллу.

— В самом деле? — весело отозвался Роман, пристраивая трость сбоку от сиденья.

— Обещали божественную программу: балык, икра, голые министры и один голый советник по связям с общественностью.

— Севка, что ли? — Роман хохотнул. — Действительно, заманчиво. Что ж не согласилась?

Майя задумалась над этим простым вопросом. Живо представилась собственная квартира, из которой только что вышла, — родное до омерзения, чистое опрятное гнездышко холостяка-хроника женского пола: яркие занавесочки на окнах, фикус на подоконнике и даже пресловутые семь слоников на телевизоре (достались от мамы), призванные принести счастье...

— Решила выслушать твои контрпредложения, — сказала она.

На сей раз он слегка сконфузился.

— Видишь ли, у нас в школе новогодний бал для старших классов — наш босс решил поиграть в демократию и разрешил пляски с переодеваниями до одиннадцати. Ну а мне приказали быть дежурным на этом мероприятии. Оказался крайним, так сказать. Так что если ты не против...

— В школе? — Она рассмеялась от неожиданности — слишком велик был контраст: загородный особняк с «тройками» (интересно, предусмотрено ли для желающих какое-нибудь ноу-хау вроде охоты на медведей со специально оснащенных БТРов?) — и новогодняя елка в актовом зале в обществе рано созревших десятиклассниц.

— Десятиклассницы будут дрыгаться на дискотеке, — успокоил ее Роман. — Нам с тобой там находиться совершенно не обязательно.

— А где же мы будем находиться? — светски поинтересовалась Майя. — В учительской? Там такие жесткие столы! Они наверняка оставляют ужасные синяки на бедрах...

— Там есть еще диван, — невозмутимо ответил он — Немного продавленный, и пружины кое-где вылезли наружу, но в общем и целом... А самое главное — я угощу тебя праздничным ужином и покажу свой музей. Ну, как?

Она вздохнула.

— Нахал ты, братец.

— Отлично. — Он повеселел. — Я заеду за тобой, так что будь готова.

Он будто точно знал, каков будет ответ.

Ощущение дежа-вю продолжалось, словно они и не расставались все эти годы: школа

была расположена так, что Майя, выходя из института, по дороге к автобусной остановке волей-неволей проходила мимо, искоса поглядывая на красно-белый кирпичный рисунок на стене (стилизованная Спасская башня, мавзолей и надпись поверху: «За детство счастливое наше — спасибо, ро...я с...рана!»). А также на вечно гомонящую малышню у парадного подъезда, приземистые елочки и тонкорукые березки, особенно красивые в сентябрьском жарком золоте.

Сейчас, впрочем, елочки по самые макушки были укрыты сугробами, а на березовых ветках серебрился пушистый иней. Роман подрулил к воротам, заглушил мотор и вышел наружу.

— Значит, здесь ты и обосновался? — спросила Майя.

— Угу.

— Учительницы, поди, хорошенькие?

— Целый табун, прохода не дают. Всю дверь исписали любовными посланиями.

— Кошмар, — притворно ужаснулась она. — Как же ты в одиночку...

— Почему в одиночку? — возразил он, ступая на укатанную дорожку и слегка опираясь на палку. — Нас целых трое: я, директор и завхоз (семьдесят четыре года, но старикан боевой). Остальные, правда, женского пола, даже военрук и физкультурница. Есть еще четвертый — охранник у входа, но он не в счет.

— Почему не в счет? — заинтересовалась она.

— Сама увидишь.

В ярко освещенном вестибюле толкался празднично разодетый народ. Кто-то штурмом брал гардероб, где предсмертным воем исходила вахтерша, кто-то переодевался тут же, на длинных скамейках вдоль стен, горделиво демонстрируя друзьям карнавальный наряд. В толпе Майя увидела Анжелику в вожаденном костюме Домино: водолазка и узкие лосины в яркую черно-бело-красную клетку, пышное кружевное жабо вокруг шеи и белые перчатки на изящных кистях. Костюм был великолепен: если Лика в шитье была «ни бум-бум» (как и Ритка, избалованная богатеньким супругом), то Валя Савичева действительно заслуживала звание мастера. Вскоре Майя заметила и ее: девочка стояла у стены, дожидаясь, пока схлынет столпотворение у входа.

У нее было худенькое лицо со вздернутым носиком, бесцветные глаза и немного скошенные вперед передние зубы, по которым лет десять назад плакали металлические скобки (мама, трудившаяся на износ в своей «Пушинке», вовремя недоглядела). Одета она была демократично: в светло-голубой джемпер с широким воротом и джинсы, заправленные в меховые сапожки. За спиной висел тугой, как мячик, молодежный рюкзачок. Странно, но этот простенький наряд ей удивительно шел.

— А что же ты без костюма? — спросила Майя. Валя подняла голову и пожала плечами:

— У нас вечно так: сапожник без сапог. А вообще, шить на себя ужасно скучно. Вроде как самой себе писать открытки ко дню рождения.

Майя улыбнулась в ответ и, не удержавшись, взъерошила собеседнице волосы. Да, черные волосы — вот что, пожалуй, доминировало в Валином облике. Не просто черные, а черные, как воронье крыло, с синим отливом, густые и струящиеся вдоль спины, словно водопад, до самой поясицы. Мечта всех режиссеров и операторов, снимающих рекламу шампуней и бальзамов-ополаскивателей.

Меж тем Анжелика, стоя в отдалении, увидела их и приветственно помахала рукой. Валя ответила тем же и проговорила:

— Пусть уж лучше Келли... Она красивая, и костюм ей идет, правда?

— Правда, — с чувством ответила Майя. — Костюм просто сказочный.

— Вот видите. К тому же все и так знают, кто его шил. Так что мое честолюбие вполне удовлетворено. — Она помолчала. — В прошлом году я одной подружке помогала делать наряд Пиковой дамы. Так она выиграла на конкурсе главный приз — плеер с наушниками. И при всех отдала его мне, представляете?

— Хороший плеер?

Валя хмыкнула:

— Не знаю, она потом забрала его назад... А вы пришли с Романом Сергеевичем? Вы ведь друзья детства?

Майя кивнула, вполуха слушая шушуканье за спиной: перезрелые девицы обсуждали подружку своего учителя («А она ничего — и фигурка, и прикид». — «Ну, прикид-то, положим, я видала и покруче... Интересно, сколько ей лет?» — «Поди все тридцать, а то и тридцать три...» — «Пожилая, но еще на ногах». — «Ой, девки, а Галка-то из девятого „Б" — она же в Ромушку влюблена по уши!» — «Галка? Это страшилище?!»).

— А это тоже твоё творение? — спросила Майя, выделив в толпе Снежинок, Снегурочек, фей, принцесс и павлинов, забавную Бабу Ягу в кроссовках, пестрой юбке и маске с крючковатым носом, спускающимся ниже подбородка, точно шланг противогаза.

Валя фыркнула:

— Ни ума, ни фантазии. В настоящем костюме должно что-то выделяться, какая-то яркая деталь. Все остальное служит фоном. А тут... Я непонятно объясняю, да?

— Наоборот, очень понятно. Похоже, ты и впрямь классный мастер.

— Наверное, — безразлично отозвалась она, по-прежнему наблюдая за лесной ведьмой. — Где-то я ее уже видала. Только не могу вспомнить, где именно... Здравствуйте, Роман Сергеевич!

— Здравствуй, Савичева. Ты видала Леру Кузнецову? Этот сорванец Гришка, похоже, все-таки увязался за ней.

— Гриша? — вспомнила Валя. — В костюме гнома, да?

— Я ему покажу гнома. Сказано было: дискотека для старших классов. А он в каком? Еще опять школу подожжет...

— Да он тихий, — заступилась она. — И потом, куда же Лерка без него? Все-таки младший брат.

— Тихий, — проворчал Роман больше для порядка. — Как неизвлекаемая мина...

Отвечая на многочисленные «Здрассьте», они вырвались из толпы, и дышать стало легче. Майя подошла к зеркалу, над которым висел весьма недурно выполненный плакат: сексапильная Снегурочка панибратски треплет за холку жутковатое страшилище с чешуйчатым телом — ну да, год Дракона по восточному календарю... Поправила прическу и очки, мимоходом подумав: а я еще ничего. Не первой свежести, конечно, и слепа, как летучая мышь, однако кожа упругая, грудь не обвисла, и талия где положено... И — одна («В тридцать три мужа нет — и не будет» — народная мудрость). То есть, конечно, не монашка: случались нечаянные связи разной продолжительности, но все заканчивались ничем. Бросала она, бросали ее (кольнуло одно из давних воспоминаний: ласковый шепот в темноте, ощущение прохладных простыней и чужих чутких пальцев, которые осторожно снимают с нее очки, потом касаются ее волос, потом расстегивают пуговицы на блузке, опускаясь все ниже, потом в дело вступают губы, немного влажные, насмешливые и причудливо изогнутые. У их обладателя было реликтовое имя Артур, и он тоже носил очки в тонкой черной оправе. Ложась в постель, он укладывал их на тумбочку вместе с Майиными, нарочно переплетая их дужками — так, что создавалось впечатление, будто и очки занимаются любовью...). Чего-то в тебе не хватает, подруга. Ощущения внутреннего огня, тайны, как, например, в этой чертовке Келли. Прекрасная дама в серебристой шали, хрустальным видением мелькнувшая в створке трельяжа, но не Роковая женщина. Не Дама Пик.

Между тем на нее кто-то смотрел. Взгляд был пристальный и отнюдь не дружеский и принадлежал не Роману: тот строго отчитывал какого-то взъерошенного юнца, по виду отпетого школьного хулигана. Более внимательно посмотрев вокруг, она быстро установила его источник. И изумилась про себя: надо же, как тесен мир...

Охранник в традиционном камуфляже, с выставленной напоказ рацией и кобурой, за долю секунды успел отвести глаза, но Майя уже засекла его белесую челку и направилась

прямо к нему, призывно улыбаясь и чуть покачивая бедрами.

— Мы с вами, кажется, встречались раньше? — певуче произнесла она.

Охранник, стиснув зубы, проговорил в пространство:

— Вы ошиблись, дамочка. Я вас в первый раз вижу. И, надеюсь, в последний.

Она притворно удивилась:

— Ну как же. Вас ведь зовут Эдик? Чудесное имя. Помнится, вы так блестяще владели рукопашным боем — у меня до сих пор фантомные боли в нижней челюсти. За что же вас разжаловали? Не смогли справиться с инвалидом?

— Я этому инвалиду... — Злые, как у хорька, глаза Эдика метнулись к Роману и обратно. — Между прочим, я при исполнении. Будете приставать — вызову милицию.

— А у меня пригласительный. — Майя помахала в воздухе белым глянцевым квадратиком. — Я здесь на законных основаниях.

— Да? И кого ты будешь изображать? Для Снежинки ты старовата... Бабу Ягу, я угадал?

— Баба Яга у вас уже есть, — заметила она. (Действительно, костюм был не шедевр — просто нагромождение старых тряпок и забавная маска из папье-маше... Однако шаркающая походка, согбенная спина, кособокость — словом, имидж выдержан неплохо.) — Кстати, прости за любопытство, за что ты на меня тогда взъелся? Лично тебе я вроде ничем не насолила... Или у вас с боссом были... гм... отношения интимного свойства?

— Пошла вон, — процедил Эдик (однако мучительно покраснев: неужели угадал?).

— Интересно, где он сейчас, твой босс?

— Сидит, — хмыкнул страж. — Дали, козлу, восемь лет за хищения.

— Встретила старого друга? — улыбнулся подошедший Роман. — Пойдем, я уже заждался.

— Закончил воспитательные дела? — спросила она.

— Их нельзя закончить, — выпранным тоном заметил он. — Они и после смерти будут преследовать меня.

На третьем этаже, куда они поднялись, было гораздо тише. Желтый свет фонаря со школьного дворика проникал сквозь широкие окна и создавал ощущение легкого интима. Майя ступала неслышно, глядя по сторонам с неизъяснимым чувством разведчика, после долгих лет вернувшегося на родину. Странно: никогда она не вспоминала школьные годы (два нелепо толстых альбома с фотографиями исправно пылились в самом дальнем углу на антресолях), никогда не испытывала ничего похожего на ностальгию... А вот поди ж ты.

— А помнишь, как ты в первый раз меня поцеловал? — вдруг спросила она.

Роман немного смутился.

— Помню, конечно.

— Когда это было?

— Ну...

— Не помнишь, — вынесла она приговор. — В десятом классе, и тоже под Новый год. В кабинете биологии.

Он рассмеялся и привлек ее к себе.

— На нас свалился скелет. Прибежала биологичка, и нас вульгарно застукали.

Они поплутали еще немного, и наконец Роман остановился и завопил с ключами.

— Кабинет истории, — пояснил он. — Моя вотчина. Пыль веков, смотри не расчихайся. А то снова застукают.

— Некому, — возразила она. — Все на дискотеке.

Дверь открылась. Майя зашарила рукой по стене в поисках выключателя. Роман мягко остановил:

— Не надо. Смотри: и так светло.

— Правда, — согласилась она. — Так даже лучше.

— Подожди здесь, ладно?

— А что будет?

— Будет сюрприз.

Он скользнул куда-то в полумрак, ловко обходя острые углы, высветился на фоне белесого окна, наклонился и чиркнул спичкой.

— Прошу к столу, госпожа.

Майя, не удержавшись, тихонько присвистнула. Две парты, поставленные встык посреди пустого класса, представляли собой умело сервированный столик на двоих — настоящая белая скатерть, сыр, зелень, лосось, артишоки, французское шампанское и — «Золотистый ликер», привет из давних времен, как из другой жизни. Свечи в тяжелом бронзовом канделябре — предвестник нечаянной сказки для взрослых. Майя и в самом деле вдруг почувствовала себя сказочным персонажем — к примеру, Гердой из «Снежной королевы», только еще не в ледяном королевстве, а раньше, в маленьком уютном доме среди островерхих крыш со множеством флюгеров.

Она подняла ликер и посмотрела на свет, на пламя свечи, любуясь песчинками, поднимающимися со дня.

— Знакомый дипломат привез из Греции?

— Увы, душа моя, купил в киоске возле дома. Шестьдесят рэ за бутылку.

Она тихонько рассмеялась — даже это не испортило сказки, скорее наоборот.

— Ты циник, — оглядела стол и добавила: — Циник и романтик. Сейчас напоишь старую женщину до полной нирваны и совратишь прямо тут, под портретом Суворова.

— Ничего подобного. Мы пойдем в учительскую, там диван, я тебе рассказывал...

Удивительно, но и музыка была той же самой, что, страшно сказать, сколько лет назад: приглушенная мягкая мелодия, десятый класс, новогодний бал и пустой кабинет биологии, от которого у Ромушки почему-то были ключи.

Начало приключения было в актовом зале — они вдвоем, взявшись за руки, нырнули за стену из красного бархата, а там был настоящий лабиринт. Хорошо, что Севка Бродников, комсомолец-доброволец и диск-жокей, водил ее накануне по этим лабиринтам (и даже прижал ее к стеночке, но она ненавязчиво высвободилась).

Потом Роман вывел ее в коридор, и они бродили по пустой школе целую вечность, спотыкаясь обо что-то, перешептываясь и замирая сердцем — в ожидании поцелуя, долгого, мучительного и слегка неумелого... Помнится, она запрокинула голову и бессвязно думала: какой он весь... Только мой и больше ничей, вот ведь ужас.

— За тебя. — Он протянул ей бокал с шампанским. — За то, что ты такая...

— Какая?

— Вот такая... Черт возьми, ты могла бы сейчас трескать черную икру и обниматься с голым губернатором.

Она отправила в рот ломтик сыра и возразила:

— Здесь круче. Севка говорил, у губернатора на даче два этажа, а тут целых три. Так что считай, ты его переплюнул.

Они чокнулись. Два бокала с изысканным вином вспыхнули в пламени свечей, заискрились и отозвались хрустальной мелодией, отчего-то вызвав ассоциацию с боем часов в старомодной гостиной — нездешней и не из нашего времени. Словно отреагировав на этот звук, дверь осторожно приоткрылась, и в проеме показалась голова в красном капюшончике гнома. Гриша, сообразила Майя, младший брат Леры Кузнецовой. Голова склонилась набок, оценила обстановку и произнесла хорошо поставленным голосом Горбачева:

— Это нормально.

— Брысь, — сказал привычный ко всему Роман.

Голова послушно исчезла. Послышался drobный топоток, усиленный эхом коридора, — будто и вправду лесной гном выбежал на секунду из своей сказки и тут же вернулся, как примерный мальчик.

— А он на самом деле что-то поджиг?

— Что?

— Ты сказал: «Он опять подожжет школу».

— А. — Роман усмехнулся. — До этого не дошло, но... У них намечалась контрольная по математике. Он взял коробку из-под ботинок, положил туда будильник, обмотал снаружи проводами и сунул в стол гардеробщице. Та услышала тиканье, хлопнулась в обморок, все классы срочно эвакуировали — понятно, контрольную перенесли на другой день.

— Как же определили, кто учинил теракт?

— Папа-Кузнецов опознал будильник. Он всегда по нему вставал на работу, а в то утро проспал. Устроил отпрыску допрос с пристрастием... А вообще, должен тебе сказать, в этом дурдоме еще и не то бывает. Помнишь нашу Галину Андреевну?

— Литераторшу? Неужели еще не на пенсии?

— Представь себе. С виду — этакий божий одуванчик, но детки у нее по струнке ходят. Аж завидно: у меня-то больше на головах...

Она потянулась — сладко, до хруста в костях, и спросила:

— А где же твой Алмазный фонд? Ты обещал показать.

— Ты имеешь в виду музей? Тебе и в самом деле интересно?

— Очень. — Она протянула руку (свеча едва не обожгла, но даже это было приятно) и провела ладонью по его жестким волосам.

— Все-таки ты сумасшедшая.

— Да, — легко согласилась Майя. — Из всех великосветских развлечений предпочитаю ночь в пыльном музее вместе с рухлядью и одноногим Сильвером.

Здесь было вовсе не пыльно, а почти стерильно чисто — видно, Роман каждую вещь заботливо, даже любовно обхаживал с тряпочкой в руках. На длинных столах вдоль стен были разложены предметы, принадлежавшие когда-то бабушкам и дедушкам нынешних шалопаев — тех, что с гиканьем отплясывали сейчас в актовом зале вокруг новогодней елки. Предметы были старинные, а большей частью — просто старые, до которых, надо думать, мамы и папы руки не доходили, чтобы выбросить. Потрепанные кисеты и позеленевшие перьевые ручки, курительные трубки и мелкие монеты, давно вышедшие из употребления. Ленточка от бескозырки, выгоревшая на солнце пилотка, чьи-то лапти, перевязанные веревочкой...

Однако самую значительную часть экспонатов представляли фотографии. Они оккупировали все стены и, казалось, жили здесь собственной жизнью, точно соседи по большой коммунальной квартире. Они ссорились и мирились, затевали склоки на общей кухне и целовались где-нибудь в укромном уголке, замирая от сладкого ужаса. Те самые, извлеченные из семейных альбомов бабушки и дедушки в пору голодной и счастливой молодости. Женщины — большеротые и длиннорукие, в платьях стиля «Военный коммунизм» и с короткими прическами. Мужчины — важные и усатые, с щеголеватой строгостью в глазах... А вот смеющееся юное лицо на фоне подбитого немецкого танка — привет с фронта, рядом — письмо треугольником, еще письма с выцветшими, местами расплывшимися чернилами, одно — даже написанное по-французски, со штемпелем Сен-Жермена (ого!), начинающееся фразой: «Mon amour...»

А вот совсем истертая временем тетрадь в коричневой клеенчатой обложке — края страниц пожелтели и загнулись, чернила выцвели и едва различимы... Майя не сдержала любопытства: чужая, давно прошедшая жизнь притягивала как магнитом. Она осторожно развернула, опасаясь, как бы ломкая бумага не рассыпалась под пальцами, всмотрелась в написанное...

«Я был единственный, кто спасся — по чистой случайности или по Божьему провидению, только в то утро я проснулся раньше обычного. Здесь, в Швейцарии, я отучился рано вставать: сама природа располагала к отдыху и безмятежности — девственно белоснежные горы, аккуратные, словно на рождественской открытке, свежее молоко в специальных пакетиках с красочным изображением коровы на лугу (мне приносила его служанка госпожи Ивановой-Стеффани — в ее усадьбе в окрестностях Сант-Галлена я

провел несколько восхитительных месяцев, пока в России по моему следу рыскали ищейки охранного отделения). Госпожа Стеффани была русской, сочувствовала идеям террора и близко знала Скокова. Скоков умер в застенках весной 1903 года. Перед смертью он успел сообщить, что выдал его агент охраны Челнок. Дорого я дал бы, чтобы узнать, кто скрывается под этим псевдонимом — наверняка ведь кто-то из наших, из особо проверенных. Возможно, тот, с кем я здороваюсь за руку и приветливо улыбаюсь при встрече...»

— Ау!

Майя с трудом возвратилась из незнамо какого далека и зачарованно спросила:

— Ромушка, откуда у тебя все это?

— Да так, — откликнулся тот. — Собирал с миру по нитке. Кстати, то, что ты держишь, — очень ценная вещь... с исторической точки зрения, я имею в виду. Любой музей с руками оторвет. Знаешь, чей это дневник?

— Чей? — Ей и вправду было интересно.

— Аристарха Францевича Гольдберга, одного из активистов эсеровской «боевки». Был такой знаменитый «охотник за провокаторами».

— То есть это предок кого-то из твоих учеников?

Роман пожал плечами:

— Стало быть, так... Только я никак не могу дознаться, кого именно.

— Почему? Разве ты не вел учет?

— Вел-то вел. Но в последние дни тут такой тарарам стоял... Наш директор вдруг объявил, что ожидается телевидение (кто-то наверху неожиданно озаботился патриотическим воспитанием школьников: дети должны знать свои корни... ну и т. д.). Пришлось в спешном порядке доделывать экспозицию, а она на тот момент была почти пустая. Я кликнул клич: несите, мол, кто что может. Кто-то и принес.

— А по именам и фамилиям нельзя догадаться?...

— Никаких намеков. Я уж всем классам показывал, просил, чтобы хозяин назвался...

— И что?

— Не назвался.

Майя с сомнением посмотрела на Романа:

— Неужели так бывает?

Он рассмеялся:

— Ты удивишься, но — бывает. Попадает уникальный экспонат в музей, а каким образом...

Он медленно прошел между столами, сильнее обычного опираясь о палку, перехватил Майин взгляд, виновато пожал плечами: извини, мол, укатили сивку крутые горки.

— Болит? — сочувственно спросила она.

— Иногда бывает, ближе к ночи.

— А разве уже ночь?

Они оба прислушались: в самом деле, темень за окнами, погасшие фонари и тишина — похоже, дискотека благополучно завершилась.

— Нас с тобой найдут и арестуют, — тихо сказала Майя.

— И посадят в одну камеру. Чего еще можно пожелать на Новый год? — Он посмотрел на часы. — Кстати, наш заклятый друг каждые два часа делает обход на предмет возгорания и проникновения дудаевских боевиков. Эх, выбить бы у шефа деньги на сигнализацию...

— А разве тут нет сигнализации?

— Только противопожарные датчики.

Майя рассмеялась:

— Что здесь можно украсть?

— Черт его знает. Пару дней назад я нашел в замочной скважине обломок — какие-то придурки пытались подобрать ключи. А еще кто-то ковырял порог под дверью — то ли

ножом, то ли стамеской...

Она нагнулась, прижав очки к переносице: действительно, порог изуродован — неумело, по-детски, будто некто всерьез намеревался проделать щель и проникнуть в музей через нее. Однако порог оказался крепким, и злоумышленник отступил несолоно хлебавши.

— Зачем он это сделал?

— Ради практики, очевидно.

Она повернулась лицом к окну, выходящему во двор. Удивительно: казалось, будто снег светится, и белые искры, вспыхивая, продолжали кружиться в воздухе, опускаясь на крыши и подоконники. Совсем как тогда, в тот вечер, когда Ромка поцеловал ее в пустом классе. Она тоже стояла возле окна, обняв себя за плечи, замирала и ждала, когда он наконец прикоснется к ней...

— И луна была такая же, — вслух произнесла она и добавила фразу из классики: — Такая, что, глядя на нее, невольно хотелось совершить преступление.

— А поцеловать тебя — это преступление? — спросил Роман.

Она обернулась и увидела его брови, которые срослись кончиками у переносицы. И глаза. Глаза, совершенно поглощающие свет. И ее саму. И все вокруг... («Бойся мужчин со сросшимися бровями, — говорила Матушка Гусыня, — ибо таким мужчинам одна дорога: в лес по февральскому снегу. Они оборотни — не совсем звери, но уже и не люди...»)

— Выпить хочется, — прошептала Майя.

— Эх, а я бутылку оставил в кабинете. Сейчас принесу...

— Сиди уж, одноногий Сильвер. — Она легонько, летяще поцеловала его в губы.

— Это я одноногий? — возмутился он. — Хочешь наперегонки?

Он вскочил было со своего места, но Майя, грациозно опередив его и заодно завладев ключом, скользнула за дверь и повернула ключ в замочной скважине. В дверь стукнули.

— Свободы меня лишила, да? Имей в виду, это против Конституции и Билля о правах.

— Я знаю, — тихонько отозвалась она. — Но я почему-то боюсь. Вдруг я вернусь, а ты исчезнешь.

— Куда я денусь, господи?

— Не знаю. Но такие, как ты, любят исчезать в самый неподходящий момент.

Вздых.

— Ладно, только быстрее. И смотри не наткнись на Эдика.

— Ничего, ты меня защитишь.

В коридоре было тихо, а с головой творилось что-то неладное (никогда не мешай ликер с шампанским...). Пол покачивался, и это казалось ей забавным. Надо держать ушки на макушке: в тишине шаги раздаются далеко, но чертов Эдик в своих кроссовках ступает неслышно, как чукча-охотник...

Дверь кабинета истории оказалась на замке — естественно, все нормальные люди, уходя, запирают дверь. Она завозилась с ключами, отыскивая подходящий, и вдруг замерла на одной ножке, затаив дыхание.

Шаги. Так и есть — тихие, почти крадущиеся, со странным пристуком, вызывающим ассоциацию... с чем? Она на секунду вообразила, что Роман каким-то образом выбрался из заточения. Потом отбросила эту мысль. Борясь с паникой, она повернула ключ в замочной скважине. Дверь неожиданно подалась. Майя почти ввалилась внутрь, захлопнув ее за собой и переводя дыхание. Пронесло. Шаги приблизились, потом отделились, кто-то негромко хихикнул, словно потешаясь над Майиной неуклюжей игрой в прятки... И вновь стало тихо.

Неизвестно, сколько она простояла так, боясь пошевелиться и вздохнуть лишний раз. Потом, хмыкнув, заставила себя отлепиться от стены и, не зажигая электричества, осторожно двинулась вперед, точно разведчица в тылу врага. Впрочем, было не темно: луна по-прежнему светила в окно, делая мир похожим на черно-белую фотографию. Ярким пятном выделялась скатерть, видны были и потухшие свечи — напоминание о недавнем празднике, и тарелки с закуской, и бутылка ликера.

Майя подошла к столу (он заметно качнулся вправо — ну и надрызгалась ты, старуха!), взяла бутылку, покачала ее в руке. Благородная форма, изысканное черное стекло и песчинки у дна. Без дна. Бездна. Она ощупью нашла бокал, плеснула божественного нектара и на миг отразилась в окне.

— За тебя, подруга. — Она протянула руку, чокнувшись со своим отражением в мире по ту сторону стекла. Поднесла к губам...

Дикий, оголтелый перезвон будто бритвой полоснул по ушам. Бокал выпал из руки, немо разлетевшись на осколки, ликер брызнул на платье, а небесный звон продолжался, исходя, кажется, отовсюду сразу.

Ромка. Она вспомнила о нем и, преодолевая слабость в коленках, выбежала в коридор. И понеслась в полосах бледной луны, улавливая носом странный и страшный запах, исходящий из-под двери музея.

Запах дыма. Рыжие сполохи, особенно жуткие здесь, в орущем благим матом полумраке.

— Рома! — закричала Майя, колотя в дверь. — Ромушка!!!

Ключи. Она похлопала себя по карманам. Эти гребаные, долбаные ключи — она оставила их на столе в кабинете истории... Разбежавшись, Майя ударила плечом в дверь. Взвыла от боли, снова разбежалась, снова ударила...

— Ромушка, ты жив? — закричала она, заходясь сердцем.

— Жив! О черт, я не могу подойти... Здесь все горит!

Она не сразу осознала, что дверь подалась. Вдруг раздался треск, Роман, окутанный дымом, в тлеющей одежде, налетел на нее, и они вместе, обнявшись, вывалились в коридор. Жалобно хрупнуло стекло: очки в тонкой оправе слетели с носа и вмиг закончили свое земное существование.

Горела дверь изнутри, горела почему-то часть пола и несколько стеллажей — Романовы экспонаты, которые он собирал с таким великим трудом...

— Там огнетушитель, — прохрипел он и метнулся назад, в пламя.

— Не смей! — взвизгнула Майя, бросаясь следом.

Прошло еще несколько секунд, которые показались ей вечностью. Там, в дыму, что-то гроыхнуло, зашипело, точно рассерженная кошка, и в огонь с силой ударила пенная струя. Майю, оказавшуюся в опасной близости от места событий, окатило с ног до головы. Заряд углекислоты мгновенно опрокинул ее на пол и накрыл снежной шапкой, точно елку на школьном дворе. Она попыталась ощупью найти дверь, но вместо этого почему-то уперлась лбом в ножку стола.

— Ромушка, — прорыдала она. — У меня глаза щиплет...

— Зачем тебя, идиотку, понесло назад? — послышался рассерженный голос.

— Ты бы без меня...

— Это точно, без тебя бы я пропал.

Чьи-то сильные руки подхватили ее под мышки и выволокли в коридор.

— Ну вот, — огорченно сказал Роман, — пропала косметика. Пойдем, я тебя хоть умою.

Вместе они кое-как доплелись до туалета с целомудренной табличкой «Мальчики» (девочки писали этажом ниже). Должно быть, они имели весьма предосудительный вид: хромой Роман исполнял роль поводыря и щеголял в почерневшем и местами прожженном костюме, лишь повязка дежурного издевательски алела на рукаве. Майя, совершенно ослепшая, была похожа...

— Я, наверное, похожа на новогоднюю елку, — высказала она мысль по этому поводу.

— Да? — Роман с сомнением оглядел ее снизу вверх. — Ну, если тебе нравится так думать...

...А по лестнице вверх уже грохотали сапоги, и перед парадным крыльцом в синих отсветах «мигалок» стояли две пожарные машины, яркие и красивые, точно американские игрушки для состоятельных детей...

Глава 4

Пожарный начальник был под стать своей машине: такой же рослый и беспутно красивый, точно гренадер эпохи Наполеоновских войн. Черная блестящая роба с ярко-желтыми вставками и белая каска с изысканным длинным козырьком казались на нем карнавальным костюмом (он-то уж наверняка бы завоевал переходящий приз, затмив сахарных принцев и расфуфыренных павлинов).

— Интересное дело, — изрек он, философски осматривая стены в горелой краске. — Проводка цела, хоть сейчас новую лампочку вешай... Проводка — вообще бич: сорок процентов пожаров из-за нее. Ну, еще от пьянства и курения в постели.

— Я не курю, — мрачно сказал Роман, присаживаясь на уцелевший стул.

— А мадам...

— Мадемуазель, — поправила она.

— Тем более.

— Я тоже не балуюсь. Хотите — проверьте мою сумочку.

— Без меня найдется, кому проверять.

— О чем вы? — подозрительно спросила Майя.

Пожарник тяжело вздохнул («Третий вызов за ночь. Была б моя воля — запретил бы Новый год к едрене фене»), огляделся и осторожно примостил свои сто килограммов живого веса на краешек обутленного стола.

— Сами посудите. Проводка цела (я уже упоминал), да и огонь пошел из другого места — вон оттуда, от двери, там линолеум пострадал сильнее всего. Что там могло загореться? И что здесь вообще было?

— Школьный музей, — пояснил Роман. — В принципе, ничего ценного: старые фотографии, дневники, письма...

— А вы точно не курите?

— По крайней мере, у меня нет ни сигарет, ни спичек.

— Сейчас нет, — поправил пожарник (чтоб ты провалился, раздраженно подумала Майя, внезапно вспомнив недавнюю картину: Роман в полутьме кабинета истории наклоняется над белой скатертью, и свечи разом вспыхивают, унося в детство, в сказку Андерсена...). — Однако расследование — это не мое дело, мое дело — пожары тушить. Ну и составить протокол. Он высунулся в коридор и зычно крикнул:

— Слава! Участковый прибыл? А охранник? Найти не можете? Хороша охрана. Теперь понятно, почему Кеннеди шлепнули и никто не чухнулся.

В комнату вошел пожилой милиционер, снял форменную шапку и покрутил головой.

— Ну и натворили вы, ребята.

— Это не мы, — взвилась Майя.

— Естественно, не вы. Самовозгорание — полтергейст по-научному.

«Дверь была заперта, — билась в голове назойливая мысль. — Дверь была заперта, я заперла ее своими руками, и ключи остались лежать на столе, на белой скатерти рядом с бутылкой ликера...» Майя плотнее закуталась в пальто: ее бил самый настоящий озноб.

— Надо позвонить директору и завучу, — вспомнил Роман.

— Разве ваш охранник не позвонил?

— Они отсутствуют, — угрюмо пояснил пожарник. — Только книжка в фойе, на полу рядом со стулом. «Русский транзит» — самая толстая в мире книга после «Капитала». Сан Саныч, надо все же составить протокол, я видел открытый класс...

— Только не туда! — в один голос крикнули они оба.

Участковый внимательно посмотрел на них, язвительно усмехнулся и невозмутимо двинулся по коридору, поманив их за собой. Роман и Майя — два преступника — уныло поплелись следом.

«Историчка» и вправду оказалась открытой. Участковый вошел, поскользнувшись на пороге и пробормотав: «Разлили вроде что-то...» Золотистый ликер, обреченно подумала Майя, мысленно сосчитала до двух и щелкнула выключателем.

Участковый остановился так резко, что она налетела на него, не успев затормозить. Спина его вмиг задервенела — он попятился, пальцы судорожно заскребли по кобуре.

— Назад! — рывкнул он. — Назад, мать твою! Не входить!

Он попытался загородить от Майи то, что находилось там, в пустом классе. (Что там могло быть такого ужасного? Ну, единственная бутылка — не десяток же. Все вполне пристойно: ни разбитых ампул с наркотой, ни блевотины на полу...) Однако она успела увидеть и почувствовать подступающую дурноту: вывернутые ступни в модных кроссовках с пряжками, безжизненные кисти рук, что-то отвратительно липкое и ярко-красное на линолеуме, на плитусе, на том месте, где у человека по закону природы должна была находиться голова. На чем поскользнулся пожилой участковый...

— Натворили вы дел, ребятки, — замороженно повторил милиционер, уставясь на труп. — Похоже, это и есть ваш охранник?

— Эдик, — успела прошелестеть Майя, прежде чем ее вырвало.

— Директор скоро подъедет, — сообщила лохматая голова из-за двери и скрылась.

Следователь кивнул, оторвался от изучения Майиного паспорта и сказал:

— Ну что ж, будем знакомы. Колчин Николай Николаевич, из областной прокуратуры.

Они «уединились» с Майей на подоконнике в коридоре. По коридору туда-сюда сновали люди с невыспавшимися лицами, в обугленном музее копались пожарные во главе с «гренадером», в «историчке», в противоположном конце, работала следственная бригада — из-за полуприкрытой двери слышался простуженный голос, бубнивший что-то на одной низкой ноте, и щелкал блиц фотоаппарата.

— Еда и напитки ваши?

— Наши, — отозвалась Майя, сожалея, что в свое время, в пору золотого студенчества, не приобщила к сигаретам — было бы чем сейчас заполнить паузы в разговоре. Ритка, к примеру, несмотря на материнство и диабет, и по сей день дымила как паровоз (разве что перейдя от «Космоса» к более престижному «Житану»).

Она исподтишка посмотрела на следователя. Не пожилой, но поживший, с легкой сединой в волосах и усталостью в лице типичного школьного учителя. Он вернул ей документы и проговорил:

— Странный пожар. И убийство странное... А в вашем изложении, Майя Аркадьевна, и вовсе, простите, фантастическое. Кем вам приходится Роман Ахтаров?

— Никем, — растерялась она. — Друг детства.

— Это он пригласил вас сюда?

— А что такого?

— Не кипятитесь. Я же не читаю вам мораль. Да и не наблюдаю я тут ничего выходящего за рамки: выпили вы, судя по всему, немного, не дрались, мебель не ломали... Зачем вы его заперли? Что за детская шалость?

— Да, именно шалость, — потерянно произнесла она. — Я захотела ликера — мы оставили его в классе. Роман вызвался сходить за ним, а я...

— Вы «прошлись» насчет его больной ноги, так?

— Примерно.

— У вас были ключи?

— Я стащила их со стола.

— Дальше.

Майя напряглась — прилив адреналина в крови иссяк, к тому же предательский ликер начинал действовать: несмотря на минувшее потрясение, клонило в сон.

— Сколько времени вы находились в классе?

— Не помню. Пять минут, десять...

— Только чтобы взять бутылку? Десять минут — это очень много.

Она пожала плечами:

— Хорошо. Я стояла и смотрела в окно.

— Любовались пейзажем?

— Просто размышляла. — Она вдруг почувствовала злость. — К чему эти расспросы? Вы же мне совершенно не верите!

Она вскочила с подоконника, тряхнула головой — подсохшие волосы разлетелись, словно солома. Ничего предосудительного... Кроме страхолюдного вида: вытянутое лицо, круги под близорукими глазами и абсолютно не пригодное к реставрации платье. При мысли о платье она всхлипнула.

— Я знаю, о чем вы думаете: мы пришли сюда вдвоем, напились до изумления, повздорили с охранником и размозжили ему голову. А потом подожгли музей, чтобы скрыть следы.

— Следы чего?

— Не знаю, — вздохнула она. — Может быть, как раз в музее мы и устроили вертеп. А в «историчке» — так, для отвода глаз.

— Вам и прокурор не нужен, — хмыкнул Колчин. — Готова обвинительная речь.

— Извините. — Майя снова потерла виски. — Все в голове перемешалось.

— Вы слышали сирену, когда находились в кабинете?

— Да. У меня было такое ощущение, будто что-то взорвалось. Я бросилась к музею — он был заперт. А ключи я оставила в классе.

— И вы высадили дверь? — Колчин посмотрел с некоторым уважением.

— Роман очень кричал. Я испугалась.

— Ну, о своем приятеле можете не беспокоиться, он почти не пострадал, если не считать испорченного костюма. А что именно он кричал, не помните?

Майя нахмурилась, вспоминая.

— Он не мог подойти к двери, там что-то горело на полу.

— Странно. Если бы Ахтаров курил и уронил спичку, зажженную бумагу... да все что угодно — он мог бы легко потушить пламя. А вспыхнуло сильно и сразу — так утверждает эксперт.

— Что же там могло загореться? — недоуменно спросила она.

— Жидкость, — ответил Николай Николаевич. — Предположительно — бензин.

— У Романа не было зажигалки, — быстро сказала Майя.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у него были спички... Он зажигал спичками свечи в кабинете истории. И они остались там, можете проверить.

— Да, мы нашли коробок.

— Вот видите!

— Нет, не вижу. Вы правы: трудно представить, чтобы человек (некурящий, заметьте!) таскал в кармане спички и зажигалку. Я бы согласился с вами, если бы расследовал несчастный случай. — Колчин сделал паузу. — Однако наличие бензина предполагает умышленный поджог, Майя Аркадьевна. Говоря канцелярским языком — преступление с заранее обдуманной намеренностью. Тут своя логика.

Майя прикрыла глаза, чувствуя, что задыхается.

— Рома не мог этого сделать, — с трудом произнесла она. — Музей — это его детище, он собирал его по крохам. Чтобы он сам, своими руками... Нет, не верю. Да и ради чего? Что он сам-то говорит?

Следователь приоткрыл папку из дешевого кожаменителя, мельком взглянул в бумаги, снова закрыл.

— В основном ваши показания совпадают. Вы заперли его в музее, он присел на стул возле окна, вроде бы задремал, очнулся от дыма и жара, сработали датчики, включилась сирена... И далее по тексту.

- Ему вы тоже не верите?
— Трудно сказать. Как звали охранника?
— Эдик, — машинально ответила Майя и прикусила язык.

Колчин вновь заглянул в записи.

— Верно. Эдуард Францевич Безруков, семьдесят первого года рождения, прописан... ну, это несущественно. Сотрудник частного охранного агентства «Эгида». В каких вы были отношениях?

Майя встретила взглядом со следователем и неожиданно подумала: а он опасен. Внешность вполне безобидная (пожилой школьный учитель, мечтающий дожить до пенсии без инфаркта), а что под ней... Он даже не дал мне поговорить с Романом — тут же развел по разным комнатам и допрашивал (пардон, снимал показания) поодиночке. Впрочем, у нас было время: дорога до туалета, холодный душ под краном, встреча пожарных... Однако нам в голову не приходило договориться, чтобы лгать поскладнее, — вместо этого мы задавали друг другу один и тот же вопрос: что могло загореться за закрытой дверью?

— Может, какое-нибудь взрывное устройство? — робко предположила она, вытирая волосы краем занавески.

— Перестань. Во-первых, взрывное устройство — дорогая и громоздкая штука. Во-вторых, взрыв предполагает какой-то громкий звук, хлопок... А ничего подобного я не слышал. А самое главное — мы были одни на этаже.

— Мальчик был, — вспомнила Майя. — В костюме гнома.

— Гриша Кузнецов? — Рома невесело усмехнулся. — Они еще даже химию не изучали. Его познаний хватило бы только на пустую коробку с проводами... Нет, должно быть какое-то другое объяснение. Успеть бы его найти!

— Почему ты так говоришь: «успеть бы»?

Он приобнял ее за плечи:

— Потому что — зуб даю — эта история еще не закончилась.

В очередной раз перед парадным крыльцом скрипнули тормоза, из роскошной белой «Волги» молодежато выпрыгнул директор школы — мужчина джеймс-бондовского типа, в кашемировом пальто и белом шарфе. Подтянуто поднялся на третий этаж, пройдя мимо Майи как мимо пустого места, и резко принял в сторону, пропуская носилки с трупом.

— Мне доложили, — начальственно бросил он, пожимая руку следователю. — Признаться, я думал, что это чья-то неумная шутка.

— Увы! Геннадий!

Из дверей учительской вынырнула все та же лохматая голова.

— Геннадий Алакин, — представил Колчин. — Наш сотрудник. Он задаст вам несколько вопросов.

— Гоц, — деловито сказал директор. — Василий Евгеньевич. Что сгорело-то?

— Музей. К счастью, пожар быстро ликвидировали, однако...

— А как погиб охранник? Он что, бросился тушить? На него что-то упало?

— Не думаю. Почти на сто процентов — преднамеренное убийство.

— Черт знает какое безобразие. — Гоц дернул красивой головой с интеллектуальным затылком и подбородком боксера-тяжеловеса. — А я как раз пригласил корреспондента с «Девятого канала»... Теперь все пропало.

Он величаво развернулся спиной к Майе, и она вдруг сказала:

— Дед Мороз.

— Что? — не понял директор.

— Вы были Дедом Морозом на дискотеке.

— А, — он совершенно по-мальчишески улыбнулся, — никак не думал, что меня так быстро разоблачат.

— У вас очень характерная походка. И разворот плеч.

Пожилой врач, лысый, маленького росточка, но зато с роскошной седой бородой,

укладывал инструменты в саквояж. Обогнув очерченный мелом контур на полу, Колчин подошел к нему и молча встал рядом.

— Черепно-мозговая, — сказал доктор. — Ударов множество, удары беспорядочные.

— Сколько?

— Не меньше десяти-двенадцати. Ты сам видел: голову превратили в кашу.

— А смертельный удар? — спросил Колчин. — Как, по-твоему, его нанесли в начале или в конце?

— Трудный вопрос. Навскидку — его и не было. Каждый удар в отдельности вряд ли бы его свалил. Только вместе.

— Другими словами, охранника забили до смерти? Могла это сделать женщина?

— Я уже говорил тебе как-то: женщина способна на такое, что мужику и во сне не приснится. Если допустить, что потерпевший к ней приставал, грозился изнасиловать, а она была на взводе и у нее в руках оказалась палка...

— Палка?

— Или дубинка, или... Короче, узкий предмет с закругленными краями. Но не бутылка. Я думаю, бук или дуб. Возможно, эбонит. Скажу точнее, когда буду проводить анализ тканей. Наверняка где-нибудь застряла щепочка.

— Его убили не здесь, — подал голос молодой эксперт, тощий, как зубочистка, в модных дымчатых очках. — В коридоре на полу — брызги крови. Сюда втащили за ноги уже мертвого.

— Орудие убийства обнаружили?

Эксперт покачал головой:

— Ничего похожего.

— А парень-то, который развлекался здесь с дамочкой, хромает, — заметил доктор. — Не очень заметно (я полагаю, какая-то старая травма), но...

— Трость? — быстро спросил Колчин.

— ...Трость, — подтвердил пожарник, поднимая с пола обугленный предмет. — Правда, она основательно закоптилась, поэтому на следы рассчитывать нечего.

— Однако она осталась практически целой, — заметил следователь.

— Это бук, он плохо горит. — Пожарник сделал паузу, но потом любопытство взяло свое. — Думаете, это и есть орудие убийства?

— О чем тебя спрашивали?

— Где была, что делала. Страшно! — Майя не выдержала и ткнулась Роману в плечо, точно собачка, требующая у хозяина защиты. — Ромушка, кто это мог сделать, а? Мы же были вдвоем.

— А почему, собственно, вдвоем? — резонно возразил он.

Она немного подумала.

— А ведь правда... Я слышала шаги.

— Когда?

— Когда была в «историчке»... Нет, раньше. Еще в коридоре.

— Наверное, Эдик.

— Мне тоже так показалось... Сначала. Но это были другие шаги. Шаркающие, с поскрипыванием.

— На Эдике были кожаные кроссовки.

— Ты не понимаешь! Эдик ходит... ходил почти бесшумно. К тому же в коридоре каменный пол.

— Тогда кто же это мог быть?

— Не знаю. Может, я сошла с ума, но мне показалось... Словом, он шел так, как ходят старики.

Роман задумчиво почесал подбородок.

— Ты рассказала следователю?

— Он поднимет меня на смех.

— Послушай. — Он взял ее за руку. — То, что дискотека закончилась, совсем не означает, что к тому времени мы остались вдвоем в школе. Кто-то мог не уйти, спрятаться — здесь полно таких мест.

— Зачем?

Взгляд Романа стал жестким.

— Чтобы убить Эдика. Другого объяснения я не вижу.

— А пожар?

— Ему нужно было отвлечь наше внимание. Он знал, что мы остались — два ненужных свидетеля. Он наверняка наблюдал за нами.

— Да кто «он»? — выкрикнула Майя.

— Убийца.

Короткое слово было произнесено — и будто ледяная волна прошла вдоль тела. Невозможно было представить, что завтра... нет, уже сегодня, к восьми утра, этот дворик внизу будет звенеть от ребячьих голосов, коридоры наполнятся гулом («Сидоров, звонок не для тебя? Быстро в класс!») — и призраки растают, убоявшись дневного света...

— Почему он не закричал?

Роман понял, что Майя имеет в виду охранника, и ответил, подумав:

— Он мог кричать, а мы могли не слышать из-за sireны.

— Все равно глупо... Убийца ведь страшно рисковал. Если он действительно за нами следил, то должен был знать, что я нахожусь в «историчке», я могла выйти в любой момент — мне всего-то и нужно было взять бутылку с ликером... Я могла выйти и увидеть его...

Роман сочувственно прижал ее к себе:

— Да, досталось тебе, подруга Тарзана. Интересно, нашли они орудие убийства?

— Орудие? — этот вопрос почему-то не приходил ей в голову. — Ты считаешь, это важно?

— А ты подумай: чем могли ударить Эдика? Камнем? Откуда камень в школе? Значит, палка или бутылка из толстого стекла. — Он спохватился. — Только не вообрази, будто я...

— Будто ты меня подозреваешь? — Майе стало горько. — Только у меня под рукой могла оказаться бутылка. Ликер, толстое стекло плюс мотив... Следователь останется доволен.

— Майя, прекрати!

— Почему? — Она уже не сдерживала себя: слишком уж нереальной казалась ситуация, в которую она угодила. Пустые классы с мертвыми стульями и партами, очерченный мелом грубый контур на полу, коридор в неясных отсветах луны — не было там никого, не было! А шаги и смех почудились.

— Вы часом не ссоритесь, молодые люди?

Они вздрогнули. Роман с неприязнью посмотрел на следователя.

— Вы всегда подкрадываетесь так тихо?

— Даже и не думал. Просто вы были увлечены... Кстати, Безрукова ударили не бутылкой. — Колчин приподнял целлофановый пакет, внутри которого был какой-то длинный обугленный предмет. — Это ваша трость, Роман Сергеевич?

Роман казался озадаченным.

— Возможно. Где вы ее нашли?

— На месте пожара.

— Тогда, видимо, моя — кроме меня там не было хромоножек.

Колчин очень серьезно, даже сочувственно посмотрел на него и проговорил:

— В таком случае, гражданин Ахтаров, вы задержаны по подозрению в убийстве.

«Я не сплю, — вертелось у нее в голове. — Ночью все нормальные люди спят, но к тебе это, видимо, не относится. Нормальные люди едят икру на губернаторской вилле или лакают водку на коммунальной кухне. Они не впутываются в историю с трупом в пустой школе (сюжет в духе любимого Стивена Кинга). Надо было остаться в музее. Я наверняка бы

сгорела вместе со старыми фотографиями и письмами, но я бы не видела, как на Романа надевают наручники (впрочем, бред: никаких наручников, просто двое оперативников по бокам)». Ей хотелось закричать. Но она молча стояла и смотрела прямо перед собой. Она не подняла головы, даже когда Ромушка прошел мимо нее — тоже не глядя по сторонам. У него были очень сухие губы, и брови резким росчерком выделялись на побледневшем лице...

Майя долго не могла решиться двинуться с места. Так долго, что на нее перестали обращать внимание, как не обращают внимания на памятник, торчащий посреди площади. Наконец она собралась с духом, на негнущихся ногах подошла к следователю и тронула его за плечо.

— А как же я?

Он слегка удивился.

— Вы еще здесь?

— А куда же мне...

— Гм... В самом деле, время позднее. Я попрошу нашего сотрудника, чтобы он отвез вас домой. И постарайтесь никуда не отлучаться из города. Завтра нам нужно будет встретиться в прокуратуре.

Ему показалось, что она не хочет уходить. Уйти — означало вернуться к себе в пустую квартиру, где только и можно, что слоняться из угла в угол, умирая от неизвестности. Пребывание тут, в полутемном школьном коридоре, где все напоминало о недавней трагедии, тоже нельзя было назвать подарком, но — здесь были люди. Поглядывающие на нее с неприязнью (задали вы нам работы в честь праздника, мадемуазель...), а то и с явным подозрением, но все же, все же...

Да, здесь она должна была чувствовать себя защищенной.

— Идите, — мягко повторил Колчин. — Завтра к девяти я жду вас у себя в кабинете. Не опаздывайте.

Она безучастно кивнула. Он проводил ее взглядом и подошел к пожилому эксперту, который что-то рассматривал на полу.

— Охранник умер здесь, — сказал эксперт. — Прямо напротив кабинета истории. Однако первый удар ему нанесли чуть дальше, за поворотом коридора. Там есть брызги крови.

— Значит, теоретически она могла не видеть...

— Кто? Эта дамочка?

— Она близорука, — пояснил Колчин. — К тому же свет в том месте не падает из окна.

— Да, но ее приятель никак не успел бы сюда добежать, пока она находилась в «историчке». Или ты полагаешь, они действовали вдвоем?

Следователь пожал плечами и, немного ссутулясь, прошел по коридору, повторяя Майин путь — от дверей кабинета, через лунные полосы в широких окнах с черными переплетами к выгоревшему музею.

— Безрукова могли убить раньше, еще до пожара. Убить и оставить тело в тупичке перед туалетами, в темноте. Потом, когда включилась сирена, труп отволокли в пустой класс.

— Да зачем? Убил — и дай деру.

— Пока не знаю. — Николай Николаевич остановился перед выбитой дверью и присел, пристально разглядывая осколки стекла на полу. Эксперт опустился рядом на корточки и рассеянно поводил по полу указательным пальцем. Подцепил погнутую оправу, оглядел ее и положил в полиэтиленовый пакет.

— Дамочка расколотила очки, — задумчиво произнес он.

— Я вижу. Собери-ка осколки и попробуй сделать анализ.

— На предмет чего? — не понял эксперт.

— Мне нужно знать, не разбилось ли здесь еще что-нибудь, кроме них.

Эксперт поднял глаза и с интересом посмотрел на Колчина.

— Что? — медленно спросил он. — Все-таки надеешься отыскать следы четвертого?

Глава 5

Занесенный снегом «жигуленок» пробивал себе дорогу в мокром месиве, словно утлая лодочка среди торосов. За рулем сидел Гена Алакин — тот самый лохматый молодой человек, единственный молодой в следственной бригаде. Приглушенно гудела печка, Майя положила на нее озябшие ладони и искоса посмотрела на спутника.

— Вы давно знакомы с Колчиным? — несмело спросила она.

— А что?

— Ну... Мне он показался каким-то серым.

— То есть недалеким?

— Скорее занудливым, уж простите.

Геннадий позволил себе улыбнуться.

— Он мировой мужик. И крутейший профессионал.

— Но он уже нашел для себя преступника! — с тихим отчаянием сказал Майя. — Только почему-то не арестовал меня вместе с Романом — видимо, что-то помешало.

Она на секунду запнулась и спросила с непонятной надеждой:

— А вы? Вы тоже подозреваете...

— Честно? — Геннадий крутанул руль, выравнивая заскользившую машину. — Я почти уверен, что охранника убил кто-то из вас. Вы или ваш друг. Либо вы вместе.

Помолчал и добавил:

— Но, по-моему, Николай Николаевич думает по-другому.

Она вздохнула с некоторым облегчением. Следователь думает по-другому — это вселяло в сердце некоторую надежду. Впрочем, и об этом она сейчас не могла думать. В измученной голове (цитрамон, пенталгин и валокордин — убойнейшее средство, известное еще со времен учительствования) вертелись какие-то бессмысленные образы, словно обрывки кинолент: луна в мокром небе и высокий бокал с ликером (Ромушка хорошо знал ее вкус), раздавленные очки — завтра придется тащиться в «Оптику», иначе в кабинете следователя обязательно наткнушь на что-нибудь или разобью графин с водой. Еще нужно позвонить ученикам и отменить уроки на первую половину дня... А лучше на целый день: неизвестно, когда отпустят (и отпустят ли вообще). Посмотрела на отрывной календарь, на котором сиротливо болтались три последних листка: итак, никто не придет, и никто не поздравит, и Новый год, по давно устоявшейся мрачной традиции, она встретит в компании с экранным президентом.

— Приехали, — сказал Геннадий, останавливая машину. — Вас проводить до двери?

— Если нетрудно, — робко отозвалась она.

— Нетрудно.

Галантно сопя, он прошел следом за ней до ее квартиры, подождал, пока Майя отыщет в сумочке ключи и отопрет замок.

— Не зайдете выпить кофе? — спросила она.

— А у вас есть «Маккона»? — остроумно осведомился он, что надо было принять как отказ.

— Был, но, к сожалению, закончился.

— Как жаль, — заметил он. — Тогда в другой раз. — И запрыгал вниз по ступенькам.

Роскошные хоромы, доставшиеся от родителей (кухня, коридор, совмещенный санузел и единственная комната — она же и спальня, и гостиная) пугали своей пустотой. Майя прошла к глубокому плюшевому креслу, любимому еще с детства, села в него, не зажигая света, и положила ноги на батарею, попытавшись представить себе пылающий камин и кружку глинтвейна в руках. Получилось плохо: снова перед глазами возник школьный коридор и вой сирены. История не хотела кончаться.

Хорошо, сказала она себе. Попробуем разобраться, хотя фактов, надо признать,

немного. Первое — пожар в закрытом музее. На мгновение ей снова стало жутко, но она, рассердившись, погнала эмоции прочь.

«Сыщик я или истеричная дама? Что могло загореться на пустом месте? Мое первое и дурацкое предположение: взрывное устройство. Дурацкое — по нескольким причинам. Первое: срабатывание подобной штуковины предполагает взрыв, хлопок (тут Ромушка прав), а ничего такого мы не слышали. Второе (а также третье, пятое, двадцать восьмое...) — взрывное устройство никак не сочетается с понятием „средняя школа" (международный терроризм оставим в стороне). Даже маленький Гриша подложил в гардероб свою картонную „бомбу" со вполне определенной целью: избежать контрольной. А тут... Чего добивался преступник? Сжечь живьем Романа в отместку за двойку по истории? Уничтожить музей? Господи, кому может быть интересен школьный музей...»

Она рывком вскочила с кресла, щелкнула выключателем. Нежно-розовый свет старомодного торшера разогнал призраков по углам, не принеся, однако, ни малейшего облегчения: наоборот, сердце провалилось куда-то в район желудка и застучало с бешеной скоростью. Следом застучало в коленях, почках и поджелудочной железе («Вот хрень, зачем мне столько сердец?»). Теперь не уснуть. Майя встала, нехотя доплелась до кухни — чертов коридор оказался бесконечно длинным (жизнь вообще в ее представлении превратилась в бесконечный коридор), она прошла его весь, сбив плечом бра и больно ударившись бедром о стиральную машину. На кухне она зажгла плиту, вскипятила чайник, налила чаю в большую чашку, расцвеченную крупным красным горохом, — просто так, чтобы чем-то занять руки. Отпила глоток и поняла, что чая совсем не хочется. Открыла холодильник, с вождением посмотрев на бутылку водки, приуроченную к визиту сантехника-сана (бачок в туалете вторую неделю не работал)... Искушение было велико, но она поборола его: спиртное в сочетании с сердечным и анальгетиком — верное самоубийство.

«Вот интересно, — подумалось с усмешечкой, — что подумал бы многомудрый следователь, осматривая мое тело: что неведомый преступник убирает свидетелей (да какой из меня свидетель?) Что я сама, боясь разоблачения, свела счеты с жизнью? Или (что скорее всего) что прав был пожарник-гренадер, надо запретить Новый год к чертовой матери, дабы не прибавлять забот органам МВД...

Так. Теперь — орудие убийства. Палка из твердого дерева или эбонита. Трость или...

Или — я сделала ошибку с самого начала. Неверно взяла отправную точку — и палка в руках убийцы (вспомнилась голова Эдика, разнесенная в кровавое месиво, его вывернутые ступни и собственный вывернутый наизнанку желудок) имеет совершенно иной смысл...»

...Она так и уснула, вернее, провалилась в бесцветное небытие, сидя за кухонным столом и уронив голову на скрещенные руки — как была, в пальто и зимних сапожках на меху. «Боже, боже! Что за сон мне снился! Совсем не страшный, похожий на старинный святочный рассказ, а между тем кровь человека, к которому не испытывала никаких нежных чувств (за давностью лет обида за разбитую губу притупилась, уступив место христианской жалости), все лилась и лилась рекой, заполняя коридор. Я брела по колено в этой реке, спотыкаясь и падая, но упрямо двигаясь к цели... Какой? Бог весть. А впереди у очередного поворота маячила широкая спина в красной шубе, с мешком за плечами. Было настойчивое ощущение дежа-вю: я уже видела эту спину раньше, но когда и где?...»

— Вот меня и разоблачили, — огорченно произнес ее страшноватый спутник, не оборачиваясь. — А я-то надеялся подольше сохранить инкогнито. И подарков не жди: выросла ты из кукольного возраста, Джейн...

— Вам очень идут новые очки, — заметил Николай Николаевич во время очередного (второго) визита Майи в стены прокуратуры.

— Надеюсь вас соблазнить, — хмуро пошутила она и с независимым видом уставилась в зарешеченное окно. — Провела полтора часа в «Оптике», продавщицы теперь будут мною внуков пугать. Вы разговаривали с Романом?

— Только этим последнее время и занимаюсь. Мне совсем не улыбается посадить его... по крайней мере, на основе имеющихся улики, иначе на суде адвокат меня с потрохами съест.

— А что — улики?

— Строго говоря, ничего. Послужила ли его трость орудием убийства — установить невозможно. Лак совершенно обгорел, посторонние отпечатки пальцев если и были, то уничтожены. Однако пока это единственный предмет, который убийца мог использовать в своих целях. Другого мы не имеем. Скажите, почему Роман Сергеевич так странно назвал вас: Джейн?

— Вам в самом деле интересно? — Майя пожала плечами. — Ну, когда-то в детстве играли в Тарзана.

— В самом деле? А кто у вас был в роли Читы?

Она не выдержала и улыбнулась.

— Рита, моя подружка.

— Рита Ивановна Бродникова? Та, что замужем за кандидатом в Думу?

— Да, за Севой. Мы дружили вчетвером. Два мальчика и две девочки. А почему вы спросили?

— Я вызвал ее повесткой вместе с дочерью назавтра.

— В качестве кого?

— В качестве свидетельницы. Собственно, меня интересует Анжелика, но я не имею права допрашивать ее без взрослых.

— Почему только она?

— Не только — мы беседуем с каждым, кто был на той злосчастной дискотеке. Адова работа, доложу вам, однако никуда не денешься. Ваш приятель был прав: кто угодно, кто был там (два одиннадцатых класса, два десятых и отдельные личности из девятого), мог спрятаться на пустом этаже или под лестницей, или в одном из кабинетов — нужно было только иметь ключ.

Майя помолчала. Потом, решившись («Прости меня, Ромушка!»), осторожно произнесла:

— Когда мы сидели в «историчке», примерно около половины одиннадцатого к нам заглянул мальчик в костюме гнома. Гриша Кузнецов.

— И вы молчали? — Колчин что-то быстро чиркнул в блокнот. — Сколько ему лет?

— Девять или десять.

— И он вполне мог столкнуться с убийцей в коридоре, — Николай Николаевич нахмурился. — Черт возьми, Майя Аркадьевна, на чьей стороне вы играете? Вы понимаете, что жизнь мальчика в опасности?

— ...столкнуться в коридоре... — эхом повторила Майя. — Значит, вы допускаете, что ни я, ни Роман охранника не убивали?

— Допускаю, не допускаю... Детский лепет, — проворчал он и неожиданно сменил тему: — Где и когда вы разбили очки?

— Наверное, когда пыталась выбить дверь музея. Рома налетел на меня, мы упали, и подо мной что-то хрустнуло. А вы разве...

— Да, мы подобрали осколки стекла и оправу. К сожалению, ее уже не восстановить. У вас ведь близорукость?

— Минус четыре, еще с института.

— Вы никогда не баловались наркотиками?

— Боже упаси! — сказала она искренне.

— А ваш друг? Только подождите впасть в праведный гнев — подобные вещи ведь не афишируют. Вы могли и не знать...

Она покачала головой:

— Нет, нет и нет.

— Хорошо. Закатайте рукав, пожалуйста.

— Что?!

Его голос приобрел металлическое звучание:

— Я попросил вас закатать рукав.

Она повиновалась — да так яростно и энергично, что пуговицы запрыгали по полу. Колчин внимательно осмотрел ее руки с внутренней стороны локтя и сказал без тени сожаления:

— Извините. Я должен был убедиться. Насчет Романа Ахтарова у меня не было сомнений, а вот насчет вас...

Он надел очки, подвинул к себе бумаги и пробежал их по диагонали сверху вниз.

— Это заключение лаборатории. Дело в том, что под дверью музея в тот вечер разбились два предмета: первый — ваши очки (осколки с диоптриями)...

— А второй? — не выдержала она.

— Эксперты утверждают, медицинский шприц. Совпадение: ваши очки упали на то же место, и осколки перемешались.

Несколько долгих секунд Майя пыталась переварить информацию. Потом неуверенно произнесла:

— Шприц ведь мог разбиться накануне...

— Мы опросили уборщицу, которая мыла пол в коридоре после уроков второй смены. Нет, Майя Аркадьевна, осколки появились незадолго перед пожаром — уже после того, как вы заперли в музее вашего друга, иначе вы бы их заметили. Потом, когда вы пытались выбить дверь, в состоянии аффекта вы не обратили на них внимания.

— И вы сложили два и два... — проговорила она ошарашенно.

Колчин примирительно развел руками:

— Что поделать. Я же мент, серый и недалекий (Геночка, подлец, донес, подумала Майя), привык мыслить шаблонами. Если на молодежном вечере обнаружен шприц...

— Наркотики? — непроизвольно вырвалось у Майи.

Он осуждающе покачал головой:

— Теперь уже вы рассуждаете шаблонно. Где вы видели наркомана со *стеклянным* шприцем?

— Вообще никогда ни одного не видела, Господь уберег. Но если там был не наркотик, то что? Не витамин же В₆.

Следователь усмехнулся и постучал ногтем по циферблату наручных часов:

— А вы попробуйте угадать. Даю минуту на размышление.

Она послушно подперла ладонью подбородок и попыталась сосредоточиться. И перед внутренним взором тут же возникла подруга детства Ритка Бродникова — почему-то в роскошном шелковом пеньюаре (Севушкином подарке, еще одном предмете Майиной зависти) и перед старинным трельяжем, на котором вместе с косметикой были разложены некие медицинские принадлежности. Эти принадлежности вдруг вызвали у Майи озноб.

— Инсулин? — хрипло спросила она, тут же отбросив собственное нелепое предположение.

— Холодно, — успокоил ее следователь.

Она возмутилась:

— Так нечестно. У вас больше информации.

— У вас ее тоже достаточно. Вспомните-ка подробности пожара. Какое место выгорело сильнее всего?

— При чем тут... — Майя замерла на секунду, с трудом подавив желание хлопнуть себя по лбу. — Боже мой... Он впрыснул бензин через замочную скважину, да? А потом протолкнул туда спичку...

— «Он»? — Взгляд следователя стал холодным и цепким. — Почему «он», а не «она»?

«Действительно, почему? Двенадцать ударов «скорее-всего-палкой» — двенадцать беспорядочных, яростных, торопливых ударов, от которых Эдик не смог защититься...»

— Все-таки я у вас на подозрении, — вынесла Майя горький вердикт. — И Роман тоже... А может быть, мы оба? У него была трость — орудие преступления, у меня —

возможность поджечь музей...

— Все возможно, — абсолютно серьезно сказал следователь. — Проблема в том, Майя Аркадьевна, что у меня до сих пор нет ни единого доказательства, ни одного факта, доказывающего, что во время убийства здесь находился кто-то еще, кроме вас, Романа и Эдуарда Безрукова.

— Но шприц...

— Тоже ни о чем не говорит. Даже то, что бензин впрыснули через замочную скважину, — лишь мое предположение. Фантазия, основанная на статистике пожаров, не более. Бесспорным пока является только одно: кто-то с помощью шприца доставил к двери музея некоторое количество специально приготовленной горючей жидкости. И все. Теоретически это могли сделать вы. Или Роман Ахтаров.

— А потом он заперся в комнате и поджег ее вместе с собой, — язвительно закончила Майя.

— Не обязательно. То, что он был заперт в музее, известно только с ваших слов. — Он тяжело вздохнул и потянулся за новой сигаретой. — Видите, как все обстоит. Никто ничего не может сказать наверняка — и это в то время, когда двумя этажами ниже отплясывал целый табор.

Майя вышла из здания прокуратуры, втиснулась в переполненный автобус и мгновенно была намертво придавлена к ледяному поручню монолитной людской массой. Очки, которые она с такой тщательностью выбирала в магазине, на поверку оказались велики и все время съезжали с носа. Майя приподняла руку, чтобы прижать их к переносице, но тем самым опрометчиво лишила защиты собственный бок, куда тут же вонзилось что-то твердое.

— Привет, Джейн.

Она вымученно улыбнулась:

— Здравствуй, Сева. Будь добр, вынь свой локоть из моей печени.

— Извини. — Бродников подвинулся, насколько это позволяло пространство. — Ты домой?

— Домой. А почему ты не на машине?

— «Поцеловался» с каким-то идиотом. Пришлось срочно отправляться в автосервис. Скажи, что за история с тобой приключилась? Нас вызывают к следователю... Точнее, не нас, а только Ритку с Келли. Что она натворила?

— Ничего. А у них самих ты узнать не можешь? Он покачал головой:

— Лица молчит, как Зоя Космодемьянская на допросе. У меня выборы на носу, Рита в истерике. Представь себе заголовок в газете: «Дочь кандидата в российский парламент подозревается...» В чем она, кстати, подозревается?

— Ни в чем, успокойся. Просто... Скажем, есть надежда, что она заметила того, кто поджег школьный музей.

— Ничего себе «надежда»! — фыркнул Сева. — А вдруг ее... Охранника-то ведь укокошили. — Он боязливо перекрестился.

— Найми телохранителя.

Какое-то время он, казалось, всерьез обдумывал данное предложение. Потом изрек:

— Ну, до этого, возможно, дело не дойдет... Но в каникулы она будет сидеть дома как привязанная. Как ты думаешь, не дать ли следователю на лапу, чтобы отстал?

— Я бы не советовала.

— Что, настолько крутой, честный и неподкупный?

— Крутые честными не бывают, — возразила Майя. Они выбрались из автобуса. Сева галантно взял ее под руку и даже попытался завести светскую беседу о погоде и видах на будущий урожай, однако Майя видела, что его мысли витали где-то далеко. И жгло огнем некое внутреннее беспокойство — он даже сдвинул шапку на затылок, вытирая вспотевший лоб.

— Мне кажется, что тебя больше волнуют выборы, чем Келли, — заметила Майя.

Он не обиделся.

— Одно вытекает из другого. Лика спит и видит себя на верховой прогулке в окрестностях Кейп-Генри. Мы были там в прошлом году. Отличное, скажу тебе, место: парковая зона с ухоженными лужайками и миленькие ресторанчики с рыбной кухней вдоль побережья... Правда, воспитанниц колледжа за территорию не пускают, но Келли об этом еще не известно.

Сева повернул голову и почти с ненавистью взглянул на афишную тумбу, полузанесенную снегом. Оттуда, с глянцевого плаката, смотрело его собственное изображение на фоне трехцветного стяга ядовитых колеров: рекламная улыбка, демонстрирующая удачно вставленные зубы, синие глаза и широкая грудь Добрыни Никитича (в жизни грудь была значительно уже, зато явственно намечался животик). Надпись на плакате гласила: «Интересы моих земляков — интересы России».

— Уж не Гоц ли, сволочь, меня подставляет? — сквозь зубы произнес кандидат.

— Гоц? — удивилась Майя. — Ты имеешь в виду школьного директора?

— Ну, — хмыкнул Бродников. — Метит на мое место и всячески гадит.

Это была новость. Фигура Василия Евгеньевича — Санта Клауса местного разлива — по определению отнюдь не зловещая, а скорее комичная, почти водевильная, обрастала мрачными деталями. Майя сделала попытку реабилитировать его:

— В таком случае убийство в школе для него гораздо опаснее, чем для тебя.

— Это смотря кто окажется крайним. — Он нерешительно помолчал. — Майечка, подумай сама: ситуация ведь достаточно ясная, к чему играть в Агату Кристи? Дискотека, пожар в никому не нужном музее...

— ...Разбитый шприц под дверью, — поддакнула она. — У следователя сразу возникла версия...

Бродников будто споткнулся на ровном нескользком месте.

— Шприц? — пробормотал он. — Откуда тебе известно?

— Меня допрашивали, ты забыл?

Затаенная боль на миг исказила его черты — лицо уверенного в себе мужчины будто поплыло, но Сева тут же овладел собой (старая партийная школа, жизнь среди заклятых соратников и единомышленников).

— Все равно. Какой в этом может быть смысл? Смешно, ей-богу, — угрюмо произнес он. — И потом, я не верю в призрачного убийцу. И в тайну закрытых комнат тоже. Правда может лежать на поверхности.

— Ты считаешь, музей подожгла я?

— Я этого не говорил, — возразил великодушный друг детства. — Я думаю, ты просто физически не смогла бы.

— Еще как смогла бы! — Нужно быть честной до конца. — Ты же помнишь, я ходила в спортзал на Маршала Тухачевского...

Роман всегда встречал ее после тренировки: «Ты, Джейн, извини, но в кимоно по татами порхать — это одно дело, а улица — совсем другое. Случись что, кто тебя, дуреху, защитит?» — «Ой, уже не ты ли? У меня первый кю, к твоему сведению».

Первый кю, высшую ученическую ступень, она заработала потом и кровью, чем ужасно гордилась. Сэнсей Артур по-отечески обнял ее на выходе из додзе (на самом деле не совсем по-отечески: многоопытная ладонь как бы невзначай скользнула вдоль ее позвонков и опустилась гораздо ниже талии).

— Молодец, отлично справилась, — снизошел он до похвалы.

— Рада стараться, — промурлыкала она, освобождая волосы от налобной повязки (почему-то это зрелище заводило его с пол-оборота). Также она знала, что за этим последует: победный рев Артуровой «тойоты» (это заводило их обоих), вечерние улицы в неоновых отсветах, просторная квартира на проспекте Строителей — одна-единственная комната, но огромная, как самолетный ангар, и содержащая в себе минимум мебели...

Их отношения продолжались долго: два с лишним летних месяца, пока с Украины не

прибыло Артурово семейство — законная супруга и двое ребятишек, которых Майя так и не увидела. Разбежались легко, как и встретились: ни взаимных упреков, ни скандала с мордобоем — словно ничего и не было... Ну, разве что две пары очков на тумбочке в изголовье кровати. Да еще звук бьющих друг о друга боккенов (деревянных мечей для занятий айкидо) — самый неповторимый звук в мире...

Удары боккенов, голова Эдика без единой целой кости (бесстрастная подробность в отчете патологоанатома)...

— Джейн, тебя никто ни в чем не подозревает, — упрямо сказал Сева. — Но Роман! Откуда ты знаешь, каким он стал? И эта его идиотская затея: отметить Новый год в школе. Тоже мне, нашел место.

— Да уж, — зло сказала Майя. — Лучше бы я кувыркалась на вилле с голым губернатором.

— Нет, лучше кувыркаться в прокуратуре, в кабинете с решетками на окнах! — взорвался он.

— Почему же, — возразила она. — Я девушка сообразительная. Всех бы устроило, если бы Романа осудили. Я буду свободна (как будто сейчас я занята), тебя выберут в Думу по партийным спискам, и ты свалишь Гоца — его-то уж точно зашлют преподавать рисование в какую-нибудь Нижнюю Кундыевку. Келли будет кататься на лошадях по Кейп-Генри...

Он помрачнел и как-то сник, мигом утратив сходство со своим плакатным братом-близнецом.

— Извини. В голове полный сумбур. Инстинкт защиты потомства, знаешь ли.

— Тебя Рита науськала? — сообразила Майя.

— Не суди ее строго. На самом деле Лика — еще та головная боль. Любимое и единственное чадо в переходном возрасте.

Они расстались у дверей его квартиры. Он нажал кнопку звонка, в недрах невидимого коридора послышались вялые шаги (будто древняя старуха шкандыбает), и на пороге показалась заспанная Келли.

— Привет, папик. Здравствуйте, тетя Джейн. А меня назавтра вызывают в ментовку. Интересно, что будет, если я не пойду? За мной пришлют «черный ворон»?

— Лика! — нахмурился Бродников-старший.

— Шучу, шучу. — Она подмигнула Майе, словно подружке. — Тетя Джейн, пригласите меня в гости как-нибудь. Расскажите, как все было, — жутко интересно. Вы же свидетельница.

— А ты — нет? — спросила Майя.

Келли махнула рукой, на которой мелькнуло какое-то белое пятно.

— Я ничего не видела. Не повезло.

— И слава богу, — пробормотал Сева в сторону. Он боится за Келли.

Майя сделал это открытие, поднявшись на свой этаж и отперев простеньким ключом простенький английский замок.

Он боится за Келли. Не за ее жизнь: «Я не верю в призрачного убийцу», а за то, что на самом деле может лежать на поверхности: Лика на школьном маскараде. Лика на лестнице, ведущей на третий этаж, яркие разноцветные клетки Домино и пышное жабо вокруг шеи. Разбитый шприц... И (она только сейчас осознала увиденное) — пластырь на свежей царапине посередине правой ладони...

Глава 6

В Театре драмы давали «Маскарад» Лермонтова в постановке Всеволода Мейерхольда и с великим трагиком Мамонтом Дальским в роли Арбенина. По поводу последнего друзья-соперники Коленька Клянц (в будущем году выпускник Петербургского

технологического института) и Петя Викулов (племянник того самого Викулова, держателя акций «Белл-Телеграф» и совладельца игорных домов «Дюссельдорф» и «Палас» по соседству с «Метрополем») сходились во мнении, что Мамонт — артист хоть и мирового масштаба, но редкостная бездарность и фигляр. Любушка Немчинова, молодая особа, в которую друзья были давно влюблены, возразила, что он — душа («Да, честь не возвратится, преграды рушатся между добром и злом...» — как сильно он говорит, откидывая назад длинные волосы, какой огонь в глазах... Впрочем, Князь тоже неплох).

— В Москве, в Императорском, ему аплодировали сорок минут кряду. Ах, что за мужчина!

Она издевается над нами, решили друзья, и преувеличенно заинтересованно заскользили взглядами по соседним ложам. Бог их знает, кто там был — какие-то дамы в разноцветных пышных бархатных платьях, офицерские мундиры и скучные штатские сюртуки, в блеске люстр и бронзовых с позолотой светильников по стенам, приглушенный шум, шуршание программ и реплики актеров в огнях рамп («Мейерхольд, безусловно, талантлив, — приглушенный диалог завязтых театралов с соседних кресел, — однако не бесспорен и смел до наглости: вы посмотрите на декорации! Голые стены, голая мебель, кое-как задрапированная ради приличия. А актеры! Арбенин — настоящий мужлан!» — «Вы просто не понимаете новаторства, милейший Ксаверий Петрович. О Мейерхольде еще заговорят, будьте уверены. Хотите пари?»)...

— А еще говорят, что он состоит членом тайного общества, — не унималась Любушка.

— Кто?

— Да вы меня совсем не слушаете!

— Слушаем-слушаем. Так кто и где состоит?

— Да Дальский же! И даже является одним из руководителей.

— Хорош руководитель тайного общества, о котором всем известно, — фыркнул Петя.

Николенька взглянул на девушку и смущенно промолчал — он всегда смущался в ее присутствии, его стесняла его собственная полнота и неуклюжесть в движениях, которую Люба, впрочем, иногда называла «милой».

Сегодня, однако, Любушка была не в духе. Причиной ее плохого настроения, как ни странно, явилась сама пьеса — она живо напомнила ей визит в Мариинский, в Петербурге. Там, помнится, тоже давали «Маскарад», но в другой, более консервативной постановке...

Она не могла вспомнить ни тех актеров, ни того театра вообще — только то, что они всем семейством сидели в четвертом ряду партера, а ложу справа от них занимал какой-то господин средних лет, от которого Люба, однажды посмотрев, так и не смогла отвести взгляд.

— Папа, кто это? — прошептала она.

Отец назвал фамилию, которая тут же вылетела из памяти. И почтительно добавил: важный государственный чиновник, на тайной службе его величества...

Это прозвучало весьма романтично. У мужчины был четкий профиль, напоминающий изображение императора на старинных монетах (папенька был страстным нумизматом): жесткая линия рта, легкая седина в коротко стриженных волосах, высокий лоб и красивой формы затылок... Глаз она не разглядела, они все время ускользали и меняли цвет, отражая огни рамп. Прямая осанка и разворот плеч выдавали в мужчине военного. Странной была реакция Софьи: она проследила за Любушкиным взглядом и вдруг побледнела и отвернулась, а потом, в антракте, сказала, нездоровой и попросила отвезти ее домой.

Всю дорогу она отмалчивалась, а если отвечала, то односложно. Тонкие руки в длинных белых перчатках нервно теребили ручку зонтика, чувственные губы были упрямо поджаты. Несколько раз то Люба, то Вадим Никанорович пытались развеять Сонечкино настроение — напрасно. Так они доехали до самого дома — Донцовы имели особняк на углу Невского, рядом с писчебумажной лавкой Лялина, где, как утверждал хозяин, покупал принадлежности сам Адам Мицкевич. Там отпустили извозчика. Мужчины слегка отстали, занятые скучнейшими разговорами о политике, а Любушка, воспользовавшись

долгожданной паузой, умоляюще тронула сестру за локоть:

— Милая, что с тобой? Что тебя так расстроило? Этот несносный рече...

— Перестань, — тихо ответила Софья Павловна.

И добавила после паузы:

— Хорошо, что вы здесь. С вами мне спокойнее.

— Ты поссорилась с Вадимом?

Она улыбнулась через силу:

— Вадим тут ни при чем.

— А тот человек, что встретился нам в театре? — проницательно спросила Люба.

Софья вздрогнула.

— Почему ты о нем вспомнила?

— Не знаю... Привлекательный мужчина. Сильный, но, по-моему, несчастный.

— Не выдумывай. Откуда ты можешь знать?

— Я не знаю — я чувствую. — Она и впрямь, живя в сумбуре, в непротivлении «мировому мусору», тотчас забывала имена и даты (к примеру, не помнила, когда у папеньки день рождения), зато тонко ощущала оттенки слов, жестов и выражений лиц. — Скажи, у тебя с ним...

— Нет, — твердо ответила Софья. — С ним — ни за что и никогда.

— А по-моему, ты к нему равнодушна.

— К кому ты равнодушна, прелесть моя? — вклинился в разговор Вадим Никанорович. — На дуэль мерзавца! Стреляться с десяти шагов!

— Ты промахнешься, — мягко заметила Софья.

— Вот еще! Вспомни, как я уложил того селезня на охоте прошлой осенью. Мы с графом Зуровым тогда поспорили...

— Ох, не вспоминай, прошу тебя. У меня до сих пор выстрелы в ушах.

(Охотничий пес графа, крапчатый сеттер по кличке Арап, принес в зубах подранка. Селезень был еще молоденький, не успевший войти в сок и походил на милого слегка неуклюжего подростка. Сеттер, перемазанный по уши в грязи, почему-то приволок добычу не хозяину, картинно опиравшемуся о ружье, и даже не автору выстрела («На троечку, милейший Вадим Никанорович, — посмеиваясь, проговорил Зуров. — У меня-то подранков не бывает, оттого и души убитых по ночам не тревожат»). — «А мне, значит, эта проклятая птица будет досаждать во сне?» — «Ну, этого я не утверждаю. Однако есть такое охотничье поверие — древнее, еще со времен скифов...»), а именно Софье, выбрав ее неизвестно из каких соображений, и положил птицу ей под ноги.

Пес явно ожидал похвалы, но Софья, не обращая на него внимания, опустила перед селезнем на колени и положила ладони ему на грудь. И с изумлением услышала стук крохотного сердечка, слабый и частый-частый, точно барабанная дробь.

— Отошли бы вы, барышня, — сказал кто-то из слуг. — Не ровен час, испачкаетесь.

Но ее руки уже были испачканы — густая кровь казалась горячей в контрасте с холодным октябрьским воздухом...)

Именно в ту осень граф Зуров познакомил Софью с полковником Ниловским. Он тоже показался ей привлекательным. Она дико, почти суеверно боялась его, и все равно он притягивал ее к себе, словно огонь свечи — глупого мотылька...

Позже Соня старалась незаметно присмотреться к сестре: неужели этот человек околдовал и ее? Однако Любушка и думать забыла о той нечаянной встрече в Мариинском — так была очарована Петербургом, его дворцами и фонтанами, сладким томлением белых ночей у разведенных мостов, каменными сфинксами на набережной и цоканьем подков по брусчатке Невского проспекта...

— Сонечка, какая ты счастливая! — с жаром шептала она, лежа в постели, закинув руки за голову и жадно вглядываясь в лицо сестры — свет ночника освещал только одну его половину, делая Софью похожей на портрет, написанный талантливым художником-импрессионистом. — У тебя все-все есть: и богатый муж, который тебя

обожают, и эти огни, и эта жизнь... Я давно поняла: настоящая жизнь возможна только здесь, в Петербурге.

— Вот как? — грустно улыбнулась Софья. — И давно ты пришла к такой мысли?

— Ты не понимаешь. У нас, в провинции, ничего интересного не происходит. Ну, вечера в Дворянском собрании. Ну, прогулки с Петей и Николенькой по Старо-Ордынской — там на углу открыли женскую гимназию, знаешь? Я даже как-то ходила на лекции по ботанике, их читал профессор Спрыгин. Сначала было интересно, потом надоело, бросила. А ведь всерьез собиралась стать ученой дамой — представляешь меня в такой серой длинной юбке, пенсне, волосы забраны в тугий пучок? Папа вечера проводит за картами с этим несносным Гульцевичем и смотрит на меня как на маленькую девочку...

— Ты и есть маленькая девочка.

— Мне уже восемнадцать! — вскинулась Любушка. — То есть скоро будет...

— Все равно. Маленькая и глупенькая — медное принимаешь за золотое.

— Да неужели тебе не нравится в Петербурге?

— Ненавижу его, — с затаенной силой произнесла Софья.

Люба села в постели и с тревогой посмотрела на сестру.

— Так уезжай.

— Рада бы, — вздохнула та. — Только из капкана не сбежишь.

В тот день после обеда Вадим Никанорович уехал в банк, предупредив, чтобы к ужину не ждали («Сегодня обхаживаем промышленника Золотухина — он предлагает наладить очень выгодные продовольственные поставки, буквально по бросовым ценам, однако конкуренты могут переманить»). Любушка сказала, что больная и осталась в постели с книгой.

— Тебе что-нибудь нужно? — ласково спросила Соня.

— Нет, ничего. У меня жуткая мигрень, вчера перегрелась на солнце. Ужасно жаркий день был, правда?

— Тебе надо было взять зонтик, как я советовала.

— Куда ты уходишь?

— К подруге. Это недалеко, на Садовой. Ты даже не успеешь соскучиться. — Она нежно поцеловала младшую сестру в розовое ушко и на цыпочках вышла из спальни.

Люба выждала три минуты, потом неслышно встала, быстро оделась и выскользнула в дверь вслед за сестрой.

...Сонечка миновала уже и Садовую, и Фонтанку и теперь целеустремленно шла по направлению к Литейному. Она была в длинной юбке, жакете и какой-то невзрачной шляпке мышинного цвета с узкими полями. Было полное впечатление, будто Софья боится быть узнанной. Любе приходилось держаться на почтительном расстоянии.

Узкий четырехэтажный дом (мрачноватый модерн с двумя аспидными башенками и лепными ночными демонами, слетевшимися под крышу) прятался в переулке возле магазина мод Серпухова. Софья Павловна оглянулась (Люба едва успела отпрыгнуть за афишную тумбу) и скрылась в парадном. Любушка единым вихрем взлетела следом — гулкие истертые плиты, изысканные изгибы перил и витражи на окнах, шаги Сони на пролет выше... Вот она остановилась и коротко постучала. Ей открыли тут же, будто давно ждали. Щелкнул замок. Затаив дыхание, Любушка подошла к двери, за которой скрылась сестра, и увидела бронзовую табличку с изысканным вензелем:

Д-р А. Верден
Прием больных,
физические процедуры,
консультации

Ждать в подъезде было опасно, а на Литейном — скучно. Люба зашла в кондитерскую (очень уж аппетитно выглядел марципановый торт в витрине), села за столик возле окна и

попросила пирожное и лимонад.

— Позвольте?

Она повернула голову. Какой-то веселый господин в съехавшем набок котелке склонился над ней, дохнув застарелым перегаром.

— Юная барышня скучает одна?

— Penolant l'etoule des faut il donner a l'anoitomie, cela permet d'inifer un exemplaire, — a l'un des classes[1], — отчеканила Любушка по-французски.

— Пардон, — слегка ошарашенно сказал господин и исчез в мгновение ока.

Соня пробыла у загадочного «д-ра» около получаса. Люба увидела ее, выходящую из-под арки, поникшую, с опущенными плечами и склоненной головой — так, что поля шляпы совершенно скрывали лицо. Подождав, пока сестра возьмет извозчика, Люба расплатилась, пересекла Литейный и вбежала в уже знакомый подъезд.

Дверь с бронзовой табличкой отворилась, и высокая мужская фигура появилась на пороге. В серых широко расставленных глазах мелькнуло секундное удивление.

— Вы ко мне? — спросил он.

— К вам, — улыбнулась Любушка. — Вы меня помните? Мы виделись в Мариинском, на «Маскараде», — и, с некоторым удовольствием заметив замешательство хозяина квартиры, добавила: — Вы не пригласите меня войти? Неудобно же даму держать на пороге...

Письмо от Софьи пришло с утренней почтой. Любушка едва не заплакала от радости, когда среди пачки деловых бумаг, адресованных папеньке, увидела белый конверт с дорогой маркой (Павел Евграфович уже три дня как уехал в Самару, к дальней родне). Она в нетерпении схватила конверт, бегом припустилась в папенькин кабинет, где на столе лежал нож для резки бумаги, взрезала, достала листок, исписанный знакомым изящным почерком — буквы летящие, стремительные, почему-то вызывающие мысль о бригадине на всех парусах... Жадно вчиталась в строки, сперва не поняв, о чем речь. А вчитавшись повнимательнее, вдруг почувствовала, будто утреннее солнце померкло. Повеяло тревогой, пока неосознанной, но тяжелой, словно воздух перед грозой («смерть витает вокруг...»).

Хорошо, что папеньки нет дома, рассеянно подумала она, продолжая скользить взглядом по письму. Он здорово сдал в последнее время — возраст, сердце... Все чаще и чаще, к месту и не к месту, вспоминал Любушкину маму, Анну Бенедиктовну, а саму Любу называл чертенком в юбке («Все же ты меня вгонишь в гроб своим несносным поведением... Впрочем, я не жалею: давеча мне опять снилась Аннушка, она звала меня...»). Когда мамы не стало, папа казался им с Сонечкой единственным дорогим человеком на свете, в миллион раз лучше всех гувернанток, вместе взятых. Однако сейчас он бы только мешал.

— Я должна ехать в Петербург, — упрямо повторила она. — С Соней что-то случилось, я чувствую.

— Что с ней может случиться? — фыркнул Петя Викулов. — При богатом муже, ни забот, ни хлопот...

— Но ты же читал письмо!

— И что? — Он вальяжно развалился в кресле перед камином. — Уважаемая Софья Павловна, не в обиду ей будет сказано, вообще особа слегка... э-э, экзальтированная.

— Откуда ты можешь знать?

— Мы были представлены друг другу прошлым летом, ты забыла? И проблема-то наверняка яйца выеденного не стоит. Допустим, у ее мужа адюльтер...

— Фу, какие гадости ты говоришь!

— Мон амур, а что ты себе вообразила? Что на твою сестру напали пираты, приплывшие по Обводному каналу?

Он рассмеялся, пересек комнату, подойдя к окну — отсюда открывался вид на Троицкую, в те времена крытую сосновыми досками, кое-где прогнившими после затяжной зимы, и особняк купчихи Солнышкиной — помпезное здание со множеством башенок в

стиле позднего барокко и аж тремя балконами на толстых квадратных колоннах. Бездна вкуса, что и говорить. Однако может себе позволить: торговля тканями ее мужа Симеона (четыре магазина на Сенной, Троицкой и у Тамбовской заставы) приносит годовой доход до двухсот тысяч...

Оторвавшись от созерцания, Петя взглянул на Любушку — та смотрела на него с откровенной мольбой.

— Ладно, — проговорил он с деланной неохотой. — Петербург так Петербург, почему бы и нет. Ты ведь хочешь, чтобы я тебя сопровождал?

Она взвизгнула, бросившись Пете на шею (тот слегка оторопел, но тут же незаметно подмигнул Николеньке: так-то, брат, кто смел, тот и съел).

Оставшуюся часть вечера Николенька просидел в углу дивана, стараясь не встречаться взглядом со счастливой парой, всюю строившей планы на ближайшее будущее («Надо послать Машу за билетами». — «Перестань, билеты я беру на себя. Едем первым классом, ты согласна?» — «А когда?» — «Нужно выяснить расписание. Думаю, дня через три»).

Три дня, подумала она с огорчением. Постареешь, пока дожدهшься.

Но она дождалась. Маша, горничная, пыталась удержать хозяйку, все всхлипывала и сморкалась в носовой платочек: «Одни, барышня, в такую даль! Что я Петру Евграфовичу скажу, когда спросят?»

— Я тебе сто раз втолковывала: он вернется не раньше чем на Пасху. И потом, я не одна, я с Петей.

Маша вздохнула, пакуя чемоданы.

— Оно, конечно... А все же боязно.

— Тебе что бояться? Ты-то дома остаешься.

Звякнул колокольчик у двери. Маша побежала открывать.

— Кто там? — крикнула Люба.

— Петр Яковлевич и Николай Николаевич пожаловали, — отозвалась горничная.

Появился шумный Петя, поигрывая легкой тросточкой. Не раздеваясь, лишь стряхнув капельки воды с модного пальто, прошел в гостиную и улыбнулся девушке:

— Извозчик ждет.

— Сейчас, сейчас. Последний чемодан остался... Маша, не стой же столбом!

Всего чемоданов было четыре. Кроме них была огромная шляпная коробка, два свертка с едой и дамская сумочка (косметика, разменные деньги, зеркальце с монограммой — память о матушке, носовые платки и гребни для волос). Только бы ничего не забыть, вертелась в голове тревожная мысль — всю дорогу до здания вокзала, пока лихой кучер на козлах покрикивал на зазевавшихся прохожих:

— Па-асторонись! Не извольте беспокоиться, ваше сясь-тво, с ветерком домчим!

На вокзале былолюдно и шумно. Молодой мужчина, почти юноша, одетый незаметно — в темное пальто, темные брюки и форменную фуражку, влился в толпу и мгновенно стал ее частью. Он купил папирос у мальчишки, газету с лотка и встал у стены под часами, рассеянно поглядывая вокруг.

Полчаса назад он еще сидел в маленьком дешевом ресторанчике на втором этаже. В центре грязноватой залы гуляли заезжие купчишки невеликого ранга (провернули удачную сделку), ближе к двери расположилась дама средних лет с гувернанткой (немкой или датчанкой — худой и чопорной, в старомодном кружевном чепце и с аскетическим желтым лицом, будто сошедшей с полотна эпохи ранней готики) и двумя детишками, изо всех сил старающимися вести себя прилично. Мужчина, скользнув по ним равнодушным взглядом, заказал рюмку водки, рыбный салат — и принялся смотреть в окно, на привокзальную площадь.

Заметив, что посетитель сидит уже второй час (рюмка была выпита едва ли наполовину, рыба и вовсе осталась нетронутой), официант подошел и почтительно спросил, не желает ли господин еще чего-нибудь.

— Нет, — равнодушно ответил посетитель. — Получите с меня. Впрочем, принесите карандаш.

«Чтобы расчистить поле для грядущего, — отрывисто писал он на салфетке (буквы ложились неровно, но он не обращал внимания на почерк, словно оставляя послание лишь для самого себя), — мир должен пройти через кровь, хаос и нищету. Гибель всего живого — дико, бесчеловечно, душа не принимает... Однако это единственный путь. Остальное — сытые иллюзии, попытка примирить языческую материю и христианское ее отрицание. Очищение огнем — вот настоящая тайна тайн...»

Последние буквы от торопливости трансформировались в прямую линию. Он бросил карандаш на стол, сунул салфетку в карман и порывисто вышел, заведя на площади перед вокзалом экипаж, который ждал все это время. Из пролетки выходили трое молодых людей: один высокий, тонкий в талии, со щегольскими усиками ниточкой, помогал девушке спуститься с подножки. Девушка была не красавицей в классическом понимании, но — здоровье, радость бытия, даже счастье в больших черных с поволокой глазах... Вон как она глядит на своего спутника, ясное дело, влюблена без оглядки. Третий, одетый как студент, пониже ростом и полный, в круглых очочках, вертел головой в поисках носильщика.

Наблюдая за троицей, мужчина спустился на перрон, ближе к стоявшему в ожидании отправления составу. Люди толкались, налетали друг на друга и тотчас разбегались, не подумав попросить извинения. Те, за кем он наблюдал, остановились у входа на платформу, чуть наособь, и, видимо, прощались: легкий, необязательный поцелуй в щеку (толстячок студент мучительно покраснел), последние фразы перед посадкой... Время растянулось и замерло, словно ленивая кошка на подоконнике. Мужчина вытер платком вспотевший лоб, сунул платок в карман и вытащил револьвер. Секунду постоял неподвижно, словно собираясь с духом, потом сделал шаг вперед и поднял оружие.

И наткнулся на взгляд.

Те самые глаза, словно крупные ягоды смородины в утренней дымке. Девушка смотрела на него, прямо в черную пасть револьвера (а вокруг по-прежнему шли и бежали люди, никто ни на кого не обращал внимания). Он приготовился выстрелить... Однако указательный палец не послушался, будто окован на морозе.

Так продолжалось долго, целую вечность. Девушка очнулась первой. Зачем-то присев на корточки, она оглушительно завизжала и закрыла ладонями уши. Ее спутник, студент-толстячок, проявив неожиданную прыть, прыгнул на третьего, «франта» в модном английском пиджаке, и оба упали... Мужчина все-таки успел выстрелить, уже не целясь, и «франт» испуганно ойкнул, хватаясь за плечо. Мужчина развернулся и побежал, неловко скидывая длинные ноги.

Толпа испуганно расступилась, раздались полицейские свистки... Его преследовали: сзади, с боков, наперерез, уже спешили жандармы, и он заметался в кругу, не осознавая, что все еще сжимает в руке револьвер.

— Брось оружие! — заорал один из полицейских, приближаясь к нему на полусогнутых, готовый в любой момент броситься на землю. — Подними руки, или выстрелю! Подними руки, скотина!

Мужчина так и собирался поступить. Он поднял руку с револьвером, желая отбросить его в сторону, но жандарм, уже имевший случай столкнуться с террористами (безусые мальчишки, напавшие на почту прошлой осенью и убившие старика почтмейстера), понял это по-своему. Что-то грохнуло, и мужчина ощутил боль возле ключицы. Обезумев от ужаса, он прыгнул на пути и побежал, задыхаясь, чувствуя, как силы уходят...

Ему повезло: он не увидел поезда, который налетел откуда-то сбоку, ударил и поволок впереди себя, перемалывая кости в муку. И испугаться он не успел, потому что умер раньше...

— «Мир должен пройти через кровь...» — Пристав повертел в руках обрывок салфетки, извлеченной из кармана у погибшего. — Это да, крови достаточно. О чем это

он, а?

Жандарм не ответил. Его лицо было мокро от пота и по цвету напоминало молодую зелень. Его жестоко тошнило. Он силился отвести взгляд от грязной брючины, которая заканчивалась таким же грязным ботинком и лежала отдельно от туловища, шагах в пяти от рельсов.

— И никаких документов, заметьте, только десять рублей ассигнациями. Надеюсь, вы догадались опросить свидетелей?

— Так точно-с. Однако, смею заметить, толку немного. Пока пальба не началась...

— Понятно. В кого он стрелял?

— Трудно сказать. Установлено, что поблизости не было никаких важных особ... Я имею в виду тех, кто представлял бы интерес для террора. Разве что статский советник Дормидонтов... Но он находился совсем в другой стороне.

— Дормидонтов? — вскинулся пристав. — Как же, знакомы-с. Надеюсь, его превосходительство цел и невредим?

— И они сами, и их супруга — все в добром здравии. Правда, слегка испуганы... Анна Гавриловна, кстати, добровольно дала показания: ей показалось, будто некий молодой человек после выстрела вскрикнул и упал — возможно, был ранен.

— Вот как? Что же вы молчали? Кто таков?

— Виноват, не установили. Началась суматоха, мальчишка просто исчез. Да и был ли — госпожа Дормидонтова признает, что могла напугать.

Пристав хмуро взглянул на санитаров — те укладывали на носилки куски человеческого тела. «Мир должен пройти...» Солнце, будто ужаснувшись увиденным, спрятало свой лик за тучи, и снова посыпался изнуряющий мокрый снег.

— Начальник станции интересуется, можно ли отправлять состав.

— Отправляйте, — махнул рукой пристав. И в задумчивости обхватил пальцами подбородок. — Этот молодой человек... Он собирался куда-то ехать — иначе зачем ему быть на перроне?

— Возможно, встречал или провожал.

— В любом случае он скрылся, это само по себе подозрительно. Пусть проверят больницы, не обращался ли кто-нибудь по поводу огнестрельного ранения. И кстати, наведайтесь в психиатрическую лечебницу: вдруг наш стрелок был их пациентом.

Пете повезло: пуля, проделав аккуратную дырочку в рукаве английского костюма, не задела плоти. Спасибо Николенке: кабы не он, дело обернулось бы по-иному.

— Ехать? — подозрительно переспросил он, уставясь на Любушку. — Ты с ума сошла. Ты так и не поняла, что нас хотели убить? Вернее, меня...

— Может быть, мы ни при чем? — неуверенно предположила она. — На вокзале было много народа...

Он потянулся за сигарами (Вадим Никанорович регулярно слал из Питера презенты своему компаньону, Викулову-старшему). Открыл шкатулку красного дерева, долго не мог зажечь спичку — очень тряслись руки.

— Доктор прописал мне постельный режим. Никаких волнений, иначе сердце может не выдержать. И тебе ехать не советую — нужно переждать, пока не уляжется шум. Кстати, возможно, нас ищет полиция — мы же сбежали... Хотя я до сих пор не пойму, от чего.

«Он был прав, тысячу раз прав, а я (Любушка мысленно посыпала голову пеплом) просто жалкая авантюристка». Визит к больному в особняк Викуловых (угол улиц Гороховой и Павловской) начался удачно: девушка властно отослала сиделку, сама поменяла Петеньке лобный компресс и присела у его постели. Бедный, бедный, сколько же он пережил!

Однако он совсем не обрадовался ей. Он был очень испуган.

«В самом деле я дура, — огорченно думала Люба, спускаясь по лестнице. — И несносная Соня, если уж на то пошло, могла бы приехать сама. Я напишу ей, — пришла

вдруг счастливая мысль. — Расскажу про выстрелы на вокзале... Впрочем, нет, не стоит ее волновать. Мало ли какие причины могли задержать отъезд. Да и не обещала я ей ничего».

Николенька нервно прохаживался по тротуару вдоль дома, сунув озябшие руки в карманы пальто. Завидев Любу, он быстро подошел и спросил с непонятной надеждой:

— Ну, как там Петя?

Зашел бы да узнал, сердито подумала она, забыв, как сама прозрачно намекнула «верному рыцарю», что предпочла бы навесить больного тет-а-тет. Николенька, как обычно, покраснел, но перечить не осмелился.

— Значит, ты едешь в Петербург одна?

— Зачем спрашивать очевидные вещи?

Она уже всерьез разозлилась и пошла вдоль улицы, гордо задрав голову и впечатывая ни в чем не повинные каблучки в ноздреватый снег. Вскоре она услышала сзади осторожное сопение. Николенька нагнал ее и, преодолев робость, взял за рукав.

— Что? — спросила она воинственно.

Глядя ей прямо в глаза, он сказал, что, если она не против, он готов сопровождать ее в поездке. В Петербург, он хотел сказать, потому что, в принципе, лекционный курс закончен и возобновится только через месяц, и он свободен, то есть он имеет в виду, чтобы поехать с ней. Если она не возражает, он хотел сказать. Вот.

Она остановилась от неожиданности.

— Вы серьезно, милостивый государь?

— Ну.

Любушка рассмеялась.

— Что ж, я подумаю, — и вдруг почувствовала, что впервые за все это время ей стало легко и спокойно. Будто гора с плеч свалилась.

— Только... — Николенька с досадой потер лоб. — У меня из головы не идет тот человек, что стрелял в нас. Он словно знал, куда и зачем вы отправляетесь. Словно он следил за нами...

— Не выдумывай, — отмахнулась она, про себя понимая, что Николенька прав. — В любом случае ты и я ни при чем. Он хотел застрелить Петю.

— Хотел бы застрелить — застрелил бы, — возразил Николай. — Нет, я не думаю, что он промахнулся. Он непременно желал, чтобы ты отказалась от поездки.

Любушка упрямо тряхнула головой.

— Все равно. Убийца мертв, значит, и опасности нет.

— Убийца мертв, — задумчиво отозвался Николенька. — Только как быть с теми, кто его послал?

Ложась поздно, часу в двенадцатом: смотрела по «ящику» какой-то совершенно никчемный псевдомузыкальный фильм с полным набором престарелых «звезд», она рассчитывала проспать весь последующий день: у нормальных людей канун праздника загружен до отупения — гонки по магазинам, ударные вахты на кухне в преддверии нашествия гостей (пошли на них, Господь, черную оспу!). Ничего не хотелось.

Единственная примета грядущего тысячелетия — елка (языческий пережиток, но как прочно угнездился в общественном сознании!), украшенная набором блестящих шаров, купленных на распродаже во времена оные (на одном был изображен профиль крейсера «Аврора» и вилась полустертая надпись «60 лет Великому Октябрю»), клочками ваты, изображающими снег, и неопрятными пучками лежалого «дождя».

Вчера Майя предприняла неуклюжую попытку генеральной уборки и флегматично ползала с тряпкой по полу, стараясь отключиться от назойливых мыслей. Мысли не желали отключаться, и в конце концов Майя сдалась. Бросив посреди комнаты ведро с водой, она забралась с ногами в кресло и замерла, глядя на безмолвно мечущегося по экрану Киркорова. Эстрадное диво по какой-то необъяснимой ассоциации напомнило ей несчастного Эдика Безрукова. Она потрогала нижнюю губу — ерунда, столько времени прошло, даже

маленького шрамика не осталось... И злости на беднягу нет (де мортуйс аут бене аут нихиль), только нечто напоминающее сострадание: что может быть спокойнее должности школьного охранника? Сиди себе на стульчике, разглядывай коленки рано созревших десятиклассниц, прикрываясь страницами «Русского транзита»... А вот поди ж ты.

Майя посмотрела на собственные книжные полки (мамино наследство). Мама, в силу то ли своей профессии, то ли просто мировоззрения, всегда относилась к печатному слову человечества с большим пиететом и привила это отношение дочери. Эдик, видимо, такой привычки не имел. Или имел? Нужно будет спросить следователя, в каком состоянии были страницы и переплет.

Майя прикрыла глаза и попробовала сосредоточиться. Да, он сидел и читал и был совершенно спокоен — я на секунду обернулась, прежде чем подняться по лестнице вслед за Романом. А вскоре...

Вскоре Эдик еще что-то (или скорее кого-то) увидел. И это уж взволновало его до такой степени, что он вскочил, бросив книгу на пол, и прямо-таки понесся (!) следом, на третий этаж, где в темном закутке, куда не проникает луна, получил смертельный удар... Вернее, множество ударов, яростных, беспощадных и не слишком сильных (ни один, отдельно взятый, не привел бы к смерти).

Келли. Пластырь на ладони, разбитый шприц, и странная реакция Севы — боль, исказившая черты лица, испуг... Не просто испуг, а вполне конкретный, будто он понял вдруг нечто и постарался это скрыть...

С этой мыслью она и уснула, только успев выключить телевизор где-то на границе сна и яви. С этой же мыслью открыла глаза в седьмом часу утра, будто невидимый будильник зазвенел и сбросил с постели. Наспех, будто кто-то дышал ей в затылок, Майя умылась и причесалась, проглотила универсальную яичницу, запив универсальной чашкой «Нескафе», и через полчаса уже стояла перед дверью четы Бродниковых, готовясь услышать заспанные ругательства.

Однако Ритка была уже на ногах и на кухне — там что-то варилось, жарилось, выпекалось, резалось и перемешивалось, источая целую какофонию ароматов.

— Проходи, — сказала она, нисколько не удивившись. — Извини, Сева пригласил на ужин соратников по партии, а те жрут хуже саранчи, сколько ни дай, все мало.

— Сколько соратников-то? — спросила Майя.

— Четверо. Трое местный и какой-то фюрер из Москвы.

Войдя на кухню, Майя невольно присвистнула: судя по количеству приготовленной снеди, Бродниковы ожидали на постой как минимум гусарский полк.

— И как не вовремя, бог ты мой! Следствие, пожар, шприц этот дурацкий (о мертвом Эдике Рита даже не упомянула, как о чем-то несущественном). Нужно было отправить Лику в частный колледж, как я и советовала. Подальше от этих безобразий.

— А где она сейчас?

Рита махнула в пространство половником.

— С утра убежала к подружке делиться впечатлениями. Пусть, по крайней мере, под ногами не вертится. Днем нас ждут в прокуратуре... Ох, Джейн, лишь бы она не наболтала там лишнего!

Майя подошла к ней, решительно отобрала половник, бросила его в мойку и взяла Риту за плечи:

— Чита, мы еще подруги?

— При чем здесь... То есть, конечно, подруги.

— Тогда скажи мне, что утаивает Лика!

Глаза Риты широко раскрылись, и ресницы воздушно захлопали (наверное, именно этой невинностью во взоре она и покорила Севушку).

— Почему ты решила, что она что-то утаивает?

— Роман арестован, — напомнила Майя.

— Задержан...

— Неважно. Следы на этаже — я имею в виду материальные следы, которые можно пощупать, — только мои и Романа. Правда, мы видели мальчика...

— Какого мальчика? — суеверно прошептала Рита.

— В костюме гнома. И слышали шаги за закрытой дверью, но этого не проверишь. Однако я очень хорошо их запомнила: шаркающие, с пристукиванием... Я уверена, это был убийца.

— Мальчик — убийца?!

— Нет, нет, слишком уж жутко... У меня другая версия — сумасшедшая, конечно, я согласна... Но, может быть, кто-то прошел по коридору, опираясь на палку?

— Роман?

— Отпадает, Романа я собственноручно заперла в музей.

— У него мог быть второй ключ.

— Чита, ты рехнулась! Зачем ему? Где мотив, хоть самый завалящий?

Рита потупила взор.

— Но ведь ты сама рассказывала: помнишь, они подрались из-за тебя... Ну, после моей свадьбы.

— Господи! — опешила Майя. — Когда это было!

Наступила пауза. Рита, выхватив из мойки многострадальный половник, снова принялась что-то мешать в кастрюле. В конце концов Майя не выдержала:

— Послушай. Ты всерьез веришь, что Роман мог убить? Наш с тобой Роман, который качал нас на качелях во дворе?

Рита еле слышно всхлипнула.

— Тогда кто? Этот твой хромой убийца? Ты читалась Александры Марининой.

— Не обязательно хромой, — медленно проговорила Майя и выдала то, что давно вертелось на языке: — *Палка могла быть частью маскарадного костюма.*

Рита нахмурилась и замолчала, переваривая информацию.

— Но Лика была одета Домино, ты же знаешь.

— Никто и не говорит о Лике, — убежденно сказала Майя.

— Тогда что тебе нужно от нее?

— Чтобы она рассказала то, что видела. Я почти уверена, ты не позволяешь ей это сделать, даже знаю почему... Ты думаешь, это ее шприц разбился возле двери музея?

Рита неожиданно всхлипнула.

— Я выбросила эту гадость, выбросила! Как только увидела!

— Ты о чем? — не поняла Майя.

— Сама знаешь. — Рита швырнула многострадальный половник в мойку и заговорила горячо, словно в исступлении: — Я даже к врачу не решалась обратиться. Открой раздел объявлений в любой паршивой газетенке: «Быстрое качественное излечение! Полный отказ от, мать ее, зависимости! Анонимность гарантируется!» Черта с два анонимность. Те, кому надо, проносятся в два счета. А для Севушки это смерть, пойми ты. Он мне никогда не простит... Для него ведь карьера — смысл всей жизни! Нет, я не могу...

Майя прикрыла глаза, сжала пальцами виски — и ее осенило.

— Ты хочешь сказать, Лика принимает наркотики?

— Я уже говорила тебе: я выбросила...

— И поэтому вы оба испугались, — пробормотала Майя. — Вы оба — ты и Сева, когда речь зашла о шприце. Вы решили...

Рита отвернулась, смахнув слезу с уголка глаза. Майя выждала ровно секунду: столько понадобилось сыщицкому азарту, чтобы на обе лопатки уложить боязнь выдать тайну следствия («А, наплевать. В конце концов, никаких подписок о неразглашении с меня не брали»).

— Чита, в шприце был не наркотик.

— А что тогда? — сухо спросила Рита, не поверив.

— Горючая смесь: бензин плюс еще какая-то гадость. Ее впрыснули через замочную

скважину... Послушай, позволь мне поговорить с Ликой, пусть она скажет только мне, — умоляюще проговорила Майя. — Мне одной. Историю с наркотиками можно опустить. Но если она поднималась на третий этаж во время маскарада, то должна была видеть убийцу.

— А ты не боишься? — неожиданно спросила Рита.

— Чего именно?

— Что ты построила слишком сложную версию. Наркотики, трость как часть маскарадного наряда... Вдруг на самом деле все обстоит проще? И преступником действительно окажется Роман?

Глава 7

Новый охранник на входе был плотный, похожий на кубик, с черным коротким «ежи́ком» на голове, перебитым носом и сексуальной ямочкой на подбородке. Единственное, что роднило его с женоподобным Эдиком, — это та же пятнистая униформа с фирменной нашивкой на нагрудном кармане (оскаленная морда кого-то из семейства кошачьих на фоне стилизованного щита и надписи «Эгида» в красивом полукруге из лавровых листьев), кобура на поясе и квадратик рации.

— Привет, — сказал он Майе, заинтересованно пройдясь взглядом по ее фигуре сверху вниз и опять вверх. — Что вы хотели?

— Я жду одного мальчика.

— А я вам не подойду?

— Увы.

— Жаль, — охранник непритворно вздохнул. — Вы-то как раз, наоборот, в моем вкусе. И в каком же классе этот счастливчик?

— В третьем.

Он посмотрел на часы.

— Урок заканчивается через двадцать минут. Придется подождать... А вы мама?

— Что? Ах, да... В некотором смысле.

Жаль, он не пропустит ее наверх — Майю как магнитом тянуло подняться по каменным ступеням и вновь, из какого-то извращенного наслаждения, ощутить атмосферу того вечера (свежеокрашенные деревянные перила, ряд широких окон, освещающих пятна крови на полу...). Не выдумывай, одернула она себя, пятна давно замыли, убрали осколки стекла и опечатали двери в сгоревший музей и ни в чем не повинный кабинет истории...

Она присела на банкетку под плакатной Снегурочкой, сняла шапочку, тряхнув волосами, и вдруг услышала:

— А вы кто? Папа?

— Папа, папа, — отозвался знакомый голос.

Она повернула голову и в очередной раз подумала, что мир тесен, словно пригородный автобус. Артур, ее бывший тренер, бывший любовник (звучит пошло, но верно), чемпион мира и окрестностей, второй дан айкидо, приветливо улыбнулся, блеснув влажными очками, и присел рядом.

— Вы кого-то ждете? — опять встрял бдительный охранник.

— Сына. Он учится в третьем «Б».

— Так вы муж и жена, что ли?

— В некотором смысле.

Майя вдруг рассмеялась и хлопнула себя по лбу.

— Как же я не сообразила! Гриша Кузнецов — твой сын?

— Да, — невозмутимо отозвался Артур. — А Лера — моя дочь.

— Я и забыла, что ты тоже Кузнецов. Вернее, не сопоставила: слишком распространенная фамилия.

Понятно, почему маленький гном показался ей тогда знакомым: те же, только немного

уменьшенные черты лица, тот же поворот головы и манера удивленно поднимать правую бровь...

— Он точная твоя копия.

— Ага, — он фыркнул. — И буквы пишет так же коряво, и даже ошибки сажает те же. А ты похорошела.

— Ну уж!

— Правда. И новые очки тебе очень идут. Как тебя угораздило вляпаться в историю с убийством?

Майя пожала плечами:

— Вот так... Оказалась в плохое время и в плохом месте.

— Надеюсь, тебя не подозревают?

— А тебе известны подробности?

— Следователь просветил. Он очень ненавязчиво расспрашивал о тебе...

— И что?

— Я попытался втолковать ему, что коли охраннику разmozжили череп десятком ударов, то это сделала уж точно не ты.

— Почему? — заинтересованно спросила она.

— Ты, дорогая моя, нанесла бы один-единственный удар. Вот сюда. — Он торжествующе ткнул себе указательным пальцем в середину лба. — Техника мэн-учи, если помнишь. Этого оказалось бы более чем достаточно.

Такая мысль не приходила ей в голову. Она с некоторым удивлением посмотрела на собственные ладони и подумала: я помню. По крайней мере, вспомнила бы при случае (к примеру, если бы Эдик прижал ее к темной стеночке), и руки, послушные наработанному рефлексу, сделали бы все сами...

Прозвенел звонок (последний в этой четверти и в этом году), и будто открылись некие шлюзы: радостные вопли прокатились по коридору, и орда малышей ввалилась в вестибюль (старшеклассники, видимо, еще маялись за партами, ожидая, когда отпустит учитель). Гриша (Артур в уменьшенном варианте), одетый в новенький вельветовый костюмчик и с рюкзачком за спиной, вылетел из общего потока, как пробка из бутылки, и подскочил к папе.

— А Нелли Григорьевна мне поставила «пять» по русскому, — заорал он, стараясь перекрыть шум. — А ты мне сказал...

— Скажи тете Майе «здравствуйте», — строго перебил Артур, завязывая шарфик на сыновней шее.

— Здравсь! Пап, а ты обещал купить Бэтмена, если по русскому будет...

— Не тарaxти и не вертись. Нелли Григорьевна не ругала тебя, что пропустил математику?

— Нет. Она сказала: раз такое важное дело...

— Вас вызывали в прокуратуру? — спросила Майя. Артур хмуро кивнул:

— И похоже, без тебя не обошлось: это ты доложила следователю, будто Гриша гулял по третьему этажу во время дискотеки?

Майя покаянно посмотрела на него.

— У меня не было выхода. Я надеялась, Гриша подтвердит, что Роман не мог убить охранника, он сидел взаперти в музее...

— Гришка еще ребенок. Что он понимает?

— Все понимаю, — солидно произнес Кузнецов-младший. — И вас я запомнил. Вы подружка учителя, который ведет уроки в старших классах. Он называл вас тетей Женей.

Артур удивленно поднял бровь.

— Не Женей, а Джейн, — пояснила Майя. — Детское прозвище, из фильма про Тарзана.

— Папа, а кто такой Тарзан?

— Это дикарь из джунглей. Вроде тебя.

— Вовсе он не дикарь, — заступилась она и присела перед малышом на корточки. —

Гришенька, скажи, ты видел кого-нибудь в тот вечер, когда в школе была дискотека? Я имею в виду, на третьем этаже?

— Только вас и дядю, который охранял дверь.

— Дядю Эдика?

Гриша беспечно пожал плечами и попытался улигнуть, но Майя проворно поймала его за рюкзачок и притянула к себе.

— Когда ты его видел?

— Когда бегал по коридору. На дискотеке мне надоело, и Дед Мороз уже ушел... Я стал играть в разведчика.

— То есть ты за кем-то следил?

— Я же незаметно.

— А что делал охранник?

Мальчик немного подумал и выдал оригинальную мысль:

— Наверное, тоже играл в разведчика.

— Почему ты так решил?

— Потому что он крался по коридору. Тихо-тихо, только кроссовки у него были скрипучие. Потом выскочил и закричал...

— На тебя?

— Нет, меня он не заметил.

— На кого же?

— Здравствуйте, тетя Джейн!

Майя повернула голову. Теперь, кажется, все были в сборе: Келли — в короткой юбочке (и куда только учительница смотрит!), с сумкой через плечо, уже заметная грудь гордо выпирает из белой водолазки... Валя Савичева, одетая в светлые брючки и длинный свитер с широким горлышком. Третьей, как догадалась Майя, была Лерочка Кузнецова — дитя своего века: коротко, почти наголо стриженная головка с грациозным затылком, громадные серьги в ушах, кожаная «рокерская» курточка и черные ботинки на рифленой подошве, стиль «милитари», не хватает американской штурмовой винтовки и подсумка с гранатами.

— Ну как? — спросил Артур.

— Все в порядке, отстрелялась, — доложила «рокерша», с интересом взглянув на Майю. (Ничего, мол, батя, у тебя подружка. Старовата, правда, уже за тридцатник, но если новую фуфайку и костыли поприличнее...) — Последнюю задачу, правда, пришлось «содрать» у Веньки Катышева (сама бы в жизни не решила). Ну да с него не убудет.

— Троек много?

— Математика и физика. Терпеть их не могу.

— А собиралась в политех...

— Ничего, еще только вторая четверть. Зато у Вальки — все тип-топ, все пятерки, даже по физкультуре. Как это она нашу Тумбу уговорила, ума не приложу.

— Брала бы пример, — глубокомысленно заметил Артур.

— У нее стимул: они с Келли после школы в Штаты собрались рвать.

— Правда? — удивилась Майя.

Валя шутливо (но чувствительно) ткнула подружку локтем под ребра.

— Выдумщица. Майя Аркадьевна, скоро отпустят Романа Сергеевича?

Трогательная забота.

— Не знаю. Много неясного...

— Но он же не мог убить!

— Не мог, — вздохнула она. — Однако такое впечатление, что кто-то очень хитро его подставляет.

Они вышли из школы вместе, и в очередной раз Майя тайком удивилась: всего сутки прошли с недавней трагедии, но — солнечный день, мягкий снежок под ногами, гомонящая ребятня, и у всех, даже самых непроходимых двоечников, радость и возбуждение на лицах в

преддверии двухнедельной свободы. Свобода и смерть — понятия несовместимые, особенно в детском возрасте...

У ворот папа-Кузнецов озабоченно посмотрел на часы:

— Совсем из головы вылетело. Мне еще нужно зайти в магазин за продуктами... Лера, отведи Гришку домой.

Та недовольно сморщила носик.

— Опять с малышкой возиться. Пусть лучше с вами идет, у нас с Валькой дела.

— Лерка, перестань, — тихо сказала Валя. — Он твой брат все-таки. Если хочешь — пошли в магазин вместе.

Артур пожал плечами:

— Ну, если никто не против... Майя, не составишь нам компанию?

— Мое положение довольно серьезно. Связь между мной и школьным охранником пока не установлена...

— Но она есть, — понятиливо закончил Артур. — Никогда не поверю, будто ты с ним спала.

— Типун тебе, — ужаснулась она такому предположению. И вдруг, сама не ожидая от себя такого, подробно и обстоятельно выложила ту давнюю историю, приключившуюся по дороге с Риткиного бракосочетания.

Артур молча выслушал и присвистнул:

— Вон оно что...

В гастрономе (супермаркете по-нынешнему) было тепло и многолюдно: они стояли в очереди в кассу, вокруг колыхалась толпа, в праздничной витрине сияла елочка в бумажных гирляндах, и это создавало у Майи ощущение если не праздника, то некоей его иллюзии. Она расслабилась — пожалуй, впервые после полутора суток замордованного бега по кругу: дом — прокуратура — полубезумные диалоги со свидетелями (подозреваемыми) — диалог со следователем (Колчин любезно позволял ей вмешиваться в ход дознания, правда, непонятно из каких соображений) — снова дом...

— Значит, меня ты отмечаешь? — спросила она.

— Я тебе уже говорил. Ты неплохо обращалась с боккеном. — Артур уже укладывал покупки в сумку. — Жаль, что ты бросила занятия.

— По-твоему, тот, кто убил охранника, был слабым физически?

— Или он потерял голову, или здорово испугался — версий уйма. А возможно, преступник хотел создать именно такое впечатление... Вообще, убийство выглядит как непреднамеренное, в состоянии аффекта — но только на первый взгляд.

— Почему?

— А откуда оружие-то? И куда оно потом исчезло?

— Палка... — Майя задумалась. — Может быть, швабра?

— Откуда такая мысль?

— Это первое, что пришло на ум.

Артур фыркнул.

— Ты еще скажи, что убийца — уборщица (пардон, техничка). Ручку швабры обычно делают из мягкого материала — сосны, к примеру. И потом, уж будь уверена, твой следователь каждую мало-мальски подходящую палку в окрестностях школы обнюхал вдоль и поперек. Я видел его в работе: он крепкий профессионал, хотя и выглядит придурком. А самое главное — пожар в музее... Ты не в курсе, что там загорелось?

— Эксперт утверждает, бензин.

— Значит, имел место поджог, — сделал он неутешительный вывод. — Значит, преступник готовился заранее, и очень тщательно: возможно, хотел убить Эдика и спрятать концы в пожаре. Однако ты вмешалась не вовремя... Да, девушка, пробиваю. Полкило сыра, сметана, шоколад, печенье, два йогурта... Гриша, тебе какой йогурт, с бананом или клубникой?

— И с бананом, и с клубникой. И не забудь про сливу.

— А в животе не слипнется? — улыбнулся Артур.

— Не-а. — Гриша поправил сползающий рюкзачок и отправился гулять вдоль окон, разглядывая выставленные там фигуры из папье-маше (некто небесталанный убрал таким образом магазин к текущим праздникам).

Валя с Лерой что-то живо обсуждали возле отдела бижутерии, где дешевые «хрустальные» башмачки, сердечки, сосульки и знаки Зодиака радостно переливались за витринным стеклом.

— Они не поссорились? — спросила Майя.

— Кто? — отозвался Артур. — А, Лера с Гришей... Это все болезнь роста. Гришка спит и видит себя в их компании: интересно же, старшеклассники как-никак. А тем, наоборот, с малышом неохота возиться. Впрочем, Валя его защищает.

— Гришка хороший, — подтвердила Валя, подходя поближе. Они с Лерой, оказывается, успели обзавестись новенькими кулонами: те самые знаки Зодиака, две одинаковые пластмассовые фигурки, вправленные в копеечные камешки на цепочке, два Козерога («У нас дни рождения в один месяц, представляете?»). — И чего его на дискотеку не пустили? У него даже костюм был...

— Это не твоё произведение? — спросила Майя.

— Гном? Нет. — Валя покачала головой. — Но на будущий год обязательно что-то придумаем, да, Гриш?

— Валька может, — с уважением подтвердила Лера. — Она знаете какие костюмы придумывает? Закачается.

— Удирает, — вдруг тихо сказал Гриша, глядя в окно, — сказал задумчиво, вроде бы ни к кому не обращаясь.

— Кто удирает? — не поняла Майя.

Мальчик не ответил. Он смотрел почему-то сквозь витрину, в одну точку...

Майя повернула голову и проследила за его взглядом. Там, за стеклом, на улице, обтекаемый возбужденной людской массой, неподвижно стоял человек. Лица было не разглядеть (минус четыре: глаза надо было беречь, а не зарабатывать орден имени Сутулова на лекциях и практических занятиях по педагогике), но — черное кашемировое пальто, и белый шарф, и характерная форма головы...

Вовсе он не удирает, хотела сказать Майя, но тут человек, будто поняв, что его засекли, резко развернулся, сделал шаг в сторону и исчез из поля зрения, смешался с толпой, стал ее частью.

— Гриша, — зачарованно прошептала Майя. — Ты видел в коридоре кого-то, одетого в карнавальный костюм, да? Это был Дед Мороз?

Пока добирались из Пензы в Москву, настроение у Любушки было преотличное. Казалось, сама мысль о том, что она одна, без папенькиного строгого ока, путешествует в настоящем вагоне, по настоящей железной дороге, страшно ее забавляла. Вечером, когда пришел проводник и принес лампу, она попросила, чтобы ей подали чай с сахаром и вазочку с пирожными-эклер из вагона-ресторана.

— Только вам, милостивый государь, ничего не перепадет, — лукаво предупредила она Николеньку. — Вы склонны к полноте, вам сладкое вредно.

Хорошо, что так получилось. Петя, конечно, был предпочтительнее (чего стоили только глаза, жгучие, как у цыгана, который служил в папенькином имении, а черные волосы, постриженные по последней моде, а столичные усики...). Впрочем, внешность порою обманчива: что под ней-то? Малодушные и готовность отступить от своего — а как романтично все начиналось! Будто в бульварных романах: неожиданное письмо, таинственный человек в черном, выстрелы на вокзале... Николенька представлялся ей менее завидным: ни Петинкой внешности, ни коляски с рысаком в серых яблоках, ни своего имения, лишь непритязательная квартира в доме купца Василия Кузьмина — того, чьи пекарни

снабжали хлебом всю губернию. Однако в этом были свои прелести: Николенькой — сразу видно — можно было вертеть как душа пожелает. И ведь не испугался, вызвался ее сопровождать...

А потом, после пересадки в Москве, Любушка вдруг резко помрачнела. На вопрос Николеньки она задумчиво поджала губы и неожиданно выдала:

— Тебе не кажется, что за нами следят?

Он удивился:

— Кто?

— Господин из соседнего купе. У него еще такие неприятные складки в уголках губ. Он ехал с нами с самого начала и тоже сделал пересадку в Москве.

— Это еще ничего не значит, — заметил Николенька.

Люба вздохнула:

— Ты прав. А я просто дура.

Он успокаивающе тронул ее за плечо:

— Письмо — вот что виновато. Ты нервничаешь, вот и мерещится всякое.

Однако она видела — Коля тоже слегка встревожился.

Уже под утро, когда небо стало фиолетовым, она не выдержала. Накинула халатик поверх пеньюара, отворила дверь и тихонько вышла в коридор. Странное беспокойство прочно угнездилося в сердце. Она выглянула в окно — темень и мокрый снег, фонари на станции и какие-то тени в желтых кругах, четко, словно оловянные солдатики, застывшие на платформе. Поезд стоял.

— Что там? — спросила она проводника.

— Полицейская проверка, барышня. Ищут кого-то. Идите-ка вы, голубушка, в свое купе. Не ровен час, простудитесь.

Она постучалась к Николеньке, но тот не отозвался. Потихоньку начиная злиться, она постучала сильнее, потом дернула за ручку — и чуть не упала: дверь оказалась открытой. Почему-то обмирая, Любушка сделала шаг внутрь — зеркало на миг отразило ее бледное, почти белое лицо в полумраке и спутанные волосы. Она наклонилась над постелью и потрогала одеяло, надеясь разбудить спутника. И лишь через несколько секунд сообразила, что Николеньки в купе нет. Только подушка лежала высоко — так, словно под ней-

— Вы не должны были так рисковать, — глухо и взволнованно произнес голос за перегородкой. — Разве нельзя было направить другого исполнителя? Вас ищут по всей России!

— Это дело чести, — отозвался другой. — Он был предателем, из-за него погиб весь отряд, в полном составе. Там, в Финляндии... Только я спасся, по счастливой случайности.

— Тем более вы не имели права...

— Сейчас меня интересует другое. Почему он начал стрелять? В кого?

— Может быть, он решил, будто организация поручила мне его ликвидацию? — слегка растерянно произнес Николенька. — Нет, невозможно. Он не мог знать меня в лицо.

— Где вы спрятали груз?

Коля что-то невнятно ответил — Любушка не сумела разобрать, как ни прислушивалась.

— Вы с ума сошли! Немедленно...

Она сунула руку под подушку. И нащупала небольшой кожаный саквояж. Саквояж был не новый: кожа на боках истерлась и потускнела. Папа, пока не забросил практику, ходил к больным с таким же. Только от папиного чемоданчика пахло по-другому: йодом, карболкой, лекарствами... Те запахи, связанные с больницей, Любушку всегда немного пугали — с тех пор как пришлось две недели провести в хирургическом отделении с приступом аппендицита.

Поколебавшись, она щелкнула замочком и извлекла на свет кипу исписанных листов бумаги. Прочесть их в темноте она не могла, а зажечь свет побоялась. Равнодушно бросив их на постель, Любушка снова запустила руку в саквояж.

И неожиданно для себя вытащила револьвер.

Дневник

«Я был единственный, кто спасся — по чистой случайности или по Божьему провидению, только в то утро я проснулся раньше обычного. Здесь, в Швейцарии, я отучился рано вставать: сама природа располагала к отдыху и безмятежности — девственно белоснежные горы, словно сошедшие с рождественской открытки, свежее молоко (мне приносила его служанка госпожи Ивановой-Стеффани — в ее усадьбе в окрестностях Сант-Галлена я провел несколько восхитительных месяцев, пока в России по моему следу рыскали ищейки охранного отделения). Госпожа Стеффани была русской, сочувствовала идеям террора и близко знала Скокова. Скоков умер в застенках весной 1907 года. Перед смертью он успел сообщить, что выдал его агент охраны Челнок. Дорого я дал бы, чтобы узнать, кто скрывается под этим псевдонимом — наверняка ведь кто-то из наших, из особо проверенных. Возможно, тот, с кем я здороваюсь за руку и приветливо улыбаюсь при встрече...

Я вышел на крыльцо, одетый как турист в заснеженных горах: в плотные штаны из козьей шерсти, высокие альпийские ботинки, полосатые гетры и штормовую куртку, взятую вчера напрокат у господина Олева Кайе, управляющего отелем. Грех было не воспользоваться погодой: из трех недель, проведенных в горах, едва ли не две трети всего времени я был занят работой нашего штаба, под крышей, при искусственном освещении, и даже не сумел загореть, что само по себе могло вызвать подозрения...

Дальние вершины были уже озарены солнцем, которое окрашивало снег в два цвета: сиреневый и светло-розовый. И наш отель — двухэтажный особняк под черепичной крышей, с башенкой и затейливой вывеской „Приют горных странников“ — вызывал мысль о пряничном домике. Тропа позади отеля медленно поднималась вверх, вдоль маленьких аккуратных елочек, высаженных двумя стройными рядами (здесь, в этой игрушечной стране, случайностей не признают: даже пейзажи вокруг гостиниц выстраивают строго в соответствии с законами геометрии). Вернуться предстояло к десяти утра: на заседании совета Боевой организации заслушивался доклад представителей Центра о предстоящем покушении на Столыпина и фон дер Лауница, петербургского градоначальника. Суляцкого и Кудрина, непосредственных исполнителей, загодя отослали в Питер осмотреться на месте.

Дислокация базы была выбрана идеально: „Приют горных странников“ стоял на отшибе, в стороне от дорог, и жил замкнутой жизнью. Владельцы, сочувствующие идеям террора, всякому стороннему путнику давали один и тот же ответ: все места заняты, и отправляли дальше по Иматре, за Беслау и Кижин (тамошняя долина кишмя кишит отелями), поэтому „боевка“ чувствовала себя здесь в безопасности.

Лишь однажды правила были нарушены — в самом конце января, поздним вечером, когда вьюга за окнами была совершенно по-волчьи, остервенело бросая в бревенчатые стены снежные заряды. И настроение у меня было мрачное и подавленное, несмотря на потрескивающие дрова в камине. Кружка глинтвейна уютно грела ладони, а я сидел в глубоком кресле, точно лорд-аристократ, владелец древнего замка с привидениями, слушал вьюгу и думал: что-то должно случиться...

Это самое „что-то“ предстало в образе пары спортсменов-лыжников, заблудившихся в пурге. Высокий стройный юноша, студент Йельского университета, будущий юрист, и его невеста, очаровательная девушка лет семнадцати, обладательница великолепных, струящихся водопадом черных волос и блестящих глаз, искрящихся живым лукавым огнем. Олев Кайе, управляющий отелем, не хотел их впускать, но девочка, совершенно окоченевшая от холода и прятавшая озябшие руки под куртку, смотрела сквозь стеклянную дверь так жалобно, что пожилая Дора, супруга Олева, прикрикнула на мужа: „Что же ты держишь людей на пороге, старый дурень! Прошу вас, господа, входите, не обращайтесь внимания на моего недотепу, мы всегда рады гостям“.

И Олев стушевался (он привык всегда полагаться на супругу — у нее была настоящая

деловая хватка, а он любил лишь играть с постояльцами в нарды и курить трубку у камина), открыл дверь и впустил в холл вместе с пришельцами порцию морозного воздуха. И почему-то в затхлом помещении сразу стало легче и приятнее дышать — будто забил живой ключ в затоне, где уже много лет вода зарастала ряской.

Они оказались настоящей душой компании, эти двое. Во второй вечер, отогревшись и восстановив силы, они устроили концерт для постояльцев: студент прекрасно играл на фортепиано, его невеста весьма профессионально, с истинным вдохновением исполняла шансоны и русские романсы. Господа революционеры, многие из которых уже много лет не были на Родине, едва не прослезились. Особенно расчувствовалась мадам Элеонора („Бэлла"), руководившая в отряде Карла группами наружного наблюдения (именно ее люди, игравшие роли извозчиков, рассыльных и уличных продавцов, устанавливали ежедневные маршруты будущей жертвы, распорядок дня и численность охраны). Когда девушка спела „Однозвучно звучит колокольчик", Элеонора грациозно встала, подошла к сцене и, смахнув слезу, поцеловала исполнительницу в щеку.

— Этот романс очень любила моя матушка, — сказала мадам Элеонора. — Она умерла в Нижнем Новгороде два года назад. Представьте, у меня даже не было возможности узнать, где теперь ее могила. Спасибо вам, милочка. Вы возвратили мне детство...

Все заплодировали, Элеонора села рядом со мной и прошептала:

— Замечательно, не правда ли? Андрэ повезло с невестой. Обратите внимание на ее волосы. Прелестно, правда? Цвет крыла ворона, весьма редкий нынче, с синим отливом... У меня в молодости были такие же.

Тем временем все закричали: „Бис!", Андрэ улыбнулся, продемонстрировав великолепные зубы, взял аккорд, и девушка запела что-то веселое, зажигательное, из репертуара парижской звезды оперетты Линды Матринэ. Элеонора забыла обо всем на свете (у ее мамочки, похоже, были довольно разносторонние вкусы). Я, признаться, увлекся не меньше: было нечто такое в этой юной паре, что располагало к ней — с первого взгляда и навсегда. Я тогда подумал: жаль будет, когда они съедут, искренне жаль...

Они просили приютить их лишь на одну ночь, но когда девушка робко спросила у Доры разрешения остаться подольше, та только махнула рукой: живите сколько захочется. Все были рады, даже старик Черниховский, видный деятель партии „Народная воля" (разыскивался охранкой с памятного января 1905 года), перестал жаловаться на мучившую его подагру и заблестел глазами. Когда в отель нагрянула полиция, он заперся в комнате наверху, сжег партийные списки и адреса конспиративных квартир и застрелился, не желая сдаваться живым. Впрочем, это будет потом, через несколько дней, а пока...

Пока гости вовсю развлекали постояльцев и развлекались сами, деля время между прогулками по окрестностям, беседами в столовой вокруг самовара и импровизированными концертами по вечерам. Вскорости у Андрэ обнаружился еще один талант: он замечательно умел рисовать портреты. Однажды мы с Элеонорой застали его за этим занятием: он сидел в холле, оседлав стул и пристроив на его спинке лист плотной бумаги. Его невеста расположилась напротив, забравшись с ногами в низкое кресло перед камином, — очаровательная головка склонилась набок, тонкие музыкальные пальцы в легкой рассеянности касаются виска, скрываясь в шелковых волосах — тех, что вызвали у мадам Элеоноры такое восхищение. Отсветы пламени из каминного зева падали на девушку сбоку, и я вдруг заметил, что цвет волос ненастоящий: краска, очень качественная краска, которую можно различить, только подойдя вплотную. Впрочем, это меня несколько не насторожило: в конце концов, мы находились в свободной стране, где красить волосы никто не запретит.»

Элеонора подошла к Андрэ сзади, заглянула через плечо и ахнула от восторга.

— Алекс, вы только посмотрите, — обратилась она ко мне.

Я послушно посмотрел. Рисунок и впрямь был неплох: юноша очень точно схватил позу (задумчивость и по-детски трогательная беззащитность), и огненные блики в волосах, и

антрацитовую глубину зрачков — видимо, он хорошо изучил ее, свою модель, изучил на уровне чувств и невысказанных мыслей, разлитых в воздухе... Интересно, сколько ее портретов он успел написать за время их знакомства? И сколько хранил у себя? Наверняка несколько десятков, не меньше — масляных, акварельных или вот таких — выполненных острыми профессиональными штрихами. Его манера чем-то напоминала Фредерика Лорье, чья гравюра „Тильзитский мир" висела когда-то в доме моих родителей. Разве что легкости ему все-таки не хватало: академичность и еще раз академичность, и излишне четкое, почти механическое воспроизведение деталей...

Воодушевленный вниманием, Андрэ продемонстрировал нам несколько карандашных пейзажей из своего альбома, нарисованных здесь, в окрестностях. („Жаль, при мне не было красок... Но согласитесь, очень уж это нелепо — брать с собой мольберт на лыжную прогулку...") Это оказались зарисовки отеля и природы вокруг. Мадам Элеонора тут же была одарена одним из шедевров: заснеженные сосны в ясный день, светло-серые тени по белому полю, уходящему далеко за горизонт, и одинокая фигура лыжника („Лыжницы, — поправил Андрэ. — Это моя невеста. Мы пропустили нужный поворот в миле отсюда и заблудились").

— К счастью для нас, — лукаво улыбнулась мадам Элеонора. — Если бы не вы, мы бы покрылись плесенью в этом чертовом захолустье.

От ее нарочитой грубости (даже грубость ей шла — в ней словно чувствовался аромат Парижа в пору ранней весны) Андрэ весело рассмеялся и предложил:

— Хотите, я сделаю ваш портрет?

— Сколько же у вас талантов, дорогой мой? — спросила она. — Вы хоть что-нибудь умеете делать плохо?

— Умею. — отозвался тот. — Только для этого мне придется очень постараться.

Вскоре все постояльцы были одарены своими портретами — Андрэ рисовал их в гостиной у камина или возле большой напольной вазы с цветами. Мадам Элеонору он запечатлел стоящей на лестнице и облокотившейся о перила, в шикарном вечернем платье, надетом специально ради такого случая. Сам я предстал опирающимся на свое ружье фирмы „Зауэр", которым очень гордился, в охотничьем костюме и тирольской шляпе с пером.

Когда они собрались уезжать, их провожали самыми теплыми словами. Все в полном составе высыпали на крыльцо, мужчины по очереди приложились к ручке очаровательной лыжницы (она была особенно хороша в яркой курточке и алой вязаной шапочке — прощальный подарок Элеоноры). В нашу жизнь они вошли напоминанием о нашей собственной юности, от которой мы отrekliсь во имя борьбы...

Настоящее имя Андрэ было Андрей Яцкевич (он действительно когда-то учился на юриста, но был отчислен с третьего курса за участие в демонстрации „Черной сотни"). Как звали его „невесту", я узнал лишь много позже, как и то, что оба они были агентами IV отделения Департамента полиции. Отель „Приют горных странников" накрыли на следующее утро, ровно через сутки после их отъезда. Одних арестовали сразу, на месте, Элеонору Ланину, женщину, которую я любил и перед которой преклонялся, взяли на вокзале в Бабенау. Через год она повесилась в камере-одиночке, не дожидаясь суда.

Спасся я один...

Чья-то высшая воля сохранила мне свободу (на некоторое время) и жизнь. Я не мог ее потерять, ибо отныне знал, для чего живу. Чтобы идти по следу той, что в течение нескольких дней собирала на нас материал для ареста. Полиции было известно все: наши портреты были расклеены на каждом углу (Андрэ, Андрэ! У него, как у художника, была отличная профессиональная память на лица.», „молодожены" сумели тайно обыскать наши номера в отеле и даже снять копии партийных списков „Народной воли").

Одного я не мог простить себе: что Андрей Яцкевич умер на вокзале в маленькой уездной Пензе, под колесами поезда, а не от моей пули.

Скрыться от облавы мне тоже не удалось, хотя Коленька Клянц сумел каким-то образом переправить к себе в купе саквояж, в котором лежали опасные для меня документы и револьвер. Я даже не удивился, когда жандармский офицер, просмотрев паспорт (Кальдерович Яков Михайлович, 1860 г. р., коллежский регистратор, чиновник 14-го класса при Управлении по делам налогообложения), нахально улыбнулся и кивком подозвал двух держиморд и они втиснулись в купе и встали по бокам, так чтобы я не сумел вытащить из кармана оружие.

— Господин Гольдберг, если я не ошибаюсь? Вот и отбегались, вот и славненько. Наручники на него!

Я улыбнулся ему в ответ и безропотно протянул руки. И почему-то подумал, что та девушка пела и впрямь замечательно, могла бы сделать себе карьеру на этом поприще. Жаль, службу выбрала не ту...»

— Что в саквояже?

Жандармский ротмистр взял чемоданчик в руки. Любушка видела, как смертельно побледнел Николенька, и быстро зашебетала:

— Ах, это мой. Здесь кое-что из личных вещей.

— Мне очень неловко, мадемуазель, но я обязан досмотреть.

— Но, господин офицер, это вещи... гм... интимного свойства, вы понимаете?

— Не волнуйтесь, ваше «интимное свойство» осмотрит женщина-агент.

Крайне неприятного вида дама в пенсне, с обесцвеченными волосами, забранными сзади в пучок, проскользнула в купе, змеиным взглядом пригвоздила Николеньку к месту и запустила в саквояж длинную узкую ладонь. Любушка отодвинулась с чувством брезгливого испуга — дама-полицейский удивительно напоминала обликом злющую немку-гувернантку, которую Люба особенно ненавидела в детстве... Гувернантка, впрочем, отвечала ей тем же.

Агентесса немного покопалась внутри, выудила на свет кружевной лиф — невзрачные, неопределенного цвета глаза тут же вспыхнули чем-то сладострастным. Любушку передернуло, стало страшно (что стало бы, попади я в руки этой жабы!), однако она пересилила себя и холодно произнесла:

— Вы за это ответите. Я дочь профессора Немчинова, моего отца знают в Петербурге...

— Больше ничего? — спросил ротмистр у женщины.

Та с сожалением покачала головой. Ротмистр коснулся пальцами фуражки.

— Вы должны простить меня, сударыня: служба. В вашем вагоне, в одном из купе, ехал опасный государственный преступник.

— Боже! — Любушка схватилась за сердце. — Он ведь мог убить нас! Николя, вы слышали? Однако при чем здесь мы?

— Не беспокойтесь, мы проверяем каждого в этом поезде, таков порядок. Еще раз прошу простить. — И жандарм ретировался. Девица со змеиным взглядом напоследок улыбнулась Любушке так, что та почувствовала дрожь в позвоночнике.

— Он вез бумаги и револьвер, — сказал ротмистр в коридоре, плотно прикрыв дверь за собой. — При нем их не обнаружили, значит, кому-то передал. Кому?

Поезд отправили только через час — вместо положенных по расписанию двадцати минут. Люба нашла Николеньку в тамбуре, в вагоне для курящих. Она впервые увидела его с сигаретой — он неотрывно смотрел в окно, в темень и дождь, мутными струйками расплзающийся по стеклу. А он симпатичен, вдруг подумала она. Высокий чистый лоб, внимательные серые глаза, и губы, наверное, чудо как хороши... Разве что полнота — но полнота некоторым мужчинам очень даже идет, делает их более значительными.

— Кто это был?

— Что? — Он резко обернулся — сконфуженный, готовый к отпору, даже испуганный.

— Человек, которого арестовали. Ты ведь знаком с ним?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Любушка вздохнула:

— Это я спрятала револьвер и бумаги. Их обязательно нашли бы в саквояже.

Николенька вдруг схватил ее за руку и притянул к себе. Глаза его стали колючими. Теперь он совсем не походил на того милого неуклюжего медвежонка, которого она знала раньше.

— Откуда тебе известно...

— Я слышала ваш разговор через стенку купе. Только не вздумай, будто я следила за тобой, это вышло случайно.

— И много ты услышала? — спросил он холодно.

— Немного, но... Пожалуйста, отпусти руку, мне больно.

Николенька послушно разжал пальцы. Он не отрываясь смотрел на спутницу, будто видел ее впервые.

— Где же ты их спрятала?

— Револьвер — в бачке для воды, за умывальником. А бумаги... Отвернись, я достану.

...Он молчал, молчала и она — в темном купе, сидя рядышком на мягком сиденье. Тихо-тихо, будто боясь спугнуть кого-то, позвякивали на столе тарелочка и ваза с неживыми цветами. Мерно стучали колеса, окружающий мир едва заметно покачивался, и молодых людей то прижимало друг к другу, то отодвигало на некоторое расстояние.

— Почему? — задал он нелепый вопрос.

— Что?

— Почему ты это сделала?

Она зябко поежилась.

— Потому что вы симпатичны мне, сударь. Приличная девушка не должна говорить такое первой, но... Что же делать, коли сами вы не догадаетесь?

— И тебя не смущает, что я связан...

— С террористической организацией? Нет, не смущает. Тем более я давно догадывалась.

— Давно?

— Ну, недавно. С некоторых пор. — Люба твердо посмотрела ему в глаза. — И еще я хочу сказать тебе. В общем, ты можешь на меня рассчитывать. Всегда, что бы ни случилось.

До самого окончания путешествия (поезд прибывал в Петербург лишь поздним утром следующего дня) они оба просидели в купе, прижавшись друг к другу. Любу прямо-таки подмывало забросать спутника вопросами, но она сдерживалась, понимая: одним, пусть даже таким смелым поступком полного доверия не завоеешь. И все равно — нервный восторг, дрожь в преддверии чего-то неизведанного и наверняка опасного, странное влечение к Николеньке — от всего этого голова сладко кружилась.

А потом наступил Петербург, Любушкин змей-искуситель, город ее мечты и какой-то неизъяснимой любви, почти неприличной страсти...

Он плыл, словно гигантский корабль, в холодном полудожде-полутумане — типичная погода для этого Богом проклятого города, возросшего на костях и болотах. Сонечка в письме обещала встретить сестру на вокзале, поэтому та, едва состав достиг перрона, намертво приклеилась носиком к окну, выискивая знакомую фигуру среди встречающих. Сонечки, однако, не было. Вместо нее на платформе к Любе и Николаю подошел какой-то господин в сером кашемировом пальто и старомодном котелке. Лицо его выглядело слегка помятым и отливало нездоровой желтизной (печень, догадалась девушка).

— Любовь Павловна? — вежливо спросил он и приподнял котелок.

Голос был участлив и немного официален — от такого сочетания Любушка ощутила вдруг неприятный холодок под ложечкой.

— Что вам угодно?

— Прошу прощения. Пристав следственного управления при Петербургском Департаменте полиции, Альдов Алексей Трофимович. — Он замаялся на секунду. — Боюсь, у нас для вас плохие новости. Не угодно ли будет проехать со мной?

Они узнали, что я спрятала револьвер, пронеслось в голове Любушки. Сейчас схватят, бросят в подвал и начнут пытаться... Боже мой, во что влипла, дурочка!

— Где Соня? — ледяным голосом спросила она (держаться — так уж до конца!). — Она обещала меня встретить.

— Софья Павловна скончалась.

...Он что-то сказал, этот странный господин (Любушка попробовала вспомнить его имя — он ведь назвался, перед тем как... Что-то расхожее, русское), но она не осознала, а переспросить постеснялась. Что-то о Сонечке — она должна была приехать на вокзал, да, видно, задержали срочные дела. Или нет?

Скончалась.

— ...во вторник вечером, у себя дома. Мы послали телеграмму от казенного ведомства, но она, видимо, запоздала.

— Где Соня? — спросила она.

— В морге, на Васильевском.

Все поплыло перед глазами, город-корабль закачался на серых волнах, окружающий мир почему-то перевернулся, и сквозь внезапную ласковую тьму послышался испуганный голос Николеньки:

— Любушка, милая, тебе плохо? Врача! Кто-нибудь, врача, скорее!

Она не могла выдавить из себя ни слезинки.

Она лежала на смятых простынях, в той самой спальне, в особняке на Невском, где они с Соней, бывало, перешептывались, давясь смехом, или делились самыми «жуткими» секретами ночь напролет (недовольный голос Вадима Никаноровича, Сонечкиного супруга: «Милые дамы, сколько можно? Как дети, честное слово!»).

Неподвижная и бесчувственная, точно деревянная кукла. Только необязательные пустые мысли лениво текли в голове, как в лесном болотистом озере: скончалась. И некому было ей помочь: горничная получила неожиданный выходной, Вадим Никанорович праздновал в «Национале» завершение какой-то крупной сделки.

Скончалась. Не дождавшись меня, именно в тот день, когда (нелепое стечение обстоятельств!) прогремели выстрелы на вокзале, до смерти перепугав несчастного Петю.

— Тебе что-нибудь нужно? — Николенька вошел, прикрыв за собой дверь, сел рядом, на краешек постели, и положил ладонь на Любушкин пылающий лоб. Ладонь была приятно прохладной.

— Как все прошло?

— Ты имеешь в виду похороны? Не беспокойся, прошли как подобает. Отпели в Александро-Невской, народу была тьма-тьмущая, все важные персоны...

— Мне стыдно, что я не смогла пойти.

— Я бы тебя и не пустил в таком состоянии. Доктор наказал полный покой. На вот, выпей-ка...

Она послушно выпила — и покой действительно наступил, краткий, зыбкий, спасительный...

На кладбище Любушка попала только через две недели после похорон сестры — все это время она провела дома у Вадима Никаноровича вместе с Николенькой и Павлом Евграфовичем. Большую часть времени она лежала в постели, то мучаясь от непереносимой жары, то кутаясь в три одеяла, то впадая в глубокое, как колодец, забытие. Доктор не находил у нее признаков физической болезни, однако настойчиво рекомендовал постельный режим.

На десятый день Люба начала вставать. Голова немилосердно кружилась. Она с трудом, придерживаясь за стенку, добралась до зеркала и вяло ужаснулась: лицо бледное, морщины вокруг запавших глаз, спутанные волосы — она явно напоминала сумасшедшую. Еще полдня ей понадобилось, чтобы привести себя в порядок: наложить легкий макияж, сделать прическу (горничная Донцовых Лиза оказалась великой искусницей), избавиться от

головокружения посредством бокала вина...

— Приходил полицейский, — сообщил новость Николенька.

— Да? — бесцветно спросила Любушка. — Что ему было нужно?

— Опять расспрашивал насчет того типа, что стрелял в нас.

— В Петю...

— Не обязательно. Он мог целиться в меня или тебя и промахнулся. Бред, конечно, я согласен... Почему ты не в постели?

Она оперлась о его руку и сказала, опустив голову:

— Отвези меня на кладбище.

Сквозь голые ветки дубов и кленов светило равнодушное солнце. Под ногами, стоило свернуть с центральной аллеи, стало слякотно, пахло гнилью и перепревшими прошлогодними листьями. Высокую ограду и черную плиту еще покрывали венки и цветы — свежие, Вадим Никанорович распорядился выбросить старые, с похорон, и купить новые, в магазине Благолепова, что на Васильевском. Любушка положила свой букетик, повернулась к Николеньке и спросила:

— Что это за человек вон там, у склепа? Кажется, я видела его раньше.

— Инженер с судовой верфи, знакомый Вадима Никаноровича.

— Он был на похоронах?

Николай пожал плечами:

— Не помню. Да что тебе до него?

Она зябко поежилась.

— Я стала слишком мнительной. От каждого куста шарахаюсь. Померещилось, будто он следит за нами.

«Инженера с судовой верфи» звали Всеволод Лебединцев — Николенька поостерегся называть Любушке настоящее имя. За месяц до этих событий он принял на себя руководство Летучим северным отрядом и стал называться Карлом...

Они с особой тщательностью готовились к этому покушению. Для всех членов «боевки» успех или провал дела означал одно — жить или умереть организации. От запланированного взрыва здания Государственного совета пришлось отказаться: план стал известен охранке загодя, за несколько недель (главный провокатор, «агент номер один» Евно Азеф, фактически стоявший у руля террора, работал в те времена особенно вдохновенно). Все до одной конспиративные квартиры были наглухо блокированы. Оставшиеся на свободе руководители высказывали мысль об отказе от активной работы, приток в партию новых сил приостановился...

— Ты должна подумать, — в который раз повторил Николенька, пытливо вглядываясь в лицо спутницы, — они прогуливались по Невскому, пожалуй, впервые после того, как Люба оправилась от болезни.

— Я подумала. — Она подняла глаза к небу, с наслаждением ощутив промозглую ветреную сырость, хотелось идти вперед, сквозь ледяной ветер, сквозь саму Смерть... — Ты не понимаешь. Я никогда не делала... Даже и не пыталась делать ничего полезного людям. Мне доселе было незнакомо это ощущение. А в поезде...

— Ты поступила очень смело, — уважительно сказал он. — Фактически ты спасла мне жизнь...

— Мне этого мало. Мало, мало, я хочу большего! И я ни за что не отступлюсь. Я привыкла добиваться того, чего желаю.

— И чего же ты желаешь? — с улыбкой спросил Николенька.

И услышал ответ:

— Быть среди вас. Неужели это так трудно?

— Сейчас — очень трудно, — признался он. — Все напряжены и растеряны, все подозревают друг друга. Тебе предстоит нешуточная проверка.

Несколько секунд Любушка обдумывала услышанное. Потом осторожно спросила:

— Скажи, смерть Сони как-то связана с тем, что происходит в вашей организации?

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Ощущение: тот человек на кладбище, убийца, стрелявший в нас на вокзале, господин, которого арестовали в поезде... Мне кажется, все это звенья одной цепи.

— Софья Павловна была ни при чем, — медленно проговорил Николенька. — То есть она не была одной из нас.

— А Вадим Никанорович?

— Он, как говорится, «сочувствовал», но тоже не был посвящен ни во что серьезное. Просто иногда помогал нам деньгами, и его особняк использовался для конспиративных встреч. По-моему, именно в этом была наша ошибка.

— Что ты имеешь в виду?

Он молчал долго — целую минуту. Потом, решившись, выдал:

— Среди нас действует провокатор.

Любушка остановилась, пораженная.

— Но как...

— Он наверняка один из членов организации, много раз бывал на наших собраниях. Софья Павловна была сторонним человеком, но она могла что-то заметить, возможно, не придав этому значения.

— А убийца придал, — прошептала Любушка. — Он не мог допустить, чтобы мы приехали, — Сонечка рассказала бы о своих подозрениях.

— Нет, — отверг эту мысль Николай. — Кое-кто из наших членов имеет контакт в полицейских кругах. Ему удалось выяснить... Словом, Софья Павловна умерла раньше, чем в нас стреляли на вокзале.

«В меня, — мысленно поправился он. — Петю он задел случайно, а пуля предназначалась мне: Яцкевич мне поручил его ликвидацию. А я всего лишь должен был передать оружие и потом забрать. Если бы не Любушка...»

Глава 8

— Следственный эксперимент? — Следователь нахмурился, полез в стол, кинул в рот таблетку, пояснив: «Сердце жмет», запил водой из графина. — Вообще-то я думал над этой идеей... Чего вы хотите достичь?

— Мне почему-то кажется... — Майя тряхнула волосами. — Нет, я уверена: мальчик видел убийцу.

— Деда Мороза?

— Возможно.

— Но он молчит, — грустно заметил Колчин. — Возможно, напуган: в его положении — если он действительно был свидетелем убийства — это естественно.

Майя с сомнением закусила губу.

— В магазине он совсем не выглядел испуганным. Отрешенным, задумавшимся, сосредоточенным — знаете, словно он решал задачу по математике... Но его испуга я не почувствовала.

— Он сказал, будто играл в разведчика, то есть следил за охранником.

— А охранник тоже следил... — взволнованно подхватила Майя.

— Да. Следовательно, Гриша мог видеть (а мог и не видеть) со спины какого-то человека в маскарадном костюме.

— Вы думаете, это был не Гоц?

Колчин пожал плечами:

— Я привык опираться на факты, уж простите за банальность. Мы обследовали его посох и ничего не обнаружили, а по идее должны были остаться следы: кровь, волосы, мозговое вещество (как ни замайвай, все равно лаборатория нашла бы). Таким образом,

против школьного директора говорит тот единственный факт, что он отсутствовал на дискотеке с десяти до половины одиннадцатого. Официальная часть с поздравлениями к тому времени завершилась, дети из особо продвинутых могли саморазвлекаться до одиннадцати и тактичный уход начальства восприняли как должное.

— Где же он был эти полчаса?

— По его словам, переоделся и уехал домой.

— И никого не предупредил?

— Его право. В школе оставался охранник и дежурный преподаватель... Хреновый дежурный, как оказалось.

Настроение у Майи резко упало. Улики против Гоца, до сего момента выглядевшие неопровержимыми, вдруг потускнели и стали рассыпаться на глазах. Однако она упрямо повторила:

— Гриша видел преступника. Видел дважды: первый раз в коридоре на третьем этаже, второй — сквозь витрину магазина. Гоц был в толпе, он наблюдал за нами...

— Что же вы не подошли, не окликнули?

— Не успела, — сердито призналась она. — Но лицо Гриши в тот момент... Он смотрел — и *вспоминал*, понимаете? А потом медленно, будто про себя, сказал: «Убегает...» Или что-то в этом роде. Ничего себе реакция на собственного школьного директора, да? Тем более что тот никуда и не убегал... Просто стоял на улице. Потом развернулся и ушел.

Колчин задумчиво побарабанил пальцами по столу. Какая-то мысль не давала ему покоя.

— Алиби на момент убийства Гоц не располагает, впрочем, как и остальные. — Он выразительно взглянул на Майю. — Нет также ни улики, ни мотива. Единственный свидетель — девятилетний мальчик, заметивший какую-то фигуру в полутемном коридоре — она мелькнула на секунду-две, не больше.

— И что это значит?

— А не мог ли ваш гном видеть кого-то еще, одетого точно так же? — вдруг спросил он.

Майя нахмурилась.

— Но на дискотеке был только один Дед Мороз.

— Откуда такая уверенность? Вы «дежурили» двумя этажами выше (Майя опустила глаза долу). Впрочем, показания учеников, бывших на дискотеке, совпадают с вашими: Дед Мороз действительно был в единственном числе... Однако существует одно узкое место... Вернее, целых три: небольшая каморка под лестницей, туалет для мальчиков и ответвление коридора на третьем этаже, которое ниоткуда не просматривается (и не освещается) и заканчивается тупиком. Кстати, охранника убили именно там — мы установили это по следам крови.

— То есть...

— Там убийца мог переодеться. Не обязательно было толкаться в вестибюле или в зале в карнавальном наряде — можно было принести его с собой. Но в таком случае преступник должен был знать, как именно директор будет одет на вечере.

— И ему было нужно совершить убийство — неважно какое, — выпалила Майя, пораженная сумасшедшей догадкой. — Спалить музей, сделать еще бог знает что, лишь бы во всем заподозрили Гоца!

Колчин молчал, с интересом наблюдая за собеседницей. Некоторое время она раздумывала над собственными словами, потом осторожно спросила:

— Но вы ведь не думаете, что...

— Что все это устроил ваш приятель Бродников, чтобы свалить конкурента? Между прочим, мысль возникла у вас, а не у меня. Каковы его шансы на выборах?

— Лучше бы вам спросить у него, — буркнула Майя. — Как-то не верится, чтобы тот или другой дошли до убийства ради кресла в Думе.

Следователь хотел ответить избитой фразой («Убивают иногда и из-за бутылки

водки»), но сдержался.

— Ну что ж. Мысль насчет эксперимента — так сказать, насчет реконструкции преступления — я поддерживаю. Надежда, правда, слабовата... Однако надо же с чего-то начинать (пока-то мы с вами продвинулись вперед слабовато). Возьмите на себя остальных участников, хорошо? Я снабжу вас телефонами...

Погруженная в невеселые думы, странным образом уживающиеся с новыми надеждами (коли удастся получить улики против Гоца, Ромушку скоро выпустят из заточения!), она брела вдоль знакомых провинциальных улиц, одетых в легкий снежок и бумажные новогодние украшения, — здесь прошла ее жизнь... Отчего же — прошла? Жизнь только начинается: новая профессия, новые чувства и взаимоотношения. Все устроится, лишь бы...

Да, лишь бы удалось снять с Романа подозрение.

«Вот так же шла я, не разбирая дороги (где же разобрать, если очки — тютю-тютю?), босая и в порванном свидетельском платье, оставив неудачливого партийного любовника в его евроспальне с водяным матрасом, когда прыщавый юнец Эдик нагнал сзади и набросился с кулаками („Босс велел кое-что передать...“). За что он так ненавидел меня? Нет, не так: почему он возненавидел меня раньше, в машине, увидев впервые в жизни? Не потому ли...»

У дверей собственной квартиры Майю ждал сюрприз.

Возле стены, привалившись к ней спиной, сидело практически бездыханное тело и мерно посапывало, источая терпкие алкогольные пары. Оно было одето в исключительно грязную дубленку (бывшую бежевую, как догадалась Майя по маленькому незапачканному участку), мокрую вязаную шапочку и мокрые сапожки на меху. Рядом валялась средних размеров пластиковая емкость из-под «Белого медведя». Странно, но тоненькая, как бамбуковая флейта, Келли была не дура вдарить по пиву.

— Ты что тут делаешь? — растерянно спросила Майя.

Анжелика с трудом подняла сонную мордашку и приложила к бутылке. Поняв, что бутылка пуста, она тяжело вздохнула и попыталась сконцентрировать взгляд на Майе.

— А ты? — задала она встречный вопрос.

— Я здесь живу.

— Да? Никогда бы не подумала.

— Почему же?

— Место тут нехорошее, — доверчиво пояснила Келли. — Чувствуешь, как пол раскачивается?

Она сделала попытку приподняться, но тут же, навалившись на собеседницу, обмякла, как тряпичная кукла. Мать твою, сердито подумала Майя, усиленно отворачиваясь: алкогольный дух так и шибал в нос.

— Не боишься, что родители засекут? — спросила Майя.

— Боюсь, — пробормотала девушка. — Я посижу у тебя, о'кей? Дай мне какую-нибудь жвачку.

— Зачем?

— Зажевать, — терпеливо пояснила она. — А то мамка запах учует.

— Это точно. — Майя обреченно вздохнула, подставляя плечо, точно мужественная санитарка на поле боя.

Так, вдвоем, они ввалились через порог и доплелись до гостиной, перевернув по дороге стул и собрав в гармошку половинок.

— А ваш дворник большой пошляк, — процитировала Майя классиков. — Разве можно так нализаться на рубль?

— На какой рубль? — оскорбленно возразила Лика. — На пятьдесят баксов! У тебя есть выпить?

— По-моему, тебе хватит.

— Ничего подобного, — веско сказала она, легла на диван и уснула.

Моментально, как это умеют делать только дети и профессиональные разведчики.

Бесцельно побродив по квартире и переставив с места на место кофеварку на кухне, Майя вернулась в гостиную. Лика мерно посапывала на диване, укрыв ноги пледом, — лицо ее было сосредоточенное и как-то очень по-детски обиженное, точно ей пообещали купить конфету в ближайшем ларьке, да не купили. Майя вздохнула (тяжек все-таки труд воспитателя, свой ли ребенок, чужой ли, а Келли являлась как бы сразу и тем и другим одновременно), поправила клетчатое одеяло (наследство от мамы), села в кресло и, кажется, задремала перед наряженной елкой.

— Тебе его жалко? — вдруг услышала она.

Лика смотрела на нее с дивана осмысленно и почти трезво.

— Тебе жалко Эдика?

— Не знаю, — пробормотала Майя. — Разве что в общечеловеческом смысле. Почему ты спросила?

— Потому что я его ненавижу.

Сказано это было совершенно равнодушно, даже сонно, и Майя оторопела.

— За что?

— Ненавижу, — повторила Лика.

— Подожди. — Майя, согнав остатки сна, помассировала лоб и удивилась неожиданно пришедшей мысли. — Он что, приставал к тебе?

— Он трахнул меня. В школьном гардеробе, в перемену.

— В гардеробе? — Она пересела на диван, поближе к собеседнице (дура я, дура, ведь мелькала догадка, да я отмахнулась). — Когда?

— В сентябре. — Келли зевнула. — Сентябрь — жаркий месяц, гардероб закрыт... Никакого риска.

Не может быть, подумала Майя. Нет, меня разыгрывают, это точно: слишком уж равнодушный голос, без всяких интонаций, и — недостающее звено в цепочке. Не может быть...

— Но ты могла закричать, позвать на помощь... Келли, Келли, почему ты этого не сделала? Почему ты призналась только сейчас?

— Не понимаешь? Ты, — Лика приподняла голову с подушки и обвиняюще ткнула пальцем Майе в грудь. — Что ты подумала первым делом? Правильно: никто не сможет изнасиловать девушку, если она сама этого не захочет. Что уж говорить об остальных.

Она помолчала.

— Представь, если бы это выплыло наружу... Гуд бай, Америка, о-о.

— Ну, хоть отцу-то ты рассказала? Или Рите?

— Тебе первой. (Майя хмыкнула про себя: слабое утешение и неслабая ответственность.) Хотя, мне кажется, папка что-то такое подозревает. Недаром прет грудью на амбразуру с таким усердием.

— Что значит «прет на амбразуру»?

— Он меня защищает, — пояснила Келли, сама того не подозревая, продублировав выводы Риты. — От тебя, от следователя, от черта с дьяволом. Он же понимает, что я тут же... как это говорится в детективах... Буду первой в списке подозреваемых.

А ведь девочка права, пришла безжалостная мысль. Безжалостная — как смертный приговор. Или не оставляющий надежды диагноз. Риткин диабет имеет довольно солидный возраст (практически совпадающий с возрастом Келли), а в пору его начала одноразовые шприцы были еще в диковинку... Значит, где-то у Бродниковых вполне могла сохраниться парочка стеклянных... Плюс (Майя отчетливо увидела внутренним взором) — пластырь на Ликиной ладони, плюс мотив — шикарный мотив, мотив — мечта прокурора (и адвоката: «Посмотрите сюда, ваша честь. Кого вы видите перед собой? Хладнокровного, не знающего жалости убийцу? Или хрупкую девочку-школьницу, жертву насилия, самого гнусного из всех преступлений?»).

Майя снова прошла на кухню, заварила кофе — пахучий колониальный аромат не

прибавил радости жизни, но вернул мыслям некоторую стройность. В одном Лика ошибалась: Сева не подозревает ее в убийстве (слишком уж чудовищное предположение), он просто ограждает ее от возможных жизненных осложнений. Например, разбирательств насчет наркотиков: Келли, правда, с пеной у рта утверждает... Да мало ли что она утверждает!

Хорошо. Оставим на время Лику в покое и вернемся к исходной версии.

Итак, Василий Евгеньевич Гоц в роли Деда Мороза выходит из актового зала и поднимается по лестнице. Эдик сопровождает его равнодушным взглядом поверх «Русского транзита» — директор есть директор, по вверенному учреждению имеет право разгуливать свободно. Но вот через несколько минут следом бежит девочка в костюме Домино (Эдику отлично известно, кто под маской), нервы мгновенно начинают дребезжать: уж не жаловаться ли побежала, мерзавка? Догнать немедленно и вправить мозги! Отсюда и знаменитый блокбастер под ножкой стула...

Свидетельница. Вот оно, ключевое слово.

Остаются два вопроса. Первый: чей шприц разбился возле двери музея. Второй: зачем, черт возьми, убийце нужно было устраивать пожар? Уничтожить улику (трость, с которой ходил Ромушка)? Но к чему такие сложности? И главное, я видела эту трость, прежде чем запереть дверь, — Роман стоял посреди комнаты, возле стеллажей, и растерянно улыбался, а в его правой руке...

— ...Я бы сама его убила. Я бы убивала его каждый день вместо завтрака, обеда и ужина. Я мечтала о его смерти с того самого сентября, я даже число запомнила: девятое, мы только-только отучились первую неделю. А на уроках, особенно на математике, я придумывала разные способы, один другого слаще. Самой пристойной идеей была посадить его голой жопой на муравейник с рыжими муравьями — биологичка говорила, будто рыжие муравьи могут загрызть человека до смерти. — Голос, приглушенный и ровный, как патефонная пластинка, возник в гостиной. Келли, должно быть, опять задремала, вернее, впала в некое подобие похмельной нирваны — сладкое ощущение вседозволенности, когда можно плевать на чужой ковер и говорить что на ум взбредет, никто не поругает и не выгонит на улицу. — Ну почему я всегда и везде опаздываю? Я ведь могла убить его тогда, на дискотеке. Если бы мне пришло в голову...

— Келли. — Майя умоляюще опустила на корточки рядом с диваном и дотронулась до щеки девочки — она была влажная: то ли слезы досады или раскаяния, то ли растаявшая снежинка. — Милая, скажи, ты видела его?

Длинный звонок в дверь.

О, черт! Майя в растерянности похлопала Келли по щеке (никакой реакции), заметалась по квартире, наконец растянула плед и накрыла Лику с головой — вроде неплохо, издалека не разберешь, есть ли тут кто-нибудь. Снова звонок.

Она подскочила к двери, открыла ее и нос к носу столкнулась с Севушкой. Он выглядел угрюмым и невыспавшимся (ну да, вчерашний визит соратников по партии).

— Эта паршивка у тебя? — вместо приветствия осведомился он.

— Рита?

— Не притворяйся. Лика, черт бы ее побрал.

— Эх ты о собственной дочери.

Сева молча отстранил Майю, широким шагом пересек гостиную, оставляя мокрые следы на ковре, подошел к дивану и сдернул с него плед. Никого.

— Ну, признавайся, где ты ее прячешь?

Друг детства, стремительно сатанея, смерчем прошелся по комнате, коридору, кухне и совмещенному санузелу. Потом, секунду поколебавшись, заглянул в шкаф.

— Может, скажешь, что случилось?

Он взглянул на Майю, устало вздохнул и опустил на стул.

— Не понимаю, что с ней творится.

— Переходный возраст, — успокаивающе сказала она.

— Ни черта подобного. Я заметил: с нынешнего сентября она как с цепи сорвалась. До этого была ребенок как ребенок. Я уж и в школу ходил, допрашивал учительницу... Очень хорошая девочка, говорит. Умная, начитанная, эрудированная. Дружит с другими девочками и мальчиками. Награждена пожизненным ношением переходного красного знамени... Хотя я забыл, что красное знамя отменено.

— А почему ты ко мне...

— Соседи насвистели в уши, — пояснил Сева. — Вот, мол, вы приличный человек, депутат, а дочурку-то, лыка не вяжущую, какие-то темные личности волокут в подъезд под белы руки.

Майя, увидев в углу, возле торшера, смятую и грязную Ликину шапочку, осторожно, носочком, отправила ее под диван.

— И часто за ней такое замечалось?

Сева чуточку подумал.

— Да нет, пожалуй. До этого безобразия на вечере она спиртным так сильно не увлекалась.

— Ты заходил к Вере Алексеевне?

— К теще? — Он хихикнул. — Само собой. Изобразил визит вежливости: на самом деле у нас отношения весьма добрые, вопреки массе анекдотов. Но не буду же я спрашивать, не прячет ли она под диваном пьяную внучку. Да и не станет Лика... Короче, я подумал в первую очередь о тебе, уж извини.

Уже на пороге Сева обернулся и неожиданно мягко сказал:

— Если сна появится — сделай одолжение, свистни. Торжественно обещаю, что пальцы ей в дверь совать не буду и горячим утюгом между лопаток водить тоже. Разве что отшлепаю для профилактики. — И ушел, несчастный баловень жизни.

Майя аккуратно прикрыла за ним дверь, прошла в комнату и сказала:

— Вылезай, отбой воздушной тревоги.

Откуда-то снаружи, из снежного месива, вдруг зашуршало, стукнула балконная дверь, и появилась дрожащая Келли, облепленная инеем, словно Снегурочка.

— Бог мой! — испугалась Майя. — Ты жива?

— Н-н-нет, — честно ответила та, лихорадочно пытаюсь завернуться в украденное одеяло. — Папк-ка ушшшшелл?

— Ты же слышала.

Лика покачалась из стороны в сторону — маленькое трогательное существо, грустный гном со взъерошенными волосами. Как бы не простудилась, с тревогой подумала Майя.

— Он ни о чем не догадывается, — сказала она. — Он не знает, какой праздник ты сегодня отмечала.

— А если бы знал? — как-то очень по-взрослому отозвалась Келли и хлюпнула покрасневшим носом.

— Вся эта игра... — Артур покачал головой. — Отдает чем-то гнилым, не находишь?

— Это не игра, — ответила Майя, искоса взглянув на Гришу — «гномик» с независимым видом молча сел рядом.

Следователь встречал их у дверей школы в компании с новым охранником (тот кивнул Майе как давней знакомой) и милиционером в шинели и шапке-ушанке. Его Майя тоже узнала: всего сутки назад они встречались здесь же, чтобы вместе обнаружить труп в кабинете истории.

Вся честная компания (те, кого Майя сумела обзвонить и кто дал согласие участвовать в «реконструкции») собралась в вестибюле — Лера, Валя Савичева, Лика и Сева Бродников во главе (должно быть, просочился на закрытое мероприятие, воспользовавшись высоким общественным положением).

— Черт меня дернул согласиться, — пробормотал Артур. — Гришка еще ребенок, еще начнет заикаться...

— Он точно будет заикаться и вздрагивать от каждого шороха, если убийца так и останется на свободе, — огрызнулась Майя.

— Ладно, не заводись.

Накануне Майя почти весь вечер провела в обществе телефона, обзванивая и уговаривая участников маскарада — и пришли все, правда, без карнавальных костюмов и с крайне озабоченными лицами, отчего сборище в вестибюле напоминало не новогодний бал, а канувшее в Лету комсомольское собрание.

— Веселый вечерок, — озвучила эту мысль Лера Кузнецова. — Может, хоть музон врубят? Для достоверности.

— Заткнись, — беззлобно пробормотала Келли, мучившаяся головкой после недавнего демарша.

Она заметно нервничала. Собственно, нервничали все, только с разным оттенком: одни боязливо жались к родителям (те стояли отдельной кучкой и сдержанно гудели, точно потревоженный улей), другие, наоборот, демонстрировали полное пренебрежение к готовящемуся действию. (А мне плевать, я ни при чем. Так и запишите в протокол.). Обстановка способствовала: та же темень за окнами, но тогда в ней не было ничего зловещего, наоборот — канун праздника, детское ожидание чуда (рука Романа на талии), Снегурочки, принцы (для каждой Снегурочки — свой), драконы, ведьмы, павлины... И одинокий маленький гном — Майя только сейчас разглядела, что Гриша единственный был одет в новогодний костюм: желтое трико и красный капюшончик меж острых лопаток.

— Не бойся, — тихо сказала она, ласково взлохматив его вихры. — Ну не все же мы преступники.

— Я и не боюсь, — отозвался тот, однако по-прежнему настороженно поглядывая вокруг.

Нового охранника, заменившего на посту убитого Эдика, звали Андреем. Он подмигнул Майе, подошел к Колчину и встал рядом в позе киношного эсэсовца, расставив ноги и затолкав кулаки за ремень.

— Приступим, — произнес Николай Николаевич, выйдя на середину, точно фокусник на арену. — Сейчас мы попытаемся восстановить события вечера двадцать восьмого декабря — приблизительно с того момента, как вы, Василий Евгеньевич (кивок в сторону Гоца), закончили представление и удалились за кулисы. Андрей Стрельцов сыграет роль Эдуарда Безрукова. Вы, ребята, постарайтесь вспомнить и проделать то же самое, что делали на дискотеке.

Послышались неуверенные смешки: «То же самое? Катька, тогда давай целоваться». — «Обойдешься». — «Как это? Дяденька милиционер велит, чтоб все взаправду...» — «А по морде тоже взаправду?» — «Ой, девки, а я и не помню ничего...» — «Ты ж на бровях была, неудивительно». Они продолжают играть, с раздражением подумала Майя. Они не могут осознать, что убийца сейчас наверняка тут, среди них, и улыбается, и шутит, а нервы у него на пределе — неверный шаг, намек на опасность, и... Эдика, между прочим, он бил уже мертвого — двенадцать раз, там, где хватило бы и одного-двух ударов. Бил остервенело, с яростью...

— А музыка будет?

— А какая была музыка?

— «Демо». Убойная группа!

— Это потом, а в начале...

— Василий Евгеньевич, — тихо окликнул директора Колчин.

Тот растеряно оглянулся, нахмурился, сделал шаг по направлению к задней двери.

— Ну, я вышел за кулисы, задним коридором прошел к черному ходу, сел в машину...

— Нет, — вдруг выкрикнул кто-то из учеников.

Следователь тут же поймал его за плечо.

— Что значит «нет»?

— Мы с Мариной Лязиной и Венькой Катышевым играли в снежки... Ну, решили

проветриться: в зале духота. «Волга» стояла на месте.

— Может быть, это была другая «Волга», похожая?

— Да нет, там и обезьянка на переднем стекле...

— В котором часу?

— Без двадцати одиннадцать. Марина спросила, а я посмотрел на часы — ей родители велели к одиннадцати домой явиться.

Колчин вопросительно взглянул на директора. Тот почти спокойно произнес:

— Возможно, я задержался: выкурил сигарету, переоделся...

— Где вы переодевались?

— Не помню, — отрезал тот.

— Не на третьем этаже?

— С какой стати?

— Вас видели поднимающимся по лестнице.

— Кто видел? — заорал Гоц. — Восемилетний пацаненок?

— Девятилетний.

— Плевать. Я официально заявляю, что не буду в этом участвовать. Хоть на куски режьте.

Он, пошатываясь, сделал два шага по направлению к лестнице, взялся за перила, отразившись в зеркале. Гриша во все глаза смотрел вслед директору — та же картина, повторенная в мельчайших деталях: Гоц, сам того не осознавая, шел туда, куда направлялся (Майя была почти уверена!) в ночь убийства...

— Гришенька. — Николай Николаевич присел на корточки. — Расскажи, как ты играл в разведчика, пока взрослые были на дискотеке. Ты видел, что делал охранник?

Мальчик почему-то перевел взгляд на собственную сестру, застывшую в небрежной позе возле зеркала, и кивнул. Странная улыбка вдруг промелькнула на его лице — то ли лукавая, то ли торжествующая: видишь, мол, и я могу быть в центре внимания, вон сколько людей собралось тут ради меня, а ты все «малышня, малышня...». Впрочем, глаза оставались серьезными, хотя губы разъехались по всем правилам...

— Так ты видел охранника? Скажи нам, не бойся.

— Видел. Он вскочил со стула и бросил книжку на пол. А потом побежал вверх.

— За кем он побежал?

— Там кто-то был.

— Кто?

— Кто-то в карнавальном костюме.

Лера Кузнецова вдруг оживилась:

— Валька, а ведь ты тоже должна была заметить...

— Я? — беспомощно отозвалась та. — Почему?

— Потому что ты тоже выходила в вестибюль. Как раз перед самым концом, у Вадьки еще кончилась пленка в кассетнике...

Похоже, Лера просто заболела, если случайно выпадала из центра всеобщего внимания.

— Не выдумывай, — слабо запротестовала Валя.

— Я выдумываю?! Да вы с Келли в дверях чуть лбами не стукнулись!

— Вальюша, — умоляюще проговорила Майя.

Та смутилась еще больше.

— Тетя Джейн, я не уверена. Ну, мне действительно показалось, будто у лестницы мелькнуло что-то красное...

— Как язычок пламени?

— Нет, не такое яркое. Не алое, понимаете?

Что-то красное... Красная шуба, красный мешок с подарками — как преддверие пожара, в котором чуть не сгорел Роман. Красные брызги крови на полу в коридоре, красное пятно на линолеуме, мозги и кровь...

— Где вы были после того, как вышли из актового зала? — жестко спросил Колчин, стоя в наэлектризованной толпе. — Ваша машина, гражданин Гоц, в двадцать два сорок еще стояла на стоянке возле черного хода.

Он сделал паузу и добавил:

— Вы можете превратиться в основного подозреваемого, Василий Евгеньевич. Подумайте.

Тот упрямо молчал, отвернувшись к стене.

— Хорошо, — наконец сдался следователь. — Попрошу внимания. Сейчас в присутствии понятых несовершеннолетнему Григорию Кузнецову будут предъявлены несколько человек, одетых в карнавальные костюмы. Они по очереди поднимутся по лестнице на второй этаж, то есть воспроизведут действия подозреваемого...

На что он надеется, подумала Майя почти с ужасом, внезапно очутившись внутри некоего театра абсурда, недалеко от сцены: возможно ли узнать человека со спины, в длиннополый шубе, которого видел два дня назад, всего несколько долей секунды, в полумраке...

«Но я-то узнала! В тот самый вечер, сидя в коридоре на подоконнике, увидев его в совершенно другом ракурсе и в другой одежде (кашемировом, отнюдь не карнавальном пальто нараспашку и белом шарфе — классический „прикид“ преуспевающего мена)».

— Геннадий, давай сюда статистов, — распорядился Колчин с видом заправского режиссера.

— У нас всего один костюм...

— Значит, будут по очереди переодеваться за сценой.

...Дед Мороз номер один был похож на загримированного Гоца, как две капли воды, но — Майя увидела это сразу — ходил совершенно иначе: немного косолапая и наклонив голову вперед, как это часто делают люди плотной комплекции. Он поднялся по ступенькам наверх, охранник Андрей, повинувшись знаку следователя, уронил многострадальную книгу на пол и вскочил со стула...

Колчин вопросительно взглянул на Гришу.

— Ну, что скажешь? Похоже?

— Ага, — солидно кивнул тот. — Только не очень.

— То есть *этого* Деда Мороза ты не узнаешь? — Колчин удовлетворенно кивнул. — Что ж, давайте следующего. Ребята, займите свои места еще раз.

— Кадр пять, дубль два, — дурашливо прокомментировал кто-то из задних рядов (Майя пригляделась: ага, девица-десятиклассница нагло-циничного облика, раскрашенная, как индеец на тропе войны, в короткой норковой шубке и с распущенными волосами). — А гонорар нам выплатят?

— Держи карман шире.

— Как это «держи карман»? Это что же, я тут должна за бесплатно... Ай!!!

«Ай!» она сказала потому, что Майя, преисполнившись ледяной ярости, молча снялась с места, рассекла толпу, точно нож — подтаявшее масло, и отвесила девице тяжелый подзатыльник. Та изумленно вскинула выщипанные брови, округлила рот, готовясь немедленно вступить в дискуссию, но Майя опередила.

— Тихо, — прошипела она, глядя девице в лицо. — Ти-хо, поняла? Свои идиотские реплики засунь себе... Иначе огребешь у меня статью, как два пальца об асфальт. Я доступно излагаю?

— Доступно, — икнула девица. — А за что статью?

— За оказание сопротивления следственным действиям, — рыкнула Майя, нимало не смутившись безграмотности собственной формулировки.

— Вы разве... тоже из милиции?

— Из ФСБ, — веско пояснила она.

Эта грубая инсинуация произвела фурор. Разговоры вокруг мгновенно смолкли, все посмотрели на Майю уважительно и слегка испуганно. Кто-то из ребят даже застегнул

верхнюю пуговицу на рубашке. Майя встретила взглядом с Колчиным — тот улыбнулся уголками губ: bravo, Киса, далеко пойдете, коли вовремя не остановить...

— Ладно, — сказал следователь уже в полной тишине. — Начнем сначала, по моей команде...

Однако второго Деда Мороза ждала та же участь. У него была не та пластика и не та посадка головы («Не зря я пять лет пахала в спортзале, — мелькнула у Майи горделивая мысль, — уж что-то, а движения человека я научилась „срисовывать" влет»).

— Бесполезно, — сквозь зубы произнес Сева Бродников. — Или этот пацаненок все выдумал, или его запугали до полусмерти.

Майя посмотрела на Гришу с изрядным сомнением. Странная улыбка промелькнула и исчезла (уж не привиделось ли, появилась мысль, — все эти полутемные коридоры, маски, фигуры в гротескных костюмах, трупы и пожары... Немудрено, если будет чудиться бог знает что). Теперь Гриша смотрел внимательно и отрешенно, как тогда, в магазине. Майя машинально перевела взгляд на Анжелику...

И замерла, увидев перед собой... Нет, не лицо. Это нельзя было назвать лицом — тем более детским. Мертвенная кожа, без движения, без жизни, напоминала жутковатую маску. Черные глаза с расширенными зрачками смотрели на плакат с драконом и Снегурочкой — будто увидели привидение. Но вот взгляд скользнул ниже — там, где у зеркала стояла Лера Кузнецова, грубовато-изящная рокерша в неизменной черной коже («Вы едва не столкнулись лбами в дверях...»). Столкнулись — стало быть, Валя направлялась из зала в вестибюль, а Келли — наоборот...

Она едва не вскрикнула от неожиданной догадки, но тут Дед Мороз № 3, взойдя на ненавистную лестницу, как на эшафот, сорвал фальшивую бороду и с ненавистью швырнул ее на ступени.

— Это вы подстроили всю эту мерзость, — прошипел он, указав на Севу Бродникова. — Как же я раньше не понял...

— Что вы себе позволяете? — отшатнулся тот. Но Гоца было не остановить.

— Вы решили столкнуть меня с дороги, да? Наняли громилу, который устроил пожар и ухайдакал охранника, — и все ради того, чтобы сделать из меня преступника?! — Он хлопнул красными рукавицами. — Bravo, я польщен. С Клинтоном обошлись и то проще: подсунули в кровать Монику Левински — и вся недолга.

— У вас белая горячка, уважаемый, — высокомерно произнес Сева, придя в себя. — Учтите, я подам на вас в суд за клевету.

— Руки короткие, — огрызнулся директор.

— Гражданин Гоц, — сказал Колчин тихим голосом, и оба кандидата разом смолкли, будто кто-то отключил фонограмму. — Я спрашиваю в последний раз: что вы делали и где находились с половины одиннадцатого до одиннадцати вечера, то есть с того момента, как вышли за кулисы?

На школьного директора было жалко смотреть. Лицо его покраснело, став одного тона с карнавальным нарядом, дурацкая шапка с белой оторочкой съехала набок...

— Вы за это ответите, — прохрипел он, тыча пальцем в грудь Колчина. — Вас купили на корню мои противники... Ну да ничего, сейчас не те времена!

Майя не выдержала и фыркнула. Вся эта сцена слишком напоминала дешевый фарс, который ежедневно разыгрывали члены парламента перед телевизионными камерами. Теперь, без накладной бороды и в распахнутой выцветшей шубе («Что-то красное, но не яркое, не алое, понимаете?»), школьный директор был похож не на Деда Мороза, а на киношного председателя сельсовета, в которого недобитые кулаки целились из своих обзоров.

— Вы сознаете, что своими действиями препятствуете следствию? — спросил Николай Николаевич. — Я вынужден задержать вас, гражданин Гоц.

— Вот как? — с иронией осведомился тот. — На каких хреновых основаниях, позвольте спросить? Меня опознали или что?

— Да он же нарочно, — презрительно сказал Сева Бродников. — Он нарочно снял бороду и повернулся лицом, разве непонятно?

Понятно, ответили вмиг углубившиеся морщины на лице Колчина. Еще как понятно: следственный эксперимент, чуть ли не единственная призрачная надежда на сегодняшний день, накрылся медным тазом, драгоценное время упущено, главный свидетель оказался липовым...

— Довольны? — буркнул он, подойдя к Майе.

— Что с ним будет? — спросила она.

— С кем? А, с Гоцем... Собственно, ничего.

— Как? — возмутилась она.

— Вот так. Доказать умышленный характер его действий невозможно. Ну, повел себя по-идиотски, ну, снял бороду — «извините, гражданин судья (если дело еще дойдет до суда), нервы расшатались на этой лошадиной работе. Убийство, нелепое подозрение, а тут еще выборы на носу...» Конечно, я могу задержать его на сорок восемь часов. И попытаться накопать что-нибудь за это время: еще раз расспросить школьников насчет «Волги» на заднем дворе, обследовать посох (его, правда, уже обследовали вдоль и поперек, но чем черт не шутит)... А главное — необходим хоть какой-то мотив...

— Мотив убийства?

— Нет, Майя Аркадьевна, *мотив поджога*. Мы с вами заикнулись на убийстве охранника — так сказать, поставили телегу впереди лошади. И прошли мимо того, что бросалось в глаза. Безрукова ударили палкой — возможно, тем, что попало под руку, в порыве ярости, или страха, или безумия... То есть налицо убийство спонтанное, без подготовки. Охранник погиб потому, что оказался (ваше собственное выражение) в плохом месте и в плохое время. А вот поджог — другое дело, к нему преступник явно готовился. — Колчин вытащил сигарету, плебейский «Космос», чиркнул спичкой и безалаберно бросил ее на пол. — Он загодя, еще дома (или в ином месте), смешал спирт и бензин в нужных пропорциях, наполнил шприц, насадил иглу... Он все рассчитал верно: огни, толпы народа (четыре десятых и четыре одиннадцатых класса), все в костюмах и масках, никто друг друга не узнает...

— Так уж и не узнает!

— Во всяком случае, не сразу.

У Майи вдруг сжалось сердце.

— Он что, хотел сжечь Романа? — прошептала она. Колчин покачал головой:

— Нет, нет, опять вы совершаете ту же ошибку. Пусть убийце было известно (к примеру, от кого-то из Бродниковых), что Роман пригласил вас на школьный вечер и вы согласились. Но как он мог предположить, что вы запрете своего друга в музей (милая шалость, нечего сказать), а сами побежите в «историчку» любоваться луной? — Он усмехнулся. — Небось, пили ликер и сочиняли стихи, а? «Бледные звезды плачут в ночном небе, словно трава росой на рассвете...»

— Я не сочиняю стихов, — мрачно ответила Майя. — У меня идиосинкразия к рифме. Значит, по-вашему, Гоц...

— *Пока не установленный преступник*, — с нажимом поправил следователь.

— Хорошо. *Пока не установленный преступник* не собирался убивать ни Романа, ни охранника. Что же он (или она) вообще делал на третьем этаже?

— Устраивал пожар, — сказал следователь. — Другого объяснения я не вижу. Он хотел уничтожить школьный музей.

— Не укладывается в голове, — призналась она. — Совершенная нелепость. Ведь не Государственный архив, не Эрмитаж, ничего ценного.

— Так он и не собирался ничего красть, — возразил Николай Николаевич. — Хотя, если бы у него была такая возможность...

— Но Гоц мог попросить ключ у Романа на законных основаниях...

— И навлечь на себя подозрение, если бы пропажа обнаружилась.

— Какая пропажа? — удивилась Майя.

— Пока не знаю. Что-то, что находилось в тот момент в музее. Что Роман принес туда, как часть своей будущей экспозиции.

— Не понимаю...

— Экспонат, — пояснил Колчин, для верности начертив в воздухе некую замкнутую фигуру. — Документ, письмо, дневник, чью-то фотографию... Нечто, смертельно опасное для убийцы. Вот скажите: что вам особенно запомнилось из экспозиции? Напрягитесь.

Майя послушно напряглась, в мыслях восстанавливая картину: вот она в задумчивости ходит меж стеллажей — сначала ей просто скучно, но постепенно, незаметно для себя, она будто растворяется, погружается в темный мир чужих судеб — давних, частью забытых, словно поросшие чертополохом могильные кресты на окраине кладбища, мир пожелтевших фотографий и писем с кокетливыми вензелями.

— Кажется, ничего криминального, — наконец произнесла она. — Помню какой-то военный снимок — молоденький солдатик на фоне подбитого немецкого танка...

— Знаю, прадед одного сорванца из второго «Б». Родители делали ремонт в квартире, наткнулись на древний альбом, решили: чем выбрасывать, лучше подарить школе. Что еще?

— Письмо на французском. Любовное послание: «*Mon amour, j'embrasse les pointes de tes cloigts et je plie le genoi devant tes traces sur la cote...*»

— «Моя любовь, я целую кончики твоих пальцев, смиренно припадаю к следу твоему на песке», — задумчиво перевел Колчин (ого! — изумилась Майя). — Очень изысканно.

— Вы знаете французский? — спросила она.

— Только в объеме средней школы. Что еще?

Майя покачала головой:

— Ничего не идет на ум. Мне казалось, я провела в этом чертовом музее половину жизни.

— Вы были заняты другим.

Я была занята другим, покаянно думала она. Если отвлечься от мотива (версия-фантазия, выдвинутая следователем), то в наличии остается один-единственный факт, улика, камень преткновения.

Карнавальным костюм.

Шуба, шапка, валенки, накладная борода — пожалуй, если сложить, набьется целый абалаковский рюкзак.

Майя снова попыталась сосредоточиться, возвращаясь в новогодний вечер, в вавилонское столпотворение из принцев, павлинов, снежинок-пушинок-балеринок, двух Дам Пик, четырех Царевен-лягушек, одного Домино (Келли) и одного гнома (Гриши). При массе сумок, пакетов, рюкзачков (один такой болтался за плечами Вали Савичевой, но он был явно мал для шубы и валенок).

— Значит, Гоц имел в своем прошлом...

— Беда только в том, — сказал Николай Николаевич, — что Роман не обращался к нему с просьбой предоставить что-нибудь в качестве экспоната. Гоц ничего не передавал в музей. Так что если в его прошлом и было нечто криминальное (это мы выясним непременно), то ОНО попало в экспозицию другим путем.

— Каким? — тупо спросила Майя.

Колчин пожал плечами:

— У нас есть сорок восемь часов, чтобы узнать.

Глава 9

— И слава богу, — истово пробормотал Артур, когда они втроем — он, Гриша и Майя — вышли из школы на морозный воздух... Хотя — какой там мороз. Так, восьмушка. — Жаль, конечно, что идея насчет опознания провалилась... Ну да этот упырь все равно себя

расшифровал (и как его только к детям близко подпустили!). Ничего, теперь его надолго запрут.

— На двое суток, — тихо возразила Майя. — Дальше либо нужно предъявлять обвинение, либо отпускать. Следователь сказал, что, скорее всего, отпустят: улики против него — ни малейших.

Артур нахмурился.

— Как это «ни малейших»? А доблестные органы на что? Пусть ищут.

Он взглянул на семенившего рядом Гришу, потрепал его по плечу и улыбнулся — впервые, кажется, за долгое время.

— Ну вот наконец-то у тебя настоящие каникулы. Если никто не против, предлагаю двинуть в магазин за подарком.

— За каким подарком? — спросил Гриша.

— За Бэтменом. Ты же сам просил...

— Это когда было. Купи мне лучше гонки! Там машинки ездят по трассе со светофором...

Артур крикнул.

— Аппетиты у тебя, однако... С гонками придется подождать, малыш. Может, все же согласишься на Бэтмена?

— Не-а, — отозвался Гриша и помчался вперед по утоптанной дорожке меж деревьев и скамеек-сугробов.

Артур посмотрел ему вслед и вздохнул.

— И ведь не откажешь... Я вообще не могу им ни в чем отказать — ни ему, ни Лерке.

— А что за Бэтмен такой? — спросила Майя.

— Игрушка, — пояснил он. — Пластмассовая фигурка в маске, и к ней куча всяких прибабасов. Гриша вокруг нее неделю крутился, как кот вокруг сметаны. А теперь — на тебе. Гонки-то дорожке раз в десять.

Он помолчал и проговорил после паузы, будто советуясь с самим собой:

— Может, увезти их отсюда подальше?

— Кого?

— Леру с Гришей. Как-то не по себе, знаешь ли, от мысли, что их школьный директор подозревается в убийстве.

Гриша был уже далеко, однако услышал. Резко затормозил ботинками по снегу, подошел и спросил, глядя в упор:

— Куда ты хочешь нас увезти?

— Ну, не увезти, а просто перевести в другую школу. Правда, она чуть дальше от дома — да это не проблема, буду подбрасывать тебя утром на машине, а после уроков — забирать. Как тебе такая идея?

Малыш озадаченно засопел, склонив голову (алый помпон на шапочке клюнул вниз), и буркнул:

— Не хочу.

— Почему?

— Там все другое. Ребята новые и учителя... Не надо нас никуда переводить.

Артур кашлянул.

— Видишь ли... Тут тебе грозит опасность. Я пока не могу объяснить тебе — ты, наверное, и не поймешь...

Гриша подошел к отцу вплотную, запрокинул лицо — глаза были очень серьезны, как, должно быть, и мысль, которую он пытался донести.

— Пап, а если я пообещаю... Ну, дам честное-расчетное слово, что со мной ничего не случится?

— Миленький, да откуда ты можешь знать?...

— Я знаю, — упрямо сказал Гриша.

Майя, до того момента витавшая где-то в высоких сферах, вдруг остановилась. Что-то

странное промелькнуло в словах мальчика... Нет, не в словах — скорее в интонации. В абсолютной, железобетонной уверенности — будто он сумел заглянуть в собственное будущее. Говорят, дети способны и не на такое.

Дети способны и не на такое...

Эта мысль гвоздем засела у нее в голове. Она рассеянно наблюдала, как Гриша зачерпнул пригоршню снега, скатал тугой шарик и запустил в дерево. Шлеп! На черном стволе расцвела белая отметина, брызги разлетелись во все стороны фейерверком, прощальным салютом... Да почему вдруг «прощальным»?

Не впадай в паранойю, строго приказала себе Майя. В чем ты его подозреваешь... готова подозревать? В поджоге музея? В том, что он до смерти забил охранника? Не смешно.

Однако упрямая мысль не давала покоя. Только (Майя неожиданно поняла и удивилась) имела она какую-то иную природу. Иной источник, обнаружить который в густых зарослях можно было, лишь забравшись в эти заросли.

Возле Артурова подъезда вышла заминка: в дверном проеме, наглухо перекрывая его, торчала чья-то широкая спина в отвратительно дорогой дубленке, а из недр подъезда слышался утробный собачий вой, местами скатывающийся в инфразвук.

— Я сказал типа «Фу!» в натуре! — заорала спина, теряя терпение.

Вой перешел в рычание. Слышать его было довольно жутко, и Майя невольно попятилась. Однако Гриша бесстрашно проскользнул вперед и объявил:

— Да это Кокос, он не кусается... Здрасьте, дядя Валера!

Спина развернулась и трансформировалась в молодого краснощекого детинушку типично «новорусского» облика («Наш сосед по площадке», — пояснил Артур). Детинушка упорно тянул за поводок, на другом конце которого изо всех сил упирался лапами громадный черный ротвейлер. Майя трусливо хмыкнула: такая зверина действительно может себе позволить не кусаться — заглотит целиком, не жуя, и вся недолга...

— Дохлую кошку учуял, — сердито сказал дядя Валера. — Уж что я с ним только не делал: и бил смертным боем, а он — ни в какую. И что интересно, на живых кошек ноль внимания, только если какая сдохнет...

— Вы бы на него хоть намордник надевали, — поморщился Артур. — Дети кругом...

Детинушка пробормотал под нос нечто вроде «это еще на кого намордник нужно надевать», но собаку придержал, освобождая дорогу.

— Зайдешь? — спросил Артур Майю.

Она вымученно улыбнулась:

— В другой раз. Сегодня я Ритке обещала...

— Тогда до завтра?

— До завтра.

Майя помахала им вслед, проводила глазами Арту-рова соседа с его Кокосом — мечтой эсэсовца и осталась наконец одна, посреди занесенного снегом двора, в холодных синих сумерках.

Маленький гном в забавном капюшончике упорно стоял перед внутренним взором. Очень взрослые, серьезные глаза и нелепая уверенность в том, что ничего не случится (а может, наоборот, вполне даже «лепая»? Ну нет, паранойе — стоп!).

Игрушечный Бэтмен, страшноватая игрушка в маске с остренькими ушами и — с чем там — крыльями? моторчиком? — за спиной...

«Может, увезти их подальше?»

«Папа, а если я тебе пообещаю... Ну, дам честное-расчестное слово...»

«Слава богу, что Гриша никого не узнал...»

Никого не узнал. Просто вдруг стряхнул с себя задумчивость и улыбнулся — лукавой, слегка насмешливой, почти жестокой улыбкой, и эта улыбка была адресована одному-единственному человеку в карнавальном костюме, в полутьме школьного коридора, где на полу отпечатались белесые лунные квадратики...

— Он узнал, — сказала Майя, обращаясь к утопающим в сугробе тягам-перетягам. —

Он узнал, узнал, узнал, черт возьми!...

Дневник

«...Она вошла в террор, будто бросилась с головой в черный омут — вся, душой и телом, отдав себя без остатка. Трудно было ожидать такого от юной девушки — такой самоотдачи, такого горячего стремления идти до конца... Она просилась на самые опасные участки работы, и ее иногда приходилось сдерживать, иначе погибла бы в первые же дни; тогда погибали многие гораздо более опытные. Энтузиазм хорош только при наличии холодного рассудка и трезвой головы бойца, а иначе...

Это был период торжества реакции. Охранка была сильна как никогда, многие наши товарищи гнили по тюрьмам и каторгам, иных (тоже многих!) уже не было на этом свете... И самым страшным, непереносимым было в ту пору — оказаться отрезанным от нашего движения... Представить себе трудно, что означало это для меня, „охотника за провокаторами“, друга и верного соратника Владимира Бурцева (своего рода „особый отдел“ в Боевой организации), — быть в стороне от событий, заключенным в Орловский централ в камеру-одиночку № 224, где лишь узкая койка, привинченная к каменному полу, узкая зарешеченная щель вместо окна, так высоко, что до нее не дотянуться, из которой в светлое время можно было видеть только кусочек голубого неба — я смотрел на него долгими часами, мучительно запрокинув голову... И — одиночество. Круглые сутки, дни, месяцы, похожие один на другой, в четырех стенах. Правда, мой адвокат добился для меня книг (их доставляет толстый библиотекарь из местного скудного хранилища). Хранилище оказалось набитым бульварными романами о необузданных любовных страстях где-нибудь в дорогом пансионе на побережье или в Венеции, где гондольеры скользят на своих длинных лодках по запутанным, как парижские улочки, каналам... Каналы вызывают в памяти родной Петербург, после чего мои мысли переключаются, и я получаю пусть короткую, но передышку.

Беллетристика захватывает меня целиком, и постепенно (к концу пятого месяца в одиночке) я перестаю различать ЭТУ реальность и ТУ — будто я, неприкаянная душа, мечусь меж двух миров, без надежды на отпущение...

Ночи переносятся хуже. Однажды я даже поймал себя на том, что лежу в темноте без сна и разговариваю сам с собой — просто так, чтобы не забыть простые человеческие слова. Пожалуй, именно в тот момент я впервые испугался по-настоящему: отныне самый сильный страх связан для меня с тишиной и осторожными звуками топора и пилы — для кого-то готовят виселицу.

Казнить в ту ночь должны были не одного, а сразу четверых: группу боевиков, взятых при экспроприации Земельного банка. С большим усилием я дотянулся до зарешеченного окна камеры. Зачем я это сделал — не могу объяснить. Может быть, надеялся посмотреть на них — в последний раз? Однако в проклятое окошко все равно был виден лишь крошечный кусочек неба... Мне удалось только услышать, как один из той группы, молодой, судя по голосу, еще мальчик, напевал какую-то задорную песню — будто шел не на виселицу, а на праздник. У меня сжалось сердце.

— Валек Киисинский, — сказал на пятнадцатиминутной прогулке мой сосед через стенку, Анатолий Демин (убежденный эсер-бомбист, я знал его с незапамятных времен), помню, был дождь... Да, холодный, нудный, благодаря которому я сделал вывод, что сейчас осень, октябрь или начало ноября. В ботинках хлюпало, и отчаянно мерзли руки в кандалах, зато держиморды попрятались в будку дежурного и не донимали окриками. — Вот какие мальчишки ныне идут в революцию!

Помолчал и проговорил уже тише:

— Я знал его отца. Он погиб полгода назад — бомба взорвалась в лаборатории, в его руках. Валек был последним в их роду. Знаешь, я все больше прихожу к выводу, что эсдеки ошибаются в одном: нельзя всколыхнуть массы, опираясь только на теорию (пусть даже понятную, разжеванную, так сказать). Их идея хороша, но отдает маниловщиной. В ней

нет духа героизма, настоящей романтики борьбы... Нет, такие вот дети — бесстрашные, готовые на все — пойдут только за нами, только в террор...

— И погибнут первыми, — вздохнул я.

— И погибнут первыми, — согласился Анатолий. — Я вспомнил сейчас одну девушку. Ее как раз принимали в организацию, незадолго перед тем, как меня арестовали. Я присутствовал на заседании штаба...

Он не успел рассказать мне подробности — отведенные нам пятнадцать минут истекли, нас развели по камерам. Время снова остановилось для меня — скоро придет жандарм (почему-то его визита я всегда жду с непонятным биением сердца) и уберет лампу. Все вокруг погрузится в непроглядную тьму, и останется только лежать на койке и думать, думать...

Однако эта ночь была наполнена для меня особым смыслом. Ожиданием чего-то важного — не обязательно доброго или злого, но — важного. Завтра в десять утра нас снова выведут на прогулку.

На следующий день Анатолий был как-то неестественно возбужден — не поймешь, веселье это или отчаянная попытка не показать свой страх.

— Завтра суд, — хрипло прошептал он, оказавшись будто случайно рядом со мной. — Скорее всего, повесят, хотя адвокат вроде бы дал надежду... Да я ему не верю. — Он закашлялся, отхаркивая кровью. — Я обещал рассказать тебе про девушку, которую приняли в организацию, но, наверное, не успею. Ты ею интересовался, верно?

— Да, — не стал скрывать я.

— Почему?

Я помолчал.

— Мы ехали в Петербург в одном поезде. Ее рекомендовал Николай Клянц?

Анатолий посмотрел на меня осуждающе:

— Он ведь в борьбе, как ты можешь называть его имя?

— Извини. Ее рекомендовал Студент?

— Он отстаивал ее кандидатуру перед Карлом. Она просила сделать ее исполнительницей при покушении на фон Лауница. Ей отказали.

— Почему?

Анатолий пожал плечами:

— Скорее всего, пожалели. Она, в сущности, еще ребенок. Ей бы в куклы, играть в папочкином имении... Кстати, недавно погибла ее старшая сестра. Думаю, тебе она известна...

Я вздрогнул.

— А подробности?

Анатолий слегка улыбнулся.

— Ты спрашиваешь не из чистого любопытства, я вижу... — Он вдруг приблизился ко мне и сунул мне за пазуху пачку листов бумаги. — Здесь все, что я знаю, — со мной на связи был один человек... Он служит в полицейском управлении, но сочувствует нашим идеям. Почитай, тебе будет интересно.

Я прижал бумаги локтем. Они были теплыми, а мне показались горячими, словно грелка.

— Спасибо тебе. Ты упоминал о человеке из полиции. Стало быть, смерть сестры той девушки не была случайной?

— Ее отравили, — поежившись, сказал Анатолий и снова согнулся в приступе кашля.

Потом его вырвало кровью. Я кинулся к нему, что-то закричал... Охранники наконец выползли из дежурки, лениво отпихнули меня, затем долго переругивались, решая, кто повезет арестанта в лазарет. Я не видел финала, нас растолкали по камерам и закрыли двери.

Демин умер вечером, в восьмом часу, на тюремной койке (в лазарет его так и не отправили). Судьба была милостива к нему: он не дождался суда и не увидел грубо

сколоченной виселицы в Лисьем Носу. Листки, которые он передал мне во время нашей последней встречи, оказались написанными молоком. Я прочел их, только предварительно нагрев над лампой.

С тех пор я перечитывал их сотни раз, запомнив наизусть слово в слово. И, как только появилась возможность, переписал их в свой дневник. Но это уже потом, когда я бежал с каторги на Сахалине.

Оригинал, к сожалению, не сохранился — слишком много пришлось мне (и ему) пережить, слишком много верст проползти на животе. Да и бумага, на которой писал мой сосед, была отменно дурного качества: тюрьма есть тюрьма...»

Ранние зимние сумерки медленно окутывали комнату — сиреневые, постепенно переходящие в фиолетовые, потом в черные... Пусть, лениво думала она, не замечая, вернее, не реагируя ни на что вокруг. Надо бы выйти, вылезть из ступора, заставить себя хотя бы встать с дивана и зажечь свет... Да зачем? Гостей я не жду, шампанское не стреляет, тосты в честь хозяйки не звучат, все словно отравлено. Молчит телевизор в углу, под вышитой салфеткой, молчит радио (то ли я оглохла, то ли весь мир онемел), все молчит, а из источников света — только наряженная елка у окна, подключенная к реле: зажигается-гаснет, зажигается-гаснет...

Майя попробовала читать, безуспешно выбирая между «Сиренами» Ластбадера и «Темными аллеями» Бунина... Так и не выбрала, бросила, осознав, что не различает букв. Попыталась заснуть (сердоболезная Ритка регулярно снабжала фенотарбиталом), но стоило прикрыть глаза, как комната с мигающей елкой предательски исчезала, возникал из небытия школьный актовый зал, мальчик в костюме гнома, преисполненное злости лицо школьного директора... Мог он запугать мальчика? Еще как мог, чем угодно, хоть двойкой по поведению. Однако вся соль в том, что Гриша не боялся. Наоборот, он... черт возьми, я сказала бы — *он ощущал власть над убийцей*. И даже наслаждался ею — это было видно по его лицу... Нет, не хочу об этом.

Позвонил Николай Николаевич Колчин, спросил: «Как вы?» — «Нормально». — «Второго числа с утра прошу в прокуратуру, необходимо снять официальные показания». — «Но ведь все и так ясно». — «Ничего не ясно, против Гоца по-прежнему нет ни одной улики, против вашего приятеля Романа Ахтарова — тоже, за исключением обгоревшей трости. Кстати, у вас не появилось ощущение, что Гриша что-то скрывает?»

И этот туда же.

— Честно говоря, мне претит мысль, что он как-то замешан в этом деле. Не лучше оставить его в покое?

— Лучше-то лучше, но я возлагал на него большие надежды... А так — школьного директора придется отпустить. Иначе меня живьем съедят. — Он помолчал. — Возможно, это прозвучит глупо, но... Словом, счастливого вам Нового года.

— Возможно, это прозвучит еще глупее, но вам того же.

Она положила трубку на рычаг, подошла к зеркалу, увидев себя как призрачный размытый силуэт на фоне колышущихся занавесей, бледное лицо, намек на тонкие (а в общем, обычные) черты, платье, шаль на плечах, распущенные волосы...

И услышала, как отчетливо скрипнула входная дверь.

«Я ее не заперла», — подумала Майя, ощущая липкую дурманящую пустоту во всем теле, и попятилась в глубь комнаты, к письменному столу («лобному месту», за которым мучила своих учеников... или они мучили ее). Нащупала призрачное орудие защиты: нож для разрезания бумаги, выставила его перед собой... В коридоре раздались шаги, вспыхнул свет, заставив Майю зажмуриться.

— Ты что сидишь в темноте, Джейн?

— Сева, — вздохнула она. — Ты меня до инфаркта доведешь.

Он смутился.

— Извини. Собственно, я пришел пригласить тебя в гости. Рита накрыла стол... Новый

год все-таки, хоть и не слишком веселый.

Она приняла приглашение с тайным облегчением: наконец-то кто-то все решил за нее.

Обстановка действительно не блистала весельем, зато пришло ощущение покоя и безопасности. Была огромная, под потолок, елка с массой украшений, звучала музыкальная передача по ОРТ, аналог канувшего в небытие «Голубого огонька», стоял накрытый стол посреди гостиной, вызывающий ассоциацию с поминками... Пусть. Главное — не одна. Рядом Ритка в вечернем макияже, с высокой прической, настоящее парикмахерское чудо баксов за пятьдесят, не меньше, в лиловом брючном костюме от Армани и туфлях-лодочках от Ле Монти. Рядом Келли в длинном свитере из ангорки, папин подарок (Севушка любит баловать своих дам и знает толк в шмотках), рядом сам Сева в бежевой рубашке и при галстукке, открывает шампанское — моя семья, мои защитники, с которыми не страшно встретить любой пролетарский праздник — хоть Новый год, хоть День Парижской коммуны.

— Давайте бокалы, — заторопился он. — Без трех минут двенадцать. Сейчас президент будет говорить речь.

— «Мы строили, строили и наконец построили», — угрюмо фыркнула Келли. — Ура, понимаешь.

Одновременно с боем курантов зазвенели бокалы, они разом выпили, будто стараясь заглушить то ли страхи, то ли непонятное чувство вины. («Давайте не будем о грустном, — попросила Рита. — Никаких убийств, хоть сегодня, ладно? Джейн, попробуй оливье. Севушка у меня большой специалист по салатам...»)

Потом пришла из соседней квартиры Вера Алексеевна, и Майя вдруг удивилась ее тонкому шарму, которого раньше не замечала, будто та всегда скрывала его под нарочито простенькой одеждой — всеми этими платками и цветастыми кофтами «под крестьянку».

— Между прочим, мама долгое время жила за границей, — с гордостью пояснила Рита, и Вера Алексеевна смутилась. — Только привыкла это скрывать.

— Нуда, нуда, — мелко закивала та головой. — Вы-то не знаете, а были времена, когда за это можно было здорово поплатиться. Я вот ускреблась, а Сашеньку моего взяли в пятьдесят первом за низкопоклонство перед Западом.

— Сашенька — это...

— Мой старший брат.

— Тетя Майя, а когда отпустят Романа Сергеевича? — подала голос Келли, лениво поглядывая в телевизор (президент с уставшим багровым лицом, с трудом оседлав трибуну, робко попросил у народа прощения за проделанную работу в истекший период).

— Теперь скоро, — подумав, ответила Майя. — Дело практически раскрыто.

— Да уж, — усмехнулась Лика. — Тебе, папуля, надо было быть осторожнее: отдал меня в школу, где директор — маньяк...

— Не говори ерунды, — поморщился Сева и сдался: — Майя, ты со следователем на короткой ноге... Им известно, почему Гоц убил охранника?

Она пожала плечами:

— Видимо, у парня проблемы с психикой. Хотя у следователя другая версия.

— Какая? — живо заинтересовалась Лика.

— Якобы в музей попало нечто такое, что могло повредить Гоцу на выборах. А тут к открытию экспозиции ожидалось телевидение, пресса... Нужно было действовать, и быстро. Вот он и не нашел ничего лучшего, чем... Охранник, видимо, что-то заподозрил, пошел следом — и наткнулся на удар по голове.

— Он всегда мне не нравился, — подала голос Рита.

— Охранник?

— Директор.

Разговор сам по себе затих. Лика вскоре ушла к себе, на полную мощь врубив «Ди пепл», Сева с Риткой рассеянно и без особого интереса уткнулись в телевизор — но Майя чувствовала исходившее от них напряжение. Будто она, Майя, рассказала неприличный анекдот. Или случайно высказала мысль, поразившую обоих. Неосознанно, но приблизилась

к некой разгадке. По какой-то непонятной ассоциации ей вспомнился дневник, который она листала в Ромушкином музее. Дневник неведомого Гольдберга. Дневник, который погиб в пламени и унес с собой свою тайну: *«Дорого я дал бы, чтобы узнать, кто скрывается под этим псевдонимом — наверняка ведь кто-то из наших, из особо проверенных. Возможно, тот, с кем я здороваюсь за руку и приветливо улыбаюсь при встрече...»* Интересно, узнали ли «охотник за провокаторами»... Да к чему мне это?

К тому, вдруг подумала она, что дневник — единственный экспонат, чей хозяин так и не объявился. Не улика, конечно, даже не факт, лишь маленькая деталь мозаики, относящаяся, может быть, совсем к другой картинке...

Она поднялась:

— Пожалуй, я пойду. Спасибо, что пригласили, не дали умереть в одиночестве.

— Да что ты, Джейн, — встрепенулась Рита, тоже вскочила, уронив бокал и вылив дорогуший «Наполеон» в тарелку с салатом. — Ты умница, что зашла. В следующий раз ждем тебя вдвоем с Ромушкой. Когда все закончится, возьмешь меня в подружки невесты?

Майя улыбнулась. Милая, милая Риточка, милый Сева (тот вяло махнул рукой, оставшись за столом и продолжая планомерно напиваться). Единственные близкие люди, от которых можно ожидать поддержки... Да всего можно ожидать, шепнул кто-то ехидный изнутри.

С утра улица оделась в юный белый снежок. Искрились гирлянды на балконах домов, искрились витрины магазинов и стремительно размножающихся киосков с сигаретами, водкой, шоколадками и всякой бестолковой всячиной, без которой, однако, не обходится ни один уважающий себя праздник.

У одного из киосков Майя остановилась, бросив взгляд за стекло: оттуда, из недр, весело скалилась метровая плюшевая рептилия с абсолютно человеческими осмысленными глазами (ну да, год Дракона). Вокруг рептилии расположились табором игрушки рангом помельче: наборы «Лего», елочные шары, автомобильчики и роботы-трансформеры. Ага, вон и пресловутый Бэтмен — довольно страхолюдное существо, человек — летучая мышь в ушастой маске и со сложенными крыльями за спиной. Надо же, и вокруг этого уродца Гриша «вертелся неделю»... Да, но потом почему-то охладел... Понятно почему: сверкающие великолепиям гоночные автомобили, несущиеся по скоростной трассе, поразили юное воображение.

— Сколько стоит Бэтмен? — спросила Майя у продавца.

— Восемьдесят рублей.

Сущие копейки. Она покопалась в кошельке, отсчитала требуемую сумму и получила взамен усеянную звездами картонную коробку с целлулоидной крышкой.

— А автогонок у вас нет?

— Нет, — махнул рукой продавец. — Это в супермаркете, в квартале отсюда. Только, предупреждаю, они стоят гораздо дороже.

— Я знаю.

Надо было и Лере купить что-нибудь в подарок, подумала Майя. Одна беда: я ничего не знаю о ее вкусах. Как и вообще о вкусах тринадцатилетней девочки. Надо было при встрече спросить потихоньку...

Во дворе возле дома Артура стоял гомон: целая бригада ребятшек ударными темпами строила крепость из снежных блоков. Крепость обещала получиться красивой и грозной: с толстыми стенами, зубцами и двумя угловыми башнями. Одну из этих башен строители и возводили в данный момент. Майя засмотрелась, на минуту отключившись от насущных (криминальных) переживаний и вернувшись в собственное счастливое детство: у них с Ромушкой, Севой и Ритой была такая же крепость. Ну разве что поскромнее размерами. Крепость, которая за одно воскресное утро успевала десяток раз перейти из рук в руки, и Майин синий шарфик, привязанный к палке, то реял впереди атакующих, то взмывал над ледяной стеной — он тоже был бойцом, ее шарфик, и возвращался домой, оваянный славой и

насквозь промокший, как и его хозяйка...

Пацаненок лет десяти — курносый, большеглазый, в бордовом китайском пуховичке — задрал голову и прокричал:

— Гри-и-шка! Чего дома сидишь, выходи!

— Иду! — отозвались из форточки на четвертом этаже. — Только валенки надену...

Майя поднялась по лестнице и позвонила в дверь. Открыл Артур, одетый по-домашнему, в клетчатую ковбойку и старенькие вытертые джинсы, но все равно, даже в этом наряде, удивительно элегантный. Улыбнулся, прижал Майю к себе, прошептал на ухо: «С Новым годом!», увлек в гостиную, к накрытому столу... Бывшие учитель и ученица, бывшие любовники — а ведь не все умерло, вдруг подумала она, его влечет ко мне, как и раньше... А меня к нему? Майя прислушалась к собственному сердцу: нет, меня сейчас волнует совсем другое. И пришла я сюда с иной целью: разобраться в своих подозрениях, попробовать... ну, если не найти разгадку (не все так просто и быстро), то хотя бы чуть-чуть приблизиться к ней.

Гриша топтался в прихожей, натягивая валенки. Майя присела перед ним на корточки и протянула купленную в киоске игрушку.

— Поздравляю, малыш. Расти большой.

Мальчик посмотрел на подарок без всякого интереса, но взял, вежливо сказал: «Спасибо», на минуту скрылся в комнате и вышел обратно.

— Пап, я к ребятам.

— Иди, — разрешил Артур. — Только смотри, от дома ни на шаг!

— Ага!

Майя почувствовала некую уязвленность. А впрочем, чего ты ожидала, возразила она себе. Ясно же было сказано: Бэтмена мы уже не хотим, а хотим машину со светофором...

— Ты собиралась о чем-то с ним поговорить? — вдруг спросил Артур, разливая по бокалам шампанское.

— Сама не знаю, — честно сказала она. — Тебе не кажется, что он что-то скрывает?

— Да ну. Опять ты за старое.

— Извини. — Она задумчиво посмотрела сквозь бокал, снова на краткий миг захваченная прошлым: мерцающие свечи в канделябре, «Золотистый ликер», белая скатерть на сдвинутых вместе партах, глаза Романа в осаде черных ресниц, под черными сросшимися бровями... Кто бы мог предположить, что невинный новогодний вечер в невинной близости от школьного музея закончится так ужасно...

— Ты сомневаешься в виновности Гоца?

Помнится, Лика Бродникова совсем недавно задала ей тот же вопрос. И, помнится, не получила вразумительного ответа.

— Сомневаюсь? Почти нет, но... остались неясности. Следователь сказал, что целью преступника был поджог музея, а охранник погиб как свидетель.

— И что?

— Зачем директору школы идти таким сложным путем? Он мог украсть ключ или подобрать отмычку... Да просто подойти к Роману и попросить. Почему он этого не сделал? Боялся навлечь на себя какие-то там подозрения? Подозрения *в чем*? Пусть даже в его прошлом было нечто темное и постыдное — тайна, которую он берег...

— Берег — да не сберег, — заметил Артур. — Знаешь, если хорошо постараться, то на любого можно найти компромат. И на меня, и на тебя в том числе. Но ведь мы с тобой не рвемся заседать в Думе. Вот и сообрази, сколько у нас остается подозреваемых.

Майя глотнула шампанского, поставила бокал, отрешенно прислушалась к шуму на улице: тот самый мальчишка в китайском пуховичке опять кого-то окликал:

— Ну скоро ты?!

— Разорались на весь двор, — послышался скандальный женский голос. — Людям в законный выходной покоя нет...

Накрытый тяжелой бархатной скатертью стол был придвинут к окну — надо думать,

чтобы освободить пространство посреди комнаты («Лерка с Гришей вчера развлекались, — пояснил Артур. — Железную дорогу строили»), и это позволяло Майе празднично созерцать окружающий пейзаж. Три громадные девятиэтажки в форме буквы «П», кусочек улицы в просвете между ними, аккуратные кусты аллеи, полускрытая за деревьями легковушка (что-то знакомое... или почудилось?), снежный городок и раскрасневшаяся малышня...

Майя перевела взгляд на Артура и подумала: а он прав. Если принять за основу его критерий, то подозреваемых можно пересчитать по пальцам...

Точнее, по двум пальцам.

Василий Евгеньевич Гоц и Всеволод Георгиевич Бродников. Два гладиатора на предвыборной арене (нет, не ассоциируются они с гладиаторами — скорее с двумя скандалящими покупателями в очереди). Двое, из которых остаться должен только один. Двое, для которых вся эта свистопляска вокруг школьного музея может иметь хоть какой-то смысл, учитывая грядущий и так и не состоявшийся визит телевизионщиков...

— Нет, это глупо, — вырвалось у Майи.

— Что именно?

— Подозревать Севу, — ответила она и, окончательно наплевав на логику, добавила: — Мы с ним дружим с самого детства, они с Риткой — практически моя семья, ближе у меня никого нет...

— А я, значит, не в счет? — тихо спросил Артур, пристально рассматривая елку в потушенных огнях.

— Я не то хотела сказать. Просто... Не могу представить, как Севка крадется по темному коридору и впрыскивает бензин сквозь замочную скважину. А уж тем более — бьет по голове охранника. Можешь сколько угодно смеяться, но он... Он не вписывается в эту картину.

— Тоже мне аргумент.

— Ну извини. — Майя нахмурилась, размышляя. — Все это отдает чем-то ненормальным.

— То есть действовал психопат?

— Сева вполне здоров.

— А школьный директор?

— Откуда мне знать? Следователь высказал предположение, что Гоц имел в своем прошлом (не обязательно в своем) какую-то постыдную тайну. К примеру (я фантазирую), его дедушка выдал врагам подполье...

— Чуть, — отрезал Артур. — Открой любую газету, почитай: половина мэров, губернаторов, депутатов — бывшие клиенты «Матросской тишины».

— А вторая половина?

— Вторая половина досиживает срок. В сравнении с ними Гоца вполне можно причислить к лику святых. — Он внимательно посмотрел на Майю, вяло жуя салат. — Ладно, это версия следователя. А что думаешь ты?

Майя смутилась.

— Дурацкая мысль... Но вдруг эта тайна касается его болезни? Я имею в виду какое-то психическое расстройство. Или наркотическую зависимость.

— Вот как?

— Некоторые признаки есть. Келли замечала... Впрочем, мы с ней не специалисты.

— Дела. — Он покачал головой. — Надо Леру с Гришей убирать из этой школы.

— Так ведь ничего не доказано!

— А если совсем не докажут? Оpozнание сорвалось, теперь против Гоца ничего нет.

— Если он в самом деле наркоман — докажут, — уверенно произнесла Майя.

Артур усмехнулся, снова наполнил бокалы.

— Что-то мы с тобой не о том. Новый год все-таки.

— Правда. — Майя огляделась вокруг, будто очнулась. — Между прочим, я здесь впервые.

Они оба рассмеялись своему открытию.

— Действительно, впервые... И как тебе?

— Мило, — оценила она. — Хотя и тесновато.

Артур развел руками:

— Что поделаешь. Старую квартиру после развода пришлось разменять.

— А где она сейчас? Я имею в виду, твоя бывшая жена.

Он пожал плечами:

— Она даже адреса не оставила — просто собрала вещички и укатила с одним типом. Кажется, в Ригу, но я не уверен.

— Ты мне не говорил. А кто он?

— Какой-то параноик-правозащитник. Знаешь, из тех, кто обожает приковывать себя наручниками к оградкам посольств. Или издавать революционные брошюры в собственном особняке.

Майя медленно поднялась из-за стола, прошла по гостиной, бессознательно разглядывая обстановку. Да, вкусы Артура кардинально изменились. Если прежде его жилище вызывало в памяти классический нью-йоркский пентхауз (виденный, конечно, по телевизору, а не живьем), то новое представляло собой некий гибрид детского сада и школы в условиях малогабаритной квартиры. Здешнее царство целиком принадлежало Грише и Лере, в которых Артур души не чаял. Царство, наполненное целомудренной лечебной косметикой («У Лерки прыщи, врач сказал, подростковое, скоро пройдет, но она ужасно переживает, вот и покупаю ей специальные кремы...»), учебниками вперемешку с комиксами и глянцевыми иллюстрированными журналами (Майя заглянула в один из них — ну ничего ж себе...), кодаковскими фотками с дней рождения, видеокассетами, модными и недешевыми шмотками и обувью — поскромнее, правда, чем гардероб Ритки и Лики Бродниковых, но все же, все же... Разрозненные наборы солдатиков и военной техники, детали конструктора и целый плюшевый зверинец... Майя подумала вдруг, что Артур, наверное, поставил экс-супруге ультиматум при разводе: делай что хочешь, но дети останутся со мной. Та, судя по всему, не слишком возражала: ее новый избранник вряд ли обрадовался бы такой досадной помехе для своей правозащитной деятельности...

— Знаешь, что мне сейчас хочется? — спросила Майя.

Артур отреагировал адекватно: встал и подошел сзади, коснувшись губами волос на ее затылке. Он проделывал такое множество раз, прежде чем слегка подтолкнуть ее к краю постели на своей прежней квартире-пентхаузе: вот странно, та, старая квартира, идеально походила на обитель закоренелого холостяка, ничем не напоминая о семье, отдыхающей на благополучно удаленной Украине. Новая же, наоборот, была просто создана для семейной жизни. Для ранних подъемов, кухонных хлопот, проводов в школу с торопливыми поцелуями в щеку, ежедневных влажных уборок (дети не должны дышать пылью), проверок домашнего задания, совместных ужинов перед телевизором и осторожного секса после одиннадцати («Тише, дорогой, малыш проснется...»).

Единственное, чего не хватало тут, — это женщины. Женщины-матери, женщины-супруги, женщины — хранительницы очага, женщины в домашнем халатике и папилютках. Женщины по имени Майя Коневская — именно об этом говорили руки Артура, отяжелевшие на ее плечах. И его губы, уткнувшиеся в ее затылок.

Именно об этом. Беда только, что она сама не могла ответить тем же...

— Так что же ты хочешь? — спросил он.

— Поговорить с Гришей.

Артур со вздохом отстранился.

— Зачем?

— Мне нужно узнать, что он скрывает. У меня нет доказательств, но... Я видела его глаза, там, в школе, во время эксперимента. Видела его улыбку — Гоц в тот момент стоял у зеркала в вестибюле и смотрел на Гришу, а Гриша — на него и чему-то улыбался...

— В чем ты его подозреваешь?

— Упаси боже, — испугалась Майя. — Я просто хочу выяснить наконец. И успокоиться.

— Как знаешь.

Без лишних комментариев он отошел к окну, открыл форточку и крикнул:

— Гришенька! Зайди домой на минутку!

Ответа не последовало — все правильно, Майины сыщицкие изыскания ни в какое сравнение не идут со столь важным вопросом, как обороноспособность снежного укрепрайона.

— Ребята, — снова прокричал Артур. — Вы видели Гришу?

— А его нету, — ответили ему (Майя пригляделась: ага, тот мальчишка в пуховичке).
— Мы уже и крепость построили, а он все не выходит и не выходит...

Реакция у Артура оказалась мгновенной. Майя успела ощутить лишь неясный укол беспокойства, а он уже хлопнул дверью и теперь летел вниз по лестнице, прыгая через три ступени, как был: в клетчатой ковбойке и джинсах. Майя рванулась следом, зацепив, однако, краешком глаза в окне мужской силуэт в черном распахнутом пальто — будто громадный ворон, предвестник смерти...

Человек убегал, удирал, улепетывал со всех ног, и она вдруг догадалась, куда он так спешит: к машине, припаркованной в конце улицы, к белой «Волге», удачно mimikрировавшей под окружающую среду. Майя не могла этого видеть, но ясно представила, как маленькая отвратительная обезьянка болтается там, на переднем стекле...

Значит, его отпустили, мелькнула запоздалая мысль. Школьного директора отпустили, и он приходил сюда. И теперь Артуру его не догнать, расстояние слишком велико...

— Гриша! — заорал Артур, выскакивая во двор.

— Он был здесь, — задыхаясь, проговорила Майя.

— Кто?

— Директор. Его машина...

— Гриша!!!

Артур живо обежал двор кругом. Майя на секунду растерялась, застыв у подъезда: неужели я не заметила... Нет, нет, Гоц был один, точно один, не прятал же он ребенка под пальто...

— Что случилось-то? — услышала она за спиной и обернулась. Старый знакомец, детинушка-новорусс медленно спускался по лестнице, перекаывая во рту жвачку и удерживая на поводке ротвейлера с дурацкой кличкой Кокос.

Майя досадливо отмахнулась, но тут пес неожиданно сильно дернулся в сторону и зарычал. Хозяин сплюнул и покосился на приоткрытую дверь в подвал.

— Опять, что ли, кошка подохла... Фу, я сказал!!! Совсем оборзели, третий замок крадут...

— Какой замок? — не поняла Майя.

— С подвала. А у меня там стройматериалы из Германии, мать их. За ними глаз да глаз нужен.

Майя вдруг ощутила холодок под сердцем. Позвоночник мгновенно покрылся отвратительно колючим инеем, почудилось: двинешься с места — и раздастся стеклянный хруст, будто кто-то наступил на елочную игрушку. Майя шагнула к двери, небрежно отодвинув пса — в другое время она ни за что не позволила бы себе подобной вольности, но теперь ей было наплевать. Она вошла в подвал, нащарила рукой выключатель, нажала на кнопку — без надежды, что свет загорится. Однако забранная решеткой лампочка под потолком вспыхнула, и Майя тотчас пожалела об этом.

Она обрадовалась бы, если бы весь мир в одночасье погрузился во тьму. Или если бы у нее самой отказало зрение — лишь бы не видеть маленькое, пронзительно незащитное тельце на цементном полу, с выпученными глазами и вывалившимся наружу фиолетовым языком. И что-то до озноба знакомое, стянутое и завязанное узлом вокруг Гришиной шеи, полоску красного выцветшего материала, которая вызывала у нее безумную ассоциацию с

новогодним маскарадом. И со сладко-восторженным чувством, с каким в детстве она заглядывала под елку в ожидании подарка... Сзади на нее налетел Артур — она обернулась к нему, изо всех сил пытаясь противостоять безумию, уперлась руками ему в грудь и закричала:

— Не входи сюда! Не смотри!!!

Прошлогодний, предновогодний сюжет повторялся, различаясь в несущественных деталях: школьный коридор в лунных полосах там — кабинет следователя здесь, снующие взад-вперед эксперты в обнимку с пожарными — и случайные прохожие за облезлой оконной решеткой, прохожие с озабоченными и все равно счастливыми лицами, понятия не имеющие, что на свете существует смерть...

— Где вы — там убийство, — озвучил эту мысль Николай Николаевич Колчин. — Вы сами-то себя не боитесь, Майя Аркадьевна?

«Боюсь, — чуть не ответила она вслух. — Боюсь, потому что чувствую: вокруг меня все умирают. Стоит мне появиться на школьном маскараде, стоит поднять бокал шампанского в пустом классе и чокнуться с собственным отражением в окне, стоит зайти поздравить с Новым годом близкого друга (то есть теперь я так его воспринимаю)... то есть произвести самые безобидные действия — и...

И это делает меня опасной — впору надеть на себя смирительную рубашку, попросить, чтобы зафиксировали на кровати и заперли на замок за дверью с окошечком».

— Почему он это сделал? — спросила она, собственно, ни к кому не обращаясь. — Мальчик его все равно не опознал — какой смысл убивать? Когда его отпустили?

— Вчера, — устало, почти брезгливо ответил следователь — видимо, ему до печеночных колик надоело отвечать на этот вопрос — вопрос, вполне способный положить конец его карьере.

— И даже не проследили за ним?

Он вздохнул.

— У вас какие-то прозападные представления... Чтобы за кем-то проследить, необходимы люди и техника. Чтобы получить людей и технику, необходимы основания. Если бы существовала хоть малейшая зацепка — я имею в виду участие Гоца в поджоге музея и убийстве охранника: отпечатки пальцев на разбитом шприце, кровь или бензин на одежде... Ничего.

После продолжительной паузы Майя робко спросила:

— Его еще не нашли?

— Ищем, — лаконично ответил Николай Николаевич. — «Волгу» засекли на выезде из города, приказали остановиться, однако он не отреагировал. Начали преследовать, Гоц выехал на проселок, застрял, бросил машину и убежал через лес. Все дороги перекрыты, ориентировки разосланы, так что далеко ему все равно не уйти. Он и сам это понимает, так что... Словом, я уверен, что он отлеживается где-то рядом, здесь.

— И что вы намерены делать?

— Осуществлять обычные розыскные мероприятия. Установим круг его родственников, знакомых, друзей, любовниц. Пошлем туда людей. Кстати, он может прийти к вам — вероятность, конечно, мизерная, но и исключать ее опасно. Пожалуй, я отправлю с вами Геннадия Алакина, вы не против? Вы должны его помнить, он подвозил вас...

— Не стоит, — возразила Майя. — Я все-таки не подруга и не любовница.

— И все же вам не нужно оставаться сейчас одной. Сходите в гости к Бродниковым, мой вам совет...

— Пожалуй, я так и поступлю, — покорно ответила она, поднимаясь со стула и направляясь к выходу. И с усмешкой представляя себе лицо Риты при ее появлении — будто та вместо лимонада по ошибке выпила стакан нерафинированного подсолнечного масла. И лицо Севушки, будто тот по нелепой случайности проспал собственную инаугурацию. Вдвоем они вполне способны спустить Майю с балкона без парашюта — не потому, что

испытывают к ней сильную неприязнь, а просто — из соображений личной безопасности.

Вокруг тебя все умирают, Джейн.

Эта фраза крупными буквами была написана на искаженном лице Артура, когда там, в подвале, он с ходу прорвал жиденький Майин кордон и упал на колени перед телом Гриши. Упал так, что она отчетливо услышала стук, хотя — вот черт, разве может цементный пол отзываться таким стуком...

Она ждала, что он закричит. И страстно хотела этого, потому что те демоны ада, что переполняли его душу, требовали выхода. Однако Артур решил по-другому.

— Ничего не трогай, — сказал он с ледяным спокойствием. — Вызови милицию и «скорую».

Детинушка-новорусс икнул, с усилием вылезая из ступора, и зашарил в кармане.

— Я это... того... вызову сам. У меня мобила...

— И еще. Лера пошла к Вале Савичевой...

— Я приведу, — дернулась Майя.

— Нет. Пусть обе сидят на месте. И получше запрут дверь. Где живет Гоц?

— Не знаю...

Он улыбнулся — так, что у Майи волосы шевельнулись под шапочкой.

— Ничего. Я узнаю. А ты дождись опергруппу, — и исчез.

Глупо, думала она, сидя на корточках рядом с телом мальчика. Глупо ожидать от Гоца, что тот вернется к себе в квартиру. Его видели — не только я, двор был полон детей плюс множество случайных глаз в окнах трех домов... На что он рассчитывал? В этом должна быть какая-то логика, просто я ее не вижу, невозможно понять логику сумасшедшего, если только сам ты нормален (что тоже большой вопрос...).

Думать, думать, думать, приказала она себе. Думать о чем угодно — лишь бы не о маленьком мертвом теле с вывалившимся языком... А ведь Грише, должно быть, холодно на полу, так и легкие застудить недолго...

Она невольно опустила глаза, стараясь не смотреть на затянутый вокруг шеи мальчика пояс от костюма Деда Мороза (еще один факт в пользу психической ненормальности преступника: на Грише был шарфик с аппликационными снежинками — практически идеальное оружие убийства), на голые посиневшие кисти рук... Опять варежки потерял, теперь новые покупать — какие по счету за эту зиму?... Не сходи с ума!

В правом кулачке было что-то зажато. Майя попыталась раскрыть его, однако это оказалось непросто: потребовалось значительное усилие, но в конце концов она справилась.

И через минуту уже держала перед собой обрывок картона, на котором по глянцу была нарисована маленькая желтая звездочка с тонкими лучами — такие обычно рисуют в диснеевских мультяшках...

Тьма на улице понемногу сгустилась. Впрочем, ничего зловещего в ней не было: празднества продолжались, сверкала иллюминация, на площади перед кинотеатром стояла высоченная елка, и вокруг нее катались на коньках, разговаривали, смеялись и стреляли в воздух китайскими петардами. Когда Майя проходила мимо, кто-то по-свойски хлопнул ее по плечу (она даже не вздрогнула), кто-то игриво обнял за талию и прокричал в самое ухо: «Девушка, почему вы такая грустная? Идемте к нам!»

А ведь Гоца могут застрелить, подумала она равнодушно. Наверняка постовым нарядам передали, что человек, бежавший из-под следствия, подозревается в двух убийствах. Но с другой стороны, в темноте очень трудно попасть. Сыщики промахнутся, и тогда убийца придет ко мне. Стоит принять меры безопасности, как советовал Колчин: пойти к Севе с Риткой (не очень-то они будут рады... перетерплю), окружить себя людьми — свидетелями и защитниками — или хотя бы понадежнее запереть дверь...

А если я хочу, чтобы он пришел? Хочу, наконец, разгадать тайну, понять почему? За что? Неужели все дело только в больном разуме (версия о маньяке соблазнительна, но — она интуитивно понимала — таит в себе множество дыр, несогласованностей, темных

моментов)?

На лестничной площадке ее окликнули. Она обернулась и увидела Веру Алексеевну.

— Майечка, может, зайдешь ненадолго? Угощу чаем с лимоном.

Она согласилась — возвращаться к себе, в опостылевший мирок, точно на необитаемый остров, отчаянно не хотелось, стеснять Севу с Ритой было неудобно... Здесь, у Веры Алексеевны, ее мигом охватил другой мир, мир детства (нежное старинное кресло, служившее в играх то броненосцем, то космическим кораблем, то тронем принцессы), она откинулась на спинку и загляделась в окно. Опять пошел снег, завьюжило, закружило... Ей вдруг представился школьный директор — она уже не думала о нем с ненавистью, скорее с жалостью: как-то одному, в пурге, одетому, надо полагать, не по сезону (пижонское пальто и белый шарф — слабая защита от мороза, это тебе не на собственной «Волге» разъезжать), — и всюду, куда ни ткнишь, поджидают терпеливые опытные охотники... Да что со мной! Кого пожалела? Убийцу?

— Сейчас полно безумцев, — словно подслушав ее мысли, проговорила Вера Алексеевна. — Уж я-то знаю...

— Он не выглядел сумасшедшим, поймите. Он был раздражен, испуган, но... как бы это выразиться... Это был осознанный испуг, испуг перед чьей-то злой волей (он, мне кажется, был уверен, что все это козни Севы). Ах, если бы не я с моей дурацкой идеей!

— Не казни себя, ты не виновата. — Старушка помолчала. — Значит, судьба была такая у мальчика: умереть невинным. Теперь он ангел — там, на небесах...

— Ангелов, бабуль, не бывает, — изрекла Келли с порога. — Ангелы — это опиум для народа. Тетя Джейн, а почему вас так заинтересовал этот случай?

Она слегка удивилась.

— Ну, хотя бы потому, что оба убийства произошли, можно сказать, на моих глазах.

Лица прошла в комнату, бухнулась на диван и закурила с независимым видом. Чересчур независимым, чтобы вид этот мог казаться натуральным, без игры. Вера Алексеевна, переглянувшись с Майей, пожала плечами: что поделаешь, мол, дитя в переходном возрасте, самоутверждается.

— Но ведь с вас и Романа Сергеевича сняли подозрение. Чего же вам не хватает?

— Чего не хватает? — Майя задумалась: а действительно, чего? История вроде бы завершилась, пусть даже таким ужасным образом, а душа не на месте (в проницательности Лике не откажешь). — Скажем так: мне не хватает полноты картины.

Келли насмешливо прищурилась и выпустила дым из ноздрей.

— То есть вы не верите, что Гоц — убийца?

— Нет, нет, он убил, это бесспорно. Но в его поступках... хромает логика. Кем бы ни был преступник — в его действиях ощущается некий вполне осознанный умысел. Если вдуматься, мальчик не представлял для Гоца никакой реальной опасности.

— Да он же псих!

— Сумасшедшие, в отличие от нормальных людей, никогда и ничего не делают беспричинно, — возразила Майя. — Вот ты знакома с ним почти восемь лет, встречалась с ним по несколько раз в день... Скажи, он производит впечатление...

— Ненормального? — Келли наморщила лоб. — А знаете, иногда я замечала... Ну, к примеру, он ведет урок, о чем-то рассказывает, а мысли далеко. Руки дрожат, а глаза...

— Что глаза?

— Будто стеклянные. И он каждую секунду смотрел на часы — просто оторваться не мог, будто ждал чего-то. Сначала я думала, что у него диабет, как у мамки. У нее тоже бывает такое состояние, когда падает уровень сахара в крови. А потом, когда вы сказали про шприц...

— Ты решила, что директор — наркоман? — закончила Майя.

— Но ведь это все объясняет, верно?

— Верно. — Она вздохнула. — Все, кроме одного: где оружие убийства? Следователь сказал, что в лаборатории обследовали посох Деда Мороза: на нем ни единого постороннего

следа. Чем же тогда Гоц бил охранника?

Из кухни послышался свист: чайник сообщил, что готов. Вера Алексеевна исчезла на минутку и вскоре вернулась с подносом: пахучая заварка, по особому, какому-то довоенному рецепту, крошечные фарфоровые чашечки, пирожные и ломтики лимона на блюдечке, вышитые салфетки — все очень красиво, даже изысканно... Майя, с наслаждением отключившись от криминальной среды, свернулась в любимом кресле клубочком (насколько позволял рост) и принялась оглядывать комнату: тыщу лет не была здесь, а все по-старому, ничего не изменилось. Взгляд задержался на резной этажерке, древней, еще с дедовских времен, и обычном наборе пожилой женщины: корзиночка с вязаньем, фотография в кокетливой рамочке (семейство в полном составе: Вера Алексеевна, Рита с Севой и Келли — где-то на природе, на фоне сосен и Севушкиной иномарки), несколько книг, в основном любовных романов, до которых старушка была охоча, альбом в сафьяновом переплете с застёжкой...

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Альбом был старый, а фотографии, почти все, сравнительно новые. На самой первой возле качелей в знакомом дворике стояла девочка с жидкими косичками на затылке — Рита в детстве. Вот она же, но позже, классе приблизительно в десятом: вместо косичек — челка и мелкие завитушки на висках. Вот свадебные: счастливые молодожены в загсе, обмениваются кольцами, счастливые молодожены у Вечного огня (Майя узрела саму себя, расплывчатую, на заднем плане), снова детские снимки (второй круг исторической спирали): Лика в роддоме, в первом классе, Лика с Лерой Кузнецовой и Валей Савичевой в компании неких юнцов за столом в летнем кафе...

— А это ваш муж, Вера Алексеевна? — предположила Майя, увидев несколько старых снимков в самом конце, за отворотом переплета.

— Митенька, — равнодушно подтвердила та. — Он давно нас бросил, как только Риточка родилась. Вот он. (Пожелтевший портрет в овале, с витиеватой подписью: «Апрель 1961, на память с любовью». Интересный мужчина — молодая мама, наверное, сильно убивалась, оставшись вдруг одна.)

— Это мы в Гаграх, в шестьдесят пятом (теннисный корт, улыбающаяся пара, оба в белых футболках и с ракетками). В молодости я была прехорошенькая.

— Ты, бабуль, и сейчас хоть куда, — флегматично ляпнула Келли.

— А фотографий вашего брата здесь нет? — спросила Майя.

— Нет, — почему-то резко ответила Вера Алексеевна. И словно спряталась в раковину — Майя поняла, что эта тема (любимый Сашенька, сгинувший в сталинских лагерях) была ей неприятна.

Майя не стала настаивать. Альбом был водворен на полку, и остаток вечера (точнее, ночи) они провели как нельзя лучше: без особого веселья, зато тепло и спокойно. Уже часу в четвертом, заметив, что старушку клонит в сон, они с Келли одновременно засуетились, помогли убрать чашки со стола и ретировались.

— Ты не звонила Лере? — спросила Майя, когда за ними закрылась дверь. — Как она себя чувствует?

— Погано, — вздохнула присмирившая Лика. — Когда вы пришли и сказали... Валька-то еще ничего, плакала, конечно, но держалась, а Лерка впала в истерику. Еле откачали. Все причитала, что ее тоже убьют — всех, кто в этой сраной школе учится, убивают рано или поздно. Отец отвез ее домой, даже допрашивать не позволил.

— И правильно сделал, — с чувством сказала Майя. — В сущности, она еще ребенок, хоть и притворяется взрослой.

— Да все мы... строим из себя крутых, — самокритично заметила Келли. — Пока ничего серьезного не произойдет... Нет, но как он посмел?! На глазах у всех, среди бела дня...

— Лика, тебе бы отвлечься...

Она отмахнулась.

— Легко сказать.

В квартире у Майиных соседей через стенку гремела музыка и восторженно лаяла собака. Значит, до утра заснуть не удастся, подумала она со вздохом. Ну и ладно. Нормальные люди нормально отмечают законный праздник.

Она подошла к двери, покопалась в сумочке, выудила ключ и, отчаянно щурясь в полутьме, сделала попытку попасть в замочную скважину.

И в этот миг кто-то большой, черный, страшный (она не видела, но очень ярко представляла) обхватил ее сзади за шею, перекрыв дыхание. И прошептал в ухо:

— Не бойтесь, я ничего вам не сделаю. Только молчите!

Глава 10

Любушка проплакала всю ночь. Время от времени она вынимала из-под подушки платочек и вытирала слезы. Она пыталась урезонить себя: «Ну что ты в самом деле, как маленькая девочка! стыдно революционерке быть такой размазней!» Однако это не помогало.

Вчера на совещании Боевой организации выбиралась кандидатура исполнителя акта против Столыпина и петербургского градоначальника фон Лауница. Лауница Любушка видела лишь однажды, на Невском, во время богослужения в католическом костеле, и пришла к выводу, что градоначальник — премерзкий тип. Наплевать, что он «столп реакции» и отдавал приказы жандармам стрелять в безоружных рабочих, — человек с такой гадкой физиономией (тонкие щегольские усики, рыбы глаза навывкате и безвольный подбородок в крупных прыщах) просто не имеет права жить на свете.

Планов покушения было несколько. Остановились на том, который предусматривал выстрел во время торжественного открытия нового медицинского института. Процедура обещала быть весьма помпезной: среди гостей намечались сам премьер, градоначальник, сановные и — главное действующее лицо — принц Петр Ольденбургский, меценат и покровитель наук. Любушка горячо голосовала за этот план: ей виделась великолепная церемония, оркестр в громадном, как вокзал, вестибюле, толпы гостей (мужчины в шелковых цилиндрах и дамы в мехах)... Момент, когда закончены торжественные речи, все смолкает и расступаются, падает разрезанная ленточка в руках принца — и одновременно с этим скромная девушка с букетиком фиалок ниоткуда, словно из воздуха, достает револьвер (она репетировала этот жест тайком, десятки раз, и у нее получалось)... Красиво, эффектно и запоминается навсегда.

О том, что произойдет после выстрела, она не задумывалась. Конечно, ее спасут. Все смешается, люди в панике попадают на пол, ее подхватят под руки и, прикрывая собой от пуль жандармов, доставят туда, где безопасность и покой, где ее не достанут (к какому-нибудь запасному выходу). Ей мечталось, чтобы спас ее непременно сам Лебединцев, которого она много раз видела на конспиративных собраниях: тот был красив, как тореадор, строен и по-военному подтянут. Таким и должен быть настоящий революционер.

Ей отказали. Ты еще слишком юна, сказали ей, и она чуть не расплакалась на виду у всех (то-то было бы сраму!). Почему? Потому что так велит дисциплина. Хочешь быть настоящим борцом — изучай теорию, твой удел — это агитация и пропаганда, а оперативную работу оставь другим. И запомни: приказы здесь не обсуждаются, к этому тебе тоже придется привыкнуть.

На последнее, решающее собрание штаба она прорвалась едва ли не с боем: она не участвовала в акте и по правилам конспирации не должна была присутствовать при разработке... Но она настояла. Она бы умерла, задохнулась, коли ее не пустили бы: последние приготовления, самое волнующее...

Александр Суляцкий и Арнольд Кудрин — оба студенты университета, избранные — были героями дня. Им предстояло исполнить завтрашний приговор. Любушка весь вечер исподтишка наблюдала за Сашенькой — тот был похож на молодого поэта Виктора Астафина, с которым она познакомилась в литературном кружке (он с большим выражением читал ей стихи Байрона, выдавая их за свои). Высокий, слегка сутуловатый, порывистый, с горящими глазами, Суляцкий непрестанно ходил из угла в угол, временами останавливался и будто уносился куда-то в мыслях — в будущее, во тьму... И иногда отвечал невпопад.

Кудрин, которого все присутствующие звали по псевдониму — Велембовский, был ниже и плотнее. Он был как-то по-особенному, по-нервному весел (впрочем, тоже вполне объяснимо). Остальные вели себя сдержанно и даже строго — ели мало, хотя стол в гостинной был богато накрыт, и почти не пили, за исключением рыжеволосой девушки, на вид — Любиной ровесницы. Время от времени она тайком плескала себе в фужер из высокой бутылки, пока Карл не сказал вполголоса:

— Тебе хватит, Ганна.

Она пристально посмотрела на него и покачнулась.

— В самом деле?

— Послушай. Всем нам ожидание дается нелегко, однако...

— Нелегко, — передразнила она и бросила фужер на скатерть. — Что вы понимаете.

Она была на редкость некрасива — той воинствующей некрасивостью, которая, доведенная до совершенства, могла казаться почти привлекательной. Сухая, как вобла, без намека на грудь, одетая в глухое коричневое платье какого-то безобразного монашеского покроя, она почти с ненавистью смотрела сквозь пенсне. Подошла к пианино и стала наигрывать «Чижик-пыжик» — неумело, одним пальцем, будто человек, старающийся освоить пишущую машинку. На нее не обращали внимания. Все обступили стол, где на малиновом бархате трепетали свечи и был разложен план здания медицинского института.

Лебединцев, одетый в черную пелерину, постриженный по последней моде, с бородкой а-ля Ришелье (не раз наставлял молодых революционеров: «Полиция чтит тех, кто одет богато, поэтому не экономьте на одежде. Устраивать вам побег из тюрьмы обходится гораздо дороже»), склонившись над бумагами, медленно водил по ним карандашом.

— У нас будет несколько секунд, прежде чем охрана перекроет выходы. Поэтому стрелять нужно в тот момент, когда принц перережет ленточку и заиграет оркестр. Тогда за нас будет фактор неожиданности — выстрелы в толпе, с близкого расстояния, в суматохе... Желательно целиться в голову или сердце. Обе цели — премьер-министр и градоначальник — должны быть поражены одновременно, после чего следует отход по известной вам схеме... Напоминаю: вот боковая дверь (он ткнул карандашом в план), обычно она заперта, но во время церемонии будет открыта. За ней коридор, шагов двадцать, и дверь наружу, в переулок. Там будут ждать два экипажа...

Люба неслышно подошла к Ганне и присела рядом, на краешек стула — почему-то девушка вызывала у нее безотчетную жалость.

— Зачем ты пришла? — вдруг спросила та сквозь зубы.

— Что значит «зачем»? — немного растерялась Люба.

— Ты не участвуешь в акте. Ты упростила Карла, и он впустил тебя на заседание. Вопреки правилам. — Девушка вдруг взглянула на Любушку с такой ненавистью, что той стало холодно. — Имей в виду: если с ним что-нибудь случится... Его я тебе не прощу.

— Ты больна, — хмыкнула Люба, на всякий случай отодвинувшись подальше. — При чем здесь Карл?

— Не знаю. — Ганна махнула рукой и потянулась за папиросой — она курила основательно и как-то тяжело, по-мужски, и портсигар у нее был массивный, со старинным гербом на крышке. — Одно я знаю точно: ты принесешь нам несчастье.

Да ты не сумасшедшая, вдруг осенило ее, ты влюблена... Тайно, без всякой надежды... С таким личиком, с такими глубоко посаженными глазками, плоской грудью и скошенными вперед желтыми от никотина зубами у тебя нет ни малейшего шанса. И в случае ареста

издеваться над тобой в застенках будут в полную силу — хорошенькая девушка еще может рассчитывать на какое-то снисхождение (сравнительно легкую и быструю смерть), а вот ты...

— На сегодня все, — сказал Карл. — Расходимся по одному. Линк и Велембовский, задержитесь. Остальные свободны.

Любушке тоже очень хотелось задержаться, но она, пересилив себя, опустив голову, вышла из гостиной. В прихожей кто-то галантно подал ей пальто, она спустилась на улицу и медленно побрела вдоль домов, вдоль витрин и вывесок, рассеянно слушая, как хрустит снежок под ногами, и гадая, куда запропастился Николенька.

Она увидела его в переулке, недалеко от Гостиного двора. Точнее, не увидела, а угадала в темной неприметной фигуре, выпрыгнувшей практически на ходу из закрытого экипажа на шипованных «дутиках». Экипаж тут же укатил, точно призрак, лишь колыхнулись на окнах коричневые занавески, Николенька оглянулся по сторонам и, никого не заметив (Любушка проворно нырнула за угол), закурил, спрятав огонек в ладонях. Все это слишком походило на конспиративную встречу (а я слишком похожу на шпика, с неприязнью подумала девушка о себе самой). Она не стала приближаться и отнюдь не следила за своим другом, просто шла, чуть отстав, и очень скоро поняла, куда он направляется. Она хорошо помнила это место: там была крутая вычурная арка напротив кондитерской, узкий дом-аристократ в глубине проходного двора и дверь на четвертом этаже, с позеленевшей бронзовой табличкой:

Д-р А. Верден
Прием больных,
физические процедуры,
консультации

Ганна сидела за пианино и сосредоточенно выстукивала на многострадальном инструменте «Чижик-пыжик». Лебединцев поморщился и строго посмотрел на девушку — без неприязни, просто как на не в меру расшалившегося ребенка.

— Я ведь сказал, все свободны.

Она будто не услышала, только еще ниже склонила голову. Суляцкий и Кудрин («Линк» и «Велембовский») застыли рядышком за столом, будто примерные ученики в гимназии, сцепив руки перед собой и уставившись на огонь свечей.

— Хорошо, — наконец вздохнул Карл. — Что ты хочешь?

— Поговорить.

— Говори. У меня нет секретов от товарищей.

Она вскочила из-за пианино, громко хлопнув крышкой — вся на нервах, точно кукла-марионетка.

— Я ей не верю! Ты сам твердил нам о конспирации и дисциплине. Сам останавливал меня, когда я чересчур лезла вперед... А ей ты позволяешь все!

— Не все, — мягко возразил Карл. — Она умоляла меня поставить ее на акт, даже предлагала обвязать ее динамитом...

— Не в постели, я надеюсь?

— Подождите за дверью, — тихо произнес он, обращаясь к друзьям-студентам. Когда те вышли, он, не сдерживаясь, хлопнул рукой по столу:

— Я не давал тебе права разговаривать в подобном тоне.

— Отмени завтрашнее покушение, — угрюмо произнесла Ганна.

— Ты с ума сошла.

— Нет. Я чувствую... Я почти наяву вижу, чем оно закончится — все мертвы: Саша, Арнольд... Это неспроста, я знаю. Вспомни, у нас было три неудачи подряд, и все за последние месяцы. Где твое хваленое чутье, черт возьми?

— Ты хочешь обвинить кого-то из нас в предательстве? — холодно спросил

Лебединцев. — Решила уподобиться Гольдбергу или Бурцеву? Те тоже кричат о чистоте рядов... А с кем прикажешь работать? — Он подошел к узкому стрельчатому окну и посмотрел на улицу. Снег падал с неба — хлопья были огромные, белые и казались невесомыми. — Я ежедневно, ежечасно посылаю людей на смерть и иду на нее сам. Да, я не имею права быть легковым. Но отталкивать своих товарищей беспочвенными подозрениями...

— Беспочвенными? — вскинулась Ганна.

— А ты можешь предъявить ей что-то конкретное?

— Не ей, — тихо произнесла она. — Ему.

Получив донесение от «Челнока», полковник Ниловский вызвал экипаж и поехал к Столыпину. Отчет агента он аккуратно положил в папочку и сейчас вез с собой, хотя и понимал, что это опасно. «На улицах вообще стало беспокойно: обвяжет себя какой-нибудь чокнутый бомбист динамитом, подпалит фитиль, бросится под карету... А тогда мне уже будет все равно: хоть потоп, хоть революция».

Они частенько беседовали втроем — Ниловский, премьер-министр и его жена, известная питерская красавица Ольга Борисовна (знающий человек дорого заплатил бы за возможность такой беседы — это был знак высшего доверия к сослуживцу). Поболтав о погоде и выслушав последние дворцовые сплетни, Юрий Дмитриевич вынул из папки донесение своего агента и положил перед Столыпиным. Тот отодвинул от себя блюдо, водрузил на нос пенсне, пробежал глазами ровные строчки.

— И чего вы хотите от меня? Чтобы я отказался от участия в церемонии?

— Да, — прямо ответил Юрий Дмитриевич.

— А вы представляете себе заголовки каких-нибудь левых газет: премьер-министр России, лицо, особо приближенное... ну и так далее, испугался возможного акта со стороны экстремистов, а шеф политической полиции (то есть вы) оказался не в силах... Или в силах? — спросил Столыпин с надеждой.

— Боюсь, что нет, Петр Аркадьевич. Вы должны понять: специфика здания, специфика церемонии... Нет, я на себя такую ответственность не возьму.

— Петенька, не нужно ехать, — умоляюще сказала Ольга Борисовна. — Уж коли Юрий Дмитриевич не советует...

— А фон Лауниц? Вы докладывали ему положение дел?

— Конечно.

— И какова была его реакция? А, дайте угадаю: его превосходительство усмехнулся, подкрутил усы и заявил, что бомбисты ему не указ?

Ниловский улыбнулся:

— Вы даже насчет усов не ошиблись. А что касемо безопасности... Владимир Федорович приказал еще до церемонии передать ему архив Четвертого управления и списки агентуры. Фактически я уволен, Петр Аркадьевич. Поэтому я и советую вам не ездить туда.

Столыпин опустил взгляд к нетронутой тарелке и тихо спросил:

— Значит, дело не в специфике здания, верно? Будь в вашем распоряжении агентура... Пожалуй, я постараюсь замолвить за вас словечко перед градоначальником. Многого не ждите: коли он решил подмять под себя Четвертое управление, воспрепятствовать я не могу, однако отсрочку в несколько дней я гарантирую... Вы понимаете меня?

Последние слова он произнес едва ли не шепотом. И Ниловский даже не из самих слов, а из интонации вдруг понял, чего на самом деле желал премьер. А поняв, вытер платочком внезапно вспотевший лоб...

На следующий день фон Лауниц, открыто выражавший неприязнь к Ниловскому, поинтересовался:

— Ваши люди будут на церемонии в медицинском институте?

— Непременно, Владимир Федорович. Я отрядил туда практически всех филеров.

— Петр Аркадьевич пожалует?

— Конечно, — спокойно ответил Ниловский, совершенно точно зная, что Столыпин решил не ехать (Ольга Борисовна ликующе сообщила утром, что сумела уговорить мужа).

— А мне, значит, советуете не быть? — Фон Лауниц не на шутку рассердился. — Трусом меня хотите представить? Не выйдет! Я как-никак свиты его величества генерал-майор!

— Я не смею ни на чем настаивать. Но мой долг — загодя предупредить вас об опасности.

— Ладно, это уже не ваше дело. Вы закончили работу над списком агентуры? Премьер-министр упросил меня дать вам отсрочку (не понимаю, правда, какой ему интерес до вашей персоны?). Ну да бог с ним. Однако на следующей неделе политическая охрана должна быть в моем подчинении.

— Слушаюсь, Владимир Федорович, — сказал Ниловский с тайной нехорошей улыбкой: приятно знать о недруге, что жить тому осталось всего ничего...

Он ехал назад без охраны, откинувшись на мягкую спинку и поглядывая по сторонам — краткая (до дверей конспиративной квартиры на Лебяжьей канавке) иллюзия свободы после кабинета-каземата градоначальника, и прокручивал в памяти разговор с премьер-министром. Как, оказывается, легко убить человека. Не нужно даже заряжать револьвер (на это есть другие), не нужно красться в темноте, сжимая нож... Всего одна вроде бы нечаянная фраза в разговоре — брошенная или подхваченная, а иногда — и просто пауза, молчание.

Он заметил своего агента издалека — тот прогуливался вдоль улицы, притоптывая от нетерпения. Лошади на краткую секунду замедлили свой бег, карета приостановилась, но тут же возобновила движение, только на заднем сиденье, скрытом от посторонних глаз, сидели уже два человека вместо одного.

— У вас все готово? — спросил Юрий Дмитриевич.

— Готово. Можно поднимать корпус жандармов и брать всех тепленькими.

— А не жалко? Что ни говори...

— Не жалко, — перебил агент. — Разве что Карл... Скажите, а он правда скрывался в Италии?

— Правда, — подтвердил Ниловский. — Торговал фруктами, жил в таком чудесном домике с мансардой. Если бы хватило ума сидеть спокойно — нипочем бы не нашли, наша заграничная агентура пять пар подметок без толку истоптала. Так нет, не выдержала душа поэта... Акт против Столыпина ставит он?

— Сами знаете. Больше некому.

— Кстати, вы молодец. Дали прекрасное описание.

Агент широко улыбнулся, довольный похвалой.

— Я еще и не то могу. Когда намерены брать?

— Не терпится? — Ниловский хмыкнул в усы, желая подразнить собеседника. — А может, хотите предупредить товарищей? Смотрите, я двойную игру нюхом чую...

— Ой, да что вы! — агент неподдельно испугался. — Вы же меня знаете...

— Знаю, знаю, я пошутил (ничего я не знаю, вижу только, что пригрозил изрядную змею на собственной груди). А насчет ареста... Пожалуй, стоит повременить. Это не самое главное.

— А что самое главное? — живо спросил собеседник. — Подождите, я догадаюсь... Ага, вам нужно подконтрольное покушение... — Он зажмурился, словно играл в захватывающую игру. — Столыпин, принц Ольденбургский... Нет, они для вас не фигуры. Значит, фон Лауниц, да?

— Замолчите! — выкрикнул Ниловский, испугавшись уже всерьез.

— Да ладно, кто нас услышит? Кучер — ваш сотрудник, а больше некому.

Юрий Дмитриевич был сердит на себя за несдержанность. Поэтому проговорил суше обычного:

— Во-первых, кучер вполне может быть не только моим агентом. А во-вторых...

Просто есть вещи, о которых не принято говорить вслух. Головы можно лишиться.

— А вам нужна моя голова? — тихо спросил агент, испытующе заглядывая в глаза. — Не обманываете?

Юрий Дмитриевич укоризненно вздохнул.

— Вы как ребенок, ей-богу. Идете на серьезное дело, а настроение... Не в игрушки играем.

— Да? — озадаченно спросил собеседник. — А мне всегда казалось, наоборот... Как по-вашему, почему мне захотелось сотрудничать с вами? Не из-за банальных же денег. Нет, Юрий Дмитриевич. Мне нравится играть. Люди — это куклы (не все, но большинство). Я люблю дергать за ниточки. Разыгрывать представления, наблюдать за чужими страстями...

— А вдруг найдется человек, который захочет подергать за ниточки вас?

Агент весело рассмеялся:

— Пусть попробует.

— Ладно, мы отвлеклись. Кто назначен исполнителем акта?

— Линк и Велембовский, — без паузы ответил собеседник. — Настоящая фамилия Линка — Суляцкий, студент Петербургского университета. Второй мне неизвестен.

— Велембовский? Опишите его.

— Чуть ниже вас, плотный, рыжий...

— Это хорошо, — задумчиво проговорил Ниловский. — Рыжий — это уже примета.

— Светлые усы, розовощекий, родинка над правой бровью.

— В кого из двоих он будет стрелять?

— В премьера.

Бедный рыжий мальчик, подумал Юрий Дмитриевич. Повесят ни за что ни про что — второй хоть успеет сделать дело, не так обидно умирать...

— Вам пора.

Карета замедлила ход. Видя, что агент почему-то колеблется, Ниловский взял его за подбородок и осторожно развернул к себе:

— В чем дело?

— Когда мы встретимся в следующий раз?

— После акции. А пока — никаких контактов. Нервы у товарищей напряжены, один неверный шаг — и можно сгореть. Как у вас с деньгами?

— Хотите занять?

Ниловский рассмеялся.

— Всего хорошего.

И ни одного вопроса о Софье Павловне, неожиданно подумал он. А ведь знает, что следователь Альдов, кому поручено это дело, работает под моим крылом и пишет рапорты в двух экземплярах: первый мне, второй — непосредственному начальству. Сам бог велел поинтересоваться: как, мол, движется дознание? Нашли убийцу?

Откуда такое потрясающее равнодушие? Черта характера (своего рода уродство души — да ведь чем сильнее уродство, тем ценнее бывает агент, Юрий Дмитриевич это давно приметил) или... Или уже все знает?

С этой мыслью он не расставался до позднего вечера, инструктируя своих филеров на конспиративной квартире Департамента. С ней же отправился домой и заснул — глубоко, без сновидений...

— Я не буду кричать, — просипела она, стараясь вдохнуть поглубже (локоть на горле очень мешал). — Отпустите, задушите ведь...

— Не разговаривать. Тихонько, вместе со мной — шагом марш в квартиру.

Корчит из себя профессионала, с неприязнью подумала Майя, борясь с паникой. Насмотрелся фильмов по НТВ...

— А теперь куда?

— На кухню.

Вот так, мелькнула в голове дурацкая мысль. Остаток новогодних праздников, положенных по закону всем российским трудящимся (а также бомжам, тунеядцам и олигархам), ты проведешь в компании убийцы, с удушающим захватом на горле. Карма.

— Садитесь.

Майя послушно опустилась на табурет, на всякий случай держа руки поверх стола. И увидела направленный на нее пистолет. Она совершенно не разбиралась в оружии и не могла определить марку (этот факт ее почему-то расстроил), а отметила лишь то, что пистолет выглядел совсем несерьезным в мощных руках Гоца.

— Качаетесь?

— О чем вы? — неприязненно спросил он.

— Ладони у вас широкие, в мозолях. Штанга, тренажеры?

Гоц усмехнулся:

— Лопата на даче.

— Так я и поверила.

Что я несу, господи? Разум цепляется за привычное, реальное — чтобы не думать о еще более реальном: я, беспомощная, под дулом пистолета, в новогоднюю ночь, в компании с сумасшедшим убийцей... Но почему все-таки руки?

Потому что они дрожат.

Майя пригляделась. Мелко, почти незаметно, не от холода и не от возбуждения, а будто в приступе гипогликемии (приходилось однажды спасать Ритку — профессионального диабетика). Но чтобы пышущий здоровьем школьный директор...

— Может, спрячете пистолет? Вы же видите, я сижу спокойно.

— Обойдетесь. У вас есть водка?

— Хоть на предохранитель поставьте, он же выстрелит!

— Помолчите.

— Откуда он у вас?

— Господи, вот проблема-то. Хотите узнать, есть ли разрешение? — спросил он насмешливо.

— Нет. — Она чуточку подумала. — Просто непонятно. Имея пистолет, охранника вы тем не менее ударили по голове, мальчика задушили... Чересчур большой разброс в средствах. Серийные убийцы так не поступают.

— Дура, — сказал он от души. — Я — серийный убийца, додумались.

— Вы повесили мальчика на пояс от вашего костюма...

— У меня украли пояс.

— Когда?

— В школе, во время эксперимента.

Майя презрительно улыбнулась (осторожно, не разозли его!).

— Кто? Вы по очереди переодевались в каморке за кулисами...

— Не знаю. Я был третьим по счету, а когда вошел в гардеробную, второй Дед Мороз уже снял костюм и вышел. И пояса не было.

— Хотите сказать, что мальчика убил случайно выбранный статист с улицы?

Гоц провел рукой по лицу, по-прежнему не спуская Майю с прицела. И указательный палец все так же подрагивал на спусковом крючке. Думай, идиотка, шептала она про себя. Думай, думай...

— Где здесь холодильник?

— Сзади вас, — ответила Майя. — Обернитесь и протяните руку.

Гоц понимающе хмыкнул — мол, знаю я вашу бабскую породу: я повернусь, а ты меня кофеваркой по затылку.

— Дайте водки.

— Нет у меня водки.

— Ой ли? Неужто не осталась после праздников?

— Вылакала вчера, — огрызнулась Майя. — В одиночку. За упокой души...

— Замолчите, — зло прошипел он. — Я здесь ни при чем, ни при чем!

Казалось, он готов был заплакать. А Майя — посочувствовать: пусть сумасшедший, пусть маньяк, но ведь человек, как это ни парадоксально звучит... Где же он прятался целые сутки, ведь милиция обложила все норы и расклеила портреты на каждом столбе, не у кого попросить стакан воды, негде даже согреться (в подъезд зайти — и то опасно: вдруг какой-нибудь чересчур бдительный жилец выйдет вынести мусор). Да, впору было его пожалеть. Вот только пистолет...

У нее был шанс, но она его упустила: в самую первую секунду, когда почувствовала захват на шее, от которого, в принципе, вполне могла освободиться, если бы не растерялась так (звонкое, как барабан, татами в спортзале и голос сэнсея Артура, а после — тумбочка у изголовья кровати и две пары очков со сплетенными дужками: «Некоторые движения айкидо можно освоить только в постели, и никак иначе...»). Только не раздражать его (палец на спусковом крючке), говорить спокойно и уверенно, делать вид, что согласна на все требования. По телику нынче крутят массу фильмов про заложников и террористов, причем заложники сплошь и рядом освобождают себя сами благодаря собственному мужеству и глубокому знанию психологии, а спецподразделения поспевают только к шапочному разбору. Думай, идиотка, думай, вспоминай, что там делали положительные герои и героини...

— А как же факты, Василий Евгеньевич? Гриша видел, как вы поднимались на третий этаж в тот вечер.

— Я никуда не поднимался...

— Поднимались. — Она заговорила быстро, по наитию, скороговоркой. — Те полчаса, с половины одиннадцатого до одиннадцати, на которые у вас нет алиби, — в них все дело. Охранник заметил, как вы ушли с дискотеки (это почему-то вызвало у него подозрение), и он решил проследить...

— Ничего подобного!

— Он застал вас... — Вот он, ключ к дверце, верный тон в разговоре-пародии то ли на допрос, то ли на исповедь... Она чуть привстала из-за стола и, глядя собеседнику в глаза, прошептала: — Он застал вас возле двери музея со шприцем в руках... Это ведь вы разбили там шприц?

— Что за бред!

— Признайтесь. Только мне — я ведь для вас не опасна, вы все равно меня убьете, а мне интересно... Что именно попало в Ромушкину экспозицию? Что такое страшное могли случайно обнаружить о вашем прошлом? Или — о вашей болезни?

— Заткнитесь, вы! Что вы себе вообразили?

— Эдик увидел вас. А вы увидели его — и поняли, что назад пути нет. Вы били, пока его череп не превратился в желе из мозгового вещества и обломков костей... Именно эту картину — коридор в полумраке и нелепая фигура в карнавальном костюме, в красном, как предвестник пожара, — видел Гриша Кузнецов.

Теперь и он стоял — еще более бледный и мокрый от пота, их разделял только кухонный столик. Рука с пистолетом непроизвольно опустилась — Майя смерила глазами расстояние: нет, не дотянуться. А нужно дотянуться.

— Вы не хотели убивать мальчика, хотели только поговорить с ним, но случая никак не представлялось. Когда мы с Артуром, Гришей, Лерой и Валей Савичевой ходили в супермаркет, вы следили за нами через витрину. Знаете, я бы вам посочувствовала: наверное, это было настоящей пыткой... Вам была невыносима мысль, что Гриша узнал вас и готов выдать. Особенно страшно вам было, должно быть, во время эксперимента (моя дурацкая затея) — еще чуть-чуть, и вас арестовали бы на виду у всех, на виду у вашего злого гения Бродникова...

Она улыбнулась ему — на этот раз ласково, по-матерински, постаравшись завладеть его взглядом и на время забыть об оружии в опущенной руке. Еще секунда...

— Послушайте. Если вы сейчас положите пистолет на стол, то мы вместе позвоним

следовательно, я обещала звонить ему каждый час. Все еще можно исправить: вас отправят в клинику, будут лечить... Ведь вы хотите избавиться от этого, верно?

— Лечить? Меня?! — выдохнул он с яростью, наливаясь кровью, точно раненый бык на корриде. — Как же я раньше не допер: это все устроила ТЫ! Бродников придумал, срежиссировал, а ты исполнила! Убийца!

Он рванулся вперед, опрокинув кухонный стол и впечатав ствол пистолета Майе под челюсть — холодный металл словно огнем ожег кожу, надавил...

Вот оно, время «Ч».

Она встретила его приемом ирими-нагэ, «броском встречным ходом». Никогда, ни на одной тренировке в спортзале, он не получался у нее так чисто и красиво. Восьмидесятикилограммовое тело школьного директора будто с разгона впечаталось в шлагбаум — ноги по инерции еще продолжали движение, а голова мотнулась назад, и он рухнул плашмя на спину, разбив в щепки некстати подвернувшуюся табуретку. Пистолет, чудом не выстрелив, отлетел в сторону — Майя рыбкой кинулась за ним, развернулась, держа оружие обеими руками перед собой (так делали все полицейские в кино). И торжествующе проговорила сквозь зубы:

— Лежать, гадина. Лицом вниз, руки на затылок. Пошевелишься — стреляю без предупреждения.

Она впервые держала в руках настоящее оружие — то есть способное вмиг, запросто оборвать человеческую жизнь. Причем гораздо быстрее и легче, чем затянуть узел на чьей-то шее или ударом палки раскроить череп (в спортзале, в прежней жизни — не в счет, там оружие останавливалось в двух сантиметрах от цели: грозная, но имитация).

Однако она не смогла — вот преступник пошевелился, наплевав на ее предупреждение, осторожно пощупал ушибленное плечо и сел, привалившись спиной к батарее. Майя не выстрелила. Он поднял красивую голову (вообще мужик красивый... если абстрагироваться от обстоятельств), увидел свой пистолет в чужих руках и криво усмехнулся:

— Ловко. Впрочем, я давно понял: от вас всего можно ожидать.

— Давно? Когда же?

— Когда увидел вас впервые, — из его горла вырвался нервный смешок. — Я тогда подумал: вот баба, в горящую избу войдет и коня на скаку остановит... Скачет себе конь, никого не трогает, радуется жизни, и вдруг — бац!

— А чего вы хотели? — зло спросила Майя. — Забыть все как милое недоразумение? Два труп...

— Сколько раз повторять: это не я! — взревел Гоц. Майя повела стволом пистолета:

— Сидеть!

— Да сижу я, сижу... Идиотская ситуация. Как мне вам доказать...

— Вы выбрали самый действенный способ: вломились ко мне с оружием.

Он усмехнулся:

— Стали бы вы меня слушать, кабы не пистолет. Живо сдали бы своему приятелю-следователю.

— Теперь точно сдам, — кровожадно проговорила Майя. — Если нечаянно не пристрелю, а очень хочется. И главное, мне ничего не будет: любой суд признает самооборону. Ну, признайтесь, зачем пришли? Убрать свидетельницу?

Он попытался сесть поудобнее.

— Мне просто не к кому было больше...

— Прекрасно. После всего, что вы натворили...

— Я не убивал, — повторил он устало, внутренне уже сдавшись и ни на что не надеясь.

— Но вы заходили в дом, где живет Артур... Только не врите!

— Заходил, — кивнул Василий Евгеньевич. — Мне обязательно нужно было увидеться с Гришей. И с его отцом. Я только этой мыслью и жил те двое суток, пока меня держали в камере.

— Зачем? Черт возьми, зачем вы все время маячили у нас на виду — то возле магазина, то во дворе? Вы что, следили за нами?

— Следил, — легко признался он. — Только не затем, конечно, чтобы убивать. Мне хотелось только поговорить. Клянусь, просто поговорить, и ничего больше.

— Допустим. Дальше.

Его лицо с крупными чертами вдруг исказилось, будто поплыло.

— Дальше — кошмар. Натуральный кошмар, не дай бог кому пережить... В общем, зашел в подъезд, вижу — сбоку дверь в подвал, открыта, и свет...

— Свет горел?

Гоц снова кивнул.

— Я увидел труп. То есть я еще не знал тогда, что это труп. Подошел, позвал: «Гриша!» А в ответ — смех...

— Не сходите с ума, — строго велела Майя.

— Чтоб мне сдохнуть, — серьезным голосом отозвался Гоц. — В жизни не слышал ничего более жуткого.

— То есть мертвый мальчик засмеялся. Не забудьте рассказать следователю, он тоже посмеется. — Майя вдруг почувствовала прилив ненависти — такой сильной, что красные чертики запрыгали перед глазами. Она покрепче сжала пистолет и закусил губу, уговаривая себя: «Не сейчас, не сейчас, дура, сначала он должен расколоться. Он расколется и выложит все, от начала до конца, и я узнаю... А потом нажму на спусковой крючок».

— Зачем вы взяли Бэтмена?

— Какого еще...

— Бэтмена, — с нажимом повторила она. — Я подарила мальчику игрушку за полчаса перед его гибелью. Он взял ее с собой во двор — наверное, хотел похвастаться перед ребятами. Какое она для вас имела значение?

— Перестаньте! — вдруг заорал Гоц. — Перестань издеваться, мать твою! Хочешь — сдай меня куда следует, хочешь — пристрели, имеешь право... Только не бери на понт, сука! Какой, к хрену, Бэтмен, можешь ты объяснить?!

Он вдруг смолк и без сил прислонился затылком к стене. Взгляд его стал равнодушным, черты лица заострились, и Майя вдруг испугалась, как бы ее пленника не хватил инфаркт.

— Где же вы скрывались все это время? — переменяла она тему.

— В каком-то подвале сидел на трубе отопления, — бесцветно сказал Гоц. — Воняло жутко, зато тепло.

— А потом не выдержали?

— И это тоже. Слушайте, дайте водки, в конце концов.

— Обойдетесь.

— Сука, — устало повторил Василий Евгеньевич. — Хоть пистолет опустите, выстрелит ведь ненароком.

Он с видимым усилием поднял правую руку и вытер пот со лба. И Майю вдруг осенило.

— Послушайте, — медленно сказала она. — А вы не...

— Я алкоголик, — равнодушно подтвердил Гоц. — Натуральный алкаш с пятилетним стажем. Теперь довольны?

«Кажется, да, теперь я довольна». Она и вправду неосознанно опустила оружие, почему-то сразу поверив — кому? Убийце! По крайней мере, это объясняло дрожащие пальцы и лоб, мокрый от пота, при том, что в квартире было отнюдь не жарко.

— Как же так? Вы пробовали лечиться?

Он вздохнул.

— Лечиться... Школа, Майя Аркадьевна, наша, советская (или российская — никакой разницы), — это один сплошной стресс, двадцать четыре часа в отделении для буйных. Плюс политическая деятельность, плюс... Ну, это неинтересно. А я всегда снимал стресс одним

способом. И жил глупой иллюзией: ну какой из меня пьяница! Пьяницы валяются под забором и жрут денатурат, а я... У меня нет даже зависимости: захочу — и брошу в любой момент.

— Отчего ж не бросили?

— Так я и говорю: иллюзия. Иногда, правда, я брал себя в руки, держался месяц-полтора: садился на кефир с минералкой, отключал телефон, закрывал дверь... Представляете, что это такое при моей должности! А я даже уроки вести не мог — какое-то косноязычие нападало, руки тряслись... Хорошо, дети вроде бы не замечали.

Лика замечала, и не раз, возразила Майя про себя. А возможно, и не только Лика, дети — существа глазастые и безжалостные.

— ...Потом входил в колею — верите, даже к бутылке не тянуло. Меня всего распирало от гордости: мол, разговоры об алкогольной зависимости — это для слабаков, если человек сильный, ему раз плюнуть... А потом случайно в компании (вы же знаете, как у нас решаются проблемы) рюмка — одна, не больше, другая... И — запой на неделю, омут, пропасть...

— Но вы все же вели уроки!

— А, надо знать механику. Когда чувствовал: предел, дальше не смогу — выходил на минуту, принимал двести граммов. До обеда обычно хватало. Потом, правда, приходилось добавлять.

Майя нахмурилась.

— Где же вы «принимали»? Ведь не в коридоре! И не в учительской — никто не догадывался о вашем пристрастии... Или догадывался? У вас наверняка было доверенное лицо...

— Еропыч, — кивнул Гоц. — Наш завхоз, старичок-боровичок. У него каморка рядом с черным ходом — там он чай гоняет.

— Ив тот вечер...

— Ив тот вечер тоже, — кивнул Василий Евгеньевич. — Я ушел пораньше — как я дотерпел до конца представления, понятия не имею. Прошел к Еропычу, у того уже и стакан был наготове: он мою норму хорошо знает. Больше — ни-ни, мне еще за руль...

— Это же ваше алиби! — выкрикнула Майя. — Если завхоз подтвердит...

Гоц равнодушно пожал плечами:

— И что? Все равно я человек конченный.

— С вас снимут подозрение в убийстве, — перебила она, сама ощущая дрожь в пальцах (не алкогольную, разумеется). — Скажите, где вы переоделись в тот вечер?

— Что? — не понял он.

— Где вы оставили костюм Деда Мороза?

— Там же и оставил, у Еропыча. — Глаза школьного директора недобро блеснули. — Теперь вам понятно? Если предположить (я в это не особенно верю, но — вдруг!), что Гриша Кузнецов действительно видел кого-то на третьем этаже, в красной шубе и валенках, — то это был не мой костюм, мой был при мне, а сам я сидел на грязном топчане под лестницей и лакал водку из граненого стакана!

— То есть убийца принес в школу другой костюм, — кивнула Майя. — Ему было заранее известно, что вы будете играть роль...

— Да! — заорал Гоц. — Да, да, да, мать твою! Если бы я оставил костюм на вешалке, без присмотра, и кто-то взял бы его для маскировки (маскарад так маскарад)... Но ведь нет! Он приволок в школу точно такой же — шубу, валенки, бороду, посох... Он где-то (где?!) переоделся, убил охранника, снова переоделся, спрятал костюм. (Опять же: где? Его, кажется, до сих пор не нашли?) Объясните, на кой ляд такие сложности?

— И на кой же ляд? — заинтересованно спросила Майя.

— Чтобы сгноить меня в тюрьме, — торжественно сказал Гоц. — Или в психушке — невелика разница.

— И вы решили, что Сева Бродников — самая вероятная кандидатура...

Василий Евгеньевич выглядел слегка смущенным.

— А кого мне еще подозревать? Романа Ахтарова? И какой у него мог быть мотив? Решил убрать меня с дороги и сам пробиться в школьные директора? Или Анжелику — я вывел ей за четверть тройку по физике? Надо было двойку, да пожалел девчонку. — Он задумался. — Конечно, Бродников не сам — станет он руки пачкать, как же...

— Киллера, что ли, нанял?

— Киллера — вряд ли, — совершенно серьезно ответил Гоц. — Скорее у него должно было быть... как вы выражаетесь, доверенное лицо...

Несколько секунд Майя ошарашенно молчала: вот оно, оказывается, каково это — быть подозреваемой.

— Интересно, — наконец произнесла она. — Значит, вы пришли к выводу, что доверенное лицо — это я? Соседка и наверняка любовница (бедная Чита!). Вот почему вы заявили ко мне: я — слабое звено, стоит пригрозить пистолетом — и выложу все начистоту... Да, но как же Гриша мог нас перепутать? Пусть я (если следовать вашей логике) была в шубе, валенках и с бородой, однако вы гораздо выше и плотнее.

Она холодно улыбнулась.

— И вы не побоялись прийти к убийце?

— Да какая вы убийца, — устало отозвался директор. — Как, впрочем, и я. Не злодеи, а жертвы...

— Жертвы чего?

— Обстоятельств. Вы ведь тоже были у следствия на подозрении? Потом, конечно, разобрались, извинились, поблагодарили за активное содействие... — Он махнул рукой, собираясь подняться. — Напрасно я пришел к вам.

— Сядьте на место.

Гоц недоуменно посмотрел на нее — прямо в черный зрачок пистолета.

— Вы что, все еще мне не верите?

— А вы? — шепотом произнесла она, облизнув пересохшие губы. — А вдруг вы правильно рассудили, сидя в подвале на трубе отопления (сумасшедшие вообще на редкость логичны)?

— То есть?

Она улыбнулась, наблюдая его реакцию — его растерянность, крупными буквами написанную на лице.

— Что, если это я убила их? Сева приказал. (Кому он мог приказать? Соседке, любовнице, доверенному лицу.) И я убила... А теперь убью вас — слабое звено.

— Тварь! — рывкнул он и рванулся в сторону, но как-то вяло, заранее смирившись с судьбой. Майя, по-прежнему улыбаясь ледяной улыбкой, держала его на прицеле.

— Все верно, Василий Евгеньевич. Если бы не одно «но». Это вы следили за нами через витрину универсама. Вы, а не я — мальчик увидел вас. И готов был опознать — он бы точно опознал, но вы сорвали эксперимент. Вы сделали это мастерски, не подкопаешься... И — клянусь, вы отсюда не уйдете, пока не расскажете мне все, от начала до конца.

— Долго же нам придется тут сидеть, — побелевшими губами проговорил Гоц. — Не боитесь окочуриться от голода?

Глава 11

— Градоначальник! Градоначальник прибыл, — прошел по толпе гостей громкий шелест.

Задние ряды вытянули шеи, стараясь рассмотреть их превосходительство Владимира Федоровича с супругой, появившихся под руку из тихого, словно по заказу, снегопада за широкими окнами вестибюля.

Анна Фридриховна, в девичестве Гальперштейн, была на четыре года старше мужа и на

несколько сантиметров выше и смотрелась рядом с ним точно комфортабельный океанский фрегат. Поговаривали (правда, осторожно, шепотом), что Владимир Федорович прыгнул в свое кресло через голову адмирала Дубасова не без ее самого деятельного участия (того самого Дубасова, блестящего офицера флота, в гардемаринах совершившего кругосветное путешествие на яхте «Держава», а через двадцать лет, на пике карьеры, командовавшего фрегатом «Владимир Мономах», на котором наследник трона, его высочество Николай Романов плавал на Дальний Восток). После того как Дубасов расстрелял рабочих на Пресне, на него покушались трижды, и трижды его жизнь спасало лишь чудо. Последний раз эсер Борис Вноровский бросил бомбу в его карету, когда адмирал возвращался из Зимнего к себе домой на Литейный. Вноровского застрелили на месте — теракт был санкционирован охранкой, после таких операций свидетелей не оставляют. Через месяц царь собирался в традиционное плавание по шхерам, планировал взять с собой на корабль Дубасова, как опытного моряка, но Анна Фридриховна, уловив момент, шепнула на ушко знакомой фрейлине: «Мне кажется, это довольно опасно, дорогая. За адмиралом охотятся бомбисты — представляете, какой опасности подвергнется наш государь при таком соседстве! Заклинаю вас, милая, повлияйте на императрицу!»

Дубасова на корабль не взяли. Вместо него все путешествие подле Николая Александровича простоял Владимир Федорович фон Лауниц, мужественно боровшийся с приступами тошноты от морской болезни. Будущий — через два года — генерал-майор и петербургский градоначальник.

Ниловский наблюдал за собравшимися через темные стекла очков без диоптрий и опираясь на тяжелую трость (очки и хромота могут изменить внешность до неузнаваемости — он стоял недалеко от двери, за мраморной колонной, и многие, кого он хорошо знал, равнодушно проходили мимо). Он отметил в передних рядах, ближе к подиуму, министра просвещения графа Игнатьева в мундире Петербургского учебного корпуса — темно-синего цвета, с серебряным шитьем в виде дубовых ветвей; обер-прокурора Святейшего Синода Максима Победоносцева (старик здорово сдал в последние годы: частенько засыпал посреди торжественных церемоний, приходилось аккуратно поддерживать под локоток). Справа, похожий на гуляку-купца с матушки Волги, высился Виктор Прокофьевич Вахтеров, автор книги «Итоги общественной мысли в России» (одно время состоял в «Народной воле», печатал прокламации против государя. Был завербован Департаментом, ему предложили на выбор: Петропавловку и Сибирь или псевдоним «Тощий» — видно, в насмешку: богатырского сложения Витюша аж скривился, но обиду проглотил). Пройдя в двух шагах, он испугано воззрился на полковника, узнал и несколько мгновений мучительно размышлял, раскланяться с шефом или сделать вид, что незнаком. Сообразил, что к чему, прошел — нет, пролетел мимо, преувеличенно жизнерадостно приветствуя кого-то...

Шум меж тем увеличивался, духовой оркестр наигрывал модные вальсы, помогая скоротать время. Лакеи в белых мундирах с позолотой обносили гостей шампанским — все, каждая мелочь с размахом, принц Петр Вадимович не поскупился. На секунду Ниловскому вдруг стало холодно: а ну как эта сволочь (это о собственном агенте) ведет двойную игру? И где-то — за широкой лестницей, у колонны, за перегородкой гардероба, просто среди платьев, мундиров и фраков — прячется его (не Лауница, не Столыпина) убийца, и пистолет уже заряжен и смотрит ему в спину...

Губернатор, казалось, чувствовал себя превосходно. Он светски раскланялся с принцем, пожал сухую старческую лапку обер-прокурору, поздравил через переводчика господина Пирке с национальной премией (австрийский биолог получил ее за то, что первым в мире описал способ выявления туберкулеза на ранней стадии) и, скрестив руки на животе, встал в передний ряд, поближе к его высочеству Петру Ольденбургскому. Однако — Ниловский понял это только сейчас — градоначальник с трудом скрывал нервозность и беспрестанно оглядывался по сторонам в поисках переодетой охраны (бедняга, я-то ему обещал, что все филеры Департамента встанут за его спиной!). На самом деле филеров не было — только несколько человек, из особо доверенных, которых Ниловский не провел ни по одному

официальному каналу и даже не заводил формуляров. Ни один из этих людей ни разу не был в здании охраны на Литейном.

— Хорошенько запомните, — сказал он им накануне, на конспиративной встрече. — Террорист должен себя проявить, поэтому ваш выстрел — только второй, и никак иначе. Ну а уж тогда бейте наверняка, в этом деле пленные мне ни к чему.

Наконец шум смолк. Министр просвещения вышел вперед — седой, хотя и не слишком старый, торжественный и выправкой напоминающий строевого офицера. Откашлялся и начал хорошо поставленным голосом:

— Дамы и господа, позвольте поздравить вас со знаменательным событием для города и всей Российской державы. Благодаря стараниям и заботе нашего дорогого мецената, Его Высочества Петра Вадимовича Ольденбургского (поклон в сторону цветущего принца), в северной столице открыт новый храм науки и просвещения...

— Столыпин так и не соизволил? — вполголоса спросил фон Лауниц у адъютанта.

— Никак нет, — отозвался тот. — Да и теперь вряд ли стоит ожидать-с, смею заметить.

Градоначальник усмехнулся:

— Вот, Степан Парамонович, так и рушатся карьеры. Донесет кто-нибудь государю, что, дескать, премьер прячется от бомбистов, — тут и каюк. Схарчат в две минуты.

Адъютант понимающе хихикнул.

...Они стояли далеко друг от друга — в разных концах огромного мраморного вестибюля с колоннами, пальмами по углам и вычурной лестницей в центре, напротив которой на темно-розовой стене висел портрет государя, выполненный в полный рост. Александр Суляцкий неотрывно и напряженно смотрел в затылок генерал-губернатора и до боли, до судороги сжимал в кармане заряженный револьвер. Арнольд Кудрин рука об руку с Ганной Коноплянниковой стоял возле гардероба, с противоположной стороны зала (Ганна была по обыкновению в длинном безвкусном платье с глухим воротничком, которое напрочь лишало ее остатков женственности, и с дамской сумочкой, в которой лежал браунинг). На их лицах была написана растерянность: наступил черед последней торжественной речи, скоро под ножницами в руках принца упадет белая ленточка, оркестр грянет тушь...

Столыпина не было.

Любушка могла видеть происходящее только через окно, с улицы (внутри ее без пригласительного билета не пустили), стоя среди таких же, как и она сама, любопытных, и слегка притоптывала, спасаясь от холода. Огни зала, богато одетая публика, звуки оркестра, блеск и роскошь так околдовали ее, что на минуту она забыла, зачем пришла. Очнувшись, только когда кто-то взял ее за руку. Люба обернулась и увидела Ни-коленьку.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он.

— Да вот, — призналась она. — Не утерпела, как видишь. А ты?

Николенька не ответил, лишь повыше поднял воротник пальто.

— Столыпина нет, — сообщил он.

Она побледнела.

— Что же теперь будет?

— Не знаю. Все летит к чертям. Ну почему, почему?!

Тебе лучше знать, чуть не сказала она, припомнив... и тут же одернув себя: да как ты могла подумать такое!

Николенька мрачно прошептал под нос:

— Что, что могло случиться? Задержали дела? Заболел? Или... кто-то предупредил?

— Провокатор? — вскрикнула Любушка.

— Тише, умоляю... Если так, то здание сейчас оцеплено филерами.

— Я никого не заметила.

— Значит, филеры хорошие.

И они все обречены, пронеслась в голове мысль, точно порыв холодного ветра. Саша, Арнольд, Ганна... Некрасивая Ганна, так яростно и влюбленно смотревшая на Карла снизу

вверх.

— Но ведь фон Лауниц сейчас в зале. Почему же допустили, чтобы он приехал?

— Возможно, используют как подсадную утку.

— Губернатора? — Она не поверила.

Николенька хмыкнул:

— Ты не знаешь, на что способна охранка. — Помолчал и, казалось бы, бессвязно добавил: — Теперь все зависит от него. Как он решит...

— Кто он?

— Карл, — ответил Николенька. — Карл тоже сейчас там, на церемонии.

— Нужно уходить, — пробормотал Кудрин, осторожно проталкиваясь к дверям вестибюля и увлекая за собой Ганну.

Та вдруг остановилась.

— Нет.

Он разозлился:

— Ты что, не поняла? Столыпина не будет, его кто-то предупредил. Акт нужно отменить!

— Акт состоится, — твердо произнесла она, и в ее глазах блеснул фанатичный огонь — он знал это выражение и понял, что она не отступится. — Саше будет необходима помощь при отходе. Я остаюсь.

— Глупости! — Он разозлился еще больше и дернул ее за руку.

— Молодые люди, — шикнул кто-то рядом. — Нашли время ссориться! Идите на улицу, коли приспичило выяснять отношения!

Арнольд Кудрин нервно оглянулся. Момент для того, чтобы выскользнуть из зала, был упущен — толпа напирала со всех сторон, каждый норовил пробраться поближе к подиуму. Прямо позади, чуть ли не забираясь сверху на голову, возбужденно дышал фотограф из «Петербургских вечерних новостей», устанавливая свой громоздкий аппарат на треногу. Кудрину вдруг стало отчаянно страшно. Он никогда не был трусом — еще два часа назад, в начале церемонии, когда все ждали премьер-министра, он не ощущал ничего, кроме холодной решимости и затаенного восторга (предстояло войти в Историю!). Теперь же...

Он пропустил последнюю речь. Только когда оркестр грянул «Славься!», он вздрогнул и поднял глаза — принц Ольденбургский принял из рук церемониймейстера золоченные ножницы на сафьяновой подушечке, глаза его высочества увлажнились от умиления, мелькнул тупой затылок губернатора, какой-то слегка сутуловатый молодой человек позади него, красивый, с бледным лицом и густыми длинными волосами. Короткое, почти незаметное движение в замершей толпе — рука скрывается за отворот сюртука и появляется вновь... Кажется, никто, кроме Кудрина, не заметил этого движения, только матово блеснул небольшой плоский револьвер в белых от напряжения пальцах...

И — два выстрела, один за другим, как учили, в спину, под левую лопатку.

В первую секунду никто ничего не понял — оркестр продолжал играть, заглушив звуки выстрелов, только Анна Фридриховна надменно повернула голову, чтобы выяснить, почему ее супруг Владимир Федорович вдруг навалился на нее всем телом. Увидела кровь на своем атласном платье, мягко осела на пол, завизжала неожиданно пронзительным высоким голосом... Заздравная мелодия резко оборвалась.

Прошла еще секунда — и все смешалось. Кто-то закричал, кто-то споткнулся и упал, перевернув ящик на треноге, толпа ринулась к дверям, оставляя на полу клочья одежды. Лишь один человек, тот самый студент с длинными волосами, растерянно стоял посреди людского потока, все еще сжимая револьвер в опущенной руке. Он точно знал, что ему следовало делать: пригнувшись, нырнуть под лестницу, пробраться в боковой коридор («Старайтесь держаться за колоннами, Линк, пока жандармы очухаются от неожиданности, пока откроют ответный огонь, у вас будет почти полминуты, а это очень много. Коридор имеет в длину двадцать два шага, потом дверь — и свобода...»). Однако почему-то не мог

двинуться с места.

— Беги! — прошептала Ганна.

И в этот момент пять или шесть выстрелов, практически в упор, отбросили юношу к стене (филеры Ниловского четко выполнили приказ начальника). Ганна бросилась к нему — куда там, людская волна смяла ее, швырнула обратно, словно бумажную лодочку, и она упала, прижав к груди сумочку. На Кудрина навалилось сразу несколько полицейских. Он закричал: «Я не стрелял! Не стрелял!», но кто-то двинул ему кулаком в висок, и он затих. Потом Ганна почувствовала, как чьи-то сильные руки выхватили ее из общей сумятицы и повлекли куда-то. Ничего не соображая, она попробовала сопротивляться, но та же рука безжалостно влепила ей пощечину. Она открыла глаза и увидела Карла.

— Там Саша, — прорыдала она. — Может, он еще...

— Нет, — твердо сказал Лебединцев. — Ему уже не поможешь.

Поминутно оскальзываясь на утоптанном снегу, Любушка забежала под арку, оказавшись позади здания института. На расчищенном пятачке стояла понурая лошадь, запряженная в пролетку. Ванька на козлах казался дремлющим, но едва Люба пробежала мимо, он крикнул:

— Что там?

— Лауниц убит! — прокричала она в ответ. — Будь наготове!

А сама рванула дверь на себя и очутилась в коридоре, в полутьме, наполненной людьми и пороховым дымом.

Возле перевернутой кадушки с тропической пальмой лежали два жандарма. Они были мертвы, третий, седой и без фуражки, держась за выступом, выпускал пулю за пулей вдоль коридора. Лебединцев, раненный в плечо и грудь, сидел, привалившись спиной к стене. Здоровой рукой он пытался поднять револьвер, но силы таяли слишком быстро, и мертвенная синюшная бледность уже проступала на щеках. Любушка наклонилась над ним и услышала:

— Ганна... Ганна ранена. Помоги ей!

Чертыхнувшись про себя (видел бы меня сейчас папенька!), Любушка на четвереньках поползла вперед. Через несколько метров она наткнулась на Ганну.

Девушка лежала на спине и тяжело, с присвистом, дышала сквозь стиснутые зубы. Нога ее была неловко подвернута — так, что коричневое платье задралось почти до пояса, обнажив льняное нижнее белье не первой свежести. Весь бок был в крови — две пули полицейского «бульдога» вырвали целый кусок мяса из бедра и раздробили коленную чашечку. Еще одна пуля навывлет пробила грудь. Ганна умирала. Она была без сознания, но когда Любушка в порыве жалости приблизилась к ней, она вдруг открыла белые от боли глаза и прошептала:

— Думаешь, теперь он достанется тебе?

— Ты о чем? — растерялась Любушка.

— Гадина. Я всегда знала, что ты... Ты...

Сделав над собой страшное усилие, Ганна вытащила из сумочки браунинг. Пелена тьмы уже застилала ей глаза, окружающий мир исчезал, погружаясь в болото, во мглу, но она знала, что успеет. Она не промахнется — слишком близка была цель. Ее враг.

Любушка выстрелила ей в висок. И почему-то подумала: в смерти Ганна красивее, чем была в жизни. Но мысль была короткой — она тут же выронила револьвер и бросилась прочь, не слыша стрельбы за спиной.

Во дворе она столкнулась с Николенькой и кучером, которого встретила здесь несколько минут назад. Они несли на руках раненого Карла. Увидев шатающуюся Любу, Николенька подскочил к ней (на миг ей показалось, что сейчас он ее ударит) и закричал:

— Дура! Идиотка! Зачем тебя понесло туда! Тебя могли убить! О господи, милая, ты ранена? Ты в крови!

«Это не моя кровь», — подумала она, вместе с кучером затаскивая Лебединцева в

пролетку.

— Странно, — прохрипел кучер. — Почему шпики не перекрыли этот выход? Почему не расставили людей в переулке?

— Заткнись, — отрезал Николенька. — И не смей так смотреть на меня!

Ванька пожал плечами и вытянул гнедую вдоль спины. Сзади раздались запоздалые выстрелы, где-то на втором этаже дома напротив разлетелось окно, послышался испуганный визг, стая бродячих собак бросилась врассыпную, перевернув мусорный бак... Город великого Петра таков: гранитные набережные, дворцы и фонтаны, еще многие столетия призванные изумлять иностранцев, блеск фасадов, а за ними — грязь, нищета и запустение... Ретивый жандарм, припав на колено, целился из револьвера в снежную тьму переулка, надеясь достать пролетку. Полковник Ниловский легонько ударил его по руке:

— Отставить.

— Так ведь уйдут, ваше высокоблагородие!

— Пусть уходят, — пробормотал он. — Еще заденешь не того, кого следует.

На заднем сиденье Любушка бережно держала в руках голову Лебединцева. От тряски он ненадолго пришел в себя, и Любушка, повинаясь порыву, нежно дотронулась до его щеки. Он поймал ее ладонь и прижал к губам.

— Спасибо, — скорее угадала, чем расслышала она, и Карл вновь впал в забытие.

Николенька мрачно посмотрел на девушку. Та улыбалась (он выживет, выживет, выживет!), он хотел что-то сказать, но промолчал.

Дневник

«Так было — горько сознавать (мысль почти кощунственная, но до ужаса реальная!), но наше движение в те годы, наш ТЕРРОР был выгоден правительству. Фракции в Думе — максималисты, левые, центристы, кадеты с гучковцами (последние — в меньшей степени) — были буквально напигованы агентами охранного отделения. Одних мы разоблачили: поп Гапон, вдохновитель Кровавого воскресенья, висел в петле на даче недалеко от границы с Финляндией, Федор Толоконников, выдавший властям Савинкова в Райтвилле, был застрелен Зиной Жужелиной, Иван Петров (кличка в охране «Хромой», ставил акт против государя) застрелился сам — я пришел к нему домой, он встретил меня как друга, а я выложил ему карты на стол и пристально посмотрел в глаза... Сначала он засмеялся: „Не знал, что паранойя передается, через рукопожатие. Тебе надо пореже общаться с Бурцевым — он тебя, кажется, заразил своей подозрительностью. Хочешь выпить? У меня есть „Божоле“, твое любимое“. Я не ответил. Я сидел за столом и смотрел ему в спину, смотрел, как Иван удаляется на кухню — у него была совершенно ровная походка, как у человека, который и в самом деле собирается угостить старого друга. Я знал, что в ящике кухонного стола у него хранится „смит-и-вессон“, таким образом он все же имел выбор... Он мог вернуться и убить меня — я сидел перед ним безоружный. Иван решил по-другому. Я услышал выстрел и звук падения тела — и даже не вошел на кухню, чтобы посмотреть... У меня не хватило сил. Я чувствовал себя убийцей.

Карл поправлялся медленно — рана оказалась тяжелой. ЦК эсеров изыскало возможность отправить его на лечение за границу (одной клиникой в Швейцарии руководил наш человек), потом его переправили в Кисловодск, на минеральные источники. Мы встретились с ним в Храме Воздуха — это было крайне претенциозное сооружение, возведенное главой торгового дома Афанасием Радаевым („Чудодейственная вода, излечивающая болезни внутреннего свойства и весьма приятная на вкус" — так говорилось в красочном буклете с видом горы Машук). Пол в зале был вымощен мраморными плитками, из каменных чаш били фонтанчики, и всюду бродили ленивые праздные толпы, где никто никого не знает и никем не интересуется, — маленький макет жизни, выполненный в масштабе один к пятистам.

И конечно, она была там, подле него. Она сопровождала Карла повсюду, точно преданная собачонка. Она ухаживала за ним, пока он лежал в постели, меняла ему повязки,

делала компрессы и поила лекарствами, она последовала за ним в Баден, а после приехала с Карлом сюда, на воды. Мы встретились — она проворковала „Как поживаете, мсье?" на хорошем французском и тактично отошла в сторону, полюбоваться настенным барельефом „Изгнание из рая". Карл проводил ее влюбленным взглядом и ответил на мой невысказанный вопрос:

— Я верю ей как себе. Я обязан ей жизнью, вы знаете об этом? А в марте прошлого года она спасла Студента от ареста в поезде...

— Да, я в курсе, — согласился я. — И я не призываю вас устраивать тотальные проверки, однако...

— Что?

— Поймите меня. Плохо ли, хорошо ли, но я занимаюсь в Боевой организации определенной работой — часто не слишком приятной. И если где-то рядом пахнет серой, я ОБЯЗАН в первую очередь думать о сатане (уж простите за такое сравнение). Пусть потом окажется, что кто-то просто жег спички, пусть надо мной смеются, пусть даже презирают, я вытерплю. Лишь бы...

— Что вы хотите? — холодно перебил меня Лебединцев.

— Не может ли это быть игрой охраны? Департамент частенько санкционирует покушения на неудобных себе. А Лауниц мешал очень многим в верхах, в том числе и Столыпину, и Ниловскому, шефу охранного отделения.

— Почему же они не взяли меня там, в здании института? Почему бы им не обезглавить Боевую организацию одним махом?

— Потому что премьеру выгодно, чтобы террор продолжался. Если вслед за убийством Лауница последуют еще два-три громких убийства, он войдет к царю с требованием ввести в столице военное положение, и царь согласится. А потом — отмена свобод, роспуск Думы, конец... Продолжать борьбу в таких условиях.»

— Мы будем бороться в любых условиях, — твердо сказал Карл. — А что касается Думы... Многого ли она достигла? Болтовня и игра в демократию, ничего конкретного.

Он немного постоял у чаши с нарзаным источником, наблюдая за беззаботно играющими детьми. Нахмурился, потер ладонью грудь — видно, рана еще напоминала о себе.

— Я никогда не откажусь от террора. Россию не поднять разговорами о всеобщем равенстве — это вам не Англия и не Америка. Обыватель будет спать в своем теплом болоте до тех пор, пока не увидит перед собой конкретный пример, героя-одиночку... А таких героев мало, Аристарх Францевич. И я не позволю никому сомневаться в тех, кого люблю.

Он посмотрел на меня так, что я понял: наш разговор окончен. А еще я внезапно осознал, что приобрел в лице Карла... если не врага, то — противника. Страсть ослепила его или что-то иное, но именно с того момента, с той самой встречи началось мое падение. Я стучался и не мог достучаться до друзей, до тех, кому верил, — иные даже обвиняли меня в желании развалить террор изнутри (меня, живую легенду, соратника Элеоноры Войчек, Савинкова и Бурцева!)

Я почти ненавидел эту девчонку. Я знал, что она принесет нам беду. В моих снах эта беда почему-то принимала образ лавины, которая когда-то погребла под собой тихий горный отель в Финляндии, где в холле звучало пианино и золотистая форель беззаботно плескалась в маленьком рукотворном пруду...»

Глава 12

Утро было пронизано серостью и хмарью, не спасали ни цветные лампочки на столбах, ни отсыревшие гирлянды, ни унылый фанерный Дед Мороз на фасаде кинотеатра напротив (краска поползла, нос разбух, точно у пьяницы со стажем). Хотя, возможно, дело не в

температуре и влажности воздуха — просто окружающий мир имеет странное свойство точно копировать человеческое настроение. Майя нехотя взглянула в окно: свинцовые тучи над головой, серый снег на крышах домов и машин на стоянке во дворе. Только Севушкин БМВ сладко дремал в персональной «ракушке».

— Проснулись?

О черт! Майя в мгновение ока нырнула в постель и натянула одеяло до подбородка. «Как же я могла забыть...»

— Я сварил кофе.

— Спасибо, — сухо сказала она, стараясь не смотреть на поднос с рогаликами и дымящейся кружкой. Кофе в постель ей подавали впервые в жизни. — Я не слышала, как вы встали.

— Я встаю рано. Я вообще жаворонок.

— Да? — Она с сомнением оглядела массивную фигуру школьного директора, облаченную в ее махровый халат для ванной. — Выйдите, мне нужно одеться.

Он молча развернулся и исчез, тактично прикрыв дверь. Майя запустила руку под подушку, нащупала теплую рукоять пистолета и слегка успокоилась — наивно, конечно: что мешало ему придушить ее подушкой во сне, или ударить по голове бошевской кофеваркой, или воткнуть в горло кухонный нож... Вместо этого школьный директор, как хорошо выдрессированная собака, провел ночь на кухне, где жестокосердная Майя постелила ему коврик (раскладушки в хозяйстве не нашлось). Удивительная деликатность для маньяка. Впрочем, тут же призналась она себе, я уже не уверена, что он маньяк. То есть он мог состряпать себе алиби (пообещать завхозу Еропычу место завуча или новенькую «Волгу» в подарок), однако...

Однако такая предусмотрительность плохо вяжется со всем остальным: убийством мальчика (ведь он выдавал себя с головой!), совсем уж никчемным побегом, визитом ко мне — и тем объяснением, которое он в конце концов нашел: «Я хочу, чтобы вы мне помогли».

— В чем?

— Доказать мою невиновность.

Она усмехнулась:

— Вы с ума сошли.

— Почему?

— Во-первых, я не следователь. То есть не профессионал...

— Профессионал уже управился: натравил на меня всю городскую милицию...

— Во-вторых, чтобы что-то пытаться доказать, надо быть уверенным самому.

— Опять двадцать пять! Вы все еще сомневаетесь?

— В-третьих, я должна работать. Зарабатывать хлеб насущный. Тем более что вы, кажется, предлагаете мне вас кормить. Денег ведь у вас нет.

— Я отработаю, — буркнул Гоц.

— Каким образом?

— Прибью вешалку в прихожей. Починю бачок в туалете.

— Вы просто кладёте талантов...

— Кстати, а чем вы занимаетесь?

— Даю частные уроки английского. (Завтра после обеда придут ученики, вспомнила она вдруг. Двое абитуриентов, один румяный работяга из вечерней школы и две школьницы старших классов, мечтающие о карьере секретуток в богатом офисе.)

— Даете уроки? Здесь? — озадаченно спросил Гоц.

Майя посмотрела на свою неубранную постель.

— Ну, не конкретно здесь. За столом в гостиной.

Он огорчился.

— Это плохо.

— Вам что-то не нравится? Идите в милицию, вас там примут с распростертыми объятиями, — зло сказала она, неожиданно поняв, что без боя сдала свои позиции. Не ради,

конечно, полужнакомого алкоголика в бегах — просто оставалась нераскрытая тайна, которая будоражила воображение (слишком живое) и вызывала зуд в кончиках пальцев... И — смерть мальчика, гномика в желтом трико и капюшоне, не давала покоя. Это было не по правилам: оставлять его смерть неотмщенной.

Завтракали они молча, сидя друг против друга за кухонным столом и тщательно глядя каждый в свою тарелку, точно пожилые супруги после ссоры — уже присмиревшие, но еще не отошедшие от взаимных копеечных обид. Так же молча, без понуканий, Гоц собрал грязную посуду, уволок в раковину и включил воду. Майя несколько минут наблюдала за ним, потом прошла в прихожую и принялась одеваться, удивившись про себя: «Странно, после всего, что произошло за истекшие сутки, я еще способна совершать обычные бытовые действия. Есть рогалики, пить кофе, укрывать у себя преступника (или не преступника, или преступника, но очень хитрого, сумевшего все-таки проделать брешь в моей уверенности), смотреться в зеркало...» Впрочем, нет. К зеркалам она с некоторых пор стала испытывать необъяснимое отвращение. Словно боялась увидеть в них нечто — то, что не должно было там отражаться...

— Куда вы собрались? — спросил Гоц из кухни.

— На похороны, — сухо ответила Майя. — Сегодня хоронят Гришу.

Он подошел, прислонился к дверному косяку, сложив мощные руки на груди. Потом спрятал их за спину, потом сунул в карманы — он явно не знал, куда их девать.

— Если вы так твердо уверены, что я убийца, то почему не сдадите меня органам?

Она задумалась.

— Есть одна маленькая деталь... Вернее, не деталь, а так, странность...

— Какая?

— Вы говорили, будто кто-то рассмеялся в подвале. Там, где вы наткнулись на мертвого мальчика. Даже не рассмеялся, а...

— Хихикнул, — подтвердил Гоц. — Будто пытался подавить истерику.

— Я слышала нечто подобное. В школе, за несколько минут до пожара. Я вошла в пустой класс, чтобы взять вино, и прикрыла дверь за собой — боялась, как бы Эдик не застучал. И услышала в коридоре шаги и смех.

— И вы до сих пор молчали...

— Про шаги я сказала следователю — кажется, он не поверил. А смех мог мне почудиться: дверь-то была закрыта. — Майя помолчала. — Если бы не этот смех — я бы даже доносить на вас не стала. Просто пристрелила бы.

Василий Евгеньевич опасливо покосился на ее сумочку и нерешительно спросил:

— Может, отдадите пистолет? Не будете же вы вечно таскать его с собой — тяжелый, неудобный, того и гляди выпадет. Я ведь не собираюсь вас убивать. И не собирался — только припугнуть...

— Не факт. Хотя, вы правы, лучше я оставлю его в тайнике. На нейтральной территории.

— В каком тайнике?

— Какой найду. Чтобы ни у кого не возникло соблазна.

— Только не под лестницей и не в мусорном бачке, пацаны в момент найдут. — Гоц очень серьезно посмотрел на нее. — Возвращайтесь. Я буду ждать.

— Ладно, — вздохнула она, застегивая пуговицы. — Хлеб в буфете, пельмени в морозилке, так что смерть от голода вам не грозит. Не забудьте: за вами унитаз и вешалка.

С давних времен, когда Майя была похожей на куклу Мальвину с голубыми волосами, а худющая Ритка — на обезьяну Читу, полгода просидевшую на голодном пайке в муниципальном зоопарке, у них существовало тайное место, куда можно было прятать все что угодно: кирпич в стене, на лестничной площадке первого этажа, чуть ниже почтовых ящиков. Кирпич свободно вынимался, образуя нишу, и совершенно скрывал ее от посторонних глаз, вставая на место. Сейчас Майя вспомнила о нем.

Недобрым словом помянув тьму в подъезде, она нашла нужный ориентир, опустила в тайник пистолет, завернутый в тряпочку (так ей казалось безопаснее), и поставила кирпич обратно, для верности проведя рукой по стене: гладко, ни малейшей неровности. Вовек никто не догадается. Какая-то размытая тень — черное пятно в черном мире — пискнула и шарахнулась за угол. Майя вздрогнула. Наверное, кошки занимались любовью, а я их спугнула. Дом, который почтил своим проживанием народный избранник и заступник Сева Бродников, был настоящим раем для бродячих кошек.

Она вышла из автобуса на знакомой остановке, прямо у ворот школы, и прошла по тропинке внутрь квадратного дворика — оттуда намечался вынос.

Она никогда в жизни не видела столько цветов сразу.

Даже городской ботанический сад, куда ее гоняли на практику в студенчестве, выглядел бы по сравнению с сегодняшним зрелищем жалким запущенным огородом. Цветы были всюду: они пестрым холмом покрывали ограду и маленький белый памятник в форме бумажного кораблика, они ковром устилали утоптаный снег в радиусе нескольких метров и даже дорожку от самых ворот кладбища. А цветы все несли и несли — построенные парами встревоженные первоклашки, не совсем понимающие, что происходит вокруг, пяти-шестиклассники, впервые увидевшие и осознавшие смерть, верзилы обоих полов из одиннадцатого, способные отпускать тяжеловесные казарменные шуточки по какому угодно поводу — будь то гигиенические прокладки или ограниченный ядерный конфликт... Но сегодня и они были серьезны, даже суровы.

Из цветочного холма, с большого портрета, перевязанного черной шелковой ленточкой, улыбался Гриша Кузнецов, маленький гном, сбежавший из сказки Андерсена... Собственно, это был не совсем портрет — скорее моментальная фотография, где он сидел на диване в обнимку с любимым плюшевым зверем, средних размеров собакой с желтой спинкой, белым брюшком и немного грустной трогательной мордашкой, на которой поблескивали умные, почти живые глаза-пуговицы. Собака пережила своего хозяина. Она так и не покинула его — кто-то принес ее с собой и посадил на могилу, рядом с портретом.

Оркестр отыграл свое и степенно ушел за ворота, к автобусу с черной полосой на боку, рабочие — четверка пугающего вида упырей — исчезла в каптерке, греться и поминать очередного новопреставленного, а школьники не расходились, окружив свежую могилу — молча, кусая губы и не вытирая слез, больно прилипавших к щекам на холодном ветру...

— Майя Аркадьевна, — вдруг окликнули ее сзади.

Она оглянулась и увидела Николая Николаевича Колчина. Тот стоял рядом, сунув руки в карманы дешевого пальто и подняв воротник. Ни дать ни взять разведчик-интеллектуал из «Мертвого сезона» — нежнейшего черно-белого фильма времен Майиной молодости...

— И вы здесь? — Она почувствовала безотчетное раздражение. — Наблюдаете за подозреваемыми, да? Ждете, что у убийцы не выдержат нервы и он начнет кататься по земле?

— Вы насмотрелись триллеров, — мягко ответил Колчин, с великолепным спокойствием проигнорировав Майин выпад. — Хотя в жизни преступники тоже, бывает, приходят на кладбище. Только по земле никто из них не катается и волосы на себе не рвет. Странно, вы не находите? Ведь убил, пролил кровь невинного — впору самому застрелиться... Ан нет, живет. И очень удачно маскируется под окружающих, — он указал взглядом на толпу. — Не отличишь... Кстати, а почему вы так выразились?

— О чем вы?

— Ну, будто я наблюдаю за подозреваемыми. Подозреваемый у нас только один — Гоц, он должен был интересоваться вас в первую очередь. А вы о нем даже не упомянули...

— А какой смысл? — сухо возразила она (осторожно, Джейн: иногда, чтобы проговориться, достаточно просто промолчать...). — Вы здесь — значит, Гоц пока не пойман. Я права?

— Правы, — покаянно кивнул Колчин. — И между прочим, вина его до сих пор ничем

не подтверждается, кроме факта побега. Ну и того, что в обоих случаях он оказывался в непосредственной близости от места преступления. А материальных-то улик по-прежнему ни одной...

— А тот кусочек картона, что я вам отдала? Который был в руке Гриши...

Колчин флегматично пожал плечами:

— Посторонних отпечатков на нем нет, если вы это имеете в виду. Да и быть не могло. Вот если бы мы нашли у Гоца остальное — то есть упаковку с оторванным краем...

— Да неужели он будет хранить у себя такую улику?

— А это уж зависит от его сверхзадачи, Майя Аркадьевна. Если принять версию о его психической неуравновешенности, то вполне может хранить. Как боевой трофеей. Только, мне кажется, эта версия вам не по душе, верно?

— Верно, — согласилась Майя, припомнив глаза школьного директора, когда он сидел на кухне, прислонившись к батарее, глядя прямо перед собой и даже не обращая внимания на наведенный на него пистолет... Тоскливая злость, усталость и безысходность — но никак не безумие. Смех в подвале — тоже не безумие (а если и безумие, то коллективное), как и посох Деда Мороза без малейших следов крови... Да вообще безо всяких посторонних следов.

— Значит, в той коробке был ваш подарок Грише?

— Бэтмен, — сказала она. — Игрушка довольно противная, но популярная. И по сюжету вроде бы борется со злом. Я купила его в киоске по дороге...

— По дороге? Что же вы заранее не озаботились?... Впрочем, извините.

— Да ведь Гриша не хотел, — сбивчиво пояснила Майя. — То есть сначала просил Артура купить (тот пообещал, если будет «пятерка» по русскому). А потом, в магазине, вдруг потерял интерес.

— Вы уже рассказывали...

— В самом деле, — она нахмурилась. — Просто я вдруг подумала: что, если для Гриши эта игрушка имела какой-то скрытый смысл?

Губы следователя чуть дрогнули.

— Летучая мышь — маска — маскарад — убийство на маскараде. Довольно прозрачно, но слишком сложно для девятилетнего мальчика. А вот для убийцы... Однако он в бегах, его не спросишь.

— И что вы намерены делать?

— Нужно попробовать зайти с другого конца. Роман Ахтаров дал приблизительный перечень экспонатов для музея. Список не так уж внушителен, однако работы хватит. — Он сделал паузу и признался: — Притом что версия, которую я сам же и выдвинул, более чем завиральная.

— Вы сказали, приблизительный перечень. Разве не существует подробной описи?

— Конечно, был специальный журнал, но он сгорел в пожаре. Да и экспозиция только готовилась, половина экспонатов была расставлена на столах, а половина сложена в кучу...

— Роман торопился, к ним в школу обещало нагрянуть телевидение...

— Я в курсе. Что подлаешь, таковы условия муниципальной средней школы: все наспех, все на бегу.

— Да уж, — согласилась Майя, с содроганием припомнив собственный прошлый опыт.

— Честно говоря, я рассчитываю на вашу помощь, — неожиданно сказал следователь. — Журнал учета утерян, а необходимо установить хозяев всех экспонатов. Мы работаем над этим... Да, собственно, уже почти закончили. Осталось несколько невыясненных моментов.

— Дневник? — вдруг вырвалось у Майи помимо воли.

Колчин посмотрел с интересом.

— Совершенно верно, дневник Аристарха Гольдберга, главы контрразведки в Боевой организации эсеров. Конкретнее — в «Летучем отряде» Всеволода Лебединцева по кличке Карл. Неординарная, скажу вам, была личность... Ваш приятель Роман Ахтаров рассказывал о нем с большим воодушевлением, даже меня сумел заразить. А почему вы вспомнили о дневнике?

Майя задумалась.

— Я увидела тетрадь, когда Рома показывал мне музей. Взяла в руки, пролистала...

— И что?

— Не знаю... Странное было ощущение: чужие жизни, чужие тайны, предательство, любовь, страсть... Они все — все эти люди — давно умерли, а я будто слышала их голоса. Только не примите меня за сумасшедшую.

— Я и не принимаю. Видите ли, этот дневник — единственный документ из экспозиции (по крайней мере, единственный нам известный), который содержит в себе некую криминальную загадку. И хозяин которого, кстати, так и не объявился.

— *«Дорого я дал бы, чтобы узнать, кто скрывается под этим псевдонимом — наверняка ведь кто-то из наших, из особо проверенных. Возможно, тот, с кем я здороваюсь за руку и приветливо улыбаюсь при встрече...»* — задумчиво процитировала Майя.

— У вас прекрасная память, — серьезно сказал следователь. — Завидую. Мне-то все приходится записывать, а потом все равно теряешь блокнот... Будьте добры, передайте Артуру Дмитриевичу мои соболезнования.

Майя долго смотрела ему вслед. Потом подошла к Артуру — тот стоял возле самой ограды, с непокрытой головой, не замечая снега, не тающего в волосах, — и сжала его локоть.

— Простудишься, — мягко сказала она.

— На войне люди не простужаются, — проговорил он, почти не двигая губами — будто говорил не он сам, а некое механическое устройство внутри. — И когда хоронят близких. Организм выделяет какую-то гадость, вроде сильного антибиотика. Не дает заболеть. И плакать тоже не дает, сволочь.

Леру Кузнецову она увидела чуть в стороне, в окружении одноклассниц — маленькую, всю в черном, под черным старушечьим платком, поддерживаемую под локоть верной Валей Савичевой (остальных девочек Майя видела раньше, но не знала по именам). Лики среди них не было — видимо, Сева исполнил свою угрозу и посадил родную дочь под замок от греха подальше...

— Как она? — спросила Майя, имея в виду Леру.

— Держится, — выдал механизм внутри Артура. — Пытается еще и меня поддержать... Но ведь она сама ребенок, куда ей.

Он протянул руку, поправил веночек из белых пластмассовых лилий и осторожно, с нежностью, на какую только был способен, коснулся лица Гриши на фотографии. Теперь он будет видаться ему часто — каждый день, в любом встречном малыше, бегущем из школы с ранцем за плечами, и он будет стремительно оборачиваться на детский смех, где бы тот ни раздавался. А потом долго стоять, мучительно приходя в себя...

— Знаешь, иногда я чувствую убийцей себя самого, — тихо сообщил он.

— Артур, не надо...

— Я не должен был соглашаться на этот идиотский эксперимент.

А ведь он считает меня виновной, вдруг поняла она. Меня — наравне с собой: я, по сути, была инициатором эксперимента (следователь лишь поддержал мою мысль), а Артур дал согласие. И все произошло именно там, в вестибюле, солнечным зимним утром, при большом скоплении народа: свидетель и убийца посмотрели друг другу в глаза. И настал момент истины...

Она запрокинула лицо, вглядываясь в небо, будто надеясь увидеть там *знак*, ощутить чье-то ласковое прикосновение, понять, что ее простили — пусть не здесь, на земле, но хотя бы там...

И заплакать наконец.

Не дождалась. Не заслужила ты еще отпущения грехов, Джейн. Не заслужила — коли убийца, истинный убийца, был на свободе. На аллее, возле самых ворот, их нагнали Лера и Валя, обе согнутые, будто вдруг постаревшие сразу лет на тридцать. Нагнали и пристроились рядышком. Дальше они шли вчетвером, молча, думая о своем и отбрасывая на твердый снег

длинные гротескные тени.

— Келли говорила, что он, может быть, экстрасенс, — подала голос Лера. — Я читала, что маньяки все обладают... некой скрытой энергией, как черные маги в древности. Он мог загипнотизировать Гришу и уволочь...

— Лера, — укоризненно прошептала Валентина.

— Возможно, дело в другом, — задумчиво сказала Майя, вспомнив глаза школьного директора — умоляющие, отчаянные. — Мы все, и Гриша в том числе, сосредоточились на Гоце как на главном злодее (он следил за нами через витрину магазина, помнишь?). А убил Гришу совсем другой человек...

— Это Гоц вам сказал? — тихо спросила Валя. — Вы ему верите?

— Он еще и не то скажет, — зло процедила Лера. — Жаль, его нельзя будет повесить, когда поймают. Я бы точно повесила. А то адвокат на суде обязательно отмажет: ах, мой подзащитный не отвечал за свои действия, ах, ему нужен врач, ах, у нас гуманные законы... Ненавижу. Ненавижу, ненавижу!

Ненавижу.

Так думали сейчас они все, весь город, каждая бабулька, лузгающая семечки на скамейке и приглядывающая за шалопаем-внуком (вот не будешь слушаться...), каждый участковый, по десятому разу проверявший вверенные ему подъезды, каждый оперативник и добровольный помощник милиции, торчащий в засаде на возможных точках появления «объекта»... Только Майя стояла в вечной оппозиции к общему мнению, как стойкий оловянный солдатик. Наверное, поэтому обложенный со всех сторон Василий Евгеньевич и пришел к ней, как к последней надежде.

Чтобы разрядить обстановку, она спросила у Вали:

— Скажи, Роман Сергеевич просил тебя принести что-нибудь для своего музея?

— Меня уже спрашивали в милиции, — отозвалась она и с огорчением добавила: — У нас ничего не нашлось. Все старые альбомы потерялись при переезде. Мама говорит, их стащили рабочие, только зачем им?

— Артур, а к вам домой Роман не приходил?

— За экспонатами? — растерянно переспросил он. — Не помню.

— Ну как же, пап, — возразила Лера. — Ты отдал снимок прадеда, тот, что на корабле.

Он чуточку подумал.

— Да, было дело. Дедовская фотография, сорок второго года — он служил на линкоре во время войны.

— Он погиб?

— Умер в девяносто первом, от атеросклероза. А на что тебе?

— Чтобы восстановить экспозицию.

— Ты можешь сейчас об этом думать?

— Я хочу найти убийцу.

Дорога домой пролегла мимо стеклянных дверей универсама, пережившего на Майиной памяти несколько исторических циклов-превращений: из грязного гастронома с унылыми пустыми прилавками — в цыганский базар под крышей, шумный и крикливый, где продавалось все, от сомнительных шуб из кролика до вздувшихся рыбных консервов. Пару лет назад какой-то богатый нувориш купил помещение на корню, сделал капитальный ремонт и превратил во вполне европейский супермаркет со вполне европейскими суперценами (впрочем, раз в квартал можно и раскошелиться).

В высоких витринах сияли новогодние гирлянды и серебрились искусственные елочки, покрытые кусками ваты, имитирующей снег.

— Зайдем? — хмуро спросил Артур.

Он не собирался ничего покупать, к поминкам все было давно готово, но — Майя поняла — именно здесь они были с Гришей в последний раз. И это место стало святыней.

Стеклянный прилавок напротив отдела «Мясо, рыба» был отдан на откуп дешевым

китайским сувенирам и игрушкам: заводным автомобилям, плюшевым собачкам (ни одна из них и сравниться не могла с той, что осталась среди океана цветов, на памятнике-кораблике) и пистолетам, стреляющим разноцветными шариками. Юная продавщица, сама похожая на игрушку из секс-шопа, оживилась при их приближении.

— Что вас интересует?

— Автогонки, — сказал Артур. — Вон те, в большой коробке.

Продавщица буквально расцвела.

— Прекрасный выбор. У вас мальчик?

— Мальчик.

Артур несмело поднял глаза на Майю и ответил на ее немой вопрос:

— Он просил. Если будет «пятерка» по русскому.

Она хотела что-то сказать ему. Не утешить (как тут можно утешить?), но хотя бы... Однако не успела: устрашающих размеров бабища с двумя сумками наперевес врезалась в нее, точно рефрижератор-дальнобойщик на полном ходу, отшвырнула в сторону, бросив через плечо: «Смотреть надо, раззява!», и унеслась прочь, сверкнув габаритными огнями.

Охая и держась за ушибленную печень, Майя опустила на корточки и принялась собирать мелочь, рассыпавшуюся из кошелька. Артур пристроился рядом и стал шарить рукой по полу, близоруко щуря глаза. Помнится, именно это сочетание: атлетическое тело, твердый подбородок и мягкие глаза профессора математики — совершенно поразили ее в их первую встречу.

— Несчастливая женщина, — пробормотал он.

— Она-то? — Майя даже поперхнулась, посмотрев вслед «рефрижератору» через окно, но не увидев за высоким европодоконником. — Ее муж, между прочим, владеет мясными рядами на центральном рынке. Она процветает, будь уверен.

— Я и говорю: несчастная.

Наконец мелочь была собрана. Артур встал, отряхнул брюки и протянул Майе руку:

— Идем?

Она будто не услышала. Он тронул ее за плечо. Плечо было как каменное — она сидела на корточках на заплеванном полу, уставясь в никуда, в пространство, толпы обтекали ее, словно волны — гранитный утес. Иные оглядывались — кто с недоумением, кто с легкой брезгливостью — наклюкалась, кошелка, в честь праздника, а с виду вполне нормальная...

— Что случилось? — встревожился Артур.

Она медленно поднялась, по-прежнему глядя на улицу сквозь витрину, не веря себе, своему случайному открытию, мимо которого проходила, наверное, десятки раз. И прошептала:

— Убегает...

— Куда? — встрепенулся Артур. — Кто убегает?!

Он посмотрел сквозь витрину, прижав очки к переносице, как это делают все близорукие, надеясь разглядеть что-то вдаль, не разглядел и требовательно спросил:

— Кто там был? Не молчи!

— Гоц.

— Как? — Артур стремглав рванулся к выходу, но Майя удержала.

— Не сейчас, тогда... Гриша увидел на улице школьного директора и сказал: «Удирает...» Помнишь?

— Помню, — мрачно ответил Артур.

— Но ведь Гоц никуда не убегал. Он стоял неподвижно и смотрел на нас сквозь стекло. А потом — уже потом, через несколько секунд! — повернулся и ушел. *Ушел, а не убежал.*

Артур стоял, нахмурившись, засунув руки в карманы и покачиваясь на носках.

— Ты хочешь сказать, что Гриша увидел на улице не директора, а кого-то еще? И этот кто-то успел скрыться, прежде чем мы с тобой...

— Нет, — сказала Майя. — Он не мог видеть никого вообще. Он *не мог никого видеть* : здесь слишком высокие подоконники. А Гриша был маленького роста.

Глава 13

Развязавшись с последним на сегодня учеником, дубоватым работягой из вечерней школы (парню никак не давалась инфинитивная форма глагола), Майя сладко потянулась, встала из-за стола и прошла в ванную, по дороге проверив в прихожей, хорошо ли заперта входная дверь (сказывался печальный опыт). В ванной комнате, на табуретке, сидел во временном заточении школьный директор.

В директоре чувствовалась перемена: вчерашняя надежда сменилась обреченной отстраненностью, руки дрожали сильнее обычного, и лицо отливало нехорошей бледностью. Ясно, организм настойчиво требовал «заправки». Стараясь не замечать его плачевного состояния, Майя уселась на край ванны и кратко рассказала о своих недавних выводах.

— Мальчик не видел вас. Он вообще, наверное, не смотрел на улицу в тот момент — просто что-то вспомнил, очень важное и неожиданное. То, чему он стал свидетелем во время новогоднего вечера.

— Его допрашивали несколько раз. — Гоц непочтительно сплюнул на чистый пол. — Что нового он мог вспомнить?

— Или вспомнить, или сообразить... Но на эту мысль он натолкнулся именно в магазине, в очереди в кассу.

— Понятно, слышал звон монет. Я просил вас купить водки. Почему не купили?

— А девочек не желаете? — взорвалась Майя. — Или прикажете мне самой?...

— Потерпите до другого раза, — огрызнулся Гоц. — И отдайте пистолет, в конце концов. Это вам не игрушка.

— Успеете застрелиться. Лучше бы не сидели сиднем, а думали, рассуждали... Это же вас ищут по всему городу, не меня. Есть свежие идеи?

— Никаких, — мрачно признался он. — Я целый день размышлял, пока вы уродовались со своими недорослями. Потрясите старшего Кузнецова, вы ведь были вместе в тот момент.

— Как его тряхи? — вздохнула Майя. — На него и так столько всего навалилось. Непонятно, как он еще держится... Скажите, Роман показывал вам экспозицию своего музея?

— Он упоминал, что она откроется после зимних каникул. Я позвонил на телевидение (там работает мой бывший одноклассник), попросил приехать...

— Роман собирал экспонаты со своих учеников, — медленно произнесла Майя. — Точнее, с их семей. В семьях всегда хранятся старые альбомы, документы...

— Я в курсе. Нет, ко мне он не приходил. А почему вы спросили?

— Потому что, видимо, в музей попало нечто не предназначенное для чужих глаз. То, что необходимо было срочно уничтожить, пока он не открылся для всеобщего обозрения.

— Это вам следователь нашептал?

— Это единственная версия, которая хоть как-то сводит концы с концами.

Гоц открыл кран и подставил лицо под струю холодной воды.

— Черт знает что такое, — проговорил он сквозь бульканье. — А почему вы заиклились на учениках? Есть еще учителя, персонал...

Майя задумалась, подперев подбородок ладонью.

— Не знаю. Ощущение. Слишком уж радикальное решение проблемы: пожар. А самые радикальные люди на земле — это дети.

— Дети, — повторил Василий Евгеньевич и неожиданно резко перекрыл воду. Ледяная струя оборвалась, он брезгливо взглянул в зеркало на свое мокрое отражение и тихо спросил: — А может быть, это Гриша?

— Что? — не поняла она.

— Поджег музей. Не сам, конечно, по чьему-то наущению... То-то он и боялся, и убили

его как исполнителя...

— Ну и фантазии у вас, — возмутилась Майя. — А как же костюм?

— Дался вам этот костюм! Я сто раз говорил, что оставил его в каморке у завхоза. Не Еропыч же оделся Дедом Морозом после меня. Во-первых, он намного ниже, во-вторых, ему бы не хватило сил справиться с охранником.

А Роман сказал о завхозе: «Крепкий старик», вспомнила Майя. Да, фигура несерьезная, почти водевильная, однако до сих пор пребывающая как бы в тени, без внимания... А между тем только он может подтвердить (или не подтвердить) алиби Гоца. Только у него целых полчаса (те самые!) был в распоряжении новогодний костюм, была возможность (о мотивах — потом...).

— Все равно, — упрямо сказал Василий Евгеньевич. — Мы слишком доверились показаниям ребенка, а ведь он мог все выдумать. Или кто-то выдумал за него. Дал ему в руки бензин и спички, подучил, что делать... Он и сделал.

— А потом до смерти забил охранника.

— Бред, — сокрушенно согласился директор. — А самое главное — трудно поверить, чтобы кто-то из нынешних юнцов был всерьез (настолько всерьез!) озабочен имиджем своих бабушек и дедушек. Скорее даже прадедушек.

— Да уж, — проговорила Майя. — Я, к примеру, не так давно узнала, что мой прадед по линии матери служил в жандармерии. И ничего. Даже чуточку лестно.

Василий Евгеньевич невесело усмехнулся:

— Вам повезло. Мои-то предки были сплошь из плебеев. Кстати, о плебеех: вы уж извините, но я съел ваши пельмени, которые лежали в морозилке.

— Все до одного? — ужаснулась она.

— Увы.

Дьявол. Майя почувствовала почти детскую обиду, даже слезы навернулись на глаза. Жутко хотелось есть (возня с учениками отнимала массу энергии), но тащиться в магазин, в холод и метель...

— Я могу сбегать, — самоотверженно сказал Гоц (похоже, на Майином лице слишком явно отразилось отчаяние).

— Куда? Вас застучает первый же постовой. И я останусь без ужина. — Майя тяжело вздохнула и поплелась в прихожую надевать пальто. — Спасибо, хоть вешалку прибили на место.

Этажом ниже ее окликнули: Вера Алексеевна приоткрыла дверь своей квартиры и немного виновато улыбнулась.

— Майечка, ты не в гастроном? Купи, пожалуйста, хлебца. Мне полбатона и буханку черного. Вот деньги...

— Конечно, — Майя с готовностью взяла мелочь, но бабулька не спешила уходить.

— Что-нибудь еще?

— Уж и не знаю, как сказать... — Вера Алексеевна на секунду замялась, потом, решившись, неожиданно выдала: — Ты сейчас одна живешь?

— Одна, — растерялась Майя, почувствовав вдруг, как сердце ухнуло куда-то вниз, как с крутой горы. — А что случилось?

— У тебя в квартире утром кто-то ходил.

Она деланно рассмеялась:

— Кто у меня мог ходить? Наверное, я сама.

— Но ты была на кладбище, — возразила старушка. — Не подумай, что я люблю совать нос не в свое дело... Просто после всех этих убийств...

— Да нет, — Майя постаралась как можно беспечнее махнуть рукой. — Вам почудилось. Замок у меня цел, из квартиры ничего не пропало...

— А потом он стучал молотком в прихожей, — упрямо продолжала Вера Алексеевна. — У меня, Майечка, уши пока на месте. Глаза вот стали ни к черту... Ну, коли ничего не пропало, то и ладно. А я беспокоилась. Так ты не забудь насчет хлеба.

Конспиратор хренов, думала она со злостью, пробираясь сквозь снежные завалы (к вечеру намело). Ищут тебя — так и сиди тихо, как мышь. Скорее бы избавиться от Гоца. И от опасности, настойчивый запах которой его окружает...

Дневник

«Я ехал в Петербург в компании нескольких репортеров (вольные журналисты и фотографы — так они отрекомендовались). Я почти не принимал участия в их разговорах, да они и не настаивали: что за дело им, молодым и жаждущим славы, до коллежского асессора на пенсии...»

В эти ненастные дни в Питере как раз начинался судебный процесс над депутатами. Старик Столыпин добился-таки своего, как я и предсказывал. У меня тоже было с собой репортерское удостоверение одной из правых газет, но туда, на Литейный, меня влекло нечто иное, нежели подробности процесса. На другой стороне улицы, в квартале наискосок, располагалось крошечное кафе и парикмахерский салон Якова Штифмана. Яков был тишайшим человеком и напоминал вечно испуганную мышь. Он жил один, и только позже случайно я узнал, что когда-то он был женат и имел дом в Баку. Жену его убили во время погрома, а сам Яков чудом уцелел: уезжал из города по делам, на переговоры с поставщиком продуктов для своей чайной. Планировал обернуться в три-четыре дня, а оказалось, уехал насовсем. Много колесил по стране, искал счастья в Польше, но осел в Петербурге, купив вид на жительство.

Здесь, в его кафе, в витрине которого стоял громадный торт из папье-маше, я встречался с приставом следственного управления Алексеем Трофимовичем Альдовым. Последняя наша встреча состоялась два месяца назад, еще до моей поездки на Кавказ. Яков проводил нас в отдельный кабинет, ловко и быстро накрыл столик, но Альдов только махнул рукой: некогда, мол, не до изысков... Он казался очень возбужденным и озадаченным, как человек, который совершил неожиданное открытие и сам в него не верит.

— Интересующее вас дело об убийстве мне высочайше велено прекратить, — буркнул он, стараясь не поднимать взгляда от тарелки.

— Кем? — спросил я.

— Будто не знаете.

— Возможно, Департамент по каким-то причинам забрал его себе? Обычное явление для России, склока между соседними ведомствами.

Он пожал плечами.

— Так или иначе — теперь я лишен доступа к расследованию, уж не взыщите.

Я протянул ему пачку ассигнаций — обычный гонорар. Алексей Трофимович лишь покачал головой:

— Не возьму. Я привык получать деньги за проделанную работу. А тут...

— Не отказывайтесь. Вы и так сделали очень много.

— Не ради вас, — хмуро сказал он. — Ради того человека, что передал вам...
РУКОПИСЬ.

— Я понял.

— Однажды он спас мне жизнь. То, что я сделал, — я сделал в память о нем.

Я не стал допытываться подробностей. И так было ясно, что Альдов имел в виду того эсера-максималиста, Анатолия Демина, сидевшего со мной по соседству в Орловском центральном и умершего от туберкулеза...

— Перед самым моим отстранением от дела мои агенты нашли одного проводника питерского экспресса. Он дал интересные показания. Я показал ему фотографические портреты трех наших подозреваемых. Одну особу он опознал.

— А вашему проводнику можно верить? Столько времени прошло...

Альдов поджал полные губы, размышляя.

— Человек уже в годах, но имеет исключительную память на лица. Думаю, он не врет. Видите ли, упомянутая особа ездила в Петербург дважды подряд, с интервалом в неделю.

Причем в первый раз — третьим классом, тайно. В одиночестве. А через восемь дней — уже в мягком купе. Это показалось проводнику подозрительным, и он запомнил.»

— Он давал показания в полиции?

— Нет, мы встречались с ним один на один.

Какое-то непонятное беспокойство закралось мне в душу. Словно прозвенел некий внутренний звоночек, предупреждавший об опасности.

— Вы можете устроить мне встречу с этим проводником? В приватном порядке.

— Попытаюсь, — сказал он, чуть поколебавшись. — Он возвращается из рейса...

— Нет, нет, в ближайшее время я сам буду вынужден уехать. Сделаем так: со следующего месяца я буду приходить сюда каждый вторник и четверг и ждать вас с шести до половины восьмого вечера. Если все идет нормально и слежки за мной нет, в руках у меня будет свернутая газета. Если же газеты нет — разворачивайтесь и уходите. Засвечивать вас я не имею права.

Пристав невесело улыбнулся:

— Прямо как в романах господина Конана Дойля. Сыщики и шпионы всегда узнают друг друга по газете.

— Так это хорошо, Алексей Трофимович. Чем меньше мы, выделяемся из толпы, тем дольше живем.»

...Альдов был найден в подъезде собственного дома на Васильевском через два дня после нашей последней с ним встречи. Он был убит двумя выстрелами из револьвера — первая пуля вошла в спину, вторую убийца выпустил в середину лба, когда пристав уже упал: преступник хотел иметь полную гарантию. Я узнал об этом только по возвращении с Кавказа, раскрыв в газете раздел уголовной хроники. Какой-то пронырливый репортер поместил под короткой статьёй фотографию места преступления: темная лестница с вычищенными медными перилами, дверь богатого красного дерева, труп в клетчатом пальто, в лужице крови, на вытертых сотнями ног плитках — нелепый, с неловко подвернутой рукой и в выбившемся из-под воротника толстом шарфе. Только сейчас, глядя на фото, я узнал, что Альдов катастрофически лысел и зачесывал остатки волос с боков вверх, прикрывая череп. Наверное, это обстоятельство его очень беспокоило — у него была молодая супруга, настоящая красавица, он дорожил ею и хотел соответствовать...»

— Ты не можешь так поступать со мной, — горячо сказал Николенька. — Ты говорила, будто любишь меня, а сама... Почему ты так изменилась?

Он пытался поймать ее взгляд, но тот ускользал, Любушка порывисто ходила взад-вперед по гостиной, и ее платье из нежного бархата издавало тихое завораживающее шуршание. Наконец она остановилась, подошла к окну, вскинула руки... Он подивился ее жесту: покойная Софья Павловна точно так же в минуты душевного волнения взмахивала руками, точно птица, расправляющая крылья. Прелестное лицо осветилось ярким весенним солнцем, тени засверкали ярко-голубым... Любушка обернулась и сказала — медленно, будто размышляя:

— Люблю? Не знаю. Ты поразил мое воображение: милый плюшевый медвежонок, которого я знала с детства, — и вдруг подпольщик, революционер... Но послушай, это был минутный порыв, ничего больше. Всеволод — другой, он сильный и настоящий. Тебе не понять.

Она произнесла это несколько рассеянно, и Николенька с горечью понял, что мыслями она не здесь и не сейчас. С ним! С ним, черт бы его взял!

— Что тебя привлекает в нем? — спросил он с отчаянием. — Красота? Щегольство? Он никогда не будет тебя любить так, как я. Для него люди — лишь инструмент.

— И что с того? — Она по-прежнему не смотрела на Николеньку. — Я только за этим и пришла в террор.

Она подошла к нему, легонько коснувшись пальцами его груди и заставив буквально

запылать. Он попробовал поймать ее руку, она мгновенно отстранилась, словно играя в кошки-мышки, и улыбнулась:

— Ну что ты себе вообразил, глупышка? Тихие семейные радости вдвоем, в собственной усадьбе у папеньки в деревне, с чаепитием по вечерам? — Любушка фыркнула. — Как в сочинениях графа Толстого (папа им очень восхищается).

— Я боюсь, — вдруг признался Николенька. — Нет, не за себя... Пойми: Карл — настоящий фанатик. Утверждает, что борется с царизмом, за свободу и народное счастье... А наступи завтра это счастье, не в кого будет бросать бомбы — и он пустит себе пулю в лоб. Или сойдет с ума.

— Какие гадости ты говоришь.

— Я говорю правду. В конце концов он погибнет сам и утащит нас за собой.

На Любушку эти слова не произвели никакого впечатления. Она лишь холодно посмотрела на собеседника и проговорила:

— Единственное, что я могу сделать для тебя, — это забыть то, что сейчас услышала. Иначе мне придется обвинить тебя в предательстве. Мне не хотелось бы в это верить.

Против ее ожидания он словно обрадовался.

— Это хорошо, что ты заговорила о предательстве. Я думал тебя пожалеть, но... В общем, ты права: предатель действительно существует. Вернее, существовал. Сплошная череда неудач — такое простым совпадением не объяснишь.

Он говорил со страстью, будто читал роман со сцены, борясь за Любушкино внимание — единственной свидетельницы и единственного зрителя.

— Что значит «существовал»? Он разоблачен?

— Он погиб. Вообще-то предателей было двое, они работали под молодую супружескую пару. Мужчину разоблачил Гольдберг. Агента звали Андрей Яцкевич, он на наших глазах попал под колеса поезда. Женщине удалось скрыться от организации — а ведь именно она выдала охранке штаб в Финляндии...

От волнения Николенька сильно вспотел, его круглые очки то и дело сползали с носа, он нервно поправлял их и оттого волновался еще больше.

— Когда была отравлена Софья, все мы решили, будто она догадалась, кто эта женщина. Догадалась — и ее убили... Но ведь могло быть и по-другому!

— Нет! — выкрикнула Любушка.

— Почему нет? — вроде бы удивился Николенька. — Наши провалы начались приблизительно с того момента, как ее муж стал снабжать «боевку» деньгами. Он был в курсе многих дел, в их особняке проходили важные встречи... Наконец, кое-какие сведения говорят о том, что Софья была лично знакома с полковником Ниловским, шефом охраны...

Люба вдруг почувствовала дрожь в ногах, захотела присесть, но осталась стоять у окна, прижавшись пылающим лбом к холодному стеклу.

— Ты врешь. Ты говоришь это со злости. Сонечка прислала письмо — ты читал его... Как может человек, написавший его, быть предателем! Она хотела, чтобы я приехала к ней, хотела рассказать то, что ее мучило...

— Посмотри правде в глаза, — безжалостно сказал Николенька, ощущая пропасть под ногами. — Софья боялась разоблачения. Чувствовала, что смерть дышит ей в затылок, — она ведь выдала охранке Элеонору Войчек. Как ты думаешь, Гольдберг простил ей это?

— При чем здесь он?

— При том, что, скорее всего, Софью Павловну приговорила к смерти Боевая организация. Та самая, в которой ты состоишь. А Лебединцев — глава этой организации.

...Он появился на пороге совершенно бесшумно, и Любушка некстати подумала: как же Карл падок до театральных эффектов. Николенька испуганно охнул и попятился, наткнувшись спиной на венский стул, — сцена, несмотря на весь драматизм, почему-то показалась девушке забавной, и она чуть не фыркнула.

— Я не слышала, как ты вошел, — бесцветно проговорила она, находясь, по существу, в центре событий, но ощущая себя как бы в стороне — не на сцене, а за кулисами. — Ты

давно здесь?

— Достаточно, чтобы понять, о чем речь.

Поигрывая тростью, он легким шагом пересек комнату и спокойно уселся в глубокое кресло.

— Любушка, дорогая, успокойся. Даю тебе слово: никто из нашей организации не убивал Софью Павловну. По крайней мере, с моего ведома.

Николенька презрительно скривился.

— Вы можете это доказать?

— Подожди, — остановила его Люба и повернулась к Лебединцеву. — Скажи, Сонечка действительно... Она на самом деле...

— Была агентом охраны? — Карл вмиг стал серьезным. — Твоя сестра была просто очень несчастным человеком, которого сломали обстоятельства. Ее прихватили на чем-то — я полагаю, на каких-то не совсем законных делах Вадима Никаноровича. И склонили к сотрудничеству. Мы давно это подозревали.

Она переводила изумленный взгляд с Николеньки на Лебединцева и обратно... Оба старательно прятали глаза. Оба *знали* ... И оба — она вдруг осознала это — *могли убить Соню*. «Нет, Николай не мог: мы прибыли в Петербург, когда Сонечка уже была мертва. Остается Всеволод. Но, боже мой, каким глазами он смотрел на меня — мы мчались в пролетке вдоль Обводного канала, какие-то тени шарахались в стороны, мелькали фонари, и кружила в вихре метель...» Карл то впадал в забытие (приходилось изображать подвыпившую парочку — Любушка развязно хохотала и раскачивалась из стороны в сторону), то от тряски приходил в себя, стискивал зубы, чтобы не застонать от боли, и всматривался в Любушкино лицо, как в единственное спасение. Она держала его голову на коленях и шептала про себя молитву... А теперь Николенька утверждает, будто этот человек хладнокровно подсыпал яд в бокал с вином, который выпила Софья.

«Я не верю. Не верю, не верю, это смешно. Все они смешны, будто клоуны в дешевом балагане на ярмарке — беспечные и обеспеченные, революционные аристократы, разъезжающие в каретах и имеющие горничных в доме... Сонечка, милая, во что же ты вляпалась?!»

И Любушка вдруг начала смеяться — сначала потихоньку, глядя на растерянные лица собеседников, потом громче и громче, потом страшно затряслась, комната почему-то перевернулась, поплыла, и она услышала сквозь далекий звон колокольчиков: «Доктора! Скорее, пошлите за доктором!»

— У нее истерика, — спокойно сказал Лебединцев. — Ей нужно воды... А лучше — вина.

«Вот уж нет, — хотела возразить она, захлебываясь смехом. — Ваше вино я пить не стану, им Сонечку отравили».

— Что она такое говорит?

— Ничего, девочка немного не в себе...

— Уезжайте отсюда, молодой человек, — проговорил Карл, тяжело опираясь на трость (рана еще давала знать о себе). — Поезжайте домой, к родителям, отдохните — эх вы издергались. Маменькиных обедов покушайте...

— Вы, кажется, изволите издеваться? — злобно спросил Николенька.

— А чего вы ждали? В теперешнем вашем состоянии для серьезной работы вы не годны. Ревность, юноша, крайне опасное чувство. Можно надеть глупостей.

Николенька круто развернулся и быстрым шагом пошел вдоль набережной. Его душили яростные слезы, душила ненависть и жалость к самому себе... Он тотчас же хотел ехать на вокзал (а багаж? А ну к черту), даже поймал пролетку, но вышел за два квартала, где-то на Лиговке, где жил его давний приятель Митька Цыганов.

Дмитрий был известен тем, что частенько попадал в разные скандальные истории, но всегда вылезал сухим из воды: папочка, безмерно любивший родное чадо, подключал свои

весьма обширные связи. В последний раз, после загадочной беременности дочери преподавателя английской литературы эпохи декаданса, Митенька «подлечивал здоровье» в Афинах, на модном курорте.

Николенька взбежал по ступенькам парадного (дом был богатый — с маленьким уютным двориком, отгороженным низкой решеткой и воротами с чугунными шишечками поверху), рассеянно взглянул на швейцара, похожего на генерала в отставке, спросил:

— Дмитрий Дмитриевич дома?

— На отдыхе-с, — услужливо отозвался швейцар. — Тут намедни один конфуз вышел с молодым барином, так батюшка Дмитрий Алексеевич справил им билет до Ниццы.

— Давно?

— Да уж недели две-с.

Николенька скрипнул зубами от досады. Последняя надежда, что Митька не даст пропасть («Сердечная рана, Клянц, лечится очень просто. Сейчас берем извозчика, катим в кабак к Зюзилину, у меня там неограниченный кредит...»), растаяла, идти было решительно некуда. Петербург вдруг потерял прелесть и одухотворенную свежесть, превратившись в скопище прямых мрачных улиц, серых домов с темными окнами и дремлющими дворниками, мающимися головной болью после вчерашнего...

Впрочем, и любимый кабачок, куда ноги сами принесли его, показался на этот раз грязным и унылым. Пнув ни в чем не повинный стул, Николенька сел за столик в углу и заказал водки.

Он вздрогнул, когда кто-то положил руку ему на плечо.

— Не помешаю?

Николенька поднял глаза.

— Аристарх Францевич? Что вы здесь делаете?

Гольдберг уселся напротив, степенно поставил цилиндр на стол, закурил длинную сигарету в мундштуке.

— Не боитесь открыто появляться на людях? — хмуро спросил Николай. — Вас ищут.

— Пусть ищут. Вы уже сделали заказ?

— Сделал... Вы ведь пришли сюда не случайно. Вы следили за мной, да?

— Следил, — охотно подтвердил Гольдберг. — А вы не заметили. Нельзя быть таким беспечным.

— Меня в последнее время все чему-то учат. Что, тоже будете уговаривать меня уехать?

— Нет, у меня к вам другое предложение.

— Интересно, — буркнул Николенька, наполняя рюмку. Однако собеседник мягким движением отобрал ее и поставил на край стола так, чтобы нельзя было дотянуться.

— Отложим выпивку на потом, — он немного помолчал. — Мне известно содержание вашего недавнего разговора с Карлом. Личные разногласия пока опустим... У вас шла речь о Софье Павловне?

— Если знаете, зачем спрашиваете? Карл сказал, что она работала на Департамент.

— Верно, только эта работа была особого рода.

— Так уж и особого, — хмыкнул Николенька. — Подслушивать, подглядывать...

— Да бросьте вы. — Старик, казалось, рассердился. — Много ли она могла подсмотреть и подслушать? Ничего не значащие обрывки разговоров, отдельные фразы... А ведь если судить по нашим неудачам за последний год, провокатор должен находиться где-то близко к руководству Боевой организации, к самому верху.

— Выражайтесь яснее.

— И так яснее некуда. Полковник Ниловский (надо отдавать должное даже врагам... врагам — в особенности) — умнейший человек и тонкий профессионал политического сыска, один из лучших в империи. Мог ли он так явно подставлять своего агента? Да и какой агент из Софьи Павловны — просто слабая несчастная женщина, которую запугали, заставили играть по неизвестным правилам... И при этом она пыталась бороться с

Ниловским: план последнего покушения на него она ему не отдала.

— Тем не менее покушение провалилось, — заметил Николенька. — Трое наших людей погибли.

— Это только доказывает мою правоту. Софья Павловна не выдала боевиков — втайне она надеялась, что шеф охраны будет убит и она сможет освободиться... Однако охранку все-таки предупредили. Предупредил *настоящий провокатор*, тот, о ком я вам говорил. А Софье была отведена роль подсадной утки — на ней в первую очередь должны были сосредоточиться подозрения. Кстати, Ниловский отнюдь не изобрел колесо: номер с подставным агентом («брандером» на полицейском жаргоне) довольно распространен. Скорее всего, Софья поняла, кто является настоящим провокатором. И тот убил ее.

— И кто же это, по-вашему? — с иронией спросил Николенька.

— Вы.

— А доказательства? — спросил он без малейшего испуга.

— Доказательства будут, — услышал он за спиной.

Лебединцев подошел, как и давеча, неслышно, по-кошачьи. Николенька хотел встать, но железная ладонь буквально пригвоздила его к месту.

— Понятно. Решили отделаться от меня таким способом. Не проще ли было сдать меня охранке?

— Я же сказал, личные мотивы оставим, сейчас займемся доказательствами... Где вы находились четырнадцатого марта прошлого года?

Молодой человек усмехнулся:

— Вы многого от меня хотите.

— Тогда напомню: восемнадцатого марта, на следующий день после моего ареста, вы и Любовь Павловна Прибыли в Петербург.

— Тогда, вероятно, четырнадцатого я был дома. Чем именно занимался — не помню, увольте.

Карл сделал знак рукой. К их столику прошмыгнул какой-то совершенно незаметный человечек в дрянном пальтишке безликого мышинного цвета и мятой фуражке. Он был явно простужен: его большой мясистый нос имел воспаленный вид, и глаза нещадно слезились: человечек то и дело вытирал их носовым платком не первой свежести.

— Присаживайтесь, Инюкин, — сказал Лебединцев, и тот послушно опустился на краешек стула. — Не бойтесь, вас никто не обидит. Посмотрите-ка внимательно: вы узнаете этого господина?

Человечек шмыгнул носом и искоса взглянул на Николеньку. Несколько секунд он сидел неподвижно, потом осторожно проговорил:

— Да... Несомненно, это он. У господина, простите великодушно, весьма запоминающаяся внешность. Кроме того, у меня хорошая память на лица — профессия, знаете ли.

— Кого вы мне еще подсунули? — нервно спросил Николенька. — Лично я его вижу впервые.

И вдруг вспомнил — будто давняя-предавняя картина выплыла из смрадного тумана. (И тогда, кажется, был туман — поезд замедлил ход и остановился, в размытом, словно бы грязном отсвете фонарей замаячили оловянные солдатики на перроне, послышался грозный окрик жандармского офицера, и ему ответил другой голос — тихий, заискивающий и торопливый, будто человека испугали в раннем детстве — и он остался испуганным на всю жизнь...)

— Я кондуктор, — неуверенно начал человечек. — В скором «Москва-Петербург», поездная бригада номер...

— Это несущественно. Я попрошу вас припомнить середину марта прошлого года. Именно тогда вы видели этого господина в вашем поезде?

— Так точно, ваше сиятельство. Более того, два раза подряд — поэтому я запомнил. Сначала четырнадцатого...

— Да он врет! — выкрикнул Николенька, чувствуя холодок под ложечкой.

— Спокойно, спокойно, — мягко проговорил Гольдберг и кивнул проводнику. — Продолжайте. Значит, он путешествовал в одиночестве?

— Так точно, третьим классом, до Петербурга. А потом, восемнадцатого — снова, но уже в первом классе и с дамочкой. Я удивился... Нет, не насчет дамочки. (Помнится, недурна собой, из хорошей семьи, разве что немного нервничала... Оно и понятно: впервые, поди, без папеньки с маменькой.) А просто — коли имеешь деньги на мягкое купе, зачем же ехать в общем, вместе со всяким сбродом? Простите великодушно, ежели что не так...

— Все в порядке, голубчик, — сказал Лебединцев. — Ступайте, вас проводят.

Проводник замялся.

— Прощения просим, только вы обещались насчет денег...

— Вам выплатят. А теперь идите.

Человечек бочком-бочком выскользнул за дверь. За столом в трактире остались трое: Николенька — растерянный, не чувствующий пола под ногами, Гольдберг и Лебединцев. И — напряжение, повисшее в прокуренном воздухе, густое, как парное молоко, и опасное, как динамит.

— «Выплатят», — побелевшими губами усмехнулся Николенька. — Сколько же вы обещали отстегнуть... этому? И из каких средств? Не из кассы ли организации?

— Вы не о том беспокоитесь, Клянц, — тяжело проговорил Карл. — Этого человека нашел не я, а Алексей Альдов, следователь, который вел дело об убийстве Софьи Павловны. Не ожидали, а? Убрать Альдова у вас хватило ума, но о проводнике вы не знали...

У Николеньки потемнело в глазах.

— Он убит?

— Его убили вы, — резко сказал Лебединцев. — Любовь Павловна получила письмо от сестры десятого марта. В тот же день вы спешно отправились в Петербург...

— Нет!

— Да, черт возьми! Вам необходимо было поговорить с Софьей до того, как она встретится с сестрой. Вы приехали в их особняк на Невский. Вадима Никаноровича не было дома, Софья Павловна сама приняла вас. И в разговоре вы поняли, что вам грозит разоблачение. Она могла выдать вас как провокатора охранки.

— Докажите! Или объявите товарищам, что обвиняете меня в предательстве на основе показаний какого-то полоумного! А может быть, именно охранка вам его и подсунула?

Гольдберг покопался в карманах, выудил горстку мелких монет и бросил на стол.

— Наш разговор окончен, Клянц. Жаль, я не разоблачил вас раньше: мне слишком застила глаза одна давняя история... Она произошла в Финляндии, я потерял там друга. И любимую женщину. А впрочем, это к делу не относится.

Он даже не заметил, как они вышли. Сырость и мгла окутали страшноватые призраки, рожденные в гнилых болотах, на которых был воздвигнут этот странный город, повылезали из темных углов, куда не доставал свет керосиновых ламп, из-под монастырских плит и из черных ходов, где жила нечистая сила... «Ненавижу его».

«Ненавижу его, — сказала Софья Павловна. — Своими руками бы подожгла». Слова жуткие, а сцена — словно на пасхальной открытке: две сестрички — одна лежит в постели, глаза темные, блестящие, черные волосы разметались по подушке, другая держит ее за руку и говорит что-то горячее, страстное... Они похожи, но младшая — более порывистая и немного угловатая, точно лань-подросток, в старшей больше зрелой прелести и утонченной печали. Или печальной утонченности?

Утонченный агент охранки.

Почувствовав, что сейчас задохнется в этом омуте, Николенька вскочил, рванулся прочь, выбежал на улицу, как был, в распахнутом пальто, и завертел головой. Гольдберг стоял на тротуаре, под фонарем, и заботливо скармливал голубям крошки ржаного хлеба. Он и не думал уходить, словно предвидел, что нервы у Николеньки долго не выдержат.

Даваясь словами, Николенька хрипло спросил:

— А Любовь Павловна... Она тоже считает меня предателем?
— У нее случился нервный припадок, когда она узнала, что ее сестра... Ну, вы понимаете. О вашей роли в этом деле она, слава богу, не осведомлена.
— У меня есть шанс?
Гольдберг едва заметно улыбнулся:
— Шанс есть у каждого. Если бы я не помнил об этом — давно сгнил бы на каторге.
— Хорошо, — сказал Николай. — Я докажу вам. И ей... Всем.
— Каким образом?
— Я убью полковника Ниловского.

Глава 14

С широкого проспекта, окаймленного одинаковыми тополями (бывшая Троицкая, ныне Ленина), автобус сворачивал направо, к библиотеке имени Куприна. Культ этого классика русской литературы в области был замечен повсюду: его имя носила площадь перед гостиницей «Лебедь» (место сборища путан разных расценок — от самых дешевых до элитно-валютных, приезжавших на работу на собственных иномарках), дом-музей в пригороде, где проходили ежегодные чтения и принимались в союз молодые писатели, переулок в фабричном поселке за бетонным забором и, наконец, городская библиотека.

В пору студенческой юности библиотека казалась Майе огромной и загадочной, словно недра Александрийского хранилища, а перед сухой, как кактус, пожилой вахтершей она просто терялась («Ваш читательский билет, девушка?» — «Сейчас, сейчас...» — «Побыстрее, вы задерживаете остальных». — «Да-да...» — «Что да-да?» — «Да-да...»). Впрочем, те времена счастливо минули — здание, бывшее когда-то и впрямь величественным (на зависть гостям из угнетенного капиталистами зарубежья), слегка обветшало, парадное крыльцо ушло в асфальт, и в глазах гипсового писателя перед входом застыло безысходно-печальное выражение, будто у старика, ожидающего задержанную на полгода пенсию.

Внутри было тепло и тихо (действительно, рай — после январского мороза на улице). За конторкой некий молодой человек в очках и строгом пиджаке сосредоточенно листал некий красочный альбом с иллюстрациями. При Майином приближении он отложил книгу и приветливо улыбнулся. Улыбка у парня была хорошая.

— Чем могу служить?

Майя назвала цель своего визита. Молодой человек взглянул на нее слегка озадаченно.

— Странно. Сейчас революционным движением в России мало кто занимается — тема нынче немодная. Хотя жутко интересная: я имею несчастье писать по ней кандидатскую. Но вам, насколько я понял, нужно не просто движение, а конкретно эсеры-максималисты?

— Думаю, да. А еще более конкретно — провокаторы в их среде.

Юноша поднялся из-за стола.

— Понятно. Что ж, пойдемте искать провокаторов.

Соседняя комната — архив — представляла из себя царство громадных объемистых папок и подшивок. Они занимали практически все свободное пространство от пола до потолка, за исключением узких проходов между деревянными стеллажами. Молодой человек влез на стремянку, снял с верхней полки одну из папок и дунул на нее, образовав густое пыльное облако. Майя чихнула.

— Извините, — сказал юноша. — А все же, чем вызван столь необычный интерес?

Она пожала плечами: слишком долго было бы рассказывать все с самого начала — с новогоднего маскарада в средней школе, мелькнувшей на полутемной лестнице фигуры в красном, как предвестник пожара (если не Гоц — уж очень убедительно он декларировал свою невиновность, — то кто?!), труп охранника и Майиногo вечернего платья, которое друг детства вероломно испоганил, облив из огнетушителя. И — тайны, скрытой в истертой

тетради с ломкими желтыми страницами; тайны, которая то ли имела отношение к трагедии нынешней, то ли нет («Очень уж моя версия завиральна», — признался следователь, и Майя согласилась: да уж, завиральнее некуда).

— Держите. Здесь подшивки исторического журнала — я отобрал нужный вам период... Кроме того, советую взять на абонементе книжку «Бурцев и Лопухин, фрагменты личной переписки», репринтное издание. — Он поморщился. — Терпеть не могу репринтные издания: все эти твердые знаки, «яти»...

— Спасибо, — Майя крикнула под тяжестью журналов. — А кто такой Бурцев?

— Соратник Аристарха Гольдберга, «охотник за провокаторами», самый известный в истории. Своего рода «особый отдел» при Боевой организации эсеров. Впрочем, помогал и социал-демократам.

— Что с ними стало потом?

— Бурцев после революции эмигрировал во Францию, издавал газету правого толка, пытался организовать черносотенство для похода против большевиков. Как ни странно, он считал революцию «народным бедствием». Гольдберг в последние годы жизни совершенно отошел от всяких революционных течений. По воспоминаниям современников, он был помешан на единственной идее: найти человека, который в Финляндии выдал охранке одну женщину... Кажется, ее звали Элеонорой Войчек.

— И нашел?

— Предателя? — молодой человек замялся. — Я не занимался специально этим вопросом. У меня несколько другая область: деятельность эсеров и социал-демократов в Государственной думе. А эсеровская боевая организация, по существу, полностью курировалась охранкой — это было прекрасное средство для давления на правительство. Чем не инструмент для шантажа: «Отечество и жизнь государя в опасности, демократия породила политический террор, требуем ввести в обеих столицах военное положение...» А какой может быть парламент при военном положении?

— Интересно (действительно, интересно, только слишком далеко, и еще вопрос: имеет ли хоть малейшее отношение к страшным и кровавым нынешним событиям).

— Ну, не буду вам мешать. Как закончите — крикните меня. И не забудьте про книгу.

Книгу — «Фрагменты личной переписки» — она взяла, пролистав журнальные подшивки и слегка разочаровавшись: общие сведения и море ничего не говоривших ей имен и фамилий. Какой-то Донцов (один из богатейших людей Петербурга, снабжал бомбистов деньгами), Вольдемар фон Лауниц, питерский градоначальник, свиты его величества генерал-майор, убит эсерами во время церемонии открытия медицинского института... Полковник Ниловский, шеф охранного отделения (вот, оказывается, кто засылал провокаторов к отцам русского бомбометания!), Столыпин, премьер-министр... Ну, этого мы знаем: проводил реакционные реформы, не поддержанные народом (по крайней мере, так они трактовались в период Майинового ученичества)...

Переписка понравилась ей больше: в ней, по крайней мере, сквозило нечто живое и человеческое. Кроме холодноватых писем Бурцева, здесь приводились послания Аристарха Гольдберга к загадочной Бэлле (сноска внизу: «Бэлла» — псевдоним Элеоноры Войчек), преисполненные самой возвышенной нежности. Нежность отлично уживалась с идеями террора — так было во все времена. Интересовался он и здоровьем какого-то Александра Модестовича Викулова (крупный банкир, сочувствовал максималистам... Жил, оказывается, в нашем городе, недалеко от Сенной).

«На ваш давнишний вопрос относительно Челнока ответить пока не могу: Ниловна, старая греховодница, держит все в секрете...»

Майя словно споткнулась на середине фразы. Челнок. Имя (псевдоним), которое она видела в документе, сгоревшем в пожаре...

«...Однако полагаю, что это тот самый наш знакомый, что напакостил нам в Финляндии (можно попытаться найти тех, кто помнит его по горному приюту, — говорят, он когда-то увлекался туризмом и неплохо катался на лыжах), а потом, уже в

Петербурге, шепнул на ухо Стасику, чтобы тот не ездил на именины: дескать, люди там некультурные, напьются, начнут дебоширить... Дополнительные сведения вам поможет получить Трофимыч, ему Ниловна в какой-то степени доверяет...»

Майя заглянула в примечания. «Ниловна» — прозвище Юрия Дмитриевича Ниловского, полковника, шефа IV отделения Департамента полиции. «Трофимыч» — настоящее имя неизвестно, возможно, один из жандармов, дававших информацию Боевой организации эсеров (тоже реалии того... да какого угодно времени: обе стороны имели в своем стане предателей). «Стасик» — премьер-министр Столыпин Петр Аркадьевич. «Именины» — скорее всего, церемония открытия медицинского института... Ага, премьера предупредили, а градоначальника — нет, отдали на закание... А может быть, кому-то здорово мешал. «Челнок» — предположительно провокатор охраны (кой черт «предположительно»!...).

Майя отложила книгу в сторону — за окнами темнело, глаза слипались... А в студенчестве просиживала за этим столом от открытия до закрытия, пока не выгонят. Впрочем, и предмет был другой: Диккенс и набившая оскомину прогрессивная неадаптированная «Morning Star».

— Вы еще долго? — Молодой человек нетерпеливо покачивался с носка на пятку. — Мы закрываемся... А я смотрю, вы все же нашли книгу.

— Вы же советовали.

— И правильно. Удивительное время, правда? Казалось бы: сплошное благополучие, демократию, опять же, разрешили... Но каков накал страстей!

— Угу, — кивнула Майя. — Скажите, а у нас, в провинции, тоже был... накал? Или только в столице?

— Ну, кое-что и у нас происходило. Действовал революционный кружок, типография... Какой-то извращенец-одиночка покушался на губернатора в октябре девятьсот седьмого. Пырнул перочинным ножиком — повесили бедолагу. Масштаб, сами понимаете, помельче.

— И никого из них, — она кивнула на книгу, — в наши пенаты не заносило?

— Аристарх Гольдберг некоторое время скрывался здесь после побега из ссылки.

— А... «Челнок»?

Юноша пожал плечами:

— Вряд ли можно выяснить. Кто он был такой? Обычный провокатор, один из сотен. Кабы не случайная фраза в письме — мы бы о нем и не узнали.

— Да, — пробормотала Майя. — Только кличка — вот и весь след в истории. Что ж, спасибо вам.

— Придете еще?

— Не знаю. Как сложатся обстоятельства (абсолютно неизвестно, как сложатся: вот выйду отсюда — и меня арестуют за укрывательство беглого преступника).

— Может, оставите телефончик? — молодой человек мило покраснел.

Майя улыбнулась:

— В другой раз.

Едва она открыла дверь своей квартиры, в нос со всего размаха ударили густые алкогольные пары. Поэтому первая мысль, рожденная в голове, после того как Майя скинула пальто и сапоги, была: открыть форточку. А лучше — балкон. Нет, лучше и то и другое сразу. Потом, по пути в гостиную, между стиральной машиной и тумбочкой с телефоном, пришли ужас и ярость: где же он, подлец, водку достал? Денег у него нет, выйти из квартиры он не мог — я не оставила ему ключей...

Школьного директора Майя обнаружила на кухне. Тот сидел за столом в обществе граненого стакана, изрядной кондовой горбушки «дарницкого» и бутылки «Горбачевской».

— Ты сегодня задержалась, — изрек он. Голос его был повеселевшим и самую чуточку виноватым, будто он в отсутствие хозяйки случайно разбил чайное блюдце. Или утопил кошку в ванне. Майя даже не обратила внимания на его органичный переход на «ты».

— На чьи деньги пьянствуем? — с тихим бешенством спросила она.

— У меня было немного своих, завалились за подкладку. Остальные занял у тебя. Я верну, не беспокойся.

— Прирезать бы вас, — мечтательно сказала Майя, неосознанно поигрывая кухонным ножом для разделки мяса. Гоц смотрел на нее с почтительным опасением. — Заявлю, что ко мне проник бандит, находящийся в розыске, угрожал пистолетом, украл деньги, устроил притон... Любой суд оправдает: самооборона в чистом виде.

— Ты прекрасно знаешь, что я не бандит, — устало произнес Василий Евгеньевич. — И убери ножик... Тебе просто никогда не приходилось пять суток подряд сидеть в четырех стенах, безвылазно, когда весь город оклеен твоими мордами, у каждого сучьего мента на тебя ориентировка... И твоя кухня мне уже опротивела. Какой извращенец подобрал тебе этот кафель?

— Не нравится — катитесь, — уязвленно сказала Майя, исподтишка оглядывая стены: действительно, полная безвкусица. — Посадят в камеру — можете декорировать ее по собственному усмотрению.

— Ладно, не злись. И перестань мне «выкаты». Лучше расскажи, что выяснила.

— Выяснила, что ты скотина.

— Это я и без тебя знаю. Что еще?

— Где достал водку?

— В ларьке, — лаконично отозвался Гоц. — В пяти метрах от подъезда.

— Дверь оставил открытой?

— Всего на две минуты, не переживай. Да и что у тебя красть?

— Тебя могли заметить.

— Я замотался шарфом. Хотя мог бы и не заматываться: нынче народ пошел не бдительный.

— Кстати, о бдительности: соседка снизу интересовалась, кто у меня в квартире стучал молотком, пока я была на кладбище.

— Соседка?

— Вера Алексеевна, теща Севы Бродникова.

— Мать твою, — Гоц опустил голову на сцепленные руки. — Вся их чертова семейка против меня.

Он немного помолчал.

— Знаешь, твоя версия, конечно, не без изящества: поджог музея, провокатор из охраны, история почти вековой давности... Но ведь и бездоказательная. Может быть, дело обстоит проще?

Может быть, подумала Майя. Подонок охранник изнасиловал ученицу: чем не повод для убийства?

Картина была идиллическая, почти семейная — как давеча, когда ее персональный «террорист» сидел на полу, возле подоконника, а она держала его на прицеле — плечо ныло от напряжения, и мушка тряслась, как в припадке эпилепсии. Только Новый год с его ужасами счастливо минул, Дед Мороз счастливо отбыл в свою сказочную страну Лапландию, исчезли праздничные огни с улиц, и вечер плавно переходил в ночь... Ему страшно хотелось напиться, он побледнел и покрылся липким потом, она успокаивала его как могла, увещевала, злилась, снова увещевала, потом горько, по-бабьи, подперев ладонью подбородок, слушала историю его жизни, незатейливую и подчиненную одной сумасшедшей гонке на выживание. Сын токаря-расточника на местном заводе-гиганте (ныне бездействующем и потихоньку зарастающем чертополохом) и воспитательницы в детском саду, папа по пьяному делу засунул руку под кожу, окрашенный предупреждающей оранжевой краской, — оторвало выше локтя. Инвалидность, усугубленная задержками пенсии, запоями и скандалами с матерью, нищета и дикое, ни с чем не сравнимое желание вырваться из этого ада, из уничижающей тьмы и убожества.

— Я был самым маленьким и хилым во дворе, и лупили меня все кому не лень. Только

голова была большая и все время росла. Представляешь мой ужас: я не рос, хоть тресни, а голова... У меня до десятого класса было прозвище Головастик. — Он усмехнулся и затушил сигарету в пустой консервной банке (пепельницы у некурящей Майи не нашлось).

Школу окончил отнюдь не с медалью, но вполне прилично. Отец к тому времени умер — освободил. Васенька очнулся и совершил очередной подвиг: с первого раза поступил в педагогический, на истфил. Правда, вскоре пришлось перевестись на вечерний: днем подрабатывал на стройке.

— А я гадала, откуда у тебя такие мышцы, — сказала она, посмотрев на его бицепсы. Такие бицепсы она видела, пожалуй, только в кино.

Он хмыкнул.

— Да уж, никаких «качалок» не надо — поиграешь день за днем бадьей с раствором...

— А потом?

— Потом? Дорожка накатанная: комсомол, общественная работа, партия... Короче, неинтересно. «Оттрубил» пару лет в сельской школе, затем поступил на экономический (закончил с отличием). Кандидат наук — впрочем, таких пруд пруди.

— Как же ты начал пить?

Он передернул плечами.

— Не помню. Ни один алкаш не помнит, как он стал алкашом.

— И пример отца не уберег?

— Как видишь. Дело, наверное, не в примере, а в генах.

— А почему ты не женат?

— Не знаю, — хмыкнул директор и снова потянулся к бутылке (Майя мягко, но решительно пресекла его поползновение). — Видимо, ждал тебя.

Вот только этого не хватало, устало подумала она.

И это была единственная стройная мысль, пришедшая в голову, среди бестолковых обрывков, приветов с усмешечкой из сопредельных миров... Там, где за окнами чернела новогодняя ночь, и они были на кухне втроем: он, она и пистолет. Надо признать, до сих пор все развивалось по классическим законам голливудского триллера: главный герой, обвиненный в преступлении (несправедливо, разумеется), находит приют у героини — роковой красотки (впрочем, роковой она становится в конце, пока же — сильно одомашненная хозяйка), она помогает ему доказать его непричастность и найти истинного злодея (обычно это самый близкий друг, который в курсе всего и периодически одалживает обоим деньги). Два варианта финала: либо хеппи-энд, либо...

(Культовый фильм конца восьмидесятых, «Женщина его грез» с Лайзой Минелли. Признание бойфренда вышедшей в тираж, но еще не вошедшей в климакс адвокатессе, которого та два часа экранного времени спасала от электрического стула: «Милая, да ведь это же я тот самый маньяк, убивавший школьников. Удивительно, как ты до сих пор не просекла... Разве можно в наше время верить незнакомцам на слово? Ну, а теперь, лапочка, закрой глаза и приготовься...»)

Да, но если Гоц не убийца, то как настоящий убийца мог украсть поясок? Как он вообще добрался до наряда Деда Мороза?

Наряд Деда Мороза. Единственная материальная улика, которую нельзя опровергнуть. И которая, однако, никуда не вела и ничего не подтверждала.

Майя взяла бутылку, чтобы школьный директор не смог дотянуться, и тихонечко выскользнула из-за стола. Странно, но Гоц никак не отреагировал на столь вопиющий произвол — он продолжал сидеть в той же позе, с тем же выражением лица, с теми же мрачными мыслями в черепной коробке... С таким лицом и такими мыслями хорошо задавать оппоненту сакраментальный вопрос: «Ты меня уважаешь?» А также совать в живот вышеозначенному оппоненту кухонный нож, ставить закорючку в сунутом под нос протоколе и ожидать, когда же наконец придет вертухай и отправит в камеру. Однако с таким выражением в глазах нельзя хладнокровно накинуть поясок на горло девятилетнего мальчика. И ни за какие коврижки не впрыснуть бензин в замочную скважину (пardon, не

бензин, а смесь бензина и этилового спирта).

Майя прокралась к телефону и набрала номер Кузнецовых, попутно взглянув на светящиеся часы, зеленые цифры в темноте. Половина второго ночи, самое время.

Трубку взяли сразу.

— Слушаю.

— Артур, это я. Прости, что разбудила.

— Я не спал.

— Ты один?

— Лера уснула. А я уже третью ночь — ни в одном глазу. Хорошо, что ты позвонила.

Майя помолчала, собираясь с мыслями.

— Мне не дает покоя этот супермаркет. Что, если Гриша увидел нечто не на улице, а в самой витрине?

— Что он мог там увидеть?

— Пока не знаю, но хотела бы попробовать выяснить.

Трубка озадаченно засопела.

— Помню, там стояла елка в гирляндах, какие-то зверюшки... Думаешь, это имеет какое-то значение?

— Но ведь на какую-то мысль это Гришу натолкнуло.

— Да, наверное, ты права. Нужно наведаться туда еще раз. Завтра, ты не против?

Она сказала: «До завтра», положила трубку и обернулась. Школьный директор стоял в дверном проеме — его мощный силуэт четко вырисовывался на фоне белесого окна.

— Кому ты звонила? — тихим и абсолютно трезвым голосом спросил он.

Майя промолчала. В какую-то секунду она подумала, что сейчас он бросится на нее и они сплетутся вместе, в одно целое — два тела посреди узкой ковровой дорожки, пока он не дотянется до ее горла...

— Ты решила выдать меня?

— Нет.

Он склонил голову набок, будто размышляя: ударить — не ударить? Потом грустно изрек:

— Ты меня боишься.

— Нет, — честно ответила она. — Не боюсь.

Магазин открывался в девять. Минут за пять до срока Майя в нетерпении выскочила из автобуса, подбежала к стеклянным дверям и в серой стайке пенсионеров увидела Артура, нервно притоптывающего каблуками.

— Украшения уже убрали, — сказал он вместо приветствия, указав на голую витрину. — Придется порасспрашивать продавщиц.

На том и порешили и, едва двери отворились, вместе с толпой страждущих разбрелись по разным концам громадного и длинного, как состав, еврозала.

Следующие полтора часа они убили на то, что приставали к самым разным людям — продавцам и покупателям, рабочим мясного отдела и дворничихе в ярко-оранжевом жакете, убирающей снег под окнами (Артур добрался даже до местного секьюрити, тискавшего в подсобке молоденькую заведующую), — с единственным дурацким вопросом: как были украшены витрины в канун Нового года. Ответы — иногда вежливо-недоуменные, а чаще откровенно-хамские — сводились к одному: не помним, только нам и дел, что по сторонам глазеть, обратитесь к директору, у него офис на Герцена, обратитесь к заведующей, обратитесь к Розе Юрьевне (Роза Юрьевна, властная седеющая дама с манерами Маргарет Тэтчер, одетая в ватник поверх белого халата и кружевной кокошник, даже не взглянула в сторону Майи — ее все время кто-то теребил, о чем-то спрашивал, что-то доказывал и совал под нос пачки накладных. Походя, подмахивая очередную бумаженцию, она бросила: «Спросите у Просто Марии, это, кажется, ее хахаль делал оформление». — «А кто это — Просто Мария?» — «Которая игрушки продает»).

Просто Мария узнала их мигом — отложила бестселлер в яркой обложке (леденящее душу название рубленным шрифтом по диагонали: «Слепой против Бешеной»), окинула приветливым взглядом («симпатичные ребятки, жаль только, оба очкарики и наплодят очкариков, на одних оправах разорятся»).

— Опять к нам? Вашему малышу понравились гонки?

— Очень, — сказала Майя. — Мария, у нас к вам серьезный вопрос, хотя и несколько... гм... неожиданный. Вы не помните, что у вас было изображено в витрине под Новый год?

— В витрине? — она удивилась. — Зачем вам?

— Нужно, поверьте. И пожалуйста, не отсылайте нас ни к кому, мы уже везде успели побывать.

— И у Розы...

— И у нее.

Девушка озадаченно наморщила носик, помолчала несколько секунд и призналась:

— Надо же, не могу вспомнить. А любовалась на эту витрину целую неделю. Здесь были выставлены персонажи из разных сказок...

— Случайно, не Дед Мороз со Снегурочкой?

— Нет, они были в другом конце, где бакалея. — Она вдруг хлопнула себя по лбу. — Я балда. Ведь оформлением занимался Левка, он-то наверняка скажет.

— Левка?

— Лева Мазепа, мы вместе учились в «художке», а потом работали в фонде. Когда надоело, Левушка ушел на вольные хлеба, а я — вот, — Просто Мария слегка виновато развела руками, словно извиняясь за то, что не сохранила в сердце любви к высокой живописи.

— Он и в самом деле хороший художник?

— Он гений, — почтительно произнесла девушка. — Еще в училище начал писать шедевр, втайне от всех, даже от меня. Но когда закончит — все ахнут.

И выругаются матом, добавила про себя Майя и невинно спросила:

— Позволительно ли гению растрачивать себя по таким пустякам, как витрины?

Мария пожала плечами:

— Жрать-то хочется.

Художника они нашли довольно легко — тот снимал крошечный полуподвал в бывшем Доме переплетчиков, где ныне ютились под одной крышей какие-то конторы, склад и типография двух рекламных агентств. Непризнанный гений Лева Мазепа подвизался при них в качестве ночного сторожа — то есть лежал, закинув руки за голову, на скрипучем диване, глушил водку и баночное пиво, любовался в зарешеченное окно на женские ножки и бесконечно репетировал свое предполагаемое в будущем интервью иностранным художественным журналам.

Гостей он встретил в обвислых тренировочных штанах и грязной ковбойке без единой пуговицы.

— Что надо?

— Вы Мазепа?

— Допустим. — Он сунул ноги в пушистые тапочки и воинственно задрал вверх куцую бороденку. — Нет у меня ничего, нет, так и передайте.

— Кому?

— Сами знаете. Вы же от нее? От этой суки Веры Никодимовны?

— Да нет, — растерялась Майя, — мы сами по себе. А кто это — Вера Никодимовна?

— А, — он махнул рукой. — Одна ушлая дамочка из худфонда. Засылает ко мне шпионов.

И добавил, покосившись на дверь:

— Я тут кое-что пишу...

— Шедевр? — понимающе кивнула Майя.

Узкое, как у хорька, личико Левы стало злым.

— А говорите, не от нее.

— Честное слово. Нам Мария рассказала.

Он хмыкнул.

— Вон оно что. Машка — телка ничего, только язык без костей. Что она еще наболтала?

— Ничего. Нас, собственно, интересует не картина, а ваши оформительские работы. Те, что были в витринах магазина на Ленинградской.

— А что? — Лева опять заволновался. — Начальство осталось довольно, лицензия у меня в порядке... То есть еще не оформлена, но мне обещали...

— Вы делали фигуры из папье-маше? — перебил Артур.

— Допустим.

— Какие именно?

— Деда Мороза, Снегурочку, само собой...

— Еще?

Он страдальчески задумался.

— Ну, лису с Колобком, Бабу Ягу, Карлсона, Белоснежку... Вроде все.

— Можете нарисовать, что где стояло?

— Попробую.

Лева надолго приложился к горлышку пивной бутылки — было видно, как кадык умиротворенно шевелится, принимая в объятия драгоценную жидкость. Потом после нескольких заковыристых телодвижений вытащил откуда-то помятую бумажку, разгладил ее ребром ладони и неожиданно точно и толково изобразил карандашом план супермаркета.

— Вот тут, где бакалея, Дед Мороз, дальше — Снегурочка, Баба Яга, Карлсон, с краю — Белоснежка... Как живая получилась, — добавил он с гордостью. — Попка, сиськи. Я ее с Машки лепил.

— А что она делала? — спросила Майя.

— Машка?

— Белоснежка. В какой она позе стояла?

— А в какой она позе может стоять? — растерялся Лева. — Это же кукла.

— Я неправильно выразилась. Вы делали для магазина какую-нибудь бегущую фигуру? Ну, куклу, про которую можно было бы сказать, что она убегает? Карлсона, например, или гнома...

Лева озадаченно наморщил лоб.

— Карлсон стоял, руки на животе, сзади пропеллер... А гнома вообще не было.

— А Дед Мороз со Снегурочкой?

— А им-то куда бежать? За водкой разве что.

Майя стушевалась, перехватив насмешливый взгляд. Действительно, глупый вопрос. Глупый-то глупый, возразила она себе, но ведь именно это сказал Гриша, глядя на витрину...

«Убегает...»

Кого он имел в виду, если со своего места ему была видна лишь бессмысленная кунсткамера из папье-маше, бутафорский снег и край подоконника с рекламой «Спрайта»?

— С краю, — пробормотал Артур. — Значит, где «Мясо, рыба» — Баба Яга и Карлсон, а дальше Белоснежка и лиса с Колобком... Мы с вашего разрешения заберем этот листочек?

— Ради бога. Вы точно не из налоговых органов?

— Нет, успокойтесь.

Художника вдруг осенило. Он вцепился в Майин рукав и с голодной истовой надеждой заглянул ей в глаза.

— А может, вы заказик хотите сделать? Ну, что-нибудь оформить, хоть стенгазету... Так мы завсегда, точно в срок и недорого... А?

Она с трудом отцепилась и, оставив причитающего творца в обществе пустых бутылок и банок из-под «Туборга», выбралась на улицу, где ждал Артур.

— По-моему, его «шедевр» — это липа, — сказала она.

— По-моему, тоже, — отозвался он. Помолчал и добавил: — Как и все наши выкладки насчет фигур из папье-маше.

— Но ведь Гриша...

— Гриша еще ребенок, — перебил Артур. — То есть был... Может быть, он имел в виду что-то другое. А мы не расслышали. Или не поняли. А вот факт: Гоц был там, возле магазина. И в нашем подъезде. Этого не опровергнешь.

Они подошли к дому. Знакомый дворик — вытянутый в длину и оттого напоминавший школьный пенал — распахнулся перед ними, заснеженные деревья приветливо кивнули головами, и только крепость с ледяными стенами и двумя угловыми башнями высокомерно проигнорировала пришельцев. Крепость, так и не дождавшаяся штурма...

Артур ничего не сказал — просто открыл перед Майей дверь, и она так же молча вошла, в первый момент не узнав квартиру. Здесь ничего не изменилось, разве что высоченная, под потолок, елка перебралась на новое место жительства: на помойку посреди пустыря. Там их скопился целый лес — жалких, поломанных, еще недавно величественных красавиц...

Ничего не изменилось, однако квартира, несколько дней назад бывшая настоящим детским царством, теперь почему-то напомнила Майе лабиринт. Лабиринт, выстроенный из тех самых вещей и предметов, разбросанных по полу: безвольной мягкой фауны на синтепоне, роботов, пазлов и кубиков «Лего». Вот только разбросаны они были по-другому: слишком аккуратно, слишком целомудренно, как девятилетний мальчик никогда бы не разбросал...

— Это мы с Лерой, — смущенно пояснил Артур. — Перед поминками складывали Гришино хозяйство в шкаф. Сложили — пусто стало, как в склепе. Лерка расплакалась, вытащили назад.

— Ты и сам тоже... — заметила Лера из кресла перед неработающим телевизором. — Здравствуйте, тетя Джейн.

Майя подошла, взъерошила ее короткие, под мальчика, волосы.

— Как ты себя чувствуешь? Прости, глупый вопрос.

Лера передернула плечиками.

— Вчера приходила Валька, вытащила меня в парк. Только там ничего хорошего: кругом малышня, и каждый со спины — вылитый Гришка. — Она шмыгнула носом. — Скорей бы Гоца поймали. И — к стенке...

— Лерочка, еще ничего не ясно, — мягко возразила Майя, ощутив, как девочка напряглась. — Да, его видели в вашем подъезде... Собственно, я сама видела. А потом он убежал на глазах у всех. Однако это и настораживает.

— Невинный убегать не будет.

— Как сказать. Человек обнаружил труп, испугался, запаниковал, наделал глупостей...

Лера презрительно сощурилась. Ее мировоззрение — точнее, не мировоззрение целиком, а взгляд на создавшуюся ситуацию — не допускал предательских колебаний.

— Вы что, до сих пор думаете, что это не он убил Гришу? А как же эти, как их... улики?

— Слишком уж их много, этих улик, — задумчиво произнесла Майя. И, поймав вопросительный взгляд Артура, пояснила: — Неужели обязательно было бежать от подъезда через весь двор? Прошел бы аккуратно вдоль дома, никто бы не обратил внимания... А поясок от костюма Деда Мороза? А игрушка? Зачем ему понадобился этот несчастный Бэтмен?

— Какой Бэтмен?

— Я подарила Грише на Новый год.

Лера вдруг нахмурилась, что-то припоминая. Снялась с кресла, подошла к секретеру, обильно украшенному наклейками с ликами Ди Каприо, Арнольда Шварценеггера и Машеньки Распутиной в период разгула творчества, открыла, покопалась минуту...

— Вы про это говорили?

Майя пригляделась. Что-то лежало в руке девочки. Что-то, вызвавшее у Майи резкий перебой в сердце: оно вдруг замерло, точно застигнутый врасплох суслик, выждало пару секунд — и рвануло с готовностью осколочной гранаты сразу во всех направлениях: ухнуло в желудок, наподдало по коленкам, взлетело вверх, к горлу, и со всего маху врезалось в барабанные перепонки. И звездочки весело запрыгали перед глазами — те самые желтые звездочки на фоне черного глянца: все верно, Человек — Летучая Мышь и должен охотиться по ночам, в час, когда демоны получают абсолютную власть над миром и никто не может им противостоять...

Глава 15

В который раз она проходила мимо своего подъезда, снова и снова измеряя шагами расчищенную дворником дорожку — от детских качелей, мирно дремлющих под сугробом, до импровизированной автостоянки. Почему-то ей казалось: войди она в квартиру, где уже пятые сутки мается в заточении школьный директор (впрочем, она его не держит), и случайная мысль, проблеск истины, исчезнет, уступив место обычным потемкам.

У края дорожки Майя нос к носу столкнулась с Ритой Бродниковой. Рита, образцово-показательная жена, была навьючена сумками с продуктами.

— Снова грядет визит товарищей по партии?

— Да ну, — отозвалась она. — После них в доме шаром покати, пришлось прикупать.

— Давай помогу донести. Вообще-то с твоим диабетом таскать такую тяжесть... Куда Севка смотрит?

— Он с утра у мэра. Что-то утрясает, что-то пробивает... Я уже сомневаюсь, стоит ли этот дурдом места в какой-то зачуханной Думе. Он похудел на семь кило.

— Не заметила. А где Келли?

— Дома, — Рита, до сего момента державшаяся вполне дружелюбно, вдруг сторожко подобралась. — Зачем она тебе?

— Нужно поговорить.

— Опять? — Она с грохотом бросила пакеты на пол. Что-то мокро шмякнулось — кажется, десятка два яиц разом превратились в сырой омлет. — Оставь ты ее в покое!

— Чита, послушай...

— Не желаю!

— Послушай, — с нажимом повторила Майя. — Ты ее в чем-то подозреваешь. *До сих пор.* Несмотря на то что официальные органы переключили внимание на Гоца.

— Он в бегах...

— Тем более. Значит, этот факт тебя не убедил, ты по-прежнему думаешь... — Она схватила подругу за безвольно опущенные плечи и развернула к себе.

— Она никакая не свидетельница, — забормотала Рита, медленно приходя в себя. — Она ничегошеньки не видела, на нее наговаривают...

— Я получила записку.

Майя с Ритой мгновенно обернулись. Рита сделала невольный шаг вперед, будто из желания заслонить дочь своим телом.

— Я получила записку *от него*, — бесцветно повторила Келли, появившись в дверях своей комнаты — сама бесцветная до прозрачности, словно призрак, закутанная в какой-то совершенно бесцветный платок, глядя перед собой бесцветными глазами. Только тени под этими глазами имели цвет — темно-серый, прибавляющий к юному возрасту лишних три десятка лет.

— Иди к себе, — приказала Рита.

Анжелика покачала головой.

— Ты же не будешь вечно меня прятать, — и молча скрылась в комнате, оставив дверь

открытой. Приняв это как знак приглашения, Майя прошла следом, услышав, как Ритка на кухне в сердцах швырнула половник.

Прикрыв дверь за собой, она сразу очутилась в причудливом мире пятнадцатилетней девочки, где обертки от шоколада соседствуют с целомудренно обнаженным Крусом Кертисом верхом на мотоцикле «Ямаха», а нехилый компьютер (без модема, зато классный «винт» и громадный монитор) — с плюшевым медвежонком.

— Где записка?

— Вот. — Келли вытащила из-под клавиатуры сложенный вчетверо лист бумаги.

Майя развернула его. Крупный печатный текст, старательно, чтобы не просекли почерк, выписанный фиолетовой шариковой ручкой.

«Не бойся, тебе ничто не угрожает. Только молчи!!!»

Три восклицательных знака в конце. И отсутствие всякой подписи.

Где-то она уже слышала эту фразу. Причем не читала, а именно слышала — зловещий... да нет, просто взволнованный шепот, в ночь, когда мощная ладонь зажала ей рот, а в шею уперлось дуло пистолета...

— Мамка нашла, — пояснила Лика. — В прихожей темно, она по ошибке залезла в мой карман.

Майя с сомнением поджала губы: Риткино лайковое пальто темно-синего цвета, почти до пола, с капюшоном и меховой опушкой, можно было спутать с короткой бежевой дубленкой Келли разве что после многодневного черного запоя, коими Чита сроду не страдала.

— Где тебе это могли подсунуть? Где ты была вчера?

— Нигде. Ну, пошлялась по улице...

— В какое время?

— Часа в четыре, пока мамка была на работе. Вообще-то она велела мне сидеть дома, но целый день в четырех стенах, как в камере, — свихнешься, пожалуй.

— Ты куда-нибудь заходила? В кафе или магазин?

— В универмаг на углу. Просто так, поглазеть от скуки.

Вчера Гоц бегал за водкой, лихорадочно пронеслось в голове. Утверждает, что в ларек («пять метров от подъезда, и я замотался шарфом»). Поди проверь, где он был на самом деле: он вполне мог выйти, увидев Келли в окошко, проследить до универмага, приблизиться в толчее, сунуть записку в карман... Поди проверь.

— Вы что, — икнув, спросила Лика. — Думаете, это... он ?

— Кого ты встретила по дороге?

— Вальку с Лерой. Они ездили в Центральный парк: Лерку нужно было как-то развлечь, она совсем высохла, — она по-бабьи вздохнула. — Пока Гришка был жив, они не очень-то ладили: что с малыша взять. А теперь...

«Теперь они остались вдвоем, — подумала Майя. — Убитый горем отец и маленькая вдова в черном, на тихом кладбище под маленьким зимним солнцем, у памятника-кораблика. Вдвоем — даже я теперь отгорожена от них невидимым барьером, потому что часть вины за смерть мальчика лежит на мне, на мне, на мне...»

— Скажи, в каком костюме Лера была на маскараде?

— Не знаю. Там было столько народа...

— Но она упоминала, будто вы столкнулись с Валею в дверях актового зала...

— Да какая разница? — Лика вдруг занервничала, даже слезы выступили на глаза. — Какая, к чертям собачьим, разница, кто где находился, если преступник давно известен?

— Ты думаешь, это Гоц положил записку тебе в карман? — тихо спросила Майя.

— А кто еще?

— «Тебе ничто не угрожает, только молчи», — она с сомнением покачала головой. — Но какой в этом смысл? О чем ты должна молчать?

— Я и молчу, — угрюмо сказала Лика. — Я не желаю, чтобы меня придушили. Или съездили палкой по тыкве.

— А прятаться до конца дней своих ты желаешь? Не высовывать носа из дома, не ходить в школу, не видаться с друзьями...

— Уходите.

— Девочка, послушай меня...

— Нет! — Она подскочила к магнитофону, с остервенением нажала на клавишу — из двух колонок оглушительно, словно сержант на плацу, рявкнул «Ласковый май».

— Уходите! — закричала Келли, перекрывая вопль динамиков. — Уходите, оставьте меня в покое!!!

Ничего другого не оставалось — не хватать же девчонку в охапку и не тащить в милицию (действие противоправное и абсолютно тухлое с этической точки зрения). Майя покорно доплелась до прихожей, отделанной карельской березой, рассеянно накинута пальто, не потрудившись даже застегнуть пуговицы. Рита, единственная подруга, единственный (со смертью мамы) близкий человек, так и не выглянула из кухни, хотя бы чтобы удостовериться, действительно ли Майя ушла, не засунув под вешалку потайной микрофон для прослушивания.

Дверь за спиной оглушительно хлопнула — Майя оказалась на лестнице, одна, словно на необитаемом острове, раздавленная, оглушенная...

Догадка, как это всегда бывает, пришла неожиданно, спровоцированная непонятно чем — то ли бессонной ночью (дикая, испепеляющая страсть-забытие на влажных от пота простынях), то ли запахами пива и масляной краски в подвале художника, то ли зрелищем яркой обертки от жвачки на грязном подоконнике (да здравствует женская логика!).

Вдруг, между двумя шагами, в голове ярко высветился план супермаркета, начертанный гениальной рукой Левы Мазепы: прямоугольники витрин и указующие стрелки — вот Дед Мороз, а вот Карлсон с Бабой Ягой напротив отдела «Мясо, рыба», где стоял маленький гном Гриша и смотрел куда-то, смотрел, расширив неподвижные от страха глаза... Господи, как же я раньше-то...

Майя стремглав ринулась вниз и нажала на кнопку звонка — металлический соловей исправно издал радостную трель. Дверь открылась, и Рита с усталой ненавистью посмотрела на подругу.

— Опять ты?

— Чита, — взмолилась Майя. — Всего один вопрос. Ну, хочешь, я встану на колени?

— Какой вопрос?

— Не к тебе, к Лике. Я докажу, что она невиновна. Ты мне веришь?

Несколько секунд Рита стояла в дверях, прямая и натянутая, как струна. Потом, видимо, что-то отпустило — она посторонилась, пробормотав «Дай бог тебе здоровья», с интонацией, недвусмысленно указывающей на истинное значение произнесенной фразы.

«Ласковый май» на этот раз безмолвствовал. Анжелика смотрела в окно, обняв себя за худенькие плечи.

— Ничего не говори, — торопливо сказала Майя ей в спину. — В записке велено молчать — вот и молчи, только кивни, если я права, хорошо?

Ноль реакции. Майя подошла поближе, встала рядом, всеми силами стараясь не спугнуть собеседницу.

— Лика, это ты принесла в школу дневник Гольд-берга?

— Я не знаю никакого Гольдберга, — равнодушно отозвалась Келли.

Слишком равнодушно, черт побери. И слишком быстро — нет чтобы удивленно поиграть бровями, изумленно распахнуть подведенные глаза, возмущенно и надменно дернуть подбородком: совсем, мол, старая карга нырнула в маразм. О вечности пора думать, а все туда же...

— Роман Сергеевич просил, чтобы все принесли экспонаты для музея. Роман ваш классный руководитель, вы его любите и живо откликнулись. Ты нашла дома старую тетрадь, заглянула, увидела дату: начало века, наверняка раритет... Что было потом, Келли?

Молчание. Глухое, как забор вокруг дачи народного депутата.

— Твой папа обнаружил пропажу, да? Сначала он учинил тебе допрос с пристрастием, потом...

— Не смей! — Лика развернулась к Майе и с недюжинной яростью двинула ее кулаком в живот. — Не смей его подозревать!!!

— Милая, как я могу кого-то подозревать? — успокаивающе произнесла Майя. — Я же не следователь, не частный сыщик, я вообще никто, случайный свидетель. Но Колчин...

— Кто это? А, прокурорский...

— У Колчина есть своя версия, — подставила она следователя без малейших угрызений совести.

— Какая?

Майя затаила дыхание: внимание, подруга Тарзана, перед тобой минное поле. Либо сейчас, сию минуту, ты заставишь девочку выбраться из своей скорлупы и заговорить, либо...

— Там, на карнавале, было множество костюмов: принцы, колдуны, снежинки, бабочки... Но Дед Мороз был один, понимаешь? Он главный на празднике, он обязан выделяться из толпы. *И поэтому нарядиться им может только взрослый.* И если Гриша на самом деле видел Деда Мороза на лестнице, то он видел *взрослого*. Он не мог перепутать...

— Да не видел он никого, — вдруг сказала Келли. — То есть, может, и видел, но не Деда Мороза.

— Откуда ты знаешь? — осторожно спросила Майя. И заговорила по наитию: — Ты выходила из актового зала примерно в половине одиннадцатого — я не спрашиваю зачем (покурить тайком, хлебнуть винца, сменить прокладку... неважно). Лера Кузнецова сказала: вы столкнулись в дверях с Валец Савичевой...

— Я не заметила Лерку, — механическим голосом проговорила Келли.

— Ты ее просто не узнала — она была в карнавальном костюме и маске. Это тоже второстепенно. Главное — *ты видела убийцу*. Там, в коридоре, на третьем этаже. Ты видела его мельком — просто яркое пятно в полумраке, ты даже не связала его со смертью Эдика. Но Гриша — Гриша столкнулся с ним нос к носу (играл в разведчика). Поэтому и погиб.

Очень непрофессиональный убийца, подумалось вдруг, мимоходом. Трое свидетелей видели его — но двое из них мертвы, и Келли давно присоединилась бы к ним, если бы...

Если бы не записка: «Только молчи!!!» Именно так: не угроза (к примеру, «Молчи, иначе убью!»), а какая-то отчаянная мольба в трех восклицательных знаках. Удивительная деликатность. Деликатность маньяка-убийцы, приносящего кофе в постель, деликатность в сочетании с потрясающей жестокостью и яростью (двенадцать ударов палкой по голове охранника), дьявольским хладнокровием, с которым был задушен мальчик, и фантастическим цинизмом.

— Ты спряталась в темном закутке напротив двери туалета, оттуда просматривается весь коридор (фонарь под окнами и полная луна). Убийца тебя не заметил, но ты... Келли, *кто это был?*

Молчание и излишне внимательный взгляд за окно — будто там, в сугробе, собрался любимый «Ласковый май» в полном составе.

— Он был в карнавальном костюме, верно? Только это был не Дед Мороз...

— Это была Баба Яга, — сказала Анжелика. — Теперь вы довольны?

Итак, я пришла к тому, с чего начинала. К абсолютному нулю. Невинность школьного директора практически доказана: не мог же он, в самом деле, напялить на себя женское платье и старый платок (отчетливо вспомнилась Баба Яга в переполненном вестибюле, среди Снежинок и Принцесс). Комплекция не та, и рост, и вообще... И уж совсем нелепо выглядит трюк с двойным переодеванием (Где? В каптерке завхоза?), если учесть, что Эдика не собирались убивать, преступник вообще не рассчитывал на встречу с кем бы то ни было — какой же смысл прятать лицо? *Баба Яга.*

Длинноносая кукла из папье-маше, яркий образец «золотого периода» творчества Левы

Мазепы, бессмертное творение, выставленное в витрине супермаркета (да нет, желчно усмехнулась Майя, никакого не бессмертного, всего-то неделю простояло...). Однако даже этой недели оказалось достаточно, чтобы Гриша увидел — и вспомнил. И поплатился жизнью.

Впрочем, опять я, как выражаются мои ученики, «гоню пургу»: ничего Гриша не вспоминал — он знал, знал все это время. И хитренько улыбался, глядя на невинного школьного директора в дурацкой красной шубе и съехавшей набок бороде, а тот стоял посреди вестибюля и изводился под прицелом десятков пар глаз...

А потом, изведя себя до нервной икоты, решил приехать домой к мальчику и поговорить по душам, «просто поговорить, ничего больше» — тут он не соврал. Как и не соврал в остальном: про сдвленный смех в подвале (я тоже слышала этот смех, только не тогда и не там), про двести граммов водки в каптерке Еропыча, про поясок от пропахшего нафталином новогоднего костюма...

Если бы только убедить следователя в своей правоте, с тоской подумала Майя. Если бы только найти доказательства голым Ликиным словам... Тогда все будет в порядке. Тогда школьный директор, мальчик-Головастик, сможет наконец выйти из своего заточения и забыть, как предутренный кошмар, скитания по враждебному городу, квартиру с чужой кухней в жутковато-розовом кафеле и ее хозяйку, которой тыкал пистолетом в затылок, приносил кофе в постель, которой рассказывал историю собственной жизни, на чей ковер стряхивал пепел от сигареты и на чьи деньги жрал водку на той самой кухне... Такова уж твоя карма, подруга Тарзана: доказывать чужую невинность. А убийца — истинный убийца — снова ускользнул, оставив записку-ребус: «Тебе ничто не угрожает...»

Прежде чем идти в прокуратуру, следовало избавиться от пистолета. Майя быстро отыскала нужное место, провела кончиками пальцев по стене и вытащила кирпич. Сейчас опасный предмет — в сумочку, потом пешком до набережной (на автобус садиться не стоит, сумки у нас режут с истинным мастерством и трудолюбием), выбросить в воду с моста, где поглубже...

Тайничок был пуст.

Кровь отхлынула от головы, вызвав тихий звон в ушах. Майя лихорадочно провела ладонью по стенкам углубления, испачкав рукав в цементной пыли. Пистолет исчез.

Это было неверно, неправильно, подло... Так подло, что она потихоньку сползла вниз по стенке, безнадежно испачкав пальто, и чуть не расплакалась. Спокойно, приказала она себе. Ты спокойна, весела, счастлива, талантлива... Ни хрена я не спокойна! Кто, кто, мать твою, мог найти тайник? Кто запустил туда лапу?

Мальчишки? Они не стали бы засовывать назад кирпич. Зачем, если в руках настоящее боевое оружие — скорее в лес, за город, испытать, навскидку, по пустым бутылкам от бедра, с двух рук, как Крепкий Орешек в известном боевике... Милиция? Они бы установили владельца по номеру, сложили два и два, и сейчас у меня в квартире уже сидел бы ОМОН в полном составе. И, затаив дыхание, поджидал хозяйку, разглядывая дверь в перекрестья прицелов...

Подумалось с отчаянием: а, наплевать. Сейчас я встану, отряхну побелку и поднимусь к себе в квартиру. И через минуту — перед небытием — попрошу исполнения последнего желания: рассказ о том, что же произошло на самом деле. Услышу всю историю от начала до конца и, может быть, прозрею...

— Вы испачкались, Майя Аркадьевна.

Она едва не вскрикнула, увидев рядом Николая Николаевича Колчина. Тот протянул руку и взял Майю под локоть. Жест был мирный, почти дружеский, но она разозлилась и испугалась.

— Что вам здесь нужно?

— Хочу напроситься в гости.

— Да? — угрюмо сказала ока. — А вы не помните поговорку, кто бывает хуже татарина?

Следователь доверчиво улыбнулся:

— Не знаю. Наверное, два татарина... Между прочим, у меня для вас новость. В лаборатории обследовали игрушку — вернее, упаковку, потому что игрушка была не распечатана...

— И что?

— «Пальцы» на коробке — ваши, Гриши Кузнецова и продавца. Продавца мы установили: некий Борзokonь Марат Игоревич, год рождения... ну, это несущественно. Имеет честь трудиться в киоске напротив кинотеатра «Советский воин».

— Он меня вспомнил?

— И описал как очень красивую даму. И даже позавидовал вашему мужу. Сказал, что вы приобрели у него Бэтмена и спросили про автогонки, — Колчин сделал паузу. — Такого же Бэтмена у него купили двумя сутками раньше.

— Кто? — выдохнула Майя.

— По фотографии он опознал Гришу. Знаете, давайте-ка я вас почищу, а то впечатление такое, будто вы весь день на стройке кирпичи таскали...

— А я никак не могла сообразить, почему мальчик отказался от игрушки, — пробормотала она, покорно подставляя спину.

— Ну, я тоже хорош, — заметил Колчин. — Развел теорию о психологических ассоциациях: Новый год — маска — маскарад... Все оказалось проще: Бэтмен у него уже был. Какой смысл иметь двух одинаковых?

— Значит, того, первого, купил ему не убийца...

— Убийца дал денег на покупку.

Майя усмехнулась:

— И вы полагаете, Гоц стал бы...

— А что вы, собственно, прицепились к Гоцу? — спросил следователь, и Майя смутилась.

— Но ведь вы его разыскиваете. Ловите, будто бешеного зверя, кричите «Ату!», расставляете флажки... Тут даже честный человек станет преступником. Кстати, вы собираетесь освобождать Романа? — постаралась она съехать с щекотливой темы. — У него бесспорное алиби на момент убийства Гриши.

— Подожду, — не стал Колчин вдаваться в подробности. — Кстати, о честных людях... Вам говорит что-нибудь фамилия Приходько?

— Приходько? — Майя озадачилась. — Кажется, нет.

— У него запоминающееся имя-отчество: Аристарх Еропович.

— Завхоз, — машинально проговорила она и тут же прикусила язык.

— Школьный завхоз, — кивнул Колчин. — Этаким подземный дух из каптерки... Впрочем, внешность вполне располагающая. Мое упущение, что не побеседовал с ним раньше.

«И мое», — захотелось сказать Майе. Не связывалась бы, назойливо шептал внутренний голосок, вообще не лезь в это дело — будет только хуже. Куда уж хуже? — пыталась возражать она, а голосок умолял, предостерегал, требовал... «Чего я боюсь? Кого?»

— И что же этот ваш...

— Подтвердил алиби Гоца. Тот якобы находился у него в момент убийства, вместе пили водку. Потом у него на глазах директор сел в машину и отбыл (окна каптерки выходят на задний двор).

— Почему же завхоз молчал столько времени? — выдавила из себя Майя.

— Ну, масса причин. Василий Евгеньевич как-никак начальник: цеховая солидарность и все такое... Не станешь же доносить на любимого шефа, что тот тайно страдает хроническим алкоголизмом. Однако потом, видимо, старик сообразил, что это лучше, чем быть обвиненным в двойном убийстве.

— Значит, невиновность Гоца доказана? — спросила Майя.

— В таких случаях свидетельские показания не могут считаться доказательствами, —

осторожно сказал Колчин. — На них можно лишь *опираться*... Объективно говоря, Еропыч мог перепутать время, выпив лишнего, у него могли остановиться часы, наконец, он мог солгать сознательно.

— Вы никогда никому не доверяете, да? — с неприязнью спросила она.

— Служба обязывает, — философски отозвался следователь. — Я доверился вам (поздравляю, мир в вашем лице потерял великую актрису), а оказалось, вы все это время водили меня за нос (деяние, кстати, уголовно наказуемое). Ведь Гоц прячется у вас в квартире, верно?

Она не нашла достойного (да и никакого) ответа. Просто стояла молча, навтыжку, ожидая, когда прекратятся заботливые хлопки по спине.

— Ну вот, теперь гораздо лучше. Так что, пригласите меня на чашку кофе?

— Как вы узнали? — тупо спросила она.

Колчин неопределенно хмыкнул.

— Вычислил. Как Лавуазье — планету Нептун, на кончике телефонного диска. — Он сделал паузу. — Гоц — не тот человек, чтобы просто отсиживаться в укромном месте. Да и укромное ли место — ваша квартира? Он должен действовать, должен сам доказать свою невиновность, преподнести преступника на блюдецке, чтобы утереть нос официальным органам, — отсюда и побег. Ну а его идея фикс известна, он сам не раз ее декларировал: его политический противник Всеволод Бродников (ваш сосед снизу) решил таким неожиданным образом скомпрометировать его, лишить надежд на депутатское кресло. Значит, нужно внедриться, так сказать, в стан противника, найти подходы. Через семью невозможно: они насторожены и держат круговую оборону. Остается единственный человек — ВЫ. Подруга юности, женщина, в которую Бродников был влюблен в пору комсомольской юности...

Майя промолчала. Колчин лишь подтвердил ее собственные выводы: организатор, доверенное лицо — вот кем считал ее Гоц, держа пистолет у затылка.

Пистолет.

Майя вспомнила о нем и ощутила холодок под лопаткой. Прекрасная, логично выстроенная версия объясняла все и все расставляла по местам. Кроме исчезновения оружия. Того самого, которое, по законам жанра, просто обязано было выстрелить в финале. Знать бы, где он, этот финал...

В вежливом молчании она поднялась по лестнице, дыша в затылок Колчину, и увидела гостеприимно приоткрытую дверь — из узкой щели пробивалась желтая полоска света.

— Вы всегда так беспечны? — поинтересовался Николай Николаевич.

Она не ответила. Давнишний звон в ушах усилился, она толкнула дверь — все точно, как и представлялось: прихожая ярко освещена, гостиная покрыта загадочной тьмой, еще два шага, лишняя пара секунд жизни...

...Они едва не споткнулись о него. Гоц лежал на полу в коридоре — тело, такое мощное и красивое, теперь вызывало тривиальную мысль о сломанной детской кукле, забытой в песочнице под дождем. Резко выступающий кадык неподвижно смотрел в потолок, на раздражающую щель меж перекрытиями (строители, клавшие плиты, пребывали, видно, под нехилым кайфом), в широко расставленных глазах навсегда застыло удивление и какая-то детская обида, словно вместо вождя мармеладного набора он обнаружил под новогодней елкой новый учебник по экологии и охране природных ресурсов. Он был одет в брюки и Майин халат для ванной — на бежевом махровом поле, на левой стороне груди, расплылось черное кровавое пятно, точно неосторожно посаженная клякса, и все было абсолютно, жутко неподвижным, мертвенным, овеванным каким-то совершенно запредельным холодом — холоднее, чем ледяные сказочные фигуры перед школьным крыльцом...

Майе захотелось закричать от безысходной черной тоски, сдавившей сердце, но она не сумела, спазм безжалостно сдавил горло. А следователь, не обращая на нее внимания, уже накручивал телефонный диск: вызывал опергруппу...

Глава 16

«Решился написать вам, милая сударыня Любовь Павловна, уже под вечер — до того времени целый день ходил по комнате из угла в угол, как тигр в клетке, мучаясь, страдая, хватаясь за перо и бумагу (нашего брата максималиста перед актом непременно тянет к эпистолярию), бросая и комкая написанное: все пустое, нет веры ни во что, ни в идею, ни в светлое будущее, ни в высокую жертвенность, как пишет господин Гершуни, „героев-одиночек с бомбой и револьвером — во имя обновленной России, поднявшейся с колен"... Ты не замечала, что цитаты, взятые в кавычки, подобны целомудренным женищинам: благопристойно, благонравно, но скучно до оскотины...»

Акт назначен на завтра. Завтра я убью демона, вырвавшегося из ада, убью злодея и, надеюсь, уйду вместе с ним туда, во тьму, где меня уже ничто не будет волновать. Наверное, если некие высшие силы оставят мне жизнь, я не обрадуюсь. В самом деле, зачем? Ты составляла для меня смысл жизни... Нет, ты была самой жизнью! Ты дала мне ее — и ты отняла. У меня нет ничего - ни друзей, ни дома, умерло все, во что я верил столько лет. Я — изгой, „подметка", болтающаяся между адом и раем, самое страшное наказание, какое можно придумать... Смешно, но я не могу тебя ненавидеть. Хочу вызвать в себе ненависть, но закрываю глаза и представляю твое лицо, милые ямочки на щеках, алые губы, которые я целовал множество раз, родинку у правого виска... Нет, не может такое лицо принадлежать порочному существу, не может!...

Надеюсь, мое слегка сумбурное послание попадет по адресу. За окном уже светает (оказывается, я провел ночь без сна и даже не заметил). Последняя моя ночь. Через несколько часов я оденусь, положу в карман браунинг и выйду из дома. Письмо отправлю по дороге, я еще вчера присмотрел удобное почтовое отделение. Поэтому когда ты станешь читать эти строки, меня уже не будет на земле. Молюсь об одном: чтобы рука не дрогнула в нужный момент. Карл не раз наставлял: на дело нужно идти спокойным, свежим и отдохнувшим. Кажется, я опять его не послушался...»

— Опять вы? — с неудовольствием спросил Николенька, зайдя на месте встречи у Аничкова моста уже знакомую фигуру — некоего господина в коричневом пальто и темном шарфе, неприметного, будто бы съжившегося от ветра, с таким же неприметным лицом (Николенька худо-бедно запомнил его лишь к третьему свиданию). — Я же сказал: буду давать сведения только вашему начальнику лично.

— Но вы должны понять, — прошелестел тот в ответ. — Его высокоблагородие хотят быть уверены, что ваша информация чего-то стоит. А иначе...

— Я отдал вам типографию на Васильевском.

— Благодарим покорно. С вами расплатились?

— Вполне, — буркнул Николенька. (Поздравляю: с тобой уже говорят как с полноправной «подметкой», взятой в штат и с заведенным формуляром по кадровому управлению... Впрочем, кто же ты на самом деле? Подметка и есть.)

— В таком случае непонятно ваше стремление входить в сношения с моим начальством напрямую, без посредника. Чем я вас не устраиваю? Впрочем, извольте, я передам их высокоблагородию вашу просьбу, хотя он и не склонен иметь дело с непроверенной агентурой.

— Непроверенной? — возмутился он.

Голос собеседника стал металлическим.

— Нам нужна Боевая организация. Конкретно — Летучий отряд Карла. Вы согласны давать о нем сведения?

— Да, да, — заторопился Николенька, остро и ясно ощущая пропасть под ногами. — Я согласен.

Типографию на Васильевском, принадлежавшую «Народной воле», курировала Верочка Фигнер, красавица и умница, дочь якутского губернатора, в числе лучших окончившая Бернский университет и примкнувшая там к революционному движению. После страшной волны арестов зимы 1909 года, оставшись одна из всего руководства партии, она взвалила на себя основную ее работу: разъезжала между городами, налаживая утраченные связи с остатками боевых групп, возила в маленьком ридикюле из синей кожи запрещенную литературу, принимала участие в террористических актах и издавала на собственные деньги газету левого толка. Ее взяли прямо за печатным станком, приговорив на закрытом суде (присутствовали лишь судья, прокурор и адвокат — журналистов и прочую публику безжалостно выперли за дверь) к смертной казни, заменив ее в последний момент на двадцать лет каторги. Григорий Лопатин, знаменитый и неуловимый террорист, влюбленный в Верочку, публично дал клятву найти и покарать предателя. Пусть, с каким-то сладострастным ужасом думал предатель. Лишь бы Ниловский согласился на встречу. Лишь бы поверил... И — оказался на расстоянии выстрела.

К этому плану — как к последнему средству — он пришел спустя две недели бесплодных поисков и ничемных кружений по петербургским улицам, под мокрым снегом вперемешку с ледяным дождем, меся ногами ноздреватую жижу на Литейном, раз за разом бросая взгляды на знакомый дом в глубине двора, сосредоточенно прогуливаясь по ненавистному Невскому и посылая неслышные проклятия Медному всаднику, равнодушному, как приказчик в писчебумажном магазине.

Шефа охраны ему удалось увидеть лишь однажды, издавелека — тот сидел в карету с зашторенными окнами. Спереди и сзади карету охраняли конные жандармы. Миг — и дверца захлопнулась, кавалькада резко взяла с места и отбыла в неизвестном направлении, чтобы больше здесь не появиться: Ниловский никогда не повторял дважды один и тот же маршрут.

— Хорошо, — медленно проговорил агент. — Будь по-зашему. Я устрою вам встречу — здесь, на этом месте, через два дня в обычное время.

— Как мы узнаем друг друга?

Агент улыбнулся.

— Он сам вас узнает.

Николенька сухо кивнул и пошел прочь, не оглядываясь. Его переполняла мрачная радость: скоро все решится. Неопределенность закончилась...

Комнатка, которую он снимал на Фонтанке, в доме предпринимателя Федора Евлампиевича Ипатьева, поражала своей убогостью — это была даже не комната, а каморка во флигеле, где с трудом помещались пара простых стульев, разошедший трельяж (изображение в зеркале раскалывалось на две половины — образ получался зловещий, почти мистический), вешалка для одежды, железная кровать и облезлый стол, придвинутый к окну.

— Вы, молодой человек, недавно пострадали от несчастной любви, — добродушно вынес вердикт домовладелец, бросив насмешливый взгляд на Николеньку.

— Вот как? Из чего же вы это вывели?

— Да из комнаты, которую вы предпочли снять-с. Такие апартаменты сродни веригам и власянице — прекрасное средство для умерщвления плоти. Чтобы, так сказать, роковые рыжеволосые красотки по ночам бессмертную душу не искушали, хе-хе. Ну, если вы только не мазохист и от кредиторов не скрываетесь.

— А может, я просто беден, как церковная мышь?

— Нет, уж это увольте. Те выглядят по-другому. У них другая походка, и смотрят они по-особому.

— Это как же?

— Да вы сами давеча изволили выразиться: как мышь на паперти. Злая, каналья, глаза голодные и заискивающие, а как повернешься спиной — и каюк.

Он не думал, что уснет, однако уснул, едва голова коснулась подушки. Хотелось увидеть Любушку (говорят, будто душа человека, не обремененная оковами тела, во сне

путешествует как ей заблагорассудится и, бывает, находит такую же душу, родственную, которую ищет в земной жизни), но перед внутренним взором настойчиво возникала Верочка Фигнер, с которой довелось встретиться только дважды, которой восхищался как пламенным борцом и которую предал, не задумываясь. А ведь волосы у нее были как раз рыжеватые — нежнейший и редчайший оттенок меда и меди, вот она, твоя «роковая красotka», против которой бессильны и вериги, и власяница...

«Смерть ходит за мной по пятам. Иногда я оборачиваюсь и успеваю заметить ее лицо: то это Андрей Яцкевич (теперь я уверен: там, на вокзале, он стрелял не в меня и, конечно же, не в дурачка Петю — он хотел убить тебя, уж не знаю почему), то следственный пристав Альдов, то — чаще других — Софья Павловна, я остро чувствую вину перед нею, так остро, будто это моя рука подсыпала ей яд в бокал с вином... Жуткое ощущение: словно все, весь мир восстал против меня, я меж двух баррикад, меж двух огней, как на перекрестке миров...

Любопытно, из какого зловонного болота вынырнул тот кондуктор, что опознал меня в кафе? Голову даю на отсечение: это не простая полицейская подставка, он действительно проводник: вчера ночью я вдруг проснулся — кругом чернильная мгла, только ходики стучат на облезлой стене, и я, лежа без сна, вспомнил ту поездку, до последней мелочи... Да, он видел меня и запомнил. Но, клянусь тебе, я не убивал твою сестру, перед тобой (только перед тобой!) я чист. Кто-то коварный, расчетливый, сломал мою судьбу, закружил, понудил к предательству... Мне не суждено дотянуться до него, нет ни сил, ни времени. И нет ни единого доказательства в мою защиту. Лишь тебя, последнюю мою надежду прошу: поверь мне! Я не убивал, не убивал, НЕ УБИВАЛ!!!»

Полковник Ниловский пробежал глазами письмо, изъятое у Николеньки, небрежно сунул в надорванный конверт и бросил на стол, рядом с бутылкой водки и тарелкой с угрями, доставленными час назад из Елисеевского ресторана. Неторопливо снял салфетку из-под воротника и кивнул денщику:

— Убери, голубчик.

Дождавшись, пока тот очистит стол и выйдет из кабинета, Ниловский закурил и негромко сказал в пространство:

— Ну, рассказывайте.

— О чем? — каменно спросил Николенька.

Сейчас он был совсем другим человеком — а между тем с момента ареста и водворения в камеру прошло чуть больше полутора суток. Глаза казались двумя каплями воды, левая рука дрожала, на лбу алел свежий кровоподтек, результат обработки в карцере, когда с «клиентом» практически не общаются: ни о чем не спрашивают, не предъявляют никаких обвинений, только бьют...

— О том, как провалились. Какое получили задание, от кого. Впрочем, о задании я догадываюсь. Ликвидировать меня, верно?

— Если знаете, зачем спрашивать?

— Кто вас расколол? Гольдберг?

Видя, что арестованный упрямо поджал губы, раздраженно бросил:

— Да перестаньте вы ломаться, Клянц, словно гимназистка. Вы, по существу, уже давно работаете на нас: боевая группа «Мирона», типография на Васильевском, динамитная мастерская в доме Воскобойникова... Ваш послужной список любому высокооплачиваемому агенту сделает честь. Что вы хотите возразить? Что сделали это только ради того, чтобы добраться до меня? Извольте, я перед вами, — он с иронией поклонился. — Чем вас оснастили? Браунингом?

Ниловский прошел по комнате, открыл ящик письменного стола, покрытого зеленым сукном (взгляд Николеньки бесцельно скользнул по изысканному чернильному прибору: чертенья с рожками и копытцами в подобострастных позах — прозрачная аллегория), вытащил револьвер и подбросил на ладони.

— Узнаете?

Еще бы не узнать. Он шел на последнюю, решающую встречу широким шагом так стремительно, что щеки покраснелись от промозглого ветра с острым запахом гнили, правая рука сжимала в кармане плоскую рукоять... Сейчас он взойдет на мост и у крутых перил, под вычурным фонарем, увидит фигуру в длинной шинели. Ошибка исключена: «боевка» обладала подробным описанием и даже фотографическим портретом шефа охраны. «Я окликну его, и он обернется, возможно, даже протянет руку для пожатия («подметке» это должно импонировать — как же, сами его высокоблагородие не побрезговали) и очень удивится, заметив револьвер. И поймет — за секунду до смерти, и, даст бог, я увижу ужас в его глазах...»

Николенька опаздывал, почти бежал — и не заметил крытый экипаж, нагнавший его шагах в двадцати от назначенного места. Остальное произошло стремительно: чьи-то руки крепко, будто клещами, схватили сзади за локти, вывернули так, что он в испуге вскрикнул, его буквально смыли с тротуара и головой вперед закинули в карету. Давнишний его *контакт*, маленький господин в коричневом пальто, ловко пошлепал его по карманам, выудил браунинг и протянул его пассажиру, сидевшему в углу, лицом против движения.

— Извольте полюбопытствовать, ваше высокоблагородие.

— Спасибо, поручик. — Ниловский посмотрел на Николеньку без тени злобы или торжества, скорее с усталым сочувствием. — Кажется, вы искали встречи со мной, господин «Студент»?

Дешевая лампа под оранжевым абажуром, дрожащий круг света, в котором фрагмент стены, икона — Смоленская Божья Матерь, угол стола и выстроенные в аккуратный ряд патроны, словно оловянные солдатики...

— Узнаете?

— Будьте вы прокляты, — прошептал Николенька.

Ниловский склонил голову набок, разглядывая собеседника с брезгливым любопытством — как смотрят на полураздавленного кузнечика.

— За что же вы меня так ненавидите? — поинтересовался он. — Вас ведь здесь не мордовали, как других. Каленым железом не жгли, иглы под ногти не загоняли, даже по почкам не били — а уж по почкам наши держиморды страсть как любят дубиночкой пройтись, прямо хлебом не корми...

Он встал из-за стола, аккуратно отодвинув изысканный венский стул, прошелся по комнате, заложив руки за спину и живо напоминая директора гимназии, — высокий, строгий, внушающий безотчетный страх... Страх не потому, что в его заведении бьют дубинкой по почкам, после чего, Николенька знал, арестованный орет от боли при мочеиспускании, — скорее, наоборот, страх оттого, что до сих пор не тронули. И даже еду в камеру приносили сносную — надо думать, получше, чем остальным.

— Что вы хотите? — спросил он. — Чтобы я выдал Карла? Или просто желаете насладиться победой? Так ведь все равно...

— О да! — Ниловский рассмеялся. — Все равно я обречен, потому что служу прогнившему режиму, оковы тяжкие падут, из искры возгорится пламя... Так, Клянц? Не слышу ответа.

Вот сейчас начнут бить, подумал Николенька. Сломают ребра и выбьют зубы — я слышал, Верочке Фигнер тюремщики выбили все зубы, после того как изнасиловали ее в очередь. А потом, издеваясь, кормили одними сухарями. Впрочем, сухари можно вымачивать в кружке с кипятком. Или умереть от голода, если очень повезет...

Эта мысль его почти успокоила: начнут бить — и все встанет на свои места. Возможно даже, он впервые заснет этой ночью, высокомерно наплевав на боль в изувеченном теле. Заснет спокойно, не опасаясь призраков, которые с наступлением темноты появляются из углов камеры. Раздавленный поездом Андрей Яцкевич — и Григорий Лопатин, поклявшийся отомстить за Верочку. Умершая от яда Софья Павловна — и ныне здравствующий старый

сморчок Гольдберг. Петенька Викулов — и максималист «Мирон» (в миру Валентин Платонович Макарьев, двадцати шести лет, руководитель боевой группы, взорвал себя динамитом при аресте, не желая сдаваться живым...).

Все они с ласковым терпением посещали Николеньку по ночам, точно любящие родственники — тяжелобольного. Иные разговаривали, пытаясь донести до него какую-то важную мысль, иные укоряли, но чаще — просто садились на краешек койки и молча заглядывали в глаза. Или касались рукой покрытого испариной Николенькиного лба, что было хуже всего. Они не забывали его и не делали различий меж собой — между мертвыми и живыми...

— Кроме того, почему бы мне в самом деле не насладиться победой? — проговорил Юрий Дмитриевич. — Ведь я действительно переиграл всех — вас, Гольдберга, Карла...

Мановением руки он отослал дежурившего у двери ротмистра и тихо сказал:

— Пораскните мозгами, Клянц. Я взял вас в момент, когда вы шли на покушение, не раньше и не позже. Следовательно, мне было известно о вашем плане. Мне также известно о вашей встрече в кафе, где Гольдберг и Карл обвинили вас в предательстве. Что они сказали вам? Что милейшая Софья Павловна была подставным агентом, «брандером» на нашем жаргоне? — Он сделал паузу. — Так вот, они были правы. Сонечка действительно была «брандером» — я прихватил ее на не совсем законных действиях ее мужа. Только Карл убежден, что она прикрывала вас — *настоящего* полицейского агента...

— Никогда, — вспыхнул Николенька. — Слышите, вы... Я никогда не работал на вас!

Ниловский нетерпеливо отмахнулся:

— Да понятно, что никогда, ни за что... Он думает, что раскрыл вас и вынудил убить меня, своего шефа... Небось еще и напутствовал перед актом: «Смерть иллюзорна, как и бытие, — есть только честь и людская память. Вы умрете героем, юноша, — это лучше, чем прожить жизнь предателем...» — примерно так? До чего же вы глупы, господа революционеры. Вас подставляют, вас используют, как портовых шлюх, а вы претесь на бойню с идиотски счастливыми улыбками, небось, и предсмертные послания строчите потомкам.

— Зря стараетесь, — глухо проговорил Николенька. — Карла я вам не отдам, и виселицей меня не запугать. Я давно готов ко всему...

— О господи, — Юрий Дмитриевич страдальчески поморщился. — Какие тексты. В театре не пробовали играть, господин «Студент»? Нет? Жаль, могли бы иметь бешеный успех... А Карла вы отдадите, никуда не денетесь. Рассчитываете на виселицу? Небось, мечтаете красиво взойти на эшафот и прокричать оттуда нечто зажигательное? Не дождетесь, — голос полковника неожиданно упал до шепота. — Я предложу вам кое-что другое. То, от чего вы не сможете отказаться.

— И что же это? — презрительно спросил Николенька.

Надо было обвязаться динамитом, подумал он с досадой. Сели бы в карету — и рвануло... А ведь он, сволочь, наверняка просчитывал этот вариант. Просчитывал — но не предусмотрел, потому что его точно предупредили, что динамита у меня не будет, только револьвер. Наверное, и марку сообщили, гады, гады...

— Я отпущу вас, — так же тихо сказал Ниловский. — Какой резон держать вас здесь. Свою роль вы сыграли исправно, оттянули на себя подозрение «товарищей»... Что смотрите так удивленно? Вы были «брандером», Клянц, таким же, как Софья Павловна, вы просто приняли у нее эстафету. Только Софья Павловна слишком бросалась в глаза, и Гольдберг заподозрил игру... Но вот вы — другое дело. Вас он *разоблачил как глубоко законспирированного агента* — и на этом успокоился. И я просто обязан преподнести ему подарок.

Ниловский аккуратно щелкнул ногтем по патрону, стоявшему торчком на столе, — первому в шеренге. И патрон упал с радостной готовностью, словно того и ждал. Словно для того и был отлит на оружейном заводе, а не затем, чтобы разрывать плоть, вгрызаться в печень, сердце и легкие и проделывать дыру в черепной коробке.

— Я сам возьму Карла, без вашей помощи. А вас отпущу в тот же день. И устрою так, чтобы Карл увидел нас вдвоем — я пожму вам руку, похлопаю по плечу — и можете идти на все четыре стороны. Правда, дальше я вам не помощник... Можете бежать за границу или осесть где-нибудь в Сибири, в медвежьем углу, сменить фамилию, отрастить бороду с усами... Однако, сдастся мне, это у вас не пройдет. В вашей организации слишком хорошо налажен телеграф, так что вас достанут, Клянц, обязательно достанут. Застрелят посреди улицы или зарежут в подворотне. А нет — так сами повеситесь. — Юрий Дмитриевич покачал головой. — Ирония судьбы: избежать виселицы, чтобы самому повеситься на каком-нибудь заброшенном чердаке...

Голова у Николеньки вдруг закружилась, он застонал, ощущая, как все кругом тоже кружится, корчится и хохочет, словно шут на ярмарке. Лицо полковника трансформировалось в жуткую маску с рогами и отвратительным пяточком вместо носа... Клянц сам не помнил, как вытянул вперед руки с растопыренными пальцами и взвился с места, метя в горло своему мучителю... За спиной с треском распахнулась дверь: видно, жандарм, что ожидал снаружи, услышал шум и бросился на выручку. Ничего, пронеслось в голове у Николеньки. Пока доскачет, пока размахнется, пара секунд у меня будет...

Ниловский небрежно уклонился в сторону, не размениваясь даже на ответный удар кулаком, — просто вlepил Николеньке тяжелую пощечину, а когда того развернуло — добавил носком сапога под копчик. Ощущение времени пропало — юноша ткнулся лбом в бежевые обои, покрытые тисненым рисунком (стилизованные лилии в одинаковых стилизованных вазах — почему-то они вызвали мысль о дорогом борделе), в глазах потемнело, и он медленно сполз на пол. Жандарм застыл на полдороге, не зная, что делать дальше.

— Уйдите, ротмистр, — сказал полковник, брезгливо вытирая руку платочком. — Сами договоримся, по-семейному.

Он подошел к арестованному, поднял его за шиворот и прошипел в лицо:

— Быстрее соображайте, Клянц. Либо шепчете мне адрес Карла и отправляетесь в тюрьму — либо я беру

Карла сам и тепло прощаюсь с вами у ворот, но тогда уж глядите... Ну! — рявкнул он. — Минуты на размышление у вас не будет, ответ сейчас: или — или!

Вот и все.

Николенька встал, покачиваясь, устремив стеклянный взгляд в окошко: серая седая мгла, серые камни на набережной, серая маслянистая вода с голубоватым росчерком мостов, барками сырых дров и бедными лодчонками, шпиль Петропавловки — «Летучий голландец», корабль-призрак, являющийся морякам как вестник скорых несчастий, бред, возникший в голове, одурманенной вином, любовью и скукой.

Вот и все.

— Пишите, — прошептал он. — Я все расскажу, все...

— Где сейчас Карл? — жестко спросил Ниловский.

— Скорее всего, на конспиративной квартире на Пантелеймоновской. — Николенька ухватил шефа охраны за полу мундира. — С ним должна быть девушка, Любовь Павловна Немчинова. Она ни в чем не виновата, просто случайный человек... Заклинаю вас, не трогайте ее!!!

— Все слышали? — сказал Юрий Дмитриевич, когда арестанта выволокли за дверь. — Немедленно усиленный наряд на Пантелеймоновскую. Брать жестко, если возникнет необходимость — применяйте оружие. Живой мне нужна только девушка.

...Свечение шло от снега — возможно, последнего в этом году (уходящая зима преподнесла прощальный подарок), но по-настоящему белого, легкого, укрывшего «великолепными коврами» угрюмую серость раннего утра. Она открыла глаза, сладко потянулась под одеялом — было тепло и уютно, как бывает в далеком детстве, где остались варенье, любимый апельсиновый сок с мармеладом и ласковый маменькин голос,

рассказывающий сказку на ночь — Анна Бенедиктовна была прекрасной сказительницей, не говорила, а будто пела... И Любушка подумала: «Наверное, он считает меня порочной».

— Ты считаешь меня порочной?

Карл усмехнулся в острую бородку.

— Зажги мне сигарету.

— Нет, ты скажи. Ведь мы живем невенчанными...

— Тебя волнуют условности?

— Меня волнуешь ты.

Приподнявшись на локте, она разглядывала его тело, гладкое и мускулистое, словно у танцора. От него восхитительно пахло жасминовой водой и потом — его собственным и ее, за ночь эти запахи перемешались.

— Нынче же нужно уехать, — пробормотал он.

— Куда? — Любушка нимало не встревожилась, спросила с готовностью и деловитостью, просто чтобы уточнить.

— В Париж, в Вену... Если старый сморчок провернет свою коронную комбинацию, оставаться в городе будет опасно.

— Какую комбинацию?

— Ликвидирует Ниловского.

— Но каким образом?

— Не спрашивай. — Его пальцы скользнули по ее обнаженной груди. — Лучше иди-ка сюда...

Но она не послушалась — ласково поцеловав его в ложбинку над ключицей (кожа его была теплая и терпкая, отдающая несовместимой с Петербургом южной негой, виноградом и домиком с мансардой), прошла на цыпочках к окну и увидела, как к подъезду с двух сторон метнулись длиннополые тени, похожие на бесшумную стаю черных ворон. «Окружайте дом, — тихо приказал кто-то. — Входим на счет „три"...»

— Ты скоро? — спросил Лебединцев.

— Сейчас, милый.

В соседней комнате — гостиной, еще недавно погруженной в сонную тьму, а сейчас ярко освещенной, — слышались невнятные голоса, будто оркестр настраивал инструменты. Майя, сидя за столом и хмуро уставясь на полупустую бутылку («Денег занял у тебя... Я отдам, не беспокойся...»), безуспешно пыталась вникнуть в происходящее — в устало-терпеливые вопросы следователя, но выходило плохо.

— Значит, водку покупали не вы?

— Что?

— Я спрашиваю, кто покупал водку?

— Он.

— Гоц? Майя Аркадьевна, не заставляйте меня...

— Он, он. В ларьке возле подъезда.

— Когда?

— Вчера, около шести вечера. Я как раз пришла из библиотеки...

— И тут же закатили семейную сцену? — Колчин примостился на подоконнике, выпуская дым в открытую форточку. — Квартиру, насколько я понял, он оставил незапертой... Или вы давали ему ключи?

— Нет.

— Почему?

Майя в бессилии прикрыла глаза.

— Я боялась, что он уйдет.

— Понятно, — вздохнул следователь. — Излюбленный сюжет для триллеров и сексуальных игр: заложница в лапах террориста. На выпускниц философских факультетов действует, как красная тряпка на быка.

— Зачем вы так? — укоризненно сказала Майя. — Его нет в живых...

Колчин отлепился от окна, подошел к ней и рывком развернул к себе.

— Затем, что я хочу разозлить вас. Вернуть к жизни, заставить включиться... Коли уж вы влезли в это дерьмо по самую макушку — извольте помогать.

— Значит, вы меня больше не подозреваете?

— Подозреваю, — серьезно отозвался он. — Вы единственная знали, где хранился пистолет. Вы единственная, у кого были ключи от входной двери (на замке, кстати, ни единой царапины — кем бы ни был убийца, отмычкой он не пользовался). Вы единственная, кто точно знал, что Гоц прячется в вашей квартире.

— Его могли увидеть, когда он бегал в ларек за водкой...

— Но как преступник открыл дверь? А если это сделал сам покойник — то почему? Знаете, у меня просто руки чешутся посадить вас под замок, по соседству с вашим приятелем. Тем более что имею формальное право.

— Не боитесь лишиться помощника? — хмуро спросила Майя.

Он хмыкнул и процитировал:

— Дай бог мне избавиться от друзей, а с врагами я как-нибудь разберусь. Пойдемте посмотрим, не пропало ли чего.

Она с большим трудом заставила себя двигаться — хотелось остаться на кухне, дожидаться, пока следователь со товарищи уйдут, и напиться в гордом одиночестве. Хорошо быть старушкой, подумала она. Пьющая старушка — это уютно и мило. Это камин, клетчатый плед, много кошек, темная бутылка и крошечная рюмочка (вспомнилось где-то вычитанное). Про пьющую старушку говорят: «пристрастилась». А пьющая молодая женщина... Про нее говорят нехорошо. Майя встала и поплелась в гостиную, носившую следы долгого профессионального обыска.

...Это была третья по счету смерть, которая коснулась ее своим мягким крылом: не свидетельница (Майя всегда ухитрялась разминуться с убийцей на роковые — или спасительные — часы, минуты, секунды), но почти соучастница. По крайней мере, соучастницей ее подсознательно считал Артур, и абсолютно сознательно, в глаза называл школьный директор.

— Ну что? — спросил Колчин.

Майя обвела гостиную равнодушным взглядом: все на месте и все обрыдло.

— Все на месте.

— Кроме пистолета, да? Какой он был марки?

— Не знаю. Я не разбираюсь в оружии.

— Здесь гильза, — сообщил эксперт, поднимаясь с пола. — «Макаров», девять миллиметров.

— А оружие-то он унес с собой, — заметил Николай Николаевич. — Не профессионал... Хотя имеет все шансы им стать. Он очень быстро учится, наш убийца. Школьному охраннику он нанес двенадцать ударов — явно действовал в состоянии аффекта. Мальчика задушил уже более квалифицированно (и цинично — практически у всех на глазах), Гоца убил с одного выстрела, точно в сердце...

Майя невольно вздрогнула: вспомнился фиолетовый высунутый язык, синее лицо, будто жутковатая карнавальная маска, обрывок картонной упаковки в скрюченных пальцах... Почему мальчик так легко пошел за убийцей? Почему Гоц так же безропотно открыл дверь, прежде чем получить пулю, — словно шел на заклинание? Словно убийца и впрямь обладает некими сверхспособностями (версия испуганной и заплаканной Келли)... Глупости, не верю я в потустороннее (предки, хоть и беспартийные, всю жизнь стояли на прочных материалистических позициях). Вывод однозначен: убивает кто-то свой, настолько близкий и безобидный, что заподозрить невозможно...

— Теперь вы отпустите Романа?

— Нет, — резко отозвался Колчин.

— Почему? Или вы думаете, что он застрелил Гоца, находясь в камере? На ментальном,

так сказать, уровне?

— Я просто не хочу, чтобы он стал очередной жертвой.

Майя возмутилась:

— Да при чем здесь он?

— Не знаю, — вздохнул следователь. — До сих пор логика преступника была понятна: он убирал свидетелей. Но Гоц... Такое впечатление, будто убийца разозлился на него: он рассчитывал, что школьный директор отвлечет на себя подозрение (и тот почти отвлек — ваша сердобольность вышла боком)... Однако сорвалось.

Сорвалось.

Майя без сил прислонилась к дверному косяку. «Я подозревала... Нет, я была уверена, что Гоц — убийца, я нашла пустой тайник и окончательно поверила в свои выводы. Я подозревала друга детства Севу Бродникова — на том лишь основании, что он является кандидатом в Думу (да ведь в Думу всего-навсего, не в Белый дом и не в Овальный кабинет! Как правильно заметил Артур: в депутаты нынче прыгают прямиком из-за колючей проволоки, кого уж способен взволновать чей-то предок-провокатор?). А главное (и практически бесспорное) — Гоц ни за что не открыл бы Севушке дверь. Вообще не стал бы подходить к двери, мы договаривались с ним на этот случай: сидеть тихо, как мышь...»

Кому Гоц открыл? Кому, черт побери?!

Бабе Яге, вдруг шепнул кто-то ехидненький изнутри.

Бабе Яге, которая смиренно стояла в витрине супермаркета, которую видели Гриша и Келли на третьем этаже незадолго до пожара, которая отплясывала брейк на маскараде...

«А перед тем как в мою голову пришла эта шальная мысль, мне пришлось выудить на свет божий Просто Марию, продавщицу китайских игрушек, найти в дебрях мегаполиса запойного гения Леву Мазепу, „расколоть" Келли...» И — вдруг пришла еще одна беспощадная догадка — в курсе моих поисков было только один человек. Артур Кузнецов.

Артур все знал («Майя Аркадьевна, вам нехорошо? — голос следователя сквозь толщу воды. — Вы побледнели...» — «Со мной все в порядке»). «Я еще силилась сообразить своим скудным умишком, что к чему, а он уже все разложил по полочкам, стоило нам лишь услышать о Бабе Яге, сотворенной из папье-маше на потеху новогодней публике... Мамочка моя...»

— Сядьте в кресло, на вас лица нет. Нил Иванович, нашатырь, срочно. Даме плохо.

— Я же сказала, я в порядке.

— Ну, ну, голубушка, не упрямитесь...

Он *точно* знал, кто именно был в костюме Бабы Яги на школьном вечере. При том, что его самого на вечере не было — он видел этот костюм в другом месте. Скорее всего, у себя дома, в мирной обстановке, и это навело его на страшную мысль. *Он испугался за убийцу.*

До сегодняшнего дня Майя не знала (то есть не испытывала на своей шкуре) значения философской идиомы «шило в заднице». Время текло ужасающе медленно, секунды ползли, словно муха, застрявшая в капельке варенья. Голоса в комнате снова слились в один равномерный шум, из которого мозг механически выхватывал обрывки бесполезной информации: выстрел практически в упор, точно в сердце, траектория полета пули — немного снизу вверх под небольшим углом (маленькая, но необходимая деталь), сама пуля прошла навывлет, тот самый эксперт, тощий и по-мальчишески нескладный, выковыривал ее пинцетом из дверного косяка, другие возились подле, что-то измеряя линейкой, что-то фотографируя... Так же, голосом механической куклы, Майя отвечала на вопросы, касающиеся периода пребывания Гоца у нее в квартире: как выглядел пистолет (не помню), кто мог увидеть, как она с идиотской самонадеянностью прячет его в тайник, кто знал о том, что кирпич под лестницей вынимается (Ритка знала, вместе играли в разведчиков в детстве: Ромка был Штирлицем, а мы — две радистки Кэт... Стоп, молчать!), кто, кроме нее самой и школьного директора, бывал в квартире в последнее время (никто).

— И никто из соседей даже не подозревал, что...

— Нет, — сказала она твердо (Вера Алексеевна слышала молоток в прихожей... Молчать!).

— На ручке балконной двери отпечаток ладони, — провозгласил эксперт. — Не хозяйки и не покойного.

Колчин вопросительно посмотрел на Майю.

— Келли, — пробормотала она. — Но это было давно, за несколько дней до Нового года.

— Что она делала зимой на балконе?

— Пряталась от отца. — Видя всеобщее недоумение, она пояснила: — Она в тот день выпила лишнего. Ну, сами понимаете...

— Понимаю, — вздохнул следователь. — Восхищаюсь вами, Майя Аркадьевна: набедокурившие дети спасаются у вас от родительского гнева, вооруженные террористы прячутся от федерального розыска... Ваше имя случайно не мать Тереза?

— Вы на меня злитесь...

— Я не могу вас ухватить, — объяснил он. — Хотя профессиональные рефлексы так и зудят. Я могу голову дать на отсечение: вы знаете больше, чем говорите. Хотелось бы знать, почему при таком раскладе вы до сих пор живы. Гоц получил пулю за значительно меньшую провинность.

«Тебе ничто не угрожает, — вспомнился текст записки, аккуратная строка печатных букв, отдающих даже некоторой варварской изысканностью. — Только молчи!!!» «Я молчу».

— Единственное, чем можно это объяснить...

— Да? — очнулась она.

— Гоц мог погибнуть вместо вас.

— Что?

— Посудите сами: вы живете одна (то есть за вами прочно закрепилась подобная репутация)...

— Старой девы? — подсказала она.

— Ну, скажем, дамы на перепутье. Убийца звонит в дверь с уверенностью, что кроме вас...

— Да как же Гоц ему открыл?

— Это другой вопрос. Главное — преступник ожидал увидеть совсем другого человека. Однако отступить было поздно. Так что считайте, вам повезло... пока.

Глава 17

Она все-таки дождалась, дотерпела — обыск в гостиной подошел к концу, невеликий улов (полбутылки «Горбачевки» и пуля, извлеченная из косяка) был рассортирован по полиэтиленовым пакетам, непрошеные гости шумно потолкались в прихожей и удалились, бесцеремонно хлопнув дверью. Майя робко сказала Геннадию Алакину, который подвозил ее домой после новогоднего уик-энда с убийством, «до свидания» — он даже не взглянул в ее сторону.

— Вам не жалко его? — тихо спросил Колчин, когда они остались одни.

Она растерялась.

— Геннадия?

— Нет, покойного.

— Почему вы спросили?

— Вы странно вели себя. Витали где-то в высоких эмпиреях. А ведь он прожил у вас больше недели и вряд ли все это время держал вас под дулом пистолета, рука бы затекла. Да и пистолета у него не было... Вы с ним спали?

Она поплотнее закуталась в старинную шаль — вспомнилось мощное тренированное тело (привет из беспорочной юности, проведенной на комсомольских стройках), крупная

голова (привет из рахитичного детства), история жизни, рассказанная меж двух сигаретных затяжек, и Майя почувствовала, как на сердце каскадами обрушивается ледяная тоска, целые айсберги тоски...

— Вы ничего не хотите мне сказать?

Она сухо качнула головой.

— Что ж, дело ваше. Из города никуда не уезжать, вы еще понадобится, — следователь сардонически усмехнулся. — Если доживете.

И оставил ее одну, растерянную, мятущуюся, посреди отвратительно пустой прихожей, наедине с беспощадным зеркалом и профессионально привинченной к стене вешалкой в виде рогов оленя. Наедине с беспорядочными мыслями и холодной решимостью идти до конца.

До дома, где жил Артур, она добралась на хмуром частнике, запросившем «стольник» за поездку длиною в три с половиной квартала. Выговорив желаемую сумму, частник не выдержал и покраснел, но Майя только махнула рукой, преисполненная чувства, будто завтра настанет давно обещанный конец света и деньги можно тратить без счета, зажмурив глаза.

Едва прибыли на место, она сунула водителю деньги, вышла из машины и единым духом подскочила к двери, обитой дерматином.

Она звонила долго, с нехорошим замиранием сердца, рисуя в воспаленном воображении картины одна другой ужаснее. Никто не отзывался. Она постучалась к соседям: из недр квартиры послышался радостный лай, дверь отворилась, на лестницу выскочил уже знакомый ротвейлер Кокос и выглянул детинушка-ново-русс, на этот раз в сильно растянутой майке и со золотой цепью на массивной шее. Поковыряв в носу, он посмотрел на Майю и произнес классическую реплику:

— Че?

— Як Кузнецовым, — заторопилась Майя. — Звоню, а никто не отвечает. Не подскажете, где они?

— Укатали куда-то часа полтора назад. Я из окошка видел, как он свою лайбу заводил.

— Лайбу?

— «Тойоту». У него красная «тойота».

— Он был один?

— С дочкой.

— Куда он мог уехать?

Он возмутился:

— Я тебе что, «наружка», в натуре?

— Ну, хоть вещи при нем были?

Детинушка взглянул недоуменно — похоже, он жил в мире, где господствуют иные ритмы и другое время, сильно растянутое по горизонтали.

— Вещи? Типа сумки?

— Да, да!

— Ну, вроде был один пакет. Может, со жратвой, а может, с одеждой.

— Спасибо. — Майя отлепилась от стенки в почти бесчувственном состоянии. Дверь закрылась с громким щелчком, и лестничная клетка снова затихла.

В подъезде она нос к носу столкнулась с Валею Савичевой. Та произнесла дежурное «Здрасьте» и шмыгнула мимо, но Майя проворно поймала ее за воротничок.

— Их никого нет.

— Нет? — Валя огорчилась. — А мы с Лерой договаривались...

— Вот что, — Майя взволнованно присела перед девочкой на корточки. — Мне сказал сосед: они с отцом куда-то уехали на машине, взяв сумку. Еду или одежду (скорее одежду, мелькнуло в голове, — *ту самую*...). Подумай, куда они могли направиться?

— Вдвоем? — она послушно задумалась. — Наверное, на дачу... Вообще-то Лерка ее терпеть не может: говорит, там навозом воняет и в воздухе летает всякая дрянь. Но ведь

сейчас зима.

— Знаешь, где она?

— Да, я была там прошлым летом. Если на электричке, то не доезжая Лаврино... — Девочка вздрогнула: видимо, ей передалась Майина тревога. — Что-то случилось?

— Пока не знаю. Надеюсь, что нет. Ладно, беги домой...

— А вы?

— А я — к ним на дачу. Может, перехвачу...

— Я с вами. Вы одна не найдете. — Валя решительно схватила Майю за рукав. — Ну, давайте же скорее!

Пришлось подчиниться. Втайне Майя обрадовалась: не стоило тащить девочку за тридевять земель на ночь глядя, однако вдвоем было как-то спокойнее...

Они едва успели на последнюю электричку. Промерзлый вагон шатало из стороны в сторону, их, двух путешественниц-авантюристок, тоже шатало на железных перестуках... Валя, нахохлившись, словно воробей на веточке, примостилась у окна, сосредоточенно глядя сквозь давно не мытое стекло — ничего не видно, лишь расплывчатые огни, подсвечивающие изнутри морозные узоры, снег, иней на стальных проводах, темные лесополосы по обеим сторонам...

— Лере угрожает опасность?

Майя вздрогнула.

— С чего ты взяла, дружок?

— У вас такое лицо... Как у разведчицы в немецком тылу.

Она усмехнулась:

— Выдумщица. Лучше скажи, в каком костюме Лера была на маскараде?

Валя без удивления пожала плечами:

— Не знаю. Там большинство было в масках.

— Она могла быть одета Бабой Ягой?

— Это которой? Ах да, мы с вами видели в вестибюле... Ничего особенного: просто куча старого тряпья. Но отплясывала лихо, даже брейк пыталась. Лера, кстати, ходила в студию спортивного танца, только бросила, надоело.

— А ты не помогала ей с костюмом?

— Нет, мы с Келли делали Домино. Правда, неплохо получилось?

— Блеск, — искренне сказала Майя, — лучшее, что я когда-либо видела. Вспомни, ты вроде бы столкнулась с Ликой в дверях?

— Возможно. Это так важно?

Майя вздохнула, в порыве нежности прижав девочку к себе, — та не проявила ответных чувств («А, собственно, почему она должна? Кем я ей кажусь — сумасшедшей старухой, которая вдруг ломанулась посреди ночи незнамо куда, незнамо зачем...»), но и не отстранилась.

— Не знаю, милая. Сейчас все может быть важно, любая деталь. Она входила или выходила?

— Вроде выходила... Сколько времени прошло. Помню, охранник вскочил (он сидел на стуле, читал книжку), сорвался куда-то вверх по лестнице...

Опять эта чертова лестница, вызывающая странную ассоциацию со стилизованной Графской пристанью в Севастополе, путь на эшафот, в финал третьеразрядного фильма ужасов.

— А кого ты видела наверху, Валюша? Вспомни хоть что-нибудь!

На этот раз она молчала дольше, целую минуту, поджав губы и придавив указательным пальцем очки к переносице.

— Я и сама сто раз пыталась... — Она напряглась, глядя на пустое сиденье перед собой, с усилием возвращаясь в тот злополучный вечер, в мельтешение масок и жизнерадостный вопль из стоваттных динамиков. — Кто-то пробежал, какой-то человечек в красном костюме. Но не ярко-красном, а скорее в розоватом, поношенном, понимаете?

Какой-то бесформенный платок на голове, обувь я не разглядела, — она покаянно вздохнула, — слепа я, как летучая мышь, вот ведь беда.

— Он нес что-нибудь в руках?

— Вроде бы... Что-то похожее на палку. Я поэтому и подумала про Деда Мороза — две детали: посох и длинная шуба...

— Или юбка, — пробормотала Майя.

Валя внимательно посмотрела на собеседницу, склонила голову, словно прислушиваясь к стуку колес, и вдруг выражение ее личика резко изменилось — она поняла... И испуганно, негодуя отодвинулась в угол, к окошку.

— Нет. Вы что, думаете, Лерка... Да как вы можете! Вы... Вы обманщица!

Майя успокаивающе коснулась ее — девочка резко вырвалась, точно разозленный зверек.

— Голубчик, ну какая же я обманщица?

— Вы сказали, что Лера в опасности, ей нужно помочь... А сами едете арестовать ее.

— Арестовать человека имеет право только сотрудник милиции, — терпеливо сказала Майя.

— Но вы ведь тоже...

— Что?

— Работаете на них.

Она чуть не рассмеялась: ну и влипла ты, Джейн!

— Я преподаю английский, Валюша. Деловой и разговорный. И больше ничего, честное слово.

Валя недоверчиво поджала губы: знаем, мол, мы вас, взрослых.

— Почему же вы спросила о Бабе Яге? Откуда вы узнали?

— От Анжелики.

Девочка казалась удивленной.

— От Келли?

— Она пряталась на третьем этаже, в коридоре. Убийца ее не заметил...

— А она — его?

— Лица она не разглядела — оно было под маской, но костюм, фигуру, движения... Теперь бы только убедить ее дать показания в прокуратуре.

— Почему она молчала так долго?

— Она была напугана, — пояснила Майя. — Убийца прислал ей записку.

— *«Не бойся, тебе ничто не угрожает»*, — нараспев, прикрыв глаза, продекламировала Валя, будто читала стихи... Или молитву. — *Только молчи...*

Только молчи.

Какая-то потусторонняя жуть прокралась в душу, схватила сердце в клещи, словно хирург-садист, — Майя с некоторым испугом посмотрела на девочку, та вытащила откуда-то сложенный вчетверо листок бумаги и спокойно сказала:

— Я нашла это у себя в кармане. ОНО было в футляре для очков.

— Когда?

— Вчера. Не представляю, как ОНО туда попало.

Тебе ничто не угрожает. Те же аккуратные печатные буквы ровной строчкой, те же три восклицательных знака, тот же холод, иней на окнах, мольба и тоска. Только молчи...

— Но ведь ты не промолчала?

— Я? — Валя упрямо тряхнула волосами. — Потому что я не верю, что это написала Лерка. Она, конечно, иногда вредничает, нос задирает по всякому поводу... Но она не убийца, запомните.

— Хорошо, девочка, — Майя успокаивающе взяла ее за руку. — Даю честное слово: я не имею к милиции никакого отношения. Я просто случайный свидетель. И хочу разобраться.

Электричка меж тем зашипела, замедлила ход и остановилась, оглушительно лязгнув

буферами. Не глядя на попутчицу, Валя произнесла:

— Нам выходить.

Подошла к двери тамбура и канула вниз, только взметнулся красный помпон на вязаной шапочке. Майя без раздумий прыгнула следом, едва не подвернув ногу, приземлилась и огляделась... Крошечная станция, размером примерно с автобусную остановку, тускло освещенная единственным фонарем, наглухо заколоченный ларек в облупившейся зеленой краске, лавочка-сугроб посреди платформы, испещренной птичьими следами, надпись прямо на снегу «Васька — пидор», утоптанная тропинка, убегающая в темное никуда, где, впрочем, слабо виднелись контуры дачных домиков за забором.

Из-за ларька браво выскочила здоровенная лохматая дворняга, прыгнула, оскалив зубы и угрожающе зарычав. Майя бросилась было вперед, чтобы в случае чего заслонить девочку, но та, не сбившись с шага, скатала тугой снежок и запустила прямо в собачью морду — дворняга заполошно взвизгнула и убралась, поджав хвост. Майя покрутила головой: да, Валя умела держать стойку.

Выплюнув еще одного припозднившегося путника — в валенках, шапке-ушанке и с брезентовым рюкзаком за спиной, электричка укатила, прогромыхав на стыках. Первые несколько секунд этот прохожий, показавшийся Майе странно знакомым, занимал ее воображение, но потом рассуждать стало некогда — Валя целеустремленно семенила впереди по тропинке, и приходилось поспешать, чтобы не потеряться. Лишь одна мысль назойливо билась в измученной черепной коробке: а ведь она довольно точно описала виденную мною Бабу Ягу — мелькнувшую в школьном вестибюле, а потом — лихо отплясывающую брейк в актовом зале, а потом...

— Там огонь! — вдруг взволновалась девочка, прибавив ходу.

Майя вскоре и сама увидела: свет в окне... Нет, огонь, костер — и не в доме, а снаружи, среди голых деревьев в маленьком, соток шесть, саду за старым штaketником.

— Стой здесь! — крикнула она, обгоняя Валью. Ага, вон красный бок знакомой «тойоты», вон сам Артур, в распахнутой дубленке, колдует над сырыми дровами с канистрой в руках — ни дать ни взять бродяга-турист на бивуаке, не хватает только гитары... И лицо подводит, решительное и жесткое, — нет, с таким лицом песни под гитару не горланят и девок в палатке не портят, с таким лицом одна дорога: в тыл врага с рацией и парашютом...

— Артур! — крикнула Майя.

Он удивленно и растерянно поднял голову.

— Ты? Ты что делаешь здесь, мать твою? Как ты меня нашла?

— Да вот, — она виновато развела руками, стараясь восстановить дыхание. — Вот нашла...

И бухнула, словно прыгнула в воду с вышки:

— Я все знаю.

— Серьезно? — Он усмехнулся. — Тогда — имя актера, играющего Петра Первого в рекламе «Кофейни на паях», восемь букв по горизонтали.

— Папа, кто там? — послышался жалобный голос из машины.

— Никого, сиди и не высовывайся.

— Послушай, — Майя заговорила быстро, скороговоркой. — Этим проблемы не решить. Есть свидетель — Келли, она видела...

— Какая еще... А, дочка твоего приятеля, кандидата в демократы... Она-то здесь при чем?

— Она была на третьем этаже, в закутке, где туалет для мальчиков, в тот самый момент, — выдала она бессвязную и бессмысленную фразу, но Артур, для которого существовал *единственный* вечер во всей тысячелетней истории человечества и единственное на Земле географическое место, понял все отлично.

— Она еще ребенок, какой дурак всерьез будет слушать ее лепет? Тем более что материальных улик нет и не будет. — Артур подхватил черный пакет — вот о чем упоминал детинушка со золотой цепью вокруг шеи! — и размахнулся, намереваясь швырнуть в костер...

Кто-то крепко схватил его за руку. Майя обернулась... Сзади стоял тот самый прохожий, сошедший с электрички. То-то он показался ей смутно знакомым...

— А вот этого делать не стоит, Артур Дмитриевич, — укоризненно сказал Колчин. — Ибо — вы правы — это улика.

Артур пристально посмотрел на Майю и сказал без выражения:

— Похоже, ты притащила «хвост».

Показания.

«— Это, собственно, идея Майи, я в нее не особенно поверил, но она сумела меня заразить, а я заразился... на свою беду. Дело-то было почти закрыто, оставалось поймать вурдалака — и к стенке...

— Вы имеете в виду Гоца?

— Я и сейчас не сомневаюсь, что он — убийца. Когда этот запойный гений сказал, что в витрине магазина стояло его бессмертное творение — чучело Бабы Яги, меня как громом ударило. То есть я ни секунды не думал, будто Лера и вправду убила...

— Тогда зачем вы поехали на дачу?

— Испугался. Первый порыв был: спрятать дочку подальше, пока все не уляжется, пока сам не разберусь. Уничтожить костюм, чтобы пресечь всякие... инсинуации. Поймите, я был сам не свой, всерьез опасался, что крыша поедет. Ума не приложу, как вы меня вычислили.

— Это заслуга Майи Аркадьевны. Я просто шел следом, предоставив ей возможность действовать.

— Она у нас большая затейница, — с непередаваемой интонацией сказал Артур. — Почему она так защищает Гоца? Вроде не сват, не брат...

— Кстати, костюм Бабы Яги, в котором ваша дочь была на дискотеке, совершенно чист. Ни капель крови, ни чего-то подобного... Давайте теперь вернемся к вашему сыну.

— Что тут сказать. Оглушенность, обескураженность прошли, стал искать приемлемое объяснение...

— И решили уничтожить важную улику...

— Ждете, что я стану извиняться?

— Нет, я вполне вас понимаю. Наверное, и сам поступил бы так же... Давайте попробуем подойти с другого конца. Расскажите мне о вашем дед.

— Мой дед? — удивление в голосе. — Дмитрий Макарович? При чем здесь он?

— Я пытаюсь добраться до мотива преступления. Убийца устроил пожар в школьном музее — это была его основная цель. Охранник и ваш сын (простите великодушно) погибли как свидетели.

Пауза.

— Собственно, я довольно мало знаю. И дед он не мой, а моей жены. Вернее, бывшей жены, так что он мне вроде и не родственник. В войну служил на Балтике, был мичманом на линкоре «Кречет». Имел медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны. Умер в девяносто первом, как раз на путч (говорил я старому, поменьше гляди телевизор — очень уж переживал за нашего Горби).

— Что вы отдали в музей?

— Ленточку от бескозырки, наградные документы, письма к бабушке (датированы, кажется, июлем сорок третьего) и фотографию. Но вы же не думаете, что ради них...

— Какие отношения у него были с Валерией?

— Мягко говоря, прохладные. Он что-нибудь спросит... или попросит — она, паршивка, задерет нос и мимо, будто не слышит. Хотя на похоронах плакала.

— Еще один вопрос. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Аристарх Францевич Гольдберг?

— Гм... Нет, среди моих знакомых вроде...

— А имя «Челнок» вам о чем-нибудь говорит? Точнее, не имя, а прозвище?

— Челнок? Ну, маленькая лодка...»

— Мне он кажется искренним, — убежденно сказала Майя, слушая магнитофонную запись. Они вдвоем со следователем расположились возле старенького катушечного монстра времен, пожалуй, еще сладкой черно-белой троицы Знаменский-Томин-Кибрит, вслух мечтавшей об искоренении мировой преступности к концу текущего квартала.

— Из ваших уст слышать об искренности, — устало хмыкнул Колчин. — А что касается «Челнока»... Все это настолько зыбко, противоречиво... Я на девяносто девять процентов уверен: тянем пустышку.

«— На вашем месте я бы не занимался историческими изысками, а сосредоточил внимание на Гоце. Если окажется, что школьный историк приходил к нему за экспонатами...

— К сожалению, его уже не спросишь.

— Вот как? Вы что же, не надеетесь его поймать?

— Василий Евгеньевич Гоц был убит вчера вечером, между восемнадцатью и двадцатью часами. Застрелен из пистолета Макарова.

Пауза — гораздо длиннее всех предыдущих.

— Значит, преступник его выследил... Он нашел его раньше вас!

— В связи с этим у меня вопрос, и постарайтесь ответить на него как можно точнее: где вы находились и что делали в указанный промежуток?

— Убийство... Черт возьми, но как?! Где?

— Так не пойдет, Артур Дмитриевич. Давайте все же займемся разделением труда: я спрашиваю, вы отвечаете.

— Конечно, — тяжелый вздох и невеселый смешок. — Вот и еще один из нас вне подозрений. В качестве алиби — смерть, классное название для триллера... Где я был? Дома. Чем занимался — убейте, не помню.

— А Валерия?

— Мы были вместе. Она может подтвердить...

— К сожалению, она является подозреваемой, и я не могу верить ей на слово. Как и вам всем.

— Что же прикажете делать?»

Показания.

«— Анжелика, ты не против, если я задам несколько вопросов? В присутствии твоего папы, разумеется.

— Лика, ты можешь не отвечать, — глас Севы Бродникова. — Вы не имеете права, я кандидат в депутаты...

— Пап, замолчи ради бога. Давайте свои вопросы.

— В первую очередь: где ты находилась вчера, пятого января, между шестью и восемью вечера?

— Дома, как обычно. Меня предки под охраной держат, вы разве не в курсе? Мама утверждает, будто я сижу на игле (хотя я ни сном ни духом), папа — что я потопила подводную лодку „Курск“...

— Лика, будь добра!...

— Одну минуту. А ты не слышала выстрел?

— Меня уже спрашивали. У нас магнитофон орал, в смысле через наушники... Но тетя Джейн не виновата!

— В чем?

— Она его не убивала.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что она была у нас. Мамка сначала ее не пускала — боялась, как бы я морально не травмировалась.

— Детка, этот маньяк держал ее под пистолетом, — тут же сдал Майю друг детства. —

Так что я не удивлюсь...

— Сначала давай поговорим о новогоднем вечере. Ты была в костюме Домино?

— Да, мне Валька Савичева состряпала. Она всем подряд шьет, кроме себя самой...»

— «Шить на себя скучно, — вспомнила Майя. — Все равно что писать себе самой открытки ко дню рождения».

— Правда? — Колчин задумчиво покачал головой. — А девочка, оказывается, философ.

«— Ты сказала, что выходила из актового зала. Во сколько примерно?

— Я не смотрела на часы. Где-то после десяти.

— Зачем?

— Просто так. Три часа подряд в этой музыкальной табакерке — свихнешься. Все выходили: кто покурить, кто свежим воздухом подышать.

— Что было дальше?

Пауза.

— Поднялась вверх по лестнице. Собственно, сначала я хотела выйти на улицу, но у центрального входа околачивался Эдик, а мне с ним влом было встречаться. Я толкнулась к черному ходу, где каморка завхоза, — заперто. Поплелась наверх, покурить...

— Лика! — начальственный окрик Севы.

— Да я фигурально. На самом деле просто...

— Ты была одна?

— Сначала да, а потом... Я услышала шаги Эдика внизу и голос: „Эй, подожди-ка!“ Или что-то в этом роде.

— Он не назвал того, к кому обращался?

— Ну, сначала я решила, что ко мне... В общем, я на всякий случай поднялась выше, на третий этаж, пробралась в закуток, где туалет для мальчиков, — там темно... Короче, затаилась. Думала, Эдик не найдет. Только он, оказывается, искал не меня.

— Давай-ка с этого момента поподробнее.

Лику явно передернуло.

— Мне и так это снится чуть ли не каждую ночь. То есть сначала я вообще не спала: только голову на подушку, глаза закрою...

Голос Севы:

— Лика, ты вовсе не обязана...

— А самое главное, я почти ничего и не запомнила: темень была, как у негра в ж... Короче, кто-то возился возле двери в музей — кто-то согнутый, как крючок, мне даже показалось, старушка. Платок с заплаткой, передник, какие-то несуразные остроносые башмаки на ногах... Я сначала чуть не рассмеялась: было забавно. А потом...

— Продолжай, милая, не бойся.

— Охранник протопал мимо (я вся сжалась: думала, заметит... Не заметил), вдруг закричал: „А ну стой! Ты что здесь делаешь?“ Она обернулась...

— Она?

— Она, — выдохнула Келли. — *Ведьма*.

— ...Подняла руку — у нее, кажется, была палка — и резко так, неожиданно, с размаха... Эдик даже защититься не успел. А она будто озверела. Эдик уже на полу лежит, а она бьет и бьет и остановиться не может. Только когда сирена включилась...»

— Остальное вы знаете, — сказал Колчин, останавливая пленку. — Включилась сирена, вы выбежали из кабинета истории, оставив дверь открытой, — путь свободен, убийца прячет труп...

— Но какая для этого сила нужна!

— Не обязательно. Он (или она) тащит охранника за ноги (на полу остался след). Пока вы бьетесь в дверь музея и тушите пожар — спускается вниз по лестнице и растворяется в толпе. Меня во всей этой эпопее настораживают два момента.

— Аналогично, — быстро сказала Майя.

— Ну-ка, ну-ка?

— Первый — запертый черный ход (Анжелика «толкнулась» мимо каптерки). «Волга» школьного директора стояла на стоянке на заднем дворе — как же он вышел?

— Второй?

— Костюм, — выпалила она, ощутив, как затрепетали ноздри в предчувствии... если не разгадки, то проблеска истины. — Келли сказала: платок с яркой заплаткой, передник, башмаки с острыми носами...

— Притом что лица она якобы не разглядела: темно. Ни цвета платья, ни покроя... Странная избирательность памяти.

— Ничего не странная! В костюме — настоящем, профессиональном костюме — должны выделяться две-три детали, остальное отодвигается на задний план, служит своеобразным фоном, Ли́ка запомнила то, что должна была запомнить...

Реакция у следователя оказалась что надо. Он моментально отомкнул сейф, выудил из него черный пакет с биркой — тот самый, конфискованный ночью на даче Артура, и вывалил содержимое прямо на стол, между распухшими от бумаг картонными папками и пишущей машинкой. Майя напряженно следила за его действиями.

Шерстяная кофта в розовый цветочек, знавшая лучшие времена, дачная юбка, давно выгоревшая на солнце, старые растоптанные кроссовки (папины, судя по размеру), коричневый платок (бывшая шаль с оторванными кистями и бахромой)...

— Это не тот костюм, — сказала Майя. — *Это другая Баба Яга!*

Глава 18

Дневник

«Он сильно сдал в последнее время — такова была моя первая мысль, когда я увидел доктора Немчинова на Литейном. Он с трудом спустился с высокого крыльца приемной губернатора (два жандарма-гренадера, не пошевелившись, скосили на него равнодушный взгляд), на негнущихся ногах добрел до лавочки под старым вязом, присел на краешек, уставясь в никуда, не видя праздно гуляющих парочек — военные мундиры, партикулярные платья чиновников, модные парижские туалеты на дамах под кружевными зонтиками от солнца, лотки и разносчики, ажурная мебель прямо на улицах, перед открытыми кафешантами и открытые экипажи, небесная лазурь в жарком мареве и голуби у скамеек, выпрашивающие хлебные крошки. Редкая для Петербурга благодатная погода.

Стоял теплый день в самом конце мая, но Павел Евграфович был одет едва ли не по-зимнему: пальто со стоечкой из темного сукна, такой же темный котелок на манер английского, черные брюки и начищенные до зеркального блеска ботинки. Лишь светлый шарф не позволял ему выглядеть так, словно он только что с кладбища. Я присел рядом, будто случайно, и с наслаждением подставил лицо солнышку, любуясь сияющими небесами и листвой, набравшей силу поздней весны.

— У вас случилось несчастье? — участливо спросил я. — Прошу извинить меня за бестактность, но вы выглядите нездорово.

Он молчал.

— Общение с чиновниками — всегда тяжкий труд, они неповоротливы и невежливы. Таковы, к сожалению, многие представители власти. Вы ведь, если не ошибаюсь, вышли из приемной губернатора?

— Мне отказали, — скорее понял я, чем расслышал. — Я подал четыре прошения... Не знаю, зачем я рассказываю вам это. Мы с вами совершенно незнакомы.

— Знакомому человеку не всегда можно открыться. Легче быть откровенным со случайным встречным, поверьте моему опыту. Хотите — расскажите, на душе полегчает, не хотите — я не обижусь.

В его безжизненных глазах впервые что-то мелькнуло.

— Наверное... Наверное, вы правы. — Он посмотрел на меня слезящимся взглядом, и я во второй раз подумал: как сильно он изменился за последние полгода. Словно разом рухнула опора, поддерживавшая его в этой жизни. — У меня были две дочери. Сонечка и Люба. Я вам покажу их фотографический портрет, вы не против?

Он полез во внутренний карман, долго и бестолково копался там, наконец вынул бумажник и протянул мне миниатюрный портрет в темном овале — две милые девочки, два темноволосых ангелочка в белых атласных платьицах, рядом с матерью Анной Бенедиктовной, цельная и восхитительно законченная композиция, объединенная и овеянная любовью, будто неким невидимым свечением...

— Прелестно, — сказал я, надеясь, что не выдал себя голосом. — Это ваша младшенькая? Прекрасная девочка.

— Она в Шлиссельбурге, — ровным голосом проговорил он. — Страшное место, особенно для девушки. Я падал в ноги губернатору, сутки просидел в приемной обер-полицмейстера, подавал прошение в Департамент... Все без толку.

— А что же Ниловский? — спросил я и прикусил язык: вот так сыплются опытные конспираторы, в мелочах, на краткую секунду теряя контроль над собой. Однако старик не заметил.

— Я долго не мог добиться аудиенции. А потом... Он выслушал меня — когда-то мы были близко знакомы, он даже, кажется, ухаживал за Сонечкой... О чем это я? — Немчинов сбился, лихорадочно пытаюсь найти нить разговора. — Да, он выслушал. А потом совершенно равнодушно сказал: „Ничего нельзя сделать, милостивый государь. Это ведь вам не чтение революционных брошюр, не игры в конспирацию на студенческих посиделках — обвинения против вашей дочери куда как серьезны. Боюсь, моей власти прекратить дело будет недостаточно, тут заинтересованы верхи, процесс необратим..." Господи, как я мог оставить ее одну?!

— Софья — это ваша старшая дочь?

Он будто не расслышал. Все его сознание, всю жизнь — прошлую и настоящую — вобрала в себя крошечная миниатюра в изящной овальной рамке тонкого серебра. Она действительно была красавицей, его дочь, в чертах которой сочетались гордость и надломленность и какая-то очень аристократичная безысходность, словно она предчувствовала свой конец (правила конспирации, выученные по брошюре, составление отчетов по ночам, при свете лампы, муки совести, слезы в подушку, которых никто не видел, — где вы были, дражайший Павел Евграфович, где были ваши глаза? Черная вуаль, визиты к „доктору Вердену" — гибель, гибель...). Да, она предчувствовала конец. И приняла его как величайшую милость.

— Она умерла, моя Сонечка.

Я точно разыграл реакцию на известие о смерти (пусть и незнакомого человека).

— Умерла... Господи, что вы, должно быть, пережили... Как это случилось?

— Она отравилась. Или ее отравили — полиция не пришла к однозначному выводу. Мы не представлены, извините...

— Это не важно.

— В самом деле... Следователь высказал мысль, что к смерти Сонечки причастен ее муж, Вадим Никанорович Донцов. Однако улик не нашлось (как, впрочем, и алиби: якобы в тот момент он был в ресторане, на банкете по случаю удачной сделки). Да я и не верю в его виновность: где мотив? Материально он не был заинтересован в ее гибели, а любовь, ревность, страсть... вообще сильное чувство ему, кажется, неведомо. Холодный расчетливый делец, не понимаю, что Сонечка нашла в нем... Впрочем, богат, привлекателен, еще не стар, имеет вес в обществе.

— Гм... Вы не верите в самоубийство и не верите в виновность вашего зятя... Значит, у вас есть собственная версия случившегося? Вы наверняка не раз размышляли над этим...

Он вздохнул.

— Я уже забыл, когда спал в последний раз. Есть такое божье наказание: бессонница.

Говорят, происходит от нечистой совести.

— В чем же вы видите свою вину?

Он молчал. Я уже собрался окликнуть его, но Павел Евграфович вдруг очнулся и извлек из знакомого портмоне измятый листок тонкой ученической бумаги.

— Я уже два года ношу это с собой — сам не знаю зачем. Стараюсь вникнуть в смысл, но, странное дело, мозг сопротивляется, не дает...

— Что это?

— Я нашел это случайно, в корзине для бумаг. На следующий день после смерти Сонечки. Поначалу я решил, что она писала кому-то письмо — она всегда составляла прежде черновик, потом переписывала набело. Но потом...

Я посмотрел на бумагу: памятка ученику, как вести себя на улице при встрече с учителем гимназии, директором или попечителем, красиво напечатанные строки под заголовком с красивым вензелем. Перевернул — разлинованное поле для „Расписания занятий“, пустая графа отметок, отрывные билетки для посещения драматического театра... И какой-то рукописный текст, смысл которого до меня дошел не сразу.

— Это писала не Сонечка, — сказал профессор Немчинов. — Не ее почерк, и дневник... Зачем писать в дневнике, если есть целая пачка специальной бумаги для писем (полиция нашла у нее в вещах), — он вдруг внимательно посмотрел на меня, чуть сощурившись. — Скажите, мы не могли встречаться раньше?

Я заставил себя улыбнуться.

— Вряд ли. У меня слишком типичное лицо, так что ваша реакция неудивительна.

— Правда? — непонятно было, поверил он или нет. — Что ж, прощайте. И простите меня за излишнюю болтливость. К старости человек часто начинает страдать словесной несдержанностью.

Он с трудом поднялся и пошел прочь, заметно подволакивая левую ногу. У него была походка глубокого старика, хотя (я подсчитал) ему должно было быть не больше шестидесяти пяти.

Забегая вперед, скажу, что много лет — пока я был в состоянии — я старался не выпускать Любушку из поля зрения. Давно уже перестал существовать Летучий отряд Карла: в одну мартовскую ночь были арестованы все его члены. Восьмерых — ядро — повесили на Каменном острове, остальных „закатали“ в Сибирь и на Сахалин или приговорили к разным срокам. Лебединцева я больше не встречал... Мне рассказывали, что когда жандармы ворвались в квартиру, где он скрывался (это лишний раз убедило меня в моих подозрениях: только один человек знал адрес, и только он мог навести полицию на след), Карл отпрыгнул к стене и закричал: „Осторожнее! Здесь кругом динамит, если будете стрелять, дом взлетит на воздух!“

Его взяли со всеми предосторожностями — комната и впрямь была наштапована взрывчаткой, готовился акт против министра юстиции. Одна искра — и на месте большого дома со множеством жильцов осталась бы черная воронка. Люба Немчинова сдалась сама: гордо положила браунинг на стол и протянула вперед руки.

— Мы могли бы обойтись без наручников, барышня, — сказал жандармский офицер. — Если вы дадите слово вести себя спокойно».

— Не могу обещать, — усмехнулась она. — И уж во всяком случае, я не нуждаюсь в вашей жалости.

...Лебединцева казнили через две недели после вынесения приговора. Позже в его камере нашли записки, поразившие ученых-астрономов смелостью своей мысли: он был на грани новой концепции рождения галактик.

Любушка держалась до конца — после того как закончилась обвинительная речь (прокурор требовал смертной казни), она поднялась и продекламировала в зал строки Пушкина: „Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья...“

— Боже, как они молоды и чисты, — прошептал прокурор Ильин, выйдя из здания суда, — белый до синевы, пытающийся закурить, но то ли руки дрожали, то ли слишком

сильный был ветер. — Мы никогда их не одолеем. На нашей стороне сила, да... Но нет убежденности, нет настоящей веры, нет горенья. Лишь слепая бюрократия: мы видим, куда она ведет нас, и молчим.»

С Литейного он поехал к полковнику Ниловскому. Тот, увидев его состояние, достал из серванта бутылку „Смирновской“, налил два фужера и тихо произнес:

— За упокой их души, Владимир Гаврилович...

Ей разрешили петь, и она пела. Разрешили перестукиваться с соседями — и она просила, чтобы ей передали веревку, повеситься. Она всегда стучала нервно и очень быстро, так, что трудно было разобрать. Она была очень смела — смелее многих. На прогулке 1 мая она вдруг запела „Вы жертвою пали в борьбе роковой...“. Охранники кинулись к ней, началась свалка, закончившаяся карцером — каменным мешком без окон, в глубоком подвале. Из карцера ее вызвали в канцелярию — оттуда она пришла возбужденная, с неистово горящими глазами... Оказалось, что начальник предложил ей выбор: предать — и тогда приговор ограничится двадцатью годами каторги, или быть повешенной. «Вы молоды и красивы, — сказал он ей. — Кроме того, ваш батюшка имеет в обществе достаточный вес — возможно, нам удалось бы сократить срок, заменить каторгу ссылкой... В конце концов, и в Сибири живут люди». Любушка расхохоталась ему в лицо и выбрала виселицу.

Павел Евграфович действительно сделал все, что мог, ради дочери. Он рыдал, умолял, совал взятки одним и пытался даже шантажировать других... Не представляю, на какие рычаги он нажал, но через полгода врачебная комиссия признала Любушку невменяемой. Возможно, медицинские светила не так уж и покривили душой: к концу зимы девушка сдала окончательно — смеялась целыми сутками, отказывалась от прогулок, польку-бабочку танцевала по ночам сама с собой (надзирателей и тех пробирал мороз: черные стены, квадратик лунного света на полу, сквозь решетки, и женский силуэт, кружащийся, грациозный, словно летящий над каменным полом... Когда-то, еще в гимназии, Любушка была первой ученицей в танцзале).

Ее перевели в Творки (дом для умалишенных) — по сути, та же тюрьма с жестокими санитарями, где она пробыла вплоть до Февральской революции. Потом я потерял ее след. Времена настали лихие — настоящий Апокалипсис в отдельно взятой стране, выбранной Господом для каких-то своих жутковатых экспериментов. Людей разбрасывало взбесившимися волнами, безжалостно топило или выкидывало на край земли, на безымянные скалистые острова... По крайней мере, так я ощущал себя, сидя в маленьком флигеле двухэтажного дома на улице Ля Пинэ в Париже, откуда был виден левый берег Сены и Марсово поле. На первом этаже дома помещался рыбный магазин господина Рогера — хмурого норвежца, торговца сельдью и угрями, которых вылавливали в Северном море его соотечественники. Сначала рыбные запахи доводили меня до исступления, потом ничего, привык. Новости из России я узнавал из газет (крикливый мальчишка на велосипеде бросал мне их под дверь) или из писем друзей, которые приходили с опозданием в два-три месяца. Одно из них, написанное врачом психиатрической клиники в Творках, поведало мне о судьбе Любы Немчиновой. Однако это письмо от него оказалось единственным: вскоре в здание больницы угодил шальной снаряд, врача убило на месте, а Любушка...

Впрочем, все это — череда переворотов, войн и лихорадочных метаний из-под одних знамен под другие, бурлящий и ненавистный Париж, нищета (хотя газетенка, в которой я подвизался корректором, изредка подбрасывала кое-какие гроши, не давая умереть с голоду) — еще только предстояло, пока же я сидел на скамейке в сквере, в Петербурге, напротив Египетского моста с его знаменитыми сфинксами, рассеянно смотрел в спину Павлу Евграфовичу и рассеянно вертел в руках тот самый листок из гимназического дневника, брошенный кем-то за ненадобностью в корзину для бумаг. Я разгладил его ребром ладони, и буквы — стремительные, нетерпеливые, запрыгали у меня перед глазами.

„Милостивый государь! Довожу до Вашего сведения...“

Внизу, справа, стояла знакомая подпись: «Агент Челнок».

Вот только почерк... Почерк был чужой, не Софьи — уж ее-то манеру письма я распознал бы среди тысяч других. Я до сих пор храню этот обрывок бумаги. И теперь только мы вдвоем знаем имя провокатора, погубившего боевой отряд Карла. Я — и Павел Евграфович Немчинов (умерший от тифа в сентябре 19-го года). Он догадывался (сердце подсказало) — и гнал от себя свою догадку, словно проказу, врал себе, что этого не может быть... И в конце концов, возможно, поверил в собственную ложь. И обрел покой.

Иногда я завидую ему: моим-то мытарствам еще не видно конца. Я еще должен найти и покарать предателя... Если успею. А нет — за меня это сделает кто-то другой...»

— Вот и все, — задумчиво произнес следователь, закрывая пухлую картонную папку. — Поздравляю, у вас великолепная зрительная память, Майя Аркадьевна. Признаться, я вам не верил, сомневался до последнего момента.

— Откуда это? — слегка ошарашенно спросила она (черт возьми, а я-то злилась на него за бездействие!).

— Из Исторического музея в Питере и Московского историко-архивного института, я послал туда запрос и получил фотокопии документов. Автор дневника, Аристарх Гольдберг, умер в декабре 24-го, все его имущество перешло к хозяину рыбной лавки, некоему Августу Рогиру, потом — к его дочери и внучке, ну а те... Дальнейшие следы участников событий теряются. Николай Клянц (видимо, он и есть агент Челнок), возможно, эмигрировал или погиб. Любовь Немчинова закончила дни в сумасшедшем доме...

— Непонятно, почему Гольдберг проявил такой интерес к ее судьбе? — неожиданно спросила Майя. — Даже списывался из Парижа с врачом клиники в Творках (дело по тем временам совсем не простое)... И где сам дневник?

— А вы как думаете? — вяло поинтересовался Николай Николаевич.

— Я думаю... Нет, я уверена: его украл Клянц. Дневник был его приговором.

— Почему же он не украл письма, адресованные Гольдбергу?

— Масса объяснений. К примеру, их успел забрать владелец магазина — не мочить же старика...

Колчин усмехнулся:

— Вы, кажется, подозреваете агента царской охраны в излишней сентиментальности. Софью Немчинову он отравил, нимало не смущаясь... Кстати, если верить письмам, он сделал это задолго до того, как Любовь Павловна стала любовницей Карла.

Майя нахмурилась.

— Хотите сказать, Люба была для него только ширмой? И он сам свел ее с Карлом, чтобы... Нет, это невероятно!

Следователь побарабанил пальцами по столу.

— Ее отец, если помните, сказал то же самое: невероятно. «Знал — и гнал от себя, врал себе, что этого не может быть...» Однако меня заинтересовало не это, — он напрягся и прочитал по памяти: — «Я один знаю имя предателя. Я — и Павел Евграфович Немчинов».

— И что?

— Но почему он не упомянул о Лебединцеве? Тот факт, что Николай Клянц был агентом охраны, по идее был известен троим: Немчинову, самому Гольдбергу и Карлу. Почему он забыл о Карле?

Майя пожала плечами:

— Может быть, именно забыл?

— Ну нет. Этот человек, насколько можно судить, всегда был точен в деталях. Жизнь научила.

Она задумалась, подперев ладонью подбородок. Николай Николаевич поднялся, прошел до зарешеченного окна и обратно, разминая мышцы, снова сел — с некоторых пор он, похоже, воспринимал Майю если не как привычный предмет обстановки (сейф или увядший фикус на подоконнике), то как своего сотрудника или сослуживца, с которым приходится делить кабинет. Майя тоже как-то незаметно для себя стала приходить сюда

словно на работу, следуя ежевечернему распорядку. По необходимости: дневная суета (занятия с учениками и неуклюжая имитация любительского следствия) кое-как отвлекала — тем круче наваливалась тоска вечерняя. От ночной спасало снотворное, которым щедро снабжала Ритка. В определенный час она собиралась (Колчин галантно помогал надеть пальто. «А вы?» — «Мне нужно еще поработать». — «Я думала, вы проводите меня до дома». — «Увы. Вот искореним преступность в мировом масштабе...»), выходила из здания прокуратуры и брела пешком вдоль заснеженных улиц, не торопясь (вот оно, преимущество «дамы на перепутье»: голодный муж не требует отчета, и дети не изводят жутковатыми просьбами о киндер-сюрпризах) и играя с городом в незамысловатую игру: я якобы не узнаю его, а он — меня, каждый занят своими мыслями...

Иномарка Севушки сиротливо мокла перед подъездом, окна Бродниковых светились, у Веры Алексеевны было темно — видно, чаевничают вместе, заварной чайник стоит на красиво вышитой салфетке, сахарница и четыре чашки... Хотя нет, Сева любит пить из стакана в подстаканнике. Майя представила себе собственную пустую квартиру — чистенькую кухню в розовом кафеле, кресло в гостиной перед телевизором, развороченный выстрелом дверной косяк — и едва не расплакалась. Идти домой не хотелось.

Пуля, застрявшая в дереве... Гоц сам открыл преступнику дверь и погиб вместо меня (почему-то этот постулат теперь казался неоспоримым), Келли и Вале Савичевой повезло больше: обе видели убийцу — и обе остались живы, получив одинаковые письма-предупреждения. Что касается Келли — все понятно и объяснимо: из своего укрытия она успела рассмотреть карнавальную Бабу Ягу в деталях. (А та — ее? Неужели действительно не заметила?) Две одинаковые записки, две девочки-свидетельницы — и два совершенно разных описания убийцы (Колчин в этом месте усмехнулся бы с видом превосходства профессионала над махровым «чайником»: «Свидетели, Майечка, всегда противоречат друг другу, это закон природы. Если один говорит, что жертву сбил блондин на японском джипе, другой обязательно возразит: не на джипе, а на горбатом „запорожце“, и не блондин, а старуха, красящая волосы под брюнетку»).

Валя: «Слепа я, как летучая мышь, вот беда». — «Ну, хоть что-то ты заметила?» — «Человечек пробежал в чем-то красном, но не ярком, а поношенном, понимаете?»

Келли: «Передник и платок с яркой заплаткой, остроносые башмаки, согнутая крючком фигура — я сначала решила, старушка...» Старушка, отплясывающая брейк на дискотеке.

Стоп. (Майя действительно резко остановилась посреди тротуара. Кто-то налетел сзади, изрыгнул проклятие и понесся дальше.) Я совершаю ту же ошибку, сваливаю все в одну кучу. «Старушка» не плясала на дискотеке — она тихонько прошаркала по пустому коридору, подожгла музей и убила охранника. Другая Баба Яга (Лера Кузнецова) веселилась внизу, в актовом зале. Валя Савичева и Лика сходились лишь в одном: убийца был одет во что-то красное. Он вошел в вестибюль (предположим, дождавшись, пока бдительный страж утратит на минуту свою бдительность), шмыгнул наверх, однако был замечен, охранник бросился следом, уронив под стул «Русский транзит»... В этот момент Валя выглядывает из дверей актового зала и видит фигуру в поношенном розовом платье или кофте — никаких передников, никаких ярких пятен, «просто старое тряпье, понимаете?». Несколько секунд позже Лика, девочка-Домино, заслышав шаги охранника, прячется в темном закутке и видит *другую* Бабу Ягу, *в другом костюме* (другом, другом — это вам не спутать японский джип с «запорожцем»!). А дальше начинается мистика: в школу убийца пришел явно не в карнавальном наряде — где он (она) мог переодеться? Не в вестибюле на глазах у охранника. Не на втором этаже: нет времени, встревоженный Эдик, почуяв недоброе, топает следом. Где?

Где, черт побери?!

Майя нашла телефонную будку, поколебалась несколько секунд и набрала номер прокуратуры.

Колчину не хотелось снимать трубку. Он уже надел пальто и шапку и выключил свет в кабинете. Но телефон звонил со стоическим терпением — так в далеком детстве бабушка

убеждала семилетнего Колю выпить рыбий жир.

— Слушаю.

— Николай Николаевич!

Он с трудом сдержал раздраженное междометие.

— Вы еще на работе?

«Дурацкий вопрос. Нет, я дома».

— Слушаю, Майя Аркадьевна.

— Николай Николаевич, я знаю, почему Гольдберг так странно выразился...

— Какой еще... Ах, да, — он вздохнул. — Мне бы ваши заботы.

— Нет, послушайте. Он писал: «Я один знаю имя предателя...» Но ведь Николая Клянца разоблачил Лебединцев. — Казалось, на том конце провода собеседник притоптывает от возбуждения. — Значит, предателя должны были знать не двое, а трое!

— Мы уже обсуждали это...

— Да, я помню. Так вот, я думаю, Гольдберг написал правду. Только ему был известен настоящий провокатор и убийца, а Карл...

— Что?

— *Карл ошибался.* Провокатором был вовсе не Клянец. Меня просветил один сотрудник в библиотеке: царская охранка часто прибегала к подобному приему — подсовывала подпольщикам ложного агента, чтобы отвлечь их внимание от настоящего. Алло, вы слышите? Вы еще там?

— Куда же я от вас денусь. — Следователь помолчал. — Знаете, если вы правы (вероятность слабая, но чем черт не шутит), то преступник поджег музей, чтобы скрыть эту историю почти вековой давности... К примеру, всегда считалось бесспорным, что под псевдонимом «Челнок» скрывался Клянец, и вдруг...

— Не понимаю, — призналась Майя. — Кто бы он ни был, я имею в виду, провокатор, его кости давно сгнили в земле...

Колчин философски пожал плечами:

— Значит, не сгнили. Какие еще соображения?

Она наморщила лоб, стараясь не упустить мелькнувшую мысль.

— Келли упоминала: согнутая крючком фигура у двери музея, шаркающие шаги — прекрасно сыгранный сценический образ. А вы сказали позже: «Нынешнее поколение подобные проблемы не волнуют, они отчества своих бабушек-дедушек не всегда знают...» Я подумала: возможно, сценический образ тут ни при чем и *убийца никого не играл?* А шаркающая походка...

Длинная пауза: следователь, смирившийся с тем, что последний автобус уйдет без него, обдумывал новый постулат.

— Фантазия у вас, однако. Что ж, если и так — доказательств нет, единственная улика, дневник Гольдберга, сгорел в пожаре...

— Рукописи не горят, Николай Николаевич, — возразила Майя. — Это, конечно, только метафора, но...

Вежливое молчание на том конце провода. Майя почувствовала глухой приступ отчаяния. Все детали, составляющие разрозненные картинки из прошлого, завертелись в неистовой карусели, в заколдованном порочном круге: кажется, вот она, разгадка... Но нет улик (лишь одну она успела спасти — костюм новогодней ведьмы, да и та не к месту, словно камешек из чужой мозаики), давно умершие свидетели, кто своей смертью, кто не своей...

Аристарх Гольдберг (Париж, 17 декабря 1924 года, сердечный приступ, тело обнаружил старик Рогир, когда взломал дверь топориком, — труп просидел в кресле перед потухшим камином четыре дня и стал потихоньку разлагаться). Николай Клянец (застрелен у себя в номере в пансионате «Лазурный» в Ницце 9 мая 39-го года — темное дело, на нынешнем милицейском диалекте — «глухарь», убийцу не нашли). Всеволод Лебединцев («Карл», умер на виселице 4 апреля 1911 года). Любовь Немчинова (нет достоверных сведений: возможно, погибла при взрыве снаряда, попавшего в дом для умалишенных в

Творках). Софья Немчинова (убита при невыясненных обстоятельствах в Петербурге, в особняке мужа). Павел Евграфович Немчинов (11 сентября 19-го, Петроград, сыпной тиф...). Никого, кто мог бы подтвердить или опровергнуть...

— Значит, все? — тихо спросила Майя. — Тупик, дело закрыто?

Пауза.

— Почему вы молчите?

— Думаю, — отозвался Колчин. — Вы правы, насчет рукописей — это метафора, однако, мне кажется, есть шанс. Крохотный, один из тысячи, но все же...

Майя замерла. Следователь колебался — это было ясно по голосу.

— Понимаете, школьный музей после пожара никто не видел, его сразу опечатали. То есть никто посторонний не мог знать, насколько он пострадал: уничтожил ли огонь все экспонаты, или часть сохранилась... — он словно осторожно подталкивал ее к чему-то, на что не имел права.

Она ткнулась разгоряченным лбом в обледенелое стекло. Никто посторонний не мог...

— Вы понимаете меня? — настойчиво спросил он.

— Да. Кажется, да...

— И вы согласны?

— Да, — сказала она без колебаний.

— Тогда сделаем так...

Короткие гудки.

Колчин недоуменно повертел трубку в руке, положил ее, снова поднял, набрал номер Майиной квартиры. В тишине пустой прихожей раздались равнодушные и равномерные звонки. Майя в телефонной будке, в ста метрах от родного подъезда, удивленно оглянулась и увидела, как чья-то рука вынырнула сзади и нажала на рычаг.

— Сева?

Друг детства аккуратно повесил трубку и ледяным тоном осведомился:

— Что ты ему сказала?

— Кому?

— Не притворяйся. Следователю.

Майя пожала плечами: мало ли что может женщина («дама на перепутье») сказать мужчине — от жаркого многообещающего «да!» до лукавого многообещающего «нет!».

— Шпионишь? — улыбнулась она. И попыталась выйти из будки, но Сева вдруг сделал шаг и загородил ей дорогу.

— Я не шучу, — ровным тоном сказал он.

Только сейчас она разглядела, какие холодные у него глаза. В остальном он мало изменился, законсервировавшись в тех временах, когда собирал под свои знамена комсомольцев-первокурсников, испуганно смотревших ему в рот. Та же покровительственная улыбка, те же демократичные ямочки на идеально выбритых щеках — помесь техасского ковбоя и сенатора из Южной Каролины (идолопоклонство перед Западом тогда не поощрялось, но выглядело прогрессивно и добавляло пикантности в имидж). Но глаза...

— Что ты все вынюхиваешь? — проговорил Сева, нехорошо усмехаясь уголком рта. — Тебя органы наняли?

— Нет. Ты же знаешь, я просто свидетель.

— И тебе больше всех надо?

— И мне больше всех надо.

— Иногда меня так и тянет свернуть тебе шею, — с задушевной добротой сообщил он. — Просто взять за горло и сжать...

— Как Гришу Кузнецова, да? — прошептала Майя.

— Я ничего не знаю ни о каком Грише. А вот ты... Ты меня достала.

Скрипнул снег — кто-то прогулочным шагом прошествовал мимо, даже не взглянув в

их сторону: все в порядке, супруги (любовники, шеф и секретарша, прораб и каменщица, сутенер и девочка по вызову) мирно, без мордобоя, выясняют отношения... Конечно, Ритка, образцовая спутница жизни, сказала ему о пистолете, а Вера Алексеевна — о загадочном шуме в Майиной прихожей...

— У следователя было два основных подозреваемых, — медленно сказала она, стараясь не отрываться глазами от друга детства. — Два кандидата в Думу — два кандидата в убийцы. Теперь остался один. Ты понимаешь, что это значит?

— Великолепно, — Сева опешил на секунду, потом расхохотался. — Это называется «нападение как лучший способ защиты», да? Ты подбрасываешь следствию улики против всех по очереди и потихоньку отводишь подозрение от себя самой...

— Ты о чем?

— О самом очевидном, Джейн. О том, что ты единственная, кто не попал под колпак. А между тем только ты знала, где лежит пистолет, только ты могла открыть дверь собственной квартиры...

То же самое сказал и Колчин, с горечью подумалось ей. Он стоял в коридоре, над трупом школьного директора, а смотрел на меня, на меня!

— Ты заперла Ромку в этом гребаном музее — что тебе мешало плеснуть бензинчику... — Лицо Севы исказила какая-то внутренняя мука. — Мне, собственно, плевать на твои дела, мне хватает своих. Мне плевать, что ты подвела меня под удар. Но из-за тебя пострадала Лика...

Он сделал шаг вперед, расчетливо перекрывая Майе путь к отступлению, и сунул правую руку в карман — жест был достаточно красноречивый, можно было и не тратить на слова...

Неясная тень вдруг возникла у него за спиной, из снежной круговерти, рванула за плечо, одновременно проводя болевой захват...

— Осторожно! — крикнула Майя сквозь слезы. — У него оружие!

Двое завозились на снегу, рыча от ярости и треща швами на одежде. Майя вылезла из телефонной будки, явно не зная, что делать дальше. У ее ног бушевал самый настоящий буран, маленький смерч, внутри которого хрипело и взвизгивало нечто многорукое, дикое, первобытное... Тела сплелись и расплелись — Севка оказался внизу, скрюченный и постанывающий, а Артур, без шапки, в расстегнутом пуховичке, держал противника за вывернутую кисть.

— Джейн, ты цела? — спросил он. — Звони в милицию, пусть заберут этого...

— Я тебе покажу милицию, сосунок, — прошипел Сева, пытаясь освободиться. — Я тебя самого сгною на параше! Я депутат...

— Ну, не ври, — осадил его Артур. — Выборы только послезавтра.

— Прекратите сейчас же! — выкрикнула Майя, вне себя от злости. Еще бы чуть-чуть, и она сама ринулась в драку... Однако голова вдруг закружилась, она сделала шаг и схватилась за ствол дерева, чтобы не упасть.

Как ни странно, ее послушались. Мгновенно расцепились и разошлись по углам ринга, напоследок обменявшись крутыми репликами:

— А жаль, что я тебя недодушил.

— А я тебе шею не свернул.

— Прекратите, я сказала! — Она отлепилась от дерева, пошатываясь, подошла к маленькому предмету, выпавшему из кармана Севы, присела на корточки и подняла... Подмокшая, втопанная в землю пачка «Герцеговины Флор», половина сигарет безвозвратно погибла, превратившись в неаппетитное месиво. Тут тебе, как говорится, и нож, и пистолет.

А пистолетик-то не найден, шепнул ехидный голос из преисподней. Стало быть, по закону классической пьесы, должен объявиться в финале перед занавесом и выстрелить. Так что расслабляться рано.

Рано, согласилась Майя, медленно опускаясь в сугроб. Все поплыло перед глазами, оба потрепанных в схватке рыцаря встревоженно подскочили, схватили под руки...

— Джейн, тебе плохо? Ты что с ней сделал, урод?
— Сам урод, я ее пальцем не тронул.
— Не надо, — слабым голосом возразила она. — Я в порядке.
— Кой черт «в порядке»...
Они переглянулись, мигот забыв свои распри. Сева, подумав, тяжело вздохнул.
— Что ж, прошу ко мне, гости дорогие, — сказал он с той приблизительно интонацией, с которой говорят: «Пошли вон!»

Глава 19

Словно разыгрывалась сцена из классического староанглийского детектива, подумалось ей — в театральных декорациях аристократической гостиной средней руки: сервант из настоящего мореного дуба, светло-серый ковролин в тон гардинам, люстра на заказ, имитирующая газовый фонарь где-нибудь на набережной в Петербурге, строгая роскошь двух огромных кресел и длинного дивана, где в живописном беспорядке расположились шестеро действующих лиц — подозреваемых, свидетелей и невольных сыщиков. Артур, невозмутимый, как тотемный воин Стивен Сигал; готовая простить всех и всех примирить Вера Алексеевна, Севкина теща; Келли, сжавшаяся в кресле в маленький неприкаянный комочек, забывшая об обычной напускной спеси. Ритка, примостившись подле мужа, точно фронтовая санитарка на поле боя, промокала ему царапину на виске ватным тампоном с чем-то дурнопахнущим. Тот нервно шипел и дергался.

— Ну, ну, успокойся, — терпеливо увещевала она. — Еще схватишь заражение крови...

— Скорее Корсаковский психоз. — Он недобро усмехнулся. — Наша великая сыщица подозревает меня в убийстве, ты в курсе?

— Она просто нашла козла отпущения, дорогой. — Рита холодно взглянула на Майю. — А сама втихую подтасовывает улики и втирается в доверие к следователю. Не удивлюсь, если они действовали с Гоцем заодно.

— Чита! — изумилась Майя.

— Зачем ты впутала нас в это дерьмо? Сева сейчас в страшном напряжении, выборы через два дня... Уже через один. Любое неосторожное слово — и...

— Не переживайте, — флегматично успокоил Артур. — Ваш основной противник все равно сыграл в ящик, так что путь свободен.

— Не болтай о чем не знаешь, ты... — Сева экспансивно вскочил на ноги и побагровел лицом. — И так было ясно, что он пролетит! Меня поддержал губернатор, и в Москве... А он был в бегах, подозревался в двух убийствах, на кой хрен мне... — в минуты душевных волнений друг детства начинал изъясняться просто, проще некуда. — Да и с какой радости он открыл бы мне дверь?

— А если дверь открыл убийца?

— Нет, — сказала Майя. — У нас был уговор: он никогда не подошел бы к двери, услышав ключ в замке. Я ведь могла прийти не одна...

— А с кем же? — ядовито поинтересовалась Рита. — Неужто с другим мужчиной?

— Не твое дело! — она едва не сорвалась на крик. — Гоца застрелили на пороге! В сердце, почти в упор! Почерк профессионала (вспомнился флегматичный эксперт, ковыряющий пинцетом дверной косяк). И траектория выстрела — слегка снизу вверх, под углом — поэтому тебя, Севушка, я готова исключить, вы с Гоцем были одного роста.

— Премного благодарен.

— Не за что, — она понемногу пришла в себя. — Как бы то ни было, «загадка открытой двери» все равно остается неразрешенной.

— А может, он сам? — предположила Келли. — Опять бегал за водкой, а замок оставил...

— На кухне еще оставалось полбутылки.

— Ну, мало показалось.

— Почему же не купил?

— Не было в магазине.

— Была, — вздохнула Майя. — Аж шесть наименований, милиция проверяла... Я представляю себе так: Гоц услышал из-за двери голос, к примеру: «Меня прислала Майя Аркадьевна, она просила передать, что настоящий убийца арестован, с вас сняты все обвинения...» Или что-то в этом роде.

— Думаешь, он купился? — озабоченно спросил Артур.

— Возможно. — Она помолчала. — Он свято верил, что рано или поздно его оправдают, но — парадокс! — надеялся больше на меня, чем на официальные органы. Поэтому пришел ко мне за помощью. И ведь я почти сделала это! *Я почти доказала его невиновность...*

Она тряхнула головой и подумала: он умер. Умер, и его больше никогда не будет. Он устроил себе самое лучшее, самое оптимальное алиби на свете.

— Следователь высказал предположение, что школьного директора убили вместо меня. — Она быстро прошлась взглядом по лицам: Сева не отреагировал, Артур нахмурился, Вера Алексеевна вскрикнула от испуга.

— Майечка, да как же так? У кого рука поднялась?

— Тетя Джейн, честное слово, это не я! — выкрикнула Лика.

Рита тут же оказалась рядом.

— Ну, ну, успокойся, никто тебя не подозревает. — Она подняла глаза на Артура. — Конечно, я не думаю, будто вы задушили собственного сына — для этого нужна вовсе уж... нездешняя психика. Но ведь зачем-то вы пытались сжечь костюм Бабы Яги! И на даче скрывались...

— Я уже объяснял: я испугался за Валерию. Оказалось, напрасно: Анжелика костюм не опознала, кто-то просто оделся похоже... Одного не пойму: как можно было их перепутать: Бабу Ягу и Деда Мороза?

— Темно было, — угрюмо сказала Лика. — Я только и запомнила, что яркое пятно: красная заплатка на переднике.

— Девочка испытала шок, — сварливо сказал Сева. — Разве непонятно? И нечего устраивать здесь перекрестный допрос, все равно никаких улик, мотивы неясны, подозревать некого... Вернее, подозревать можно всех. Я прав?

Все взоры устремились на Майю — та, испытав нечто вроде неловкости за лично проваленное расследование, покаянно кивнула.

— Фактов действительно множество, и все они противоречат один другому, поэтому на них и нельзя опираться. — Она помолчала. — Остаются слова... Слова, сказанные разными людьми, в разное время, по тому или иному поводу... Нужно только попытаться их суммировать и вычленив истину.

— Красиво, — зевнув, оценил Сева. — Только слишком расплывчато.

— В тот вечер, во время маскарада, убийцу видели двое: Келли и Гриша. Я тоже могла бы увидеть (и неизвестно, чем бы для меня все закончилось), если бы вовремя не прикрыла дверь в «историчку». И поэтому только услышала шаги в коридоре, стук палки и сдавленный смех, будто кто-то пытался справиться с истерикой.

— Везение — это капитал, — хмыкнул друг детства. — С таким богатством — и на свободе, надо же.

— Гриша столкнулся с преступником нос к носу и погиб, — упрямо продолжала Майя. — Сейчас я думаю, что мы неверно поняли его поведение в магазине. Роковое совпадение: Гоц наблюдал за нами сквозь витрину, и мы с Артуром его засекли... Одна маленькая нестыковка: Гриша сказал «Убегает...» — а ведь Гоц в тот момент стоял на месте...

— Не «убегает», — тихо возразил Артур. — «Удирает», «улепetyивает» — как-то так. Только вряд ли теперь это важно.

— Прямо «Пять поросят», — ухмыльнулся Сева. — Роман Агаты Кристи... Там какой-то вшивый герой неправильно расслышал фразу, которую сказал другой вшивый герой. «Я ее провожу» вместо «Я ее *выпровожу*». Сыщик никак не мог до этого допереть, а как допер — так убийцу к стенке и припер. Классно, да? Жаль, в жизни никогда не бывает так просто.

— Самое непонятное в другом, — сказала Майя. — Гриша почему-то *не испугался преступника*. Он должен был, просто обязан был испугаться — ведь убийство произошло на его глазах. А вместо этого...

— Что?

— Вместо этого он начал шантажировать убийцу. Очень наивно, по-детски — всего-то попросил купить Бэтмена к Новому году.

— И что? — удивился Севушка. — Тот купил?

— Дал денег. А потому забрал игрушку у мертвого — боялся оставить след, но все же оставил: клочок упаковки. — Она перехватила больной взгляд Артура и осеклась. — Прости... Мне не дает покоя один вопрос... *Почему Гриша не боялся убийцы, а Келли — боялась?* Ведь в записке ясно было сказано: «Тебе ничто не угрожает...»

— «...Только молчи», — закончила Лика.-А я, дура, не смолчала.

— Однако продержалась долго. До тех пор, пока я тебя не убедила, что твой папа может быть обвинен...

— Я?! — взревел Сева.

— ...Только тогда ты «вспомнила», что убийца был в другом костюме: Баба Яга, а не Дед Мороз. Только тогда. Почему, Келли? И почему ты упорно не признаешься, что это ты принесла в школу дневник Гольдберга?

— Джейн, не сходи с ума, — холодно произнесла Ритка. — Какой еще дневник?

— Старая тетрадь. Вековой давности. Заканчивается словами: «*Я нашел ее. Наконец-то я ее нашел — здесь, в этом Богом забытом месте. Завтра все будет кончено. Завтра я убью ее...*»

Голос ее звучал в полной тишине — затихли непонятные звуки на лестнице и веселая разухабистая гульба в квартире слева (то ли проводы Рождества, то ли Первая Среда На Этой Неделе), замолкли припозднившиеся машины за окном, и остановились «ходики» на кухне...

— Келли, — тихо произнесла Майя. — А может быть, ты испугалась вовсе не убийцу? Может быть, ты испугалась *за убийцу*?

Рита медленно поднялась, живо напомнив рассерженную кобру — Майе даже показалось, что она видит раздвоенный на конце язычок.

— Ну вот что, Джейн. Мы подруги, конечно, но я не обязана выслушивать всякое дерьмо в свой адрес...

— Да почему ты решила...

— Ты хорошо себя чувствуешь? Головка оправилась? Вот и ладушки. Детям пора спать, мне завтра на работу, так что давайте-ка до хаты, гости дорогие. — Она ядовито посмотрела на мужа. — Если хочешь, можешь к ним присоединиться. Своди их в кино, в зоопарк, позвони своему другу-губернатору, пусть устроит фуршетик на вилле... А меня оставьте в покое.

Рита стремительно вышла, хлопнув дверью спальни.

— Мама! — крикнула Келли.

— ...Все, оставьте в покое!

Лика обернулась и ненавидяще посмотрела на притихших соучастников.

— Кретины. У мамки диабет, ей нельзя волноваться!

— А мне можно, — Сева недипломатично сплюнул на голландский ковролин, который Рита два раза в неделю обрабатывала гидропылесосом. — У меня стенокардия, пиелонефрит и ущемление седалищного нерва, но вообще я здоров как бык. Выпить не желаешь? — он фамильярно хлопнул своего недавнего спарринг-партнера по плечу. — А мне хочется. Только нельзя: завтра в девять заседание в администрации. Вот собачья должность!

Он открыл бар, щедро плеснул водки в граненый стакан (наплевать, пусть нюхают, вампиры!), жажнул залпом, не закусывая, и мутно уставился на Майю.

— Ты уж того, Джейн... У Ритки и вправду нервы бренчат, но ты-то! Или всерьез думаешь, что я или она... Кстати, я так и не врубился, о каком дневнике шла речь?

— Пусть Келли объяснит.

Сева грозно нахмурил брови.

— Анжелика!

Та повернула изящную головку, надменно опустила уголки губ и процедила ледяным тоном..:

— Я сто раз повторяла: я не знаю ни о каком дневнике. А если бы и знала — что с того? Музей сгорел. И дневник вместе с ним.

— Дневник сгорел, — подтвердила Майя. — Но его фотокопия...

— Неужели Ромка сообразил... — ахнул Сева.

Майя пожала плечами:

— Такова обычная процедура в любом музее: фотографирование экспонатов и составление полной описи.

— Да почему же ты раньше молчала?!

— А кому я должна была рассказывать? — спросила Майя. — Следователь сказал, что следов убийцы в коридоре нет — только мои и Романа. Ромушка под следствием, я — чудом на свободе: против меня не нашлось улик... Правда, я прятала Гоца у себя в квартире...

Артур крикнул, Лика произнесла «О!», а Сева флегматично поинтересовался:

— И что сказал Колчин, когда узнал про Гоца?

— Что у него руки чешутся меня арестовать. Представьте, что было бы, если бы он узнал о дневнике!

— А теперь ты, стало быть, решила его обнародовать, — Рита, бледная до синевы, с дымящейся сигаретой в руке, неожиданно появилась в дверях, словно фигура Командора. — Предать гласности... Ты бы поостереглась, Джейн: убийца-то еще на свободе. И квартиру запирай получше, а то вечно дверь нараспашку.

— Ты мне угрожаешь, что ли?

— Дурочка. Беспокоюсь за тебя. — И снова скрылась.

В прихожей Майя накинула пальто, вышла на лестничную площадку, все вздохнули с облегчением («Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах...» — жизнерадостно продекламировал Сева), только у Лики в глазах мелькнуло нечто похожее на человеческое сочувствие.

Едва поднялась к себе, не успела даже раздеться, раздался требовательный стук.

Артур. Майя открыла было рот, но верный рыцарь решительно отодвинул ее плечом, прошел в гостиную и внимательно огляделся, телохранитель хренов.

— Ты спятила? — тон его был холоден, как нос у собаки. — Нарочно решила подставить свою задницу, да?

— Уходи, — ее голос не уступал по температуре.

— И не подумай. Ты только что, возможно, разговаривала с убийцей, бросила ему в лицо... да фактически обвинение. На нем уже висят три трупа, ты думаешь, он остановится перед четвертым?

— Меня он не тронет.

— Почему? — Он подошел к ней и изо всех сил тряхнул за плечо. — Ты что, *тоже* получила записку? Да не молчи же! Кого ты подозреваешь?

Она подняла на него блестящие глаза. Дыхание обоих было ровным и глубоким — они вновь стояли друг перед другом на звонком, как барабан, татами, и деревянные мечи-боккены настороженно покачивались в руках...

— Записка, — проговорила она. — Да, эта записка — ключ ко всему. Ее содержание: не угроза, а мольба: «Только молчи!» Самая серьезная ЕГО ошибка.

— Чья, мать твою?!

— А сам ты не догадался? — Она по-прежнему не отводила взгляда от его лица. — Когда спросил: «Как можно было их перепутать?» А Келли ответила...

— А ну отойди от нее!

Майя с трудом повернула голову и чуть не сплюнула от досады: еще один верный рыцарь. Права Ритка: дверь надо запирать, иначе от рыцарей не отобьешься, так и будут наперебой греметь ржавым железом.

Сева и Артур стояли друг против друга, точно два марала по осени, готовые сцепиться рогами из-за самки.

— Тебе что тут надо?

— А тебе?

— Похоже, вы решили устроить второй раунд? — светски спросила Майя. — Может, перенесете битву куда-нибудь в другое место?

— Помолчи! — выкрикнули они дуэтом и опять уставились друг на друга. — Я отвечаю за ее безопасность!

— Ты? Уморил. Ты — первый кандидат в убийцы!

— Осторожнее в выражениях, можно угодить под суд за клевету.

— Я на тебя раньше в суд подам, уголовник. За членовредительство.

Замок щелкнул вниз. Или показалось? Она напряглась, попытавшись отрешиться от всего и обратившись в слух. Шаги? Кто-то спускается по лестнице? Да мало ли... Она зажала уши ладонями. Нет, не стоит себя обманывать. Не «мало ли» — тебе эти шаги отлично знакомы: согбенная фигура с загнутым носом из папье-маше, шприц в руке, затянутой в перчатку, ведьма из жутковатой сказки литовского писателя Томаса Аясмана.

— А ну пошли вон! — не выдержала она, молясь про себя: Господи, если ты есть, сделай так, чтобы они ушли. Пусть оставят меня одну — это единственный подарок, который я хочу получить к минувшему Рождеству...

— Джейн, ты понимаешь, что... — неуверенно начал Артур.

— ОБА!!! Или я звоню в милицию!

Видимо, ее облик был достаточно красноречив. Рыцари потоптались и, настороженно держа друг друга в поле зрения, двинулись к выходу.

— Я буду рядом, — предупредил один.

— Я тоже, — предупредил второй.

Едва они, продолжая переругиваться, выкатились на лестницу, она захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, чувствуя, как волосы намокли от пота.

Она покосилась на телефон: «Может, позвонить следователю? Все же спокойнее... Ну нет. Это мое расследование. Я должна встретиться с убийцей один на один. И заглянуть ему в глаза».

Она посмотрела на часы, дала отсчитать стрелке три минуты, тихонько открыла дверь и выскользнула наружу. На цыпочках, бесплотной тенью сбежала вниз, мысленно возблагодарив неизвестного малолетнего хулигана за разбитую лампочку в подъезде.

Шаги наверху и звонок в дверь ее квартиры. «Я угадала». Майя нырнула под лестницу и затаилась.

— Джейн, открой, — послышался глухой голос Артура. — Я знаю, что ты там... Если хочешь, позвони следователю, вызови милицию, ОМОН, черта с дьяволом... Только отзовись!

Прости, прошептала она и неслышно вышла на улицу.

Вечер давно перешел в бархатно-фиолетовую ночь, в большинстве окон погас свет, опустел проспект, и кинотеатр напротив походил уже не на заблудившийся корабль, а на безжизненный занесенный снегом утес.

«Простите меня. Простите меня все!»

Она шла почти спокойным шагом по насквозь знакомому маршруту, по которому ходила, надо думать, больше тысячи раз. Вот и низенькие вечно распахнутые ворота, вот аллея, обсаженная серебристыми березками и елочками-сугробами, хоккейная коробка

справа, парадное крыльцо (она подергала дверь: открыто, добро пожаловать на аттракцион «Галерея ужасов»), темный и гулкий вестибюль и запертый гардероб... На секунду она замерла: послышался вдруг отдаленный топоток детских ножек и смех-колокольчик, маленькая тень гномика в красном капюшончике мельком отразилась в зеркале — вот оно, Келли, твое «яркое пятно». Она тряхнула головой, отгоняя призраков, и медленно, стараясь ступать неслышно, взойшла по каменным ступеням наверх, на третий этаж.

Ее окружали тьма и пустота, затерянный мир в бледных полосах луны за окнами, одинокий фонарь и сиреневые снежные хлопья, будто целые стаи ночных мотыльков... И (она с удивлением прислушалась к себе: ровный пульс и идеальное кровяное давление)— узкая полоска света из-под двери в учительскую.

Она распахнула дверь и встала на пороге, увидев согбенную фигуру в темном платке, замершую над выдвинутым ящиком письменного стола. Рядом к стулу была прислонена трость с тяжелым медным набалдашником, покрытая черным лаком, — привет из давних времен, один бог знает, каких давних...

— Там ничего нет, — сказала Майя. — Я действительно сунула тогда дневник в свою сумочку, только сумочка осталась в музее и сгорела. Я вас обманула.

Вера Алексеевна с видимым усилием выпрямилась.

— Я знаю, Майечка. Вернее, я догадывалась.

Она не помнила свою маму — та умерла в родильном доме для неимущих, в небольшом городке Ле-Крезо, на правом берегу реки Луары. Берега — правый и левый — были совершенно неотличимы: одетые в ржаво-сероватый камень, в мазутных разводах, омываемые маслянисто-черной водой и водорослями цвета хронического поноса. Того же странного цвета была и трава на чахлом газоне перед забором, который огораживал родильный дом, — видимо, потому, что этой травы было совсем немного и она не справлялась с огромным количеством углекислоты, выбрасываемой местной фабрикой.

Девочка не догадывалась, что чудище за окошком называется фабрикой, но знала о его существовании с пеленок: она огласила родильную палату первым криком, совпавшим по времени с утренним гудком. А мамы не стало всего через несколько минут.

Позже, когда приехала бабушка и забрала ее из клиники, она узнала, что у нее есть брат, старше ее на целых два года, он был очень умный и даже умел самостоятельно ходить на горшок, чем чрезвычайно гордился. Как-то она спросила его: какой она была, их мама? Мальчик озадаченно нахмурился.

— Ну, какой... Высокой-высокой, как все взрослые. Она возила меня в коляске и дарила погремушки.

— Красивая?

— Коляска?

— Нет, мама. Она была красивая?

Иначе Бог не забрал бы ее на небо так быстро.

Значит, Господь тоже любит красивых, сделала вывод девочка, и с тех пор стала подолгу рассматривать себя в зеркале, гадая, когда же ее, как и маму, возьмут на небеса, которые, впрочем, всегда казались низкими и грязными от копоты. Наверное, совсем скоро, думалось ей с затаенной радостью, я тоже красивая, почти как бабушка. Эти черные кудряшки, и громадный бант, и синее платьице с кружевным белым воротничком... И чувствовала она себя словно котенок среди травы, не понимая, хорошо ей или плохо. Только когда неожиданно (обычно по ночам) накатывался страшный приступ удушья, она понимала, что раньше-то ей было хорошо...

Однажды, после особенно затяжного приступа, приехал доктор — толстый и важный, в очках с позолоченной оправой, подержал девочку на коленях, приложил к ее груди смешную щекотливую трубочку, озабоченно послушал и сказал бабушке:

— По всей видимости, астма. Я пропишу лекарства, но это не выход. Девочку необходимо увезти отсюда, лучше куда-то на юг, к морю. Чем скорее, тем лучше.

Бабушка проводила доктора, дала ему денег, потом ушла в свою комнату и долго-долго молилась перед иконой в углу.

Сначала они добрались до Невера, а там сели на пароход — чрезвычайно шумное и говорливое существо с двумя трубами и большими гребными колесами по бортам. «Простите, мсье, — спросила девочка вахтенного офицера. — Что за буковки вон там, на красном круге?» — «Это название нашего корабля, маленькая леди, — отозвался тот. — Его зовут „Монтаржи“». Ей понравилось название. Немножко непонятно, но красиво.

Однажды на шлюпочной палубе она увидела одинокого пожилого господина. Тот был полон, краснощек и близорук (на это указывали очки на носу) и напоминал доктора, который навещал их в Ле-Крезе. Она бы не обратила на него внимания, но господин, пытаясь закурить на ветру, вдруг обронил на пол мундштук и вполголоса выругался по-русски. Девочка знала этот язык: бабушка была родом из России. (Непонятная и жутковатая страна далеко на востоке, где люди, говорят, одеваются зимой в шкуры белых медведей. Бабушка, впрочем, морщилась и называла это глупостью.) Пожилой господин приветливо улыбнулся девочке, но той отчего-то стало не по себе, она развернулась и убежала в салон, где было много народа и она чувствовала себя в безопасности.

Вечером, лежа в кроватке, она тайнственным шепотом все рассказала брату. Тот, против ожидания, совсем не удивился.

— Толстый, в клетчатом пиджаке и в очках, курит вонючие сигареты? Я уже давно к нему присматриваюсь.

— Он говорит по-русски, как наша бабушка.

— Да? — мальчик казался озадаченным. — Знаешь, по-моему, он следит за нами.

Он меня разыгрывает, сердито подумала она.

— Выдумщик. Вы нарочно дразните меня, сударь!

— Да говорю же тебе! Помнишь, позавчера мы сходили на берег? Он все время крался за нами следом и прятался, когда я оборачивался.

В Арли они сошли с парохода (вахтенный офицер поцеловал девочке руку и подарил на память черепаховый гребень: «Я купил его на Мадагаскаре у одного колдуна-туземца за очень большие деньги. На этом гребне начертаны волшебные знаки, они обязательно принесут вам удачу, маленькая леди») и сели в поезд до Ниццы, который шел через Марсель и Тулон. Там, из окна вагона, девочка впервые увидела море.

Она сразу влюбилась в него со всем детским пылом. Море поразило ее воображение: оно по-особому дышало и бормотало что-то во сне, по нему плыли большие белые пароходы, совсем не похожие на те грязные баржи, что сновали вдоль по Луаре, а над волнами с криком носились чайки, выхватывая зазевавшуюся рыбу прямо из воды...

И дома на побережье, маленькие, с выбеленными стенами, утопающие в садах, тоже совсем не напоминали мрачные низкие бараки в ее родном городе, и люди выглядели иначе: загорелые до черноты, белозубые, пропахшие рыбой, и обязательно — и мужчины, и женщины всех возрастов — в шляпах с широкими полями из тонкого фетра. А главное — девочка совсем перестала задыхаться, о чем она с восторгом объявила бабушке. Хвала Пресвятой Богородице, сказала бабушка, похоже, ты выздоравливаешь.

Они сняли отдельный дом в пансионате «Лазурный» — с верандой и окнами на песчаный пляж. Хозяевами пансионата была супружеская чета Мильо, перебравшаяся с севера пять лет назад.

Мими, с которой девочка познакомилась на пароходе, оказывается, тоже остановилась в «Лазурном» — разумеется, не одна, а вместе с родителями и гувернанткой. Они поселились в соседнем коттедже, что вниз по улице Фиалок, и две подружки частенько затевали спор, чей дом роскошнее и стоит ближе к морю.

Еще ниже, если идти в противоположную от порта сторону, улица изгибалась, одевалась в брусчатку и норовила спрятаться от посторонних глаз в густые южные акации. По обеим ее сторонам через каждые сто шагов стояли древние каменные чаши, которые когда-то, в незапамятные времена, использовались для освещения. Девочке нравилось здесь

не меньше, чем на пляже: улица ассоциировалась у нее с воскресными походами в церковь вместе с братом и бабушкой. Брату, впрочем, такое времяпрепровождение было не по душе: он надувался, хмурил большой лоб и демонстративно не отвечал на вопросы. Лишь одно обстоятельство примиряло его с Богом: недалеко от церкви, через площадь, находился маленький магазин, в витрине которого, на фоне черного бархата, стояла на подставке роскошная модель французского парусника «Ле Рояль Луи».

Корабль был совсем как настоящий. Миниатюрные иллюминаторы по бортам были заделаны кусочками слюды, жерла бронзовых пушек грозно выглядывали из своих гнезд, тонкие ванты, казалось, гудели на ветру, раздувающим гордые паруса на трех длинных мачтах, и если как следует присмотреться, можно было увидеть на квартердеке совсем уж крошечный, но тоже вполне настоящий штурвал.

Девочку больше привлекала кукла, выставленная в соседней витрине. Кукла была прекрасной ручной работы: приблизительно с локоть высотой, в пышном розовом платье с оборочками и рукавами-воланчиками. Еще у нее были восхитительного голубого цвета глаза и волосы оттенка потемневшего золота. В волосы был вплетен огромный бант — в точности такой же, какой вплетала девочке ее бабушка перед воскресной прогулкой.

— Вам нравится, маленькая леди?

Она вздрогнула. Маленькой леди ее называл только тот красивый офицер с парохода «Монтаржи», что подарил на память черепаховый гребень. Но судно еще неделю назад ушло вверх по Луаре, на север. Девочка оглянулась и увидела пожилого господина, которого впервые встретила на шляпочной палубе. В руке незнакомец держал розу на длинном стебле. Бабушка задержалась в церкви, встретив знакомую среди прихожан.

— Вам нравится эта кукла?

— Да, мсье, — пролепетала девочка.

— Это очень ценная кукла. Она изготовлена в единственном экземпляре почти сто лет назад знаменитым мастером из Бенуа.

— Почти сто лет? — удивилась девочка. — Не думала, что она такая старая. А как ее зовут?

— Ее зовут так же, как и город, откуда она родом. «Бенуа» на старопровансальском наречии означает «Доброго пути». Знаете, мне кажется, вы хотите получить ее в подарок. Я угадал?

У девочки екнуло сердечко. Она была еще маленькой, но уже точно знала, что такая драгоценная игрушка их семье (пусть и небедной) не по карману. А незнакомец улыбался, как змей, из-за которого (бабушка рассказывала) Господь изгнал Адама из рая. Еще бы чуть-чуть, и она кивнула...

— Вера! — вдруг услышала она и вздохнула: волшебные чары развеялись. — Вера, где ты?

— Извините, мсье, — сказала девочка. — Меня зовут.

Незнакомец казался огорченным.

— Очень жаль. Позвольте хотя бы преподнести вам эту розу. Не бойтесь, это особый сорт: на ней нет шипов.

— Спасибо. — И она, бережно прижав цветок к груди, припустилась вскачь через площадь.

— С кем ты только что разговаривала? — спросила бабушка. — Китайская роза... Какая прелесть. Поздравляю, милая, в твоём-то возрасте ты уже принимаешь подарки от мужчин...

Девочка обернулась. Пожилого господина нигде не было, словно он растворился в воздухе.

...Этот несносный Алекс (на русский манер — Саша, так звали ее брата) опять испачкался мороженым. Это дало девочке повод скорчить надменную рожицу и сказать как взрослой:

— Вы, сударь, опять испачкались мороженым. И в сандалиях снова песок, бабушка будет ворчать.

— Вот еще, — хмыкнул он. — Зато теперь я знаю, где живет этот толстяк.

— Он вовсе не толстяк! Ну, если только самую чуточку.

— Не перебивай. Так вот, он живет в нашем пансионате! Всего через четыре дома.

Она посмотрела на брата с восторгом.

— Какой ты умный... Но как ты узнал?

— Выследил. Вчера, когда вы с Мими убежали на пляж, я незаметно прошел за этим толстяком до самого дома. И даже заглянул к нему в окно.

Он сделал эффектную паузу. Девочка вся подалась вперед, так что соломенная шляпка от солнца съехала на затылок.

— Он чистил пистолет.

— Пистолет? — Она явно не поняла. — Что это такое?

— Гм... Как тебе объяснить... Это такая черная блестящая коробочка. Если нажмешь — оттуда вылетает огонь. И человек умирает.

— Его забирают на небо?

— Не знаю, — честно сказал он. — Но он лежит и не двигается.

— Выдумываешь.

— Во все нет. Мне рассказывал мсье Мильо. У него тоже есть пистолет, он даже давал мне поцелиться. Только я не сумел: слишком тяжело.

— А мне он показался милым, — задумчиво сообщила девочка.

— Мсье Мильо?

— Нет, тот господин. Он хотел подарить мне куклу.

— Ты лучше держись от него подальше, — серьезно посоветовал ей брат. — Пистолеты есть только у военных и бандитов.

— А может быть, он военный?

— Военные ходят в форме, — отмел эту идею мальчик. — И еще, мне кажется, он собирается нас ограбить.

Эта мысль гвоздем засела в голове у обоих. Она позволяла мальчику взять на себя некое главенство в их дуэте: я старше и сильнее, а ты младше и должна слушаться меня во всем. Девочка с радостью подчинилась, хотя не очень представляла, что значит «ограбить».

— Ограбить — означает отнять наши вещи и деньги, — объяснил Саша.

— Разве у него самого нет денег? И зачем ему наши вещи? Он же не сможет носить бабушкины платья.

— Ну, не знаю. Только все бандиты обязательно грабят простых людей вроде нас.

Брату виднее, подумала девочка. И потом, этот пистолет... Ей уже не хотелось на небо: тут, на земле, было не хуже. Здесь была Мими, которая иногда позволяла поиграть своим мячом, здесь был восхитительный желтый пляж и теплое море с прозрачными медузами, небо, такое же яркое, как и море, здесь ей покупали мороженое в стеклянных вазочках, и очень красиво (даже в носу щипало) пел хор в церкви Святой Троицы.

И еще — она тайком от брата сохранила между страниц бабушкиной книги ту самую розу без шипов, что подарил ей незнакомец. Как знать, может быть, и волшебная кукла по имени Бенуа из витрины когда-нибудь будет принадлежать ей...

Была суббота. Тучи затянули небо, пляж опустел, только трепетали на ветру разноцветные тенты на террасе открытого кафешантана. Девочка с раннего утра сама, без посторонней помощи, оделась в праздничное платье и расчесалась у зеркала, уложив волосы черепаховым гребнем, — получилось очень торжественно и красиво. Мальчик хотел идти в церковь в своей любимой зюйдвестке, но бабушка велела ему переодеться в костюмчик из плотной темно-синей ткани, который более приличествовал случаю («а то оставлю одного дома, сударь»). Пришлось подчиниться.

Этот храм каждый раз поражал девочку и изнутри, и снаружи. Складывалось впечатление, будто его белокаменных стен никогда не касалось солнце. Будто строители

нарочно спрятали его среди деревьев, так чтобы издалека были видны лишь купола, похожие на сахарные головки, а остальное — фасад с тонкими готическими колоннами, цветные витражи в стрельчатых окнах, громадные кованые ворота — открывалось взору, только если пересечь площадь и пройти тисовой аллеей вдоль высокой ажурной ограды.

Возле ограды играл шарманщик. На его плече сидела маленькая коричневая обезьянка. Девочка дала обезьянке монету — та деловито попробовала ее на зуб и, довольная, бросила в перевернутую шляпу.

— Поторопись — сказала бабушка. — Нам нельзя опаздывать.

Девочка оглянулась — помахать шарманщику рукой. И увидела своего незнакомца в клетчатом костюме. Тот улыбнулся и приподнял шляпу, но в церковь почему-то не пошел, оставшись снаружи.

Им достались места в третьем ряду, у прохода. Оттуда была видна фреска на южной стене, очень натуралистично изображавшая распятие Христа. Она всегда вызывала у девочки легкую тошноту, и та старалась смотреть только на священника, читавшего проповедь.

Глава 20

Близился благотворительный базар, и бабушка в числе других прихожанок задержалась в церкви: нужно было обсудить предстоящую программу, распределить роли и обязанности, обменяться мнениями по поводу бесплатных угощений, лотереи и представления актеров местного театра.

Девочка потихоньку вышла за ворота и обогнула храм кругом. Здесь, на заднем дворе, все было не так: исчезла куда-то мрачноватая торжественность, и сами стены уже не выглядели напоминанием человеку о его греховности и ничтожности перед Богом. Здесь, вблизи, можно было рассмотреть, что штукатурка кое-где облупилась и все заросло густым кустарником в человеческий рост. Чуть подальше, меж деревьев одичавшего парка, петляла тропинка. Девочка пошла по ней и неожиданно для себя очутилась в настоящих джунглях. И странное дело, словно кто-то не давал ей вернуться назад, к людям. Девочка приняла это как должное: приключение так приключение.

Парк кончился быстрее, чем она рассчитывала. Тропинка уперлась в старинную чугунную ограду, за которой в просветах листвы была видна площадь перед магистратом, городская ратуша и магазинчик с куклой в витрине. Как же ее зовут (девочка напряглась). Ах да, Бенуа, «Доброго пути»... А потом она услышала звуки знакомой шарманки и подумала: наверное, бабушка меня ищет.

Ворота церкви тем временем раскрылись, выпуская оставшихся прихожан, девочка прибавила шагу и вышла на аллею, к воротам, возле которых стоял старичок с коричневой обезьянкой на плече. А шагах в трех за его спиной она снова увидела того пожилого незнакомца в клетчатом костюме... Впрочем, сейчас на нем был костюм другого цвета: темно-серый, словно бы сливавшийся с деревьями и серым небом, нависшим над городом. Шарманщик не видел мужчину, а мужчина не видел девочку — та стояла за деревом и, приоткрыв рот, наблюдала странную причудливую пантомиму...

Вот в конце аллеи показалась бабушка в обществе еще нескольких женщин. Девочка хотела окликнуть пожилого господина, но тот вдруг повел себя странно: завидев бабушку, сделал шаг назад, сунул руку за пазуху и неожиданно вынул оттуда маленькую черную коробочку. («Если нажать, вылетает пламя и раздается гром. И человек умирает...»)

Пистолет.

Незнакомец медленно поднял руку и прицелился в бабушку. А та была занята разговором и ничего не замечала. Самым страшным было именно это: *никто ничего не замечал...*

— Вы догадывались? — спросила Майя. — И все равно пришли в мышеловку?

Вера Алексеевна кротко улыбнулась:

— Ты бы меня вычислила рано или поздно. Ты ведь еще тогда, у нас дома, слишком старательно не смотрела на меня, словно боялась себя выдать.

— Я до последнего момента не знала, кого здесь встречу, — призналась Майя. — Были в голове некоторые проблески: шаркающая походка, сгорбленная фигура, трость... У кого, кроме хромого Романа, могла быть трость? Например, у пожилой женщины, которой она необходима при ходьбе. Так, может быть, мы зря так легко соединили в уме школьницу и дискотеку? Ну а потом следователь подтвердил мои мысли: «Нынешнее поколение занято совсем иными проблемами...» Прекрасный пример перед глазами: Лика, мечтающая лишь об одном: выйти замуж за иностранца и свалить подальше отсюда. А тут... Школьный музей, какие-то старые дневники, фотографии... Кого это могло взволновать до такой степени, чтобы совершить из-за них три убийства?

— Четыре, — спокойно уточнила Вера Алексеевна. — Первое убийство я совершила в тридцать девятом году, в Тулоне. Мы с братом застрелили человека.

Тяжелая пауза повисла в воздухе — неподвижном, пыльном и, как показалось, затхлом, словно в старинном склепе. Майя с трудом облизнула пересохшие губы.

— Сколько же вам было лет?

— Шесть с небольшим. Сашенька был старше меня на два года. Он казался мне совсем взрослым... Мы давно потеряли связь. Я стремилась забыть, вычеркнуть из памяти... Мне кажется, и он не горел желанием поддерживать со мной отношения.

— Поэтому у вас дома нет ни одной его фотографии...

— Не только поэтому. Было время, когда я запросто могла поплатиться за хранение фотографий репрессированного родственника — Сашенька ведь умер в лагере в пятьдесят третьем...

— А тот человек, которого вы убили... Его звали Николай Клянц?

— Тебе и это известно? — старушка с удивлением покачала головой. — Я была уверена, что эта история давно забыта и похоронена. Однажды, недели за две до Нового года, я затеяла генеральную уборку: чистила, драила, вытирала пыль... Наткнулась на дневник Гольдберга, я хранила его еще с тех пор. Присела на диван, стала перечитывать — просто так, сама не зная зачем. Я ведь и так знаю его наизусть, каждое слово... Потом что-то отвлекло — то ли чайник засвистел на кухне, то ли в дверь позвонили... не помню. Хватила только на следующий день.

— Лика случайно увидела, — сказала Майя. — Она не подозревала о его значении. Несколькими днями позже пришел Роман Ахтаров с просьбой о материалах для своего музея. Так тетрадь Гольдберга попала к нему. А я совершенно случайно обратила на нее внимание, когда бродила по музею, меж стеллажей. Что вы еще знаете о Клянце?

Вера Алексеевна пожала плечами:

— Почти ничего. Дневник я прочла только через несколько лет (тоже, как и ты, почти ничего не поняла). Было полицейское расследование, всех обитателей пансионата допрашивали и водили на опознание... Впрочем, так ничего и не добились. Нас с Сашенькой, естественно, не заподозрили. Дело осталось нераскрытым. Как только страсти улеглись, мы уехали. — Она улыбнулась. — Мими очень огорчилась, узнав, что мы расстаемся. Даже подарила мне свой мяч на прощание — я и мечтать не могла о таком подарке.

Они стояли друг против друга, разделенные учительским столом Романа, как некой границей, и — ситуация донельзя абсурдная — вполне мирно разговаривали, точно две соседки в очереди за зарплатой, палач и жертва, сыщик и убийца...

— Вы знали, что Клянц выдал Боевую организацию Карла? И что он был агентом охранки «Челнок»?

Вера Алексеевна покачала головой:

— Нет, милая. Агентом «Челнок» была моя бабушка, Любовь Павловна Немчинова.

— ...Впервые она увидела полковника Ниловского в Мариинском, на «Маскараде». Заинтересовалась, спросила у сестры: «Кто это?» Та не ответила, но ее реакция — испуг, даже отвращение — запомнилась и заинтриговала. Бабушка призналась, что тогда, в Петербурге, просто выследила Ниловского, «вытоптала», как говорили. И пришла к нему домой на Литейный.

— Чем могу служить, барышня?

Она стояла перед ним, прямая и трепещущая, как свечка, как туго натянутая струна. Все в ней было: неповторимая прелесть юности, и азарт, и страсть, и, как ни странно, холодноватый взрослый цинизм. Она окатила его черным огнем (Так ей представлялось, на самом деле он взирал на нее вежливо и чуть насмешливо... За кого он меня принимает, черт возьми?! Известно за кого: за девушку, которая под вечер заявила в гости к одинокому мужчине), набрала в грудь побольше воздуха и шагнула через порог, как в пропасть.

Он посторонился, пропуская ее в прихожую и разглядывая: черные глаза... Нет, не черные, а темно-фиолетовые, с фиалковыми вкраплениями в радужной оболочке. Волосы блестящие, прямой пробор, крошечные бирюзовые сережки в ушах, очень белая кожа... Слишком смела для пациентки (табличка на дверях, в целях конспирации: «Д-р А. Верден. Прием больных, физические процедуры, консультации»). Нет, не пациентка.

— Так чем могу служить?

— Меня зовут Любовь Павловна Немчинова. Я сестра Софьи.

Он улыбнулся:

— Я думаю, вам дали неверный адрес...

— Я знаю, что вы знакомы с Софьей, — решительно перебила его Любушка. — И еще мне известно, что вы не доктор.

— А кто же я? Прибывший инкогнито миллионер из Америки? Или знаменитый грабитель банков?

— Вы офицер полиции, — сказала она. — Возглавляете политический сыск, в просторечии — охранку.

Возможно, он и был удивлен, но стойку выдержал, не моргнув.

— Кто прислал вас ко мне?

— Никто. Я пришла сама.

— Зачем?

— Я хочу работать на Департамент. Конкретно — на вас.

— Вот как? — ему стало забавно. — В качестве кого же? Секретарши? Письмоводителя?

— В качестве секретного агента.

Юрий Дмитриевич не выдержал и рассмеялся, неосознанно проведя ладонью по карману брюк, где лежал заряженный браунинг. Странная девушка. И нет никакой уверенности, что ее не подослала чья-нибудь «боевка» (эсеры или эсдеки) — войти, огорошить неожиданным заявлением, каким-нибудь абсурдом, пустить оппоненту пулю в лоб посреди безобидной фразы...

— Позвольте спросить, что вы умеете делать?

— Ничего, — несколько не смутившись, ответила она. — Но я быстро учусь.

— Она и вправду быстро училась, моя бабушка, — сказала Вера Алексеевна с гордостью. — Она любила рассказывать о своем первом серьезном задании: ее вместе с неким молодым человеком (он потом погиб — попал под поезд) отправили в один горный отель в Финляндии. В этом отеле помещался штаб Боевой организации эсеров. Они вошли к ним в доверие — эти люди оказались доверчивы до омерзения: пара французских песенок, пара душещипательных русских романсов — и все они, представляешь, Майечка, ВСЕ — растаяли как воск... Знаешь, это было почти оскорбительно.

Старушка выдохлась — запал иссяк, она тяжело оперлась на палку и посмотрела куда-то в сторону, в зыбкую темноту, где притаились призраки... Элеонора Войчек, старик Черниховский из «Народной воли», красивый юноша с густыми девичьими ресницами — ее

напарник Андрэ... Целая галерея призраков. Майе даже почудилось, будто она слышит далекие осторожные звуки пианино на фоне тихих посвистов метели за чужими окнами и потрескивание свечей на малиновой бархатной скатерти...

— У нее в жизни было две страсти. Два предмета, которыми она хотела обладать. Первого звали Юрий Дмитриевич Ниловский, полковник, начальник охраны... Бабушка утверждала, что я его внука. Хотя, возможно, это только семейная легенда.

— Она любила Ниловского? — поразилась Майя. — И решила заполучить его таким способом?

Старушка задумалась.

— Знаешь, по-моему, Ниловский тоже был для нее средством, а не целью. По-настоящему моя бабушка была влюблена только в Петербург. Со всем пылом, доступным лишь девочке из глухой провинции. Станный город, не правда ли? Будто роскошный дворец — и одновременно грязная панель, прекрасный сон и зловонье болот... Надо было слышать, как бабушка рассказывала о нем. Это было город ее мечты, она желала его, как желают любимого мужчину... Ради него она пошла на все, даже на убийство.

— Она убила собственную сестру? — потрясенно спросила Майя.

Вера Алексеевна пожала плечами:

— Прямо об этом не говорилось, но отдельные детали, оговорки... Я думаю, Софья Павловна догадалась, для кого служила прикрытием. Пришла в ужас от своей догадки, написала письмо Любушке с просьбой немедленно приехать и объяснить. Та села в поезд — в тот же день (в кассе не было билетов, но ее, секретного агента Департамента, это не касалось). Софья встречала на вокзале в Петербурге. Привезла к себе домой (муж отсутствовал, отмечал в ресторане удачную сделку). Между сестрами состоялся разговор, закончившийся ядом в бокале с вином.

— Ваша бабка была чудовищем, — искренне сказала Майя. — Правда, до вас ей далеко. Задушить невинного ребенка — как, интересно, вы спали по ночам после этого? Как вы вообще не наложили на себя руки?

Она не отреагировала — ни один мускул не дрогнул на лице, ни одна морщинка возле глаз не изменила конфигурацию. Лишь странноватая улыбка тронула губы.

— Бабушка... Она просто знала, чего хочет. И умела за это платить. Она и расплатилась в конце концов: после ликвидации отряда Карла Ниловский бросил ее. Кабы не случайный снаряд, она бы закончила дни в сумасшедшем доме в Творках. А так... Очнулась — кругом развалины, обезображенные трупы... Ее подобрали какие-то люди, где-то скрывали, потом революция семнадцатого года, эмиграция... Ума не приложу, как тот мужчина вышел на нее? Спустя двадцать лет? Непостижимо.

— Разве вы не узнали это из дневника?

— Дневник принадлежал Гольдбергу. Николай Клянц оставил там всего несколько записей. Последняя мне особенно запомнилась:

«Я нашел ее. Наконец-то я ее нашел — здесь, в этом Богом забытом месте. Она нисколько не изменилась, несмотря на годы и потрясения. Кажется, я все еще ее люблю. Или ненавижу? Говорят, будто эти два чувства очень похожи. Не знаю. Завтра все будет кончено.

Завтра я убью ее...»

Она провела сухими пальцами по лицу.

— И ведь он действительно чуть ее не убил. Обезьянка помешала...

Я закричу, и тогда он обернется и застрелит меня, подумала девочка. Я попаду на небо, зато бабушка останется жива. Сейчас я закричу.

Однако прошла целая секунда, а девочка так и не раскрыла рта. Что-то удерживало ее — наверное, то существо, которое вело ее по тропинке позади церкви. Незнакомец тем временем поднял пистолет на уровень глаз. Положил палец на спусковой крючок и чуть-чуть задержал дыхание. Совершенно бездумно, словно машина, девочка подняла с земли камешек

и что есть силы запустила в обезьянку на плече шарманщика. Она даже не надеялась попасть, но попала. Обезьянка подскочила от неожиданности, свалилась со своего насеста и испуганно заверещала. Шарманщик завертел головой, но незнакомец исчез в мгновение ока, как давеча, у витрины с куклой, бросив напоследок: «Чертово отродье!»

— Ты что здесь делаешь? — недовольно спросил старичок. — Одна, без взрослых? Это ты напугала Франческу?

— Кого? — удивилась она.

— Франческу, мою обезьянку.

— Простите, мсье, я не хотела. — Девочка растерянно оглянулась и зачем-то добавила: — Вон идет моя бабушка, мсье, так что я не одна. До свидания.

— Он так и сказал: «Чертово отродье»? — нахмурившись, спросил брат. Они сидели за столиком в летнем кафе и пили апельсиновый сок из узких высоких стаканчиков. — Он тебя заметил?

— Он на меня даже не посмотрел. Наверное, он имел в виду обезьянку.

— Я же говорил тебе, что он бандит.

— Может, нам пойти в полицию?

Мальчик презрительно наморщил нос.

— У всех полицейских куриные мозги. Думаешь, они станут нас слушать?

— Что же делать?

— Уж во всяком случае никому ничего не говорить.

— Даже Мими?

— Даже ей. Это будет наша с тобой тайна. Ты умеешь хранить тайны?

— Да, — с восторгом отозвалась девочка.

— Тогда слушай, — мальчик оглянулся по сторонам. (Бабушка сидела в шезлонге, спрятав лицо под белым шелковым зонтиком, и смотрела на залив — там, далеко, у самого горизонта, маячил маленький треугольный парус.) — Первым делом нужно украсть у него пистолет.

— Украсть? — она едва не поперхнулась соком. — То есть взять без спроса? Но бабушка говорила, это нехорошо...

— Дура! — брат рассердился. — Это у обычных людей красть нехорошо, а он бандит. Если бабушка уйдет на небо, что мы будем делать?

Она подумала и честно призналась, что понятия не имеет. Жизнь без бабушки казалась абсолютно невозможной.

— Но как же мы его украдем, если тот господин все время носит его в кармане?

— А ночью? — резонно возразил мальчик. — Не ложится же он спать в костюме.

— Вы что, сударь, хотите, чтобы я полезла к нему ночью, когда темно?! Да я умру от страха!

— Я тоже, — вздохнул он. — Значит, нужно сделать так, чтобы он уснул днем. Помнишь, к бабушке приходил доктор и принес ей порошки? В таких маленьких бумажных пакетиках, от бессонницы...

Коробочка с порошками лежала в ванной комнате, на фарфоровой полочке под зеркалом. Девочка высыпала порошки в платочек, а коробочку взяла себе: она здорово пригодилась бы в качестве посуды для куклы. Бабушка не заметила пропажи, а если и заметила — списала на свою забывчивость. Она вообще частенько жаловалась то на память, то на сердце, то на отекающие ноги... «Возраст, будь он проклят, — вздыхала она. — Два больших желания осталось у меня в жизни: успеть пристроить вас с Сашенькой до того, как умру, и увидеть Петербург. Тысячу лет не была там, а так и тянет... Все бы отдала».

— Бабушка, почему ты так страшно говоришь: «Умру...» Не надо!

— Ладно, не буду. Вот пристрою вас и сама рядом останусь.

— Навсегда-навсегда?

— Навсегда.

В тот день ей опять нездоровилось. Девочка с братом ушли завтракать в обществе

Мими и ее родителей. Народу была тьма-тьмущая: самый разгар сезона, буйство золотых и лазурных красок, жара и освежающий ветер с Прованса, миндаль, тамариск и розы — блаженные и благоухающие заросли и говорливые фонтанчики... Когда-нибудь, думалось девочке, мой принц придет под мое окошко, поднесет к губам волшебную свирель — и заиграет. Я выйду на балкон — в длинном белом платье, какие носят принцессы, и маленькой золотой короне на голове. Мой принц поднимется ко мне по веревочной лестнице, опустится на одно колено и поднесет большой розовый букет — пусть тот даже окажется колючим, все равно я возьму... Но вдруг, помимо ее воли, прекрасный принц исчезал, и на его месте словно из ничего возникал давний страшный незнакомец в клетчатом костюме и смотрел, смотрел, не мигая...

— Вам понравился мой подарок, маленькая леди? Она чуть не вскрикнула от неожиданности.

— Простите, я не хотел вас пугать. — Он улыбнулся и присел за их столик. Видимо, он исподтишка наблюдал за детьми и ждал, пока те ненадолго останутся без присмотра. — Я вижу, вы опять гуляете одна?

— Нет, мсье, — робко ответила девочка. — Наша бабушка где-то тут, неподалеку.

— Замечательно. А это ваш брат? (Мальчик нахмурился и отвернулся.) Серьезный молодой человек. Вы уже пили лимонад? Здесь отменный лимонад, его привозят с юга Италии, из местечка под названием Риджи-де-Калабрия... Ну так как? Хотите, я вас угощу?

Она согласилась. «С одним условием, мсье». — «Каким же?» — «Вы выпьете его с нами. Втроем это делать гораздо интереснее». — «Ваше желание для меня закон, маленькая леди. Кельнер, три лимонада, пожалуйста!»

Им принесли три запотевших бутылочки и три бокала с эмблемой пансионата: маленький черный дельфинчик, играющий в волнах прибоя. А потом, когда мужчина на минутку отвернулся, девочка высыпала сонные порошки в его бокал. В порошках, видимо, содержалось некоторое количество соды, поэтому растворились они мгновенно.

Он уснул, едва добравшись до своего коттеджа. Правда, он еще попытался сделать запись в дневнике — старой клеенчатой тетради, когда-то, пятнадцать лет назад, принадлежавшей эсеру-максималисту Аристарху Гольдбергу, «охотнику за провокаторами». Однако сил не хватило: запись обрывалась на середине, рядом валялась ручка с серебряным пером «Данглар», и на бумаге растекалась чернильная клякса, похожая на морскую каракатицу. Универсальный ключ, открывающий любую дверь на территории пансионата, включая пляжные сарайчики, Саша заранее «позаимствовал» у горничной.

На цыпочках пробравшись в комнату, они остолбенели от разочарования: пожилой незнакомец уснул прямо на покрывале, не раздеваясь, как был — в брюках и легкой белой рубашке, лишь спортивный пиджак был небрежно брошен на спинку стула. Мальчик, замирая, подошел и ощупал карманы: ничего. Они с сестрой переглянулись: что делать, вопрошали ее глаза. Может, уйдем, пока не поздно? Брат покачал головой и молча указал на гардероб. Девочка вздохнула: ей было страшно, и приключение совсем разонравилось.

Они успели обыскать большой кожаный чемодан и два костюма, висевшие на «плечиках», когда мужчина на кровати вдруг заворочался. Они испуганно присели.

— Он сейчас очнется, — прошептала девочка в панике. — Бежим!

— Нет, — решительно сказал мальчик. Мужчина заворочался сильнее, застонал и сделал попытку приподняться. Это ему не удалось: сказывалась мощная доза снотворного. Однако это был лишь вопрос нескольких секунд — сейчас он справится с собой, встанет и протянет к ним две огромные ручки, словно злой великан из сказки про Мальчика-с-пальчика: «Что вы делаете у меня в замке, маленькая леди?» Девочка так живо представила себе эту картину, что в ужасе попятилась и зажала рот ладошкой.

— Нет!

— Тише, — прошептал он. — Вчера в окошко я подсмотрел, где он прячет пистолет. Мы должны достать его.

— Нет...

— Иначе он проснется и убьет нас. Потом убьет бабушку. — Мальчик крепко, будто клещами, вцепился сестре в руку. — *Ясно тебе?*

— Нет, — всхлипнула она, неуверенно встала и, пошатываясь, подошла к кровати. Мужчина лежал на спине, запрокинув голову, и тяжело, с хрипом дышал через открытый рот. Он и вправду походил на злого великана. Глупый Алекс, он поймает нас, сунет в ведро с водой, как новорожденных котят, а потом...

Пистолет был спрятан в толстой книге, которая лежала в нижнем ящике. Мальчик открыл ее и увидел вырезанное углубление в страницах. В углублении лежала та самая черная коробочка, несущая смерть, — она выглядела красиво и вполне безобидно, но у девочки вдруг пробежал холодок по спине, как однажды на прогулке по лесу, когда она наткнулась на змею, дремавшую на старом пне. Мальчик поразмыслил, повертел пистолет в руках — тот казался тяжелым и огромным, как старинная пищаль. С трудом передернул раму — один бог знает, где он научился этому движению. Но на девочку оно произвело должное впечатление. Теперь, рядом с братом, она почти успокоилась. Брат знает, что делать. Нужно только его слушаться как следует...

— Спрячься мне за спину, — скомандовал мальчик шепотом.

Она спряталась.

— Зажмурься, закрой уши и считай до десяти.

Она закрыла. И принялась считать — медленно, про себя и с выражением: один, два, три...

Звука она так и не услышала, зато явственно запахло жженой пробкой, девочка присела на корточки и приготовилась умереть. Однако прошла минута, другая — а она жила. Более того, кто-то нетерпеливо тряс ее за плечо.

— Вставай.

Она изо всех сил замотала головой: боюсь...

— Вставай, все кончилось.

— Ты разве стрелял?

— Стрелял, только этот пистолет, наверное, стреляет очень тихо.

— А он... Тот мужчина... Он точно умер?

— Да. Он лежит и не дышит. И у него грудь в крови.

Однако и тогда она не двинулась с места. Мальчик присел рядом, обнял ее — его дыхание щекотало ее ушко и обдавало жаром щеку.

Неизвестно, сколько они просидели неподвижно. Пять минут, десять, пятьдесят? Но это были *их* минуты, в течение которых лишь одна мысль стучала в детских головках: *у нас получилось*.

Мы убили его.

— По-моему, у нас получилось, — сказала девочка.

— По-моему, тоже. Только ни до чего не дотрагивайся. И надо подмести пол, от нас остались следы.

— От вас, сударь! Это вы целый день скакали по песку, хотя бабушка запретила...

— Замолчи, — сердито оборвал он ее. — Лучше помогай...

— Прошу прощения, мадам Немчинова, что мне приходится подвергать вас такому испытанию, — полицейский комиссар Леруа был сама предупредительность. Вообще он был довольно симпатичен, даже красив — смугл, точно итальянец, с орлиным носом и аккуратным, волосок к волоску, сидящим пробором. Для того чтобы так уложить волосы, надобно ложиться в постель с сеточкой на голове и каждое утро мучиться перед зеркалом. Впрочем, результат того стоил.

Он осторожно, под локоток, подвел пожилую даму («бабульку» — так он окрестил ее про себя, узнав, что двое ребятишек с ней, девочка в нарядном синем платице и мальчик в матросском костюмчике, — ее внуки) к металлическому столу и снял с мертвеца простыню.

Он подивился ее самообладанию — она не вскрикнула, не отшатнулась и даже, кажется, не побледнела.

— Вам знаком этот человек?

— Я только знаю, что он жил в нашем пансионате, — ровным голосом сказала она, в последний раз посмотрев в мертвое лицо Николеньки Клянца. — Мы даже не здоровались.

Комиссар Леруа приподнял шляпу.

— Еще раз простите. Позвольте полюбопытствовать, вы полька? У вас славянская фамилия...

— Нет, я из России.

— Нашли пистолет? — спросил он позже у своего помощника.

— Никак нет, господин комиссар. Смею предположить, что преступник выбросил его в залив. Скорее всего, оружие было с глушителем: никто в пансионате не слышал выстрела.

— Та русская дамочка... Ты проверил ее алиби?

— Алиби стопроцентное: она в компании других дам находилась на пляже и никак не могла уйти оттуда незамеченной. И потом...

— Что? — в раздражении спросил Леруа.

— Ее возраст... Хоть убейте, но я не могу представить ее с пистолетом в руке. Она показалась мне такой интеллигентной...

— Нет уж, убивать не стану, — хмыкнул комиссар. — Один труп у нас есть в наличии. Думаю, этого достаточно...

В узкую щель меж тюлевых занавесок просачивалась ночь — будто подглядывала одним глазком на сцену из-за кулис. Сцена была обставлена слегка убого — видимо, режиссер-постановщик давно страдал творческой и финансовой импотенцией. Безликие обшарпанные столы и безликие корешки классных журналов — чьи-то «пятерки» и «неуды», сотни маленьких трагедий и побед, втиснутые в расчерченные клетки... Выдвинутый пустой ящик — еще одна трагедия, случившаяся бог знает когда, чужой скелет в шкафу, незнамо зачем вытащенный на свет, под такую же безликую казенную лампу.

— Как же вы вошли? — спросила Майя, снова имея в виду тот единственный вечер. — Не через вестибюль — вас наверняка бы заметили.

— Через заднюю дверь, — охотно пояснила Вера Алексеевна. — Увидела перед собой лестницу, поднялась...

— Где вы переоделись?

— Что? Ах, ты о костюме... Я уже была в нем, только сняла пальто и надела маску, чтобы не выделяться. Все-таки карнавал.

— Откуда вы знали, где расположен музей?

— Спросила Лику. Она ответила: на третьем этаже, дверь в конце коридора. Шприц с бензином у меня был наготове, я впрыснула его через замочную скважину и протолкнула спичку. Я не подозревала, что в музее кто-то был, — я никому не желала зла.

— Вы только хотели уничтожить улику, — пробормотала Майя. — Господи, до чего же бессмысленно... Вы сумасшедшая, вы натуральная буйная шизофреничка! Ради чего... Черт возьми, даже если бы кто-нибудь когда-нибудь докопался — что с того?! — Она едва не взвыла. — Три смерти!!! Трое ни в чем не повинных людей — за что?

Ее обуяла непреодолимая жажда разрушения. Захотелось выбить окно, смести со стола кипу никчемных тетрадей, нашпигованных красными росчерками, повалить на пол стеллажи с классными журналами — пусть разлетятся по всей учительской, по всей школе, по всему ночному городу, захотелось заорать что-нибудь бессмысленное, забиться в припадке — лишь бы не видеть перед собой этой кроткой улыбки и не спятить окончательно.

— За что? — закричала она шепотом.

Старушка вздохнула.

— Ты спрашиваешь то, о чем знаешь сама.

— Сева, — выдохнула Майя, выстроив наконец, всю логическую цепочку. — Я сидела у вас дома, на моем любимом диване, и с умным видом рассуждала о том, что преступник застрелил Гоца из злости. Даже составляла психологический портрет убийцы... А дело оказалось проще: вы решили, что ваш зять Сева Бродников обязательно должен победить на выборах. Любой ценой. А школьный директор был его основным соперником. Сначала вы надеялись, что его обвинят в убийстве. А когда не получилось...

— Я всегда говорила Риточке: Сева слишком мягкотел, он не способен драться за свое — когтями и зубами, не на жизнь, а на смерть. В нашем роду все мужчины почему-то были таковы, поэтому и не задерживались надолго. Вот и Саша тоже: в нужное время не подписал какую-то бумагу (конечно, из благородства) — и пошел по этапу... — Она осуждающе покачала головой. — Зато Лика... Лика уедет в свое Кейп-Генри, и у нее будет совсем другая жизнь, достойная. У нее все будет хорошо.

— И как вы себе это представляете? — спросила Майя. — После того, что произошло?

— А что произошло? — искренне удивилась Вера Алексеевна.

— Три убийства. Первое, в Ницце, я в расчет не беру — ни один суд не примет к рассмотрению. Но остальное... Нет, вы точно сумасшедшая. Вы знали, что этомышеловка, вы могли просто не прийти сюда, и — как знать... Ни улики, ни свидетелей, одни мои догадки и домыслы. А теперь? Вы же понимаете: я должна все рассказать следователю.

Старуха вдруг мечтательно улыбнулась, и в глазах, подсвеченных настольной лампой, желтым неверным кругом, мелькнуло нечто...

— Ты права, Майечка. Именно так все и обстоит: ни улики, ни свидетелей. И ты ничего никому не расскажешь.

«...Нечто потустороннее, почти безумное. Я ошиблась в одном, — подумала Майя. — Она пришла сюда не за проявленными пленками Романа (она ни секунды в них не верила). Она пришла за мной. За тем самым единственным свидетелем и бестолковым самонадеянным сыщиком».

Старуха вдруг замахнулась — трость в ее руке описала полукруг, метая Майю в голову. От неожиданности Майя сделала шаг назад и потеряла равновесие, зацепившись за что-то. Тени заметались, лампа упала со стола, желтый круг света бешено завертелся, живо напоминая молодежную дискотеку в третьеразрядном баре... Майя взглянула на убийцу снизу вверх: лицо старухи, такое знакомое, почти родное, вдруг исказилось, будто поплыл расплавленный воск, и сквозь уродливые дыры проступила жутковатая маска ведьмы: крючковатый нос, бескровная линия рта, безумные глаза навывкате...

«Она пришла за мной».

А потом случилось и вовсе невероятное. Только что в руках ведьмы была палка — и вдруг палка исчезла, вместо неё возник откуда-то длинный узкий нож... Майя увидела металлический отблеск, желтовато-голубое на черном фоне, услышала визг, полоснувший по ушам словно опасной бритвой...

Дальнейшее она не помнила, тело сделало все само, без ее участия: развернулось на носке, пропуская атаку, подхватило вооруженную руку, будто приглашая на тур вальса (спасибо тебе, Артур, ты в очередной раз спасаешь свою бестолковую ученицу), чуть-чуть нажало на кисть, развернув клинок на сто восемьдесят градусов...

Она не видела этого. Очнулась только тогда, когда некто, растерянный и запыхавшийся, возник в дверях и дико закричал:

— Бабушка!!!

— Келли, — слабо сказала Майя.

Вера Алексеевна неподвижно стояла к ним спиной, будто вдруг задумавшись о чем-то своем, важном, потаенном... Прошла секунда — она повернулась и медленно опустилась на колени. Рукоять ножа нелепо торчала точно посередине груди, в ложбинке, и совсем не было видно крови, словно лезвие вошло не в живую плоть, а в давно и безнадежно высохшую мумию.

— Бабушка, — прошептала Келли.

Так же медленно, нехотя, Вера Алексеевна завалилась набок и осталась лежать, согнувшись, вмиг посерев и постарев лицом. Тонкие губы ее шевельнулись в последний раз, Майя наклонилась над убийцей и скорее поняла, чем расслышала:

— Молчи...

— Она умерла? — с пугающим спокойствием спросила Лика.

— Да, — сказала Майя.

Келли сделала шаг вперед и упала без сознания.

Она всерьез боялась, что эта ночь никогда не кончится: Земля тихо съехала с орбиты, как алкоголик с катушек во время очередного ударного запоя, и умчалась гулять по окрестному Космосу, взорвались разом все ядерные ракеты обеих сверхдержав, и наступила предсказанная учеными и писателями-фантастами ядерная зима...

И сама она, стоит лишь открыть глаза, снова окажется не в постели у себя дома, а в ненавистой школе, рядом с очередным трупом (где ты — там и смерть, пора бы привыкнуть, Джейн), оперативной группой, относящейся к ней как к слегка поднадоевшей полуграмотной родственнице из провинции, и хронически усталым следователем.

Помнится, она опять отвечала на какие-то вопросы, главным и самым назойливым был: «Какого черта вы приперлись сюда, Майя Аркадьевна? Что вас сюда тянет, как муху на гов... то есть на мед?» — «Но вы же сами сказали по телефону...» — делала она робкие попытки оправдаться. «Я?! Единственное, что вы могли сделать полезного, — это запереться у себя в квартире, на кухне... Нет, лучше в ванной, и пить чай из блюдца!» — «Да, вы правы, — слезы катились по щекам, и у нее не было даже сил вытереть их. — Вы правы, правы, правы...»

Он был прав, этот сволочный следователь, он был невыносим, нагл, циничен, но прав. Майя сделала над собой усилие и открыла глаза: утро. Оказывается, все-таки наступило утро. Легкий морозец (судя по градуснику), бледные солнечные зайчики на обоях, растворимый кофе с привкусом морковного салата, яичница с привкусом рыбьего жира, головная боль — и пустота, пустота...

«Я умерла».

Майя, уже одетая, в задумчивости остановилась перед зеркалом. «Странно, что я еще вижу себя в нем. Говорят, призраки не отражаются в зеркалах...»

Колчин не поздоровался (а действительно, расстались-то меньше суток назад), лишь молча кивнул на свободный стул, не отрываясь от своей писанины.

— Она была ненормальная? — спросила Майя.

Он нехотя поднял голову:

— Собственно, я вызвал вас, только чтобы сказать, что претензий к вам не имею, Майя Аркадьевна. Экспертизой установлено, что ваших отпечатков пальцев на оружии убийства нет, так что я не могу инкриминировать вам даже превышения необходимых мер... Да и самообороны как таковой не было — просто несчастный случай. Она сама наткнулась на собственный нож. Если вас это утешит.

Он положил на стол ручку с обкусанным концом (видимо, имел привычку грызть ее в минуты раздумий) и отвернулся к окну.

— Что еще? Вину Веры Алексеевны Костюченко можно считать доказанной: на ее трости, ближе к нижней части, обнаружены вмятины, микрочастицы крови и несколько прилипших волосков. Группа и резус совпадают.

— А пистолет?

— При обыске пистолет мы не обнаружили.

— Николай Николаевич, — с силой и тихим надрывом произнесла Майя, — умоляю, только скажите: она была ненормальной?

Он пожал плечами:

— Трудно определить точно. Психология — не алгебра, масса всяких «возможно», «с одной стороны, с другой стороны...». Нужно признать, у меня с самого начала возникло

ощущение... несообразности, что ли. Несоответствие целей и средств. Все-таки три убийства — это громадная нагрузка, и физическая (задушить, подвесить тело, пусть детское, на крюк, а перед этим забить до смерти здорового мужика), и душевная. Я-то по наивности считал, что к старости у человека появляется некий... скажем, страх перед Богом. Моя мама, уж на что атеистка, и то годам к шестидесяти стала ходить в церковь. А эта... Факты есть факты, но я никак не могу поверить, что она хотела только скрыть преступление, совершенное в шестилетнем возрасте. Несопоставимый риск.

— Она всерьез считала, что это может подорвать репутацию ее зятя, помешает ему получить место в Думе.

Колчин усмехнулся.

— Прямо «Чисто английское убийство». Одно смущает: почему она избирала такие разные способы? Палка, пояс от шубы Деда Мороза, пистолет... Обычно сумасшедший заряжен какой-то единой идеей: к примеру, душить свои жертвы (если не терпит крови) или резать на куски (если сдвинулся на почве черной магии). Наконец, почему она элементарно не застрелила вас в учительской?

— Не было пистолета. Выбросила.

— «Выбросила»... Что она, профессиональный киллер? Почему тогда не избавилась от трости? Почему даже не попыталась смыть с нее следы? Кстати, маска Бабы Яги тоже не найдена — видимо, успела уничтожить. Маску уничтожила, а трость, орудие убийства, главную улику, — оставила на память?

— Не пойму, куда вы клоните, — устало вздохнула Майя. Их обоих тяготил этот разговор, и оба никак не могли закончить его и благополучно разойтись, словно разводящиеся который год супруги. — Хотите сказать, что я убила не того человека? Или, может быть, я сама все подстроила, и не было никакого признания, и никто не пытался меня убить?

— Нет, нет, я не подозреваю вас ни в чем таком. Лика Бродникова наблюдала всю сцену от начала до конца, она подтвердила...

— Бедная девочка.

— Да уж, ей не позавидуешь.

— Как она оказалась в школе?

— Следила за вами. Она же поняла подоплеку вашего программного выступления: то есть что вы решили приготовить мышеловку и использовать себя саму в качестве сыра. Умно, ничего не скажешь.

— Иначе мы не вычислили бы убийцу. — Поймав ироничный взгляд следователя, она смутилась. — У меня из головы не идет эта злосчастная трость. Что-то в ней не так...

— Да, трость с секретом: кинжал, спрятанный в рукояти. Я попытался выяснить ее происхождение — согласно семейному преданию, брат Веры Алексеевны был хорошим краснодеревщиком. Его подарок.

— Его подарок, — вдруг забормотала Майя, прикрыв глаза и откинувшись на спинку стула (тот жалобно скрипнул). — Сегодня утром я смотрелась в зеркало, и что-то мелькнуло в голове, какая-то догадка, связанная с тростью... Не могу вспомнить.

— Интересно, — вздохнул Колчин. Ему не было интересно. — Мой вам совет, Майя Аркадьевна: забудьте обо всем. Ну, постарайтесь забыть. Отдохните, сходите в кино, в зоопарк...

— На виллу к губернатору, — пробормотала она.

— Хоть к черту на рога, — серьезно сказал он. — Вы у меня вот где. Дело закрыто.

— Я чувствую себя убийцей.

— На здоровье, хоть Ли Харли Освальдом. У закона к вам нет претензий. Давайте пропуск, я подпишу.

Уже в дверях кабинета, сжимая в руке пропуск, она робко обернулась. Следователь опять уткнулся в свои бумаги и сосредоточенно покусывал шариковую ручку.

— Где сейчас Келли? — спросила она.

— В Первой городской больнице, в неврологии. Хотите ее навестить? Я бы не советовал. Впрочем, у вас есть трогательная привычка: всегда поступать наоборот.

— До свидания.

— Слово «прощайте» мне нравится больше. Гreet сердце.

Майя вышла на улицу с чувством, будто после нескольких месяцев автономного плавания впервые открыла люк подводной лодки. Она посмотрела вокруг и с некоторым удивлением подумала: а ведь все как прежде. Облака плыли по небу, как и вчера, и три дня назад, молодая мамаша катила коляску с укутанным младенцем, стайка студентов Политеха гомонила у входа в шашлычную (цены в шашлычной были еще те, но и студенты, кажется, не отличались бедностью). Возле сине-белого «лунохода» лениво прохаживался милицейский сержант, похлопывая резиновым «демократизатором» по голенищу...

На противоположной стороне улицы нетерпеливо ходил взад-вперед Артур. Завидев Майю, он в два прыжка, не дожидаясь зеленого человечка на светофоре, перебежал дорогу, порывисто обнял, прижал к себе — она ощутила его колотящееся сердце даже сквозь толстую дубленку.

— Я только что узнал, — бессвязно-горячо заговорил он. — Господи, ты жива!

Он отстранился, разглядывая ее, словно не веря.

— Черти тебя раздери, Джейн, почему ты пошла туда одна? Тебе что, доставляет удовольствие меня мучить? Как ты могла, мать твою? Как ты могла?!

Действительно, как, подумала она. Как я посмела выжить среди этого плохонького фильма ужасов, где все кругом умирают, где все оружие взбесившейся планеты (так и не найденный пистолет, старинный кинжал, столько лет дремавший в рукояти трости) направлено против меня, где погибает кто угодно (тоже один из непреложных законов жанра), кроме одного-единственного свидетеля, по-настоящему опасного (Келли, близко видевшая убийцу, отделалась запиской-просьбой, а обо мне словно вообще забыли).

«Вот почему я осталась жива, — открылось ей вдруг, как высшее откровение. — Я выжила, потому что обязана была умереть». Майя вздохнула, возвращаясь в настоящее, и спросила:

— Ты на машине?

— Да, конечно, — спохватился он. — Куда поедем?

— В больницу.

Артур с сомнением посмотрел на ее заострившийся, словно у пламенной дурнушки-революционерки, профиль и покачал головой:

— В твоем состоянии только больных навещать. Давай-ка лучше я тебя отвезу домой. Поспишь, отдохнешь, потом сходим куда-нибудь пообедать. Как тебе такая идея?

Ей совершенно не хотелось спать, хотя организм был на последней стадии измотанности. А уж при мысли о еде вообще становилось дурно. Но и перечить сил не доставало. Майя равнодушно махнула рукой: делай что хочешь, и забралась на переднее сиденье.

— Что тебе сказал Колчин? — спросил Артур, трогаясь с места.

— Что я действовала в пределах необходимой обороны, — отозвалась она. — Претензий ко мне нет, дело закрыто.

— Но ты, похоже, недовольна, да?

Она посмотрелась в зеркальце над лобовым стеклом: ну и видок. Круги под глазами, ввалившиеся бледные губы, щеки с серым налетом — с такой физиономией прямая дорога в неврологию, обеспечивать лечащего врача материалом для диссертации. Майя поразмышляла несколько секунд и выдала то, что давно вертелось на языке:

— Пистолет... Как всем было бы спокойнее, если бы он нашелся. И почему я ее не спросила...

— Кого? Старуху? Так бы она тебе и ответила.

— Она собиралась меня убить (она и в школу пришла с этой целью, а вовсе не за фотокопиями). Она рассказала мне историю своей жизни, рассказала о первом убийстве — в

Нище, в тридцать девятом году... Нет, она бы рассказала и о пистолете, кабы я попросила.

— Все равно, — твердо проговорил Артур. — Убийца мертв, все кончено. И ты как хочешь, Джейн, а теперь я тебя ни на шаг от себя не отпущу.

Майя все-таки задремала. Ее тут же подхватило и унесло куда-то, в некое жутковатое место — хитросплетение узких коридоров, лестниц и пустых комнат, будто в компьютерной игре-«бродилке». Она должна была отыскать дверь наружу — она уже видела ее, но та вдруг начала закрываться с противным скрежетом, а ей еще предстояло спуститься по одной лестнице, подняться по другой, уворачиваясь от падающих скелетов, найти нужный тоннель, а откуда-то сверху, с небес, иезуитски улыбалась Снегурочка, обнимавшая чешуйчатого зеленого дракона, выдрессированного, как цирковой тюлень. И везде, всюду — зеркала, зеркала, зеркала, тысячи одинаковых отражений...

— Отдохнешь, справишься, — слышала она голос Артура, как сквозь толщу воды, — навестим Лику в больнице, я тебя провожу...

Провожу.

Выпровожу.

«Пять поросят»... Когда-то в юности комсомольский вожак Сева Бродников души не чаял в детективной литературе, доставая у «жучков» за бешеные деньги интеллигентного Сименона, пустоголового Чейза, изысканную Агату Кристи и непристойно крутого Николая Леонова с его одиссеей непотопляемого сыщика Гурова. Теперь времена кардинально изменились: издательства, множащиеся, как мухи-дрозофилы, в огромных количествах выплевывают на рынок свою пеструю продукцию, а Севка с детективов благополучно перескочил на предвыборные агитационные брошюры, с успехом заменившие ему и Чейза, и Леонова...

Провожу.

Выпровожу...

— Лера сейчас дома? — спросила Майя, очнувшись.

— Гм... Дома, наверное. Если не убежала гулять. На что она тебе?

— Хочу задать ей один вопрос...

— Опять? — Артур чуть не бросил руль.

— Один-единственный, — клятвенно пообещала Майя в сто двадцать седьмой китайский раз. — Последний.

— Очень надо?

— Очень.

Оставшуюся дорогу она безмолвно молилась, чтобы Валерия была дома. И Господь (или его вечный оппонент — кто их разберет) внял. Лера открыла дверь, пробормотала дежурное «здрасьте» и постороилась, пропуская Артура и Майю в квартиру. Майя шагнула в прихожую и сказала, опустив предисловия:

— Лера, вспомни, пожалуйста, тот день, когда мы были в супермаркете. Гриша увидел Бабу Ягу в витрине...

— Да, — отозвалась Лера с терпеливым интересом.

— Перед этим мы встретились в школьном вестибюле: кончился последний урок, вам выставили оценки за четверть...

— Вы собираетесь писать о нас книгу? — вежливо осведомилась девочка.

— Господи, конечно нет. Просто я хочу, чтобы ты...

— Что?

— Чтобы ты вспомнила как можно точнее. Твой папа спросил, как дела. Ты ответила: «Все в порядке, правда последнюю задачу...»

— Ах, это... Ну, я списала последнюю задачу у Веньки Катышева. Сама все равно в жизни бы не решила... А что, это преступление?

— Нет, Лерочка. Ты сказала не так. Ты употребила другое слово: не «списала», а...

Девочка пожала плечами:

— Какая разница?

— Большая, — задумчиво ответила Майя. — Просто огромная разница... Спасибо тебе. В глазах Леры промелькнул интерес.

— За что? Я ничего такого не сделала.

— Все равно спасибо.

Через пятнадцать минут Артур и Майя подошли к стеклянным дверям магазина: Майя впереди, строгая и решительная, как среднего водоизмещения ледокол, Артур — сзади, сердито и озадаченно вопрошающий:

— Ты можешь наконец объяснить, что происходит? Зачем тебе понадобились эти несчастные куклы?

— Потерпи, — коротко отвечала она, занятая своими мыслями.

— Но это нелепо. Их наверняка давно выбросили на помойку. Или сожгли к черту...

— Может быть. Но мне кажется, их унесли куда-нибудь в подсобку, до следующего Нового года.

— А если нет?

— Тогда придется нанести визит Леве Мазепе.

Однако и здесь ей повезло — сегодня ей фатально

везло во всем, казалось, еще чуть-чуть — и за спиной с треском расправятся жесткие перепончатые крылья, чтобы нести куда-то, где правит лишь тьма... Надо было бы ужаснуться — но Майя словно застыла. Ни страха в душе, ни сомнений, ни луча света.

После долгих препирательств и получения взятки в размере пол-литровой бутылки «Столичной» маленький и сморщенный старичок-сторож повел их вниз по скользким ступенькам, в ледяную мглу, сварливо бросив через плечо: «Головой не вдарьтесь, тута потолки низкие. Мне-то плевать...»

Позвенел ключами, отворил — дверь протяжно закричала, свалилась на пол лопата, сторож переступил через нее, прошаркал в дальний угол и принялся разбрасывать какие-то коробки, продолжая ворчать под нос: «Это все Никодимовна, мать ее через день. Я говорю, выбросить, а она уперлась — тащи в подвал, и все тут. Я бы ни в жизнь...»

Наконец он добрался до низа, вытащил нечто завязанное в мешковину и буркнул:

— Смотрите. Эти, что ли?

— Эти, — подтвердила Майя, когда Артур развязал бечевку.

...Дед Мороз у Левы Мазепы получился так себе: тщедушный, страдающий сколиозом и иезуитским прищуром напоминающий вождя мирового пролетариата. Мешок за его спиной вызывал ассоциацию с нищенской торбой: то ли дедушка по пути из Лапландии растерял по пьяни половину подарков, то ли прихватил мешок с единственной целью — собирать в него пустые бутылки. Зато диснеевской Белоснежкой Лева по праву мог бы гордиться: ее глаза с бесстыжей поволокой, крутые бедра и высокая грудь могли бы составить счастье любому фетишисту-одиночке. Майя отложила Белоснежку в сторону — и вытащила на свет густо припорошенную пылью Бабу Ягу.

Вряд ли в ней было что-то особенное — в этой страшненькой (а впрочем, скорее забавной) ведьмочке, рожденной в недрах мазеповской мастерской. Крючковатый нос, сгорбленная спина, вылинявшая кофта — и ярко-красная заплатка на линялом переднике, так и приковывающая к себе внимание, будто раздавленный жук на белой скатерти.

— Тебе это ничего не напоминает? — глухо спросила Майя.

— Это не похоже на Лерин костюм, — заметил Артур.

— Да, я знаю.

Она медленно выпрямилась, отряхнула пальто и подумала с некоторой тоской: надо идти. Надо вновь подняться по ступенькам, выйти на улицу, к людям, надев на себя лицо, хотя душа настоятельно требует одного: спрятаться под одеяло и зажмуриться, повторяя про себя бессмысленный рефрен: этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть... — впору подобрать какой-нибудь популярный мотивчик.

Вот ты и нашла своего маньяка, подруга Тарзана. Своего убийцу, свою чашу Грааля.

Тебе легче?

Нет, не легче. Наоборот.

Тогда зачем?

А исчезнувший пистолет, возразила она тому, кто внутри. А лакированная трость со спрятанным в рукоятке кинжалом? А фраза, произнесенная мальчиком-гномом: «Удирает...», а чертов Кейп-Генри с его дурацкими лужайками и аллеями для конных прогулок? А костюм Бабы Яги с нагло выпирающей заплаткой («В настоящем костюме должны выделяться две-три детали, остальные призваны служить фоном» — молодец, Валюша, ты подарила мне совершенно правильную идею...).

— Ты хочешь сказать, что Вера Алексеевна увидела в витрине Бабу Ягу и скопировала наряд, чтобы проникнуть на школьный вечер? — недоверчиво спросил Артур.

Майя отрицательно покачала головой. И выдала непонятное:

— Она должна была сама неплохо шить. Ей бы не понадобилась помощь...

Глава 21

В насквозь продуваемых аллеях на подступах к девятиэтажной башне было зябко и голо — дрожали в порывах ветра обледевшие ветви, кружились снежинки и пофыркивала паром раздолбанная карета «скорой помощи». «Тойота» припарковалась рядом, Артур заглушил мотор, но еще некоторое время они безмолвно сидели на своих местах, собираясь с духом — словно астронавты перед первым в истории выходом на Луну: ни черта героического или возвышенного, только напряженное ожидание какой-нибудь подлости.

— А вдруг там ее родители? — спросил он. — Ты сейчас не в том состоянии, чтобы вести переговоры.

— Переживу, — отстраненно сказала Майя.

В приемном покое им выдали белые простыни с завязками и по паре тапочек. «К Бродниковой, — сказала она. — Девочка, четырнадцать лет, поступила в неврологию вчера ночью». — «Знаю, — кивнула нянечка. — Депутатская дочка. Третий этаж, по коридору направо, десятая палата». — «У нее есть кто-нибудь?» — «Папаша приезжал недавно, на иностранной машине. Всех врачей на уши поставил, медсестрам — по коробке зефира в шоколаде, главному — коньяк... Заботливый». — «Он уехал?» — «Уехал. Там какая-то девочка в очках, с косой. Вроде подружка». Валя Савичева, поняла Майя.

Палата была двухместной, с умывальником, туалетом, телевизором и холодильником. И даже с неувядшей геранью на подоконнике — роскошь по нынешним российским меркам. Сева действительно расстарался ради единственного чада. Пока еще не депутат (нянечка немного опередила события), но девяносто девять из ста, что станет им в ближайшие сутки. Денег в семье сразу прибавится, и тогда он сможет заказать меня профессиональному киллеру, вяло подумала Майя. И может быть, даже купит мне место на центральной аллее кладбища: удобно, не нужно далеко таскать воду для полива...

Кровать справа была пуста. На левой лежала Келли — худенькая до прозрачности, казавшаяся маленькой и беззащитной под огромным одеялом, в бледно-зеленой домашней пижаме с симпатичным вислоухим щенком на груди слева. Тумбочка в изголовье была завалена апельсинами, конфетами и заставлена целой батареей пакетиков с натуральными соками. Похоже, Келли даже не взглянула на них. Рядом с кроватью на стуле сидела Валя Савичева и держала больную подругу за руку. Обе были неподвижны и обе молчали.

Майя деликатно кашлянула. Валя встрепелась и порывисто поднялась навстречу.

— Здравствуйте. Я уже ухожу. — И засуетилась, собираясь. Потом наклонилась над Ликой и чмокнула ее в щеку. — Я заскочу вечером, хорошо?

— Конечно, — отозвалась та. Радости в ее голосе не ощущалось. Вообще ничего не ощущалось.

— Как она? — тихо спросила Майя, задержавшись в дверях.

Валя пожала плечами:

— Лежит, молчит. Ничего не ест. — Она поежилась. — Майя Аркадьевна, неужели это правда? Ну, все, что случилось...

Майя кивнула. Наверное, девочка втайне ожидала от нее другого — может быть, уверения, что на самом деле ничего страшного не произошло, что ночной кошмар, вызванный слишком обильным ужином, кончился и все живы, включая красавицу Софью в дореволюционном особняке на Невском.

— Ужас. А ведь мне она нравилась... Вы всё знаете: скажите, зачем она подбросила мне записку? Лике — понятно... Но мне?

— Не знаю, милая, — виновато сказала Майя. — Взрослые вообще не такие умные, какими кажутся.

Валя ободряюще улыбнулась подруге и выскользнула из палаты, прикрыв дверь за собой. Майя присела на стул и поправила на Келли одеяло. Та не пошевелилась.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — идеально ровный, ничего не выражающий голос, то же ощущение, что и в ледяной аллее по дороге сюда — пусто и голо, ни листвы, ни луча. Ни души.

Майя замолчала в нерешительности — она никак не могла начать разговор.

— Следователь сказал, что ты подтвердила мои показания. Если бы не ты, меня бы, наверное, арестовали.

— Надо же, — так же безучастно произнесла Лика. — Эта трость была у нас дома сколько я себя помню. Я даже играла с ней и не подозревала, что в рукояти спрятан нож...

— Никто не подозревал, — эхом отозвалась Майя. — Никто... И убийца в том числе.

Стояла тишина — было полное впечатление, будто вся больница в одночасье опустела: больные и персонал, довольные друг другом, разошлись по домам, даже инвалиды и лежачие, разобрав «утки», разъехались на своих дребезжащих каталках, только в единственной палате, под номером десять, шелестели голоса-призраки, да громко, на все отделение, капала вода в умывальнике.

— Мотив — вот что мне не давало покоя. Следователь высказал мысль, что Вера Алексеевна была... гм...

— Сумасшедшей, — подсказала Келли.

— Я не поверила. Я видела ее глаза в тот момент, когда она замахнулась на меня ножом, и потом все время думала о них, пыталась вспомнить их выражение... И все больше приходила к выводу: они не были безумными. В них была решимость, ярость, даже злость — но не безумие. Вера Алексеевна преследовала вполне определенную цель — якобы она хотела скрыть преступление, совершенное шестьдесят лет назад в Ницце.

— И вы снова не поверили, — глухо проговорила Лика.

— Не поверила. Я спросила у Веры Алексеевны, как она проникла в школу во время дискотеки. Она ответила, что через черный ход, сбоку от актового зала... Так вот, она сказала неправду, Келли. Потому что в тот момент задняя дверь была заперта, Еропыч открыл ее только спустя полчаса, чтобы выпустить Гоца. Твоя бабушка не могла знать об этом. Но самое главное, на чем споткнулся настоящий преступник, — это трость. В ее рукояти был спрятан нож, идеальное орудие убийства, почему же он не пустил его в ход? Ответ один: человек, убивший Эдика Безрукова, не знал о секрете трости, которую держал в руках. Ты понимаешь, о чем я?

Келли молчала. Личико ее, утратившее детскую припухлость, еще больше заострилось, сухие глаза смотрели куда-то мимо Майи, мимо Артура — в одну точку на стене...

— Бабушка призналась, — выдавила она. — Все слышали, она призналась в убийстве.

— Она призналась, — подтвердила Майя. — Она поняла, что я слишком близко подошла к убийце, и сделала все, лишь бы отвести от него подозрение. Она и умерла только для того, чтобы убийцу не разоблачили. Она могла поступить так ради единственного на земле человека.

Ради своей внучки. Ради тебя, Анжелика.

Майя ожидала чего угодно — взрыва, слез, истерики, оправданий... Келли не пошевелилась, даже не изменила направление взгляда, и ее руки с прозрачно-тонкими запястьями все так же неподвижно лежали поверх одеяла.

— Тебе очень хотелось, чтобы твой папа победил на выборах, верно? Тогда ты смогла бы поехать учиться в свой колледж... Ты ведь мечтала только об этом — об их красивой форме, о зависти одноклассниц, о престиже (еще бы, одно из старейших учебных заведений, почти Кембридж или Оксфорд!), о постриженных лужайках, конных прогулках по частному парку... А всего-то и требовалось: уничтожить старую потрепанную тетрадь...

Лица едва заметно улыбнулась — похоже, Майино высказывание ее позабавило.

— Теперь вы подозреваете меня?

— Нет, Келли, нет... Это вы с бабушкой подозревали друг друга: ты увидела человека в костюме Бабы Яги возле двери музея, а Вера Алексеевна обнаружила дома пропажу своей трости и подумала прежде всего на тебя. А трость взял преступник, чтобы отвести от себя подозрение... Я понятно говорю?

— Я же не маленькая.

— Вы подозревали друг друга — и прикрывали друг друга, поэтому ты так долго молчала о дневнике.

— А бабушка...

— Бабушка не поджигала музей. Когда-то, в детстве, они с братом застрелили человека. Но школьного охранника, Гришу и Гоца убила не она.

— А кто? — спросила Анжелика без особого интереса.

Майя помолчала, собираясь с силами.

— Тот, кто очень хотел, чтобы у тебя все получилось. Кто мечтал уехать вместе с тобой в Америку — ведь ты однажды обещала это, помнишь?

Лица озадаченно нахмурилась.

— Откуда вы знаете? Это была наша тайна...

— Лера однажды проговорила. Она получила тройку по физике, Артур сказал: «А еще собираешься в политех...» Она ответила: «Наверстаю. Это Валя у нас круглая отличница, но ей положено: они с Келли собрались в Штаты рвать». Ты-то об этом разговоре давно забыла. А твоя подруга восприняла все всерьез...

— ЗАТКНИСЬ!!!

Вопль был дикий, совершенно нечеловеческий, полный ярости и какой-то абсолютно запредельной тоски — такой, что волосы на голове поднялись дыбом. На Майю накатил странный столбняк — тело будто сковало льдом, и даже многоопытный Артур с его хваленной реакцией опоздал на долю секунды.

Валя Савичева, маленький злобный зверек, стояла в дверях, сжимая пистолет в вытянутых белых от напряжения руках.

— Келли, не слушай ее! Не слушай, что она говорит! Она все врет!!!

Палец на спусковом крючке. И слишком большое расстояние, чтобы попытаться дотянуться, или броситься на пол, или...

Майя и не пыталась. Для этой девочки, вооруженной совсем не детским пистолетом (тем самым — с ним, как с последним аргументом в свою защиту, школьный директор пришел ко мне в новогоднюю ночь и из него получил пулю в сердце), она была сейчас врагом номер один. Воплощенным Злом. И черный глазок холодно и спокойно смотрел ей в грудь, на уровне солнечного сплетения. Туда, куда Вере Алексеевне, взявшей на себя чужой страшный грех — грех убийства, вошел клинок, сработанный ее братом. Вот и настало для тебя время платить по счетам, подруга Тарзана. Лишь один вопрос еще казался ей важным, у порога смерти...

— Зачем ты это сделала, Валя? ЗАЧЕМ?!

— Я сказала, заткнись! Сука, если бы не ты... — Девочка с усилием оторвала ненавидящий взгляд от Майи и посмотрела на Лику. В ее глазах — Майя поклясться бы могла! — появилась вдруг самая настоящая нежность. — Келли, честное слово, я только

ради тебя... Помнишь, мы болтали после уроков — тогда еще математичка заболела... Помнишь?

— Да, — сказала Лика одними губами.

Валя вдруг обмякла и коротко рассмеялась, будто услышала что-то забавное. Майе был знаком этот смех: с того новогоднего вечера, когда она стояла у окна в пустом кабинете истории, в руке был бокал с ликером, и все были живы, живы, живы... И золотистые песчинки кружились у самого дна.

— Ты говорила, что возьмешь меня с собой в Штаты, учиться в колледже. Мы мечтали, как это будет здорово: сидеть за одной партой, вместе ходить вечером в бар, играть в поло... *Ты помнишь?*

Дверь в палату отворилась, вошел Колчин и тихо сказал:

— Валюша, все кончено. Отдай пистолет.

Она, будто не слыша, на негнущихся ногах шагнула вперед. Указательный палец еще лежал на крючке, и пистолет еще был опасен, но из такого положения уже не стреляют. Майя перевела дыхание. Кажется, смерть опять промахнулась.

— Я никому не хотела делать больно. И Грише, хотя он иногда бывал такой противный... Какого черта ему не плясало на дискотеке!

— Он видел тебя в костюме ведьмы, да?

— Я как раз оттащила охранника в кабинет истории, оглянулась — он стоит в дверях, в желтом костюмчике с капюшоном, и смотрит... А у меня маска съехала набок — конечно, он меня узнал.

— А потом ты велела ему указать на школьного директора, — еле слышно сказала Майя.

Валя всхлипнула — пополам с рвущимся наружу смехом, предвестником истерики.

— Я сто раз ему говорила: тебе нечего бояться. Только скажи следователю, что видел в коридоре человека в костюме Деда Мороза (против Василия Евгеньевича я тоже ничего не имела — просто на него так удобно было все свалить). А Гриша... Он все время пялился в зеркало в вестибюле — где я отражалась... А потом вдруг улыбнулся и подмигнул. Он бы выдал меня — рано или поздно. Поэтому мне пришлось... Лика, я не хотела! Я бы все сделала — я же купила ему этого несчастного Бэтмена! Я бы и гонки ему подарила — *но где бы я взяла столько денег?!*

Она сделала еще шаг и опустилась на корточки рядом с кроватью Келли. Она уже ничего не просила и ни на что не надеялась.

— Теперь ведь все равно, да?

Анжелика протянула руку и неловко дотронулась до Валиных волос.

— Наверное, да.

— Скажи честно, это важно для меня... Ты бы меня не обманула? Ты правда взяла бы меня с собой?

— Правда, — мягко сказала Келли.

И Валя наконец расплакалась — бурно, взхлеб, словно прорвало плотину. Ненужный теперь пистолет выскользнул из пальцев, она свернулась калачиком на полу, подтянув колени к подбородку, черная коса распалась, и волосы, роскошные, шелковые, предмет острой зависти всех куце остриженных одноклассниц, накрыли ее с головой...

Когда-то, еще прошлой весной, вдвоем копаясь в Ликиных видеокассетах (стандартный набор: два «Терминатора», четыре «Чужих», «Титаник» и «Водный мир» с Кевином Костнером), Майя с некоторым удивлением обнаружила «Поющих под дождем» — культовый фильм конца пятидесятых. Теперь она узнала, что Келли придумала себе кличку в честь актера и режиссера Джина Келли, предмета поклонения поствоенных эстетов. Кроме того, ей открылось, что Лика, оказывается, обожает Поля Мориа и Джеймса Ласта и терпеть не может «Ласковый май» («Врубаю его, только когда хочу предков позлить. Ну, или еще кого-нибудь»), из еды любит манную кашу, а из шедевров кинематографа — «Семнадцать

мгновений весны». Словом, решительно не соответствует имиджу, который сама же лелеяла все эти годы («Только не говорите никому, тетя Джейн. Засмеют еще»). Она ласково потрепала девочку по волосам: «Я — могила».

— А папа уезжает в Москву, — вздохнув, сообщила девочка. — Будет заседать в своей Думе. Он говорит, что вопрос о колледже для меня уже решен, а мне совсем не хочется ехать. Странно, да?

Они помолчали.

— Вы придете еще?

— Обязательно, — сказала Майя. — Хочешь, чтобы я что-нибудь принесла?

Келли секунду подумала и покачала головой:

— Ничего не хочу. Приходите сами: просто поговорить.

— Тебе нужно поговорить с мамой, — сказала Майя. — Она сейчас нуждается в тебе.

Уже выйдя из больничного корпуса, она оглянулась и посмотрела наверх. Анжелика торчала в окне третьего этажа и смотрела ей вслед — кусочек зеленой пижамы со слишком, пожалуй, широкими рукавами для худеньких рук, и, кажется, впервые за эти дни неуклюжее подобие улыбки на лице.

— Старуха ошиблась, — задумчиво проговорил Артур, открывая дверцу машины. — Она подозревала собственную внучку. А я подозревал Леру...

— Мы все ошибались, — сказала Майя. — Хотя я давно должна была догадаться... Помнишь, когда мы встретились в школьном вестибюле, Лера сказала: «Последнюю задачу пришлось „содрать“ у Веньки Катышева...» «Содрать» на школьном жаргоне означает «срисовать» или «списать»... Позже, в магазине, она при нас похвалила свою подружку: «Валька знаете какие костюмы придумывает! Закачаешься!» Гриша посмотрел на Бабу Ягу в витрине и возразил: «Сдирает».

— «Сдирает», — пробормотал Артур. — «Удирает»... Да, ты права. Разница та же, что и между «провожаю» и «выпровожаю».

— За несколько дней до этого Валя увидела в витрине куклу, сочиненную Левой Мазепой, и не долго думая скопировала костюм. Именно в нем Валя была на третьем этаже в коридоре. И именно в нем убила охранника.

Вечером в электричке, когда мы ехали к вам на дачу, она сокрушалась: «Какой из меня свидетель? Я ничего не заметила...» И при этом довольно точно описала предполагаемого убийцу, да только в двух случаях по-разному: сначала школьного директора в костюме Деда Мороза (шуба, валенки, посох), а затем, когда версия благополучно провалилась, она постаралась перевести внимание на Леру в наряде ведьмы («Что-то красное, но не яркое, а скорее поношенное, понимаете?»). Келли запомнились лишь необычные башмаки, передник и алая заплатка — тогда я впервые подумала: а вдруг на дискотеке было две разные Бабы Яги? С первой все было ясно, но вторая...

Она пришла на дискотеку без карнавального наряда, однако с довольно объемистым молодежным рюкзачком за спиной. Стекланный шприц взяла у мамы в аптечке (тот хранился с незапамятных времен: Валя однажды переболела воспалением легких, мама делала ей инъекции). Трость потихоньку «позаимствовала» у Веры Алексеевны — та, обнаружив пропажу, в первую очередь подумала на внучку. Что еще? Переоделась под лестницей (невысокая девочка там запросто может спрятаться), поднялась, охранник заметил и пошел следом — что-то показалось ему подозрительным. Остальное тебе известно.

— А Гоц? — спросил Артур. — Почему он так легко открыл ей?

— Она следила за мной. Узнала, что директор прячется у меня в квартире. Потом увидела, как я кладу пистолет в тайник, взяла его оттуда, позвонила в дверь и сказала примерно следующее: «Меня прислала Майя Аркадьевна. Она сейчас у следователя, участвует в опознании, а вам велела передать, что прятаться больше не нужно, настоящий убийца арестован». Гоц обрадовался — он так ждал этого момента, что потерял бдительность. Открыл дверь, выпустил Вальку в квартиру — и получил пулю.

Майя помолчала. Снова пошел снег — белые влажные хлопья (к оттепели), похожие на клочки ваты, таявшие на влажной крыше Артуровой «тойоты». Она посмотрела на часы и вдруг заторопилась.

— Ты домой? — спросил Артур. — Я подвезу.

— Спасибо, я сама доберусь. Мне нужно заглянуть в прокуратуру напоследок.

Он удивился:

— Я думал, дело закрыто.

— Так и есть. — Она мягко улыбнулась ему. — Поговорим потом, ладно?

Она сделала движение, чтобы уйти, но он вдруг взял ее за руку — решительно, словно преодолев какой-то барьер.

— Подожди. Я хотел тебе сказать... — Он смутился и покраснел, как примерный школьник, забывший стихи о Ленине. — Словом, я подумал: ты одна. Я тоже один (если не считать Леру), и, по-моему, я тебе не безразличен.

— Артур, милый...

Он требовательно смотрел на нее — как Малдер на свою Скалли, или Майкл — на Никиту (не тяну я на Никиту: «Старовата, глаза потеряли блеск, да и ноги значительно короче» — вспомнилось где-то вычитанное). Надо было что-то сказать. Он напряженно ждал, не выпуская ее руку, — наверное, он имел на это право, столько всего было пережито вместе за последние дни, что он действительно имел право услышать «да»...

Я скажу «да», подумала она, и будь что будет. И сказала дурацкое:

— Я тебе позвоню. Попозже, хорошо?

Повернулась и неуверенно пошла прочь, к автобусной остановке за воротами подъездной аллеи. Потом ускорила шаг, потом побежала.

Она очень боялась опоздать к назначенному сроку, поэтому приехала раньше. И еще некоторое время (она не знала, сколько именно: минуты, часы или месяцы) стояла напротив массивных дверей под старомодным длинным козырьком и разглядывала страшноватые морды лепных горгулий на концах водосточных труб. Она уже почти отчаялась, когда дверь наконец отворилась и Роман неуверенно, точно боясь поскользнуться, вышел на крыльцо здания прокуратуры. Он был, как обычно, без шапки, в любимой кожаной куртке и слегка лохматый, напоминая от этого сильно подросшего и похудевшего щенка сенбернара. Небо было затянуто облаками, но он щурил глаза, словно от яркого света.

Он ничего не сказал, увидев ее. Просто слегка развел руки в стороны, и она с разбега уткнулась ему в грудь, разом забыв обо всем на свете. Древний погребальный костер викингов вспыхнул в ее сознании, взметнулся ввысь, обогрив небеса, и величаво поплыл навстречу одноглазому Одиному убитый Гоц («Славного тебе пира в Вальхалле, и пусть земля тебе будет пухом — твой убийца схвачен, да что с того!»), исчез из мыслей красавец и чемпион Артур («Судьба жестоко обошлась с тобой — но ты сильный, ты выдержишь, и... у тебя осталась Лера, которую тебе удалось спасти»), сгинул в небытие Севушка Бродников («Кажется, его самые смелые мечты вот-вот исполнятся: обитое раритетным красным сукном кресло с кнопочным пультом для тайного голосования, всенародная любовь и закрытый буфет для избранных. И, черт возьми, я так рада за него!«)

«Черт возьми, я рада за всех вас!»

Ей хотелось сказать ему очень многое — единственному мужчине в мире, тому, кого она, как оказалось, ждала всю жизнь, но слова мешали друг другу, застревали в горле, и Майя, с трудом выстроив их в более или менее лаконичную фразу, спросила:

— Ты голодный?

Роман кивнул. Она доверчиво прижалась к нему и больше не отпускала до самого дома.

*Пенза ,
январь 2000 -
февраль 2001*